

Министерство образования Российской Федерации

**Уральский государственный педагогический
университет**

**МНОГОЗНАЧНОСТЬ
В ЛЕКСИКЕ
СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА**

Екатеринбург
1999

УДК 413.0 = 82

ББК Ш 141.2

Многозначность в лексике современного русского языка:
Монография / Под ред. А. П. Чудинова. Урал. гос. пед.
ун-т. Екатеринбург, 1999. 446 с.

В монографии исследуются закономерности семантического варьирования в русской лексике. Наиболее полно анализируются закономерности многозначности и речевого варьирования семантики имен и глаголов, взаимосвязи между многозначностью и частотностью слова, зоны развитой многозначности и варьирование значения слов в художественных и политических текстах. Монография адресована специалистам по языкознанию, студентам и аспирантам филологических факультетов.

Ответственный редактор А. П. Чудинов

Рецензенты: д-р филол. наук, проф. З. И. Комарова
(Урал. гос. ун-т)
канд. филол. наук, доц. С. А. Еремина
(Урал. гос. пед. ун-т)

ББК Ш 141.2

ISBN 5-7186-0291-3

© Уральский государственный
педагогический университет,
1999

Содержание

Предисловие	5
Введение	8
Глава 1. Регулярная многозначность	16
1.1. Регулярная многозначность глаголов	19
1.2. Регулярная многозначность существительных со значением родства	30
1.3. Регулярная многозначность отзоонимных прилагательных	67
1.4. Актуализация периферийных сем во вторичных значениях глаголов	122
Глава 2. Регулярное речевое варьирование	141
2.1. Регулярное речевое варьирование глагольной семантики	145
2.2. Регулярное речевое варьирование семантики существительных со значением родства	157
Глава 3. Многозначность слова и частота его употребления в речи	181
3.1. Многозначность глагола и его частотность	181
3.2. Частотность моделей глагольной многозначности	190
Глава 4. Зоны многозначности	245
4.1. Критерии дифференциации зон многозначности ...	246
4.2. Зона широко развитой многозначности	259
4.3. Грамматические свойства слов с широко развитой многозначностью	264
4.4. Лексико-семантическая систематизация слов с широко развитой многозначностью	281
4.5. Стилистическая и социолингвистическая систематизация слов с широко развитой многозначностью	291

Глава 5. Семантическое варьирование слова	
в тексте	
5.1. Метафорическое моделирование в агитационно-политических текстах	304
5.2. Модели функционирования темпоральных существительных в поэтическом тексте	355
5.3. Семантическое варьирование местоимений в литературно-критических текстах эссе XX века	377
5.4. Семантическая структура концептов <i>жизнь</i> и <i>смерть</i> в поэзии М. Цветаевой	386
Заключение	426
Библиографический список	430

Предисловие

В современной лингвистике активно продолжается изучение системности лексико-семантических вариантов в составе многозначного слова. Значительный интерес представляет анализ семантической структуры слова с точки зрения количества значений и характера их взаимосвязи: противопоставление однозначных и многозначных слов (Кузнецов А.М., 1980; Матюшева Е.К., 1995; Муране С.Н., 1977; Новиков Л.А., 1982; Пелепейченко Л.Н., 1994; Шанский Н.М., 1972; и др.), многозначности и семного варьирования в пределах одного значения (Гак В.Г., 1976; Никитин М.В., 1988; Стернин И.А., 1985; Чудинов А.П., 1988; Шмелев Д.Н., 1977; и др.), выделение группы самых многозначных слов в ее отношении к остальной лексике (Денисов П.Н., 1984; Кретов А.А., 1993; Селиверстова О.Н., 1975; Плотнокова С.В., 1996; Чудинова Е.А., 1998; и др.), дифференциация зон многозначности в соответствии с количеством значений у слов и-автономное исследование выделенных зон (Есимкулов Б.Н., 1995; Ольшанский И.Г., 1991; Поликарпов А.А., 1987; Попкова Л.М., 1994; Харченко В.К., 1990; Чудинова Е.А., 1998; и др.) или отдельных слов (групп слов) в составе указанных зон (Алресян Ю.Д., 1992; Багичева Н.В., 1995; Лисицына Е.Н., 1988; Мартинович Г.А., 1979; Цыганкова А.В., 1998; и др.), анализ синонимических и антонимических связей многозначных слов (Черняк В.Д., 1994; Кусова М.Л., 1997; и др.). Эти исследования создали серьезную научную базу для комплексного описания многозначности в современном русском литературном языке.

Изучение взаимосвязей между значениями слова, между многозначностью и частотностью слова, исследование грамматических, лексико-грамматических, лексико-семантических, стилистических и иных свойств многозначных слов, выделение и комплексное описание моделей многозначности – все это имеет важное значение для выявления общих закономерностей русской полисемии. Даже само по себе число значений слова – это не просто количественный показатель, своего рода статистическое зеркало труда лексикографов, но и качественный показатель специфичности семантики слова, опосредованное отражение на-

ционального менталитета, истории слова, особенностей его семного состава, стилистических свойств, синтагматических связей, грамматических свойств, частотности употребления и целого ряда других характеристик. Как писал один из основоположников современной семасиологии М.М.Покровский, «вариации значений слов, с виду капризные, в действительности подчинены строгим законам» (Покровский М.М., 1959, с.167). Исследование закономерностей русской многозначности может способствовать не только познанию этих законов, но одновременно и постижению взаимосвязи между многозначностью слова и его другими системными свойствами, выявлению факторов, способствующих и препятствующих развитию многозначности у отдельных слов и их групп.

В данной монографии обобщены результаты ряда диссертационных исследований, выполненных преимущественно в Уральском государственном педагогическом университете в рамках коллективной темы «Современная русская лексическая многозначность» под руководством А.П.Чудинова. Авторский коллектив объединяет не только сходство тематики научных интересов, но и близость исходных теоретических позиций, методологии и методики исследования. Данная монография написана коллективом авторов под общим руководством проф. А.П. Чудинова. Им же написано Предисловие, Введение, главы 1, 2, 5, раздел 1, глава 2, раздел 1, Заключение. Авторы других глав и разделов: Н.В.Багичева – глава 1, раздел 2; глава 2, раздел 2; Е.В.Дзюба – глава 5, раздел 4; В.Н.Капленко – глава 5, раздел 2; С.В.Плотникова – глава 3; Н.Б.Руженцева – глава 5, раздел 3; С.Д.Томилова – глава 1, раздел 4; Ю.Б.Феденева – глава 5, раздел 1; А.В.Цыганкова – глава 1, раздел 3; Е.А.Чудинова – глава 4.

Содержание данной монографии определяется не только научными интересами авторов, но и их представлениями о наиболее актуальных проблемах исследования современной русской лексической полисемии. Представляется, что для постижения закономерностей лексической многозначности принципиально важно разграничить, с одной стороны, собственно лексическую многозначность и смежные явления (омонимию, моносемию и особенно речевое варьирование), а с другой – дифференцировать ведущие типы многозначности (многозначность

языковую и речевую, регулярную и нерегулярную), выделить и охарактеризовать основные зоны многозначности (зона слабо развитой многозначности, зона развитой многозначности, зона широко развитой многозначности). Важно не только теоретически разграничить указанные феномены, но и выявить специфические черты каждого из них, и на практике проверить действенность используемой методики анализа языкового материала. Еще одна важная задача – проанализировать взаимодействие многозначности с лексическими, грамматическими, стилистическими и иными свойствами слова, а также взаимодействие многозначности и частотности, многозначности и жанрово-стилистических и иных особенностей текста.

Вместе с тем следует отметить, что в настоящей монографии не рассматривается ряд очень важных проблем, непосредственно связанных с теорией лексической многозначности. Это прежде всего метафора и метонимия как факторы развития многозначности слова, теория «семантических расстояний» в ее применении к семантической структуре лексемы, проблемы языковой картины мира и др.

Авторы выражают признательность Л.Г. Бабенко, Т.А.Гридиной, С.А. Ереминой, З.И. Комаровой, Т.В. Поповой и другим специалистам, которые заинтересованно и доброжелательно прочли рукопись и своими ценными советами способствовали ее совершенствованию.

Введение

Способность слова к семантическому варьированию – это естественное свойство, необходимо вытекающее из самой сущности языка. Словарный состав всякого языка ограничен и несоизмерим с бесконечным разнообразием реальной действительности, для обозначения которой служат словесные знаки. Важнейшая черта всякого живого языка – это его способность «к свободному знакообразованию, благодаря которой человеческий язык, в отличие от всех прочих, жестко фиксированных знаковых систем, может быть использован для описания бесконечного множества самых разнообразных ситуаций – как известных говорящему (и всему языковому коллективу) из предыдущего опыта, так и совершенно новых; как реальных, так и воображаемых, фантастических» (Бархударов Л.С., 1984, с.4). Следовательно, появление у слова новых значений, как и разного рода речевых модификаций, носит вполне закономерный характер, вариативность не препятствует, а способствует успешной коммуникативной деятельности человека.

В современной семасиологии прочно утвердилась отчетливая дифференциация двух типов варьирования семантики слова: речевого варьирования (в других терминах «семное варьирование», «варьирование актуальных смыслов», «коммуникативная модификация значения») и лексико-семантического варьирования значения (Шмелев Д.Н., 1964, 1973; Гак В.Г., 1976; Кубрякова Е.С., 1986; Стернин И.А., 1985; Чудинов А.П., 1986, 1988; и др.).

Изменение значения слова (лексико-семантическое варьирование) приводит к многозначности, при которой у слова наблюдается несколько значений (в том числе окказиональных), каждое из которых имеет особую понятийную и денотативную соотнесенность. Речевое варьирование отличают «малозаметные изменения семантического отношения, происходящие вследствие того, что обозначаемое данным словом явление предстает в своих различных аспектах» (Гак В.Г. 1976, с.89), при этом происходит изменение значимости отдельных сем в коммуникативном акте, реализуются потенциальные свойства словесной семантики. Чтобы терминологически разграничить преобразование значения при речевом (семном) и лексико-семантическом варьировании, первый тип варьирования целесообразно называть модификацией значения, а второй – изменением значения. Коммуникативная модификация лексического значения обязательна при всяком словоупотреблении, в ее результате возникает характерный только для данного словоупотребления актуальный смысл.

Хотя важность дифференциации лексико-семантического и семного варьирования словесной семантики широко признана, при необходимости конкретной квалификации того или иного словоупотребления встречаются значительные трудности, имеющие как субъективный (степень изученности данной проблемы), так и объективный характер. Главная объективная причина сложности разграничения многозначности и речевого варьирования – реальное существование зоны переходности на рубеже указанных типов семантического варьирования. По словам О.Н.Селиверстовой, между очевидными вариантами значений и особыми значениями может располагаться множество промежуточных случаев, которые характеризуются, как «скорее значение, чем вариант, и наоборот» (Селиверстова О.Н., 1975, с.27); другой исследователь определяет подобные случаи как «немонодичную однозначность или, напротив, не определившуюся еще многозначность» (Моисеев А.И., 1972, с.92), сходные определения словоупотреблений, находящихся на границе между многозначностью и речевым варьированием, содержатся в публикациях К.С.Горбачевича и Ф.П.Сорокалетьева, С.Н.Муранова, И.А.Стернина, А.П.Чудинова и ряда других исследователей.

Следует согласиться с исследователями, отмечающими отсутствие отчетливых границ между многозначностью и речевым варьированием: здесь, как и везде в языке, много переходных, синкретичных по своей природе явлений. Границы между лексико-семантическим и семным варьированием действительно трудноуловимы, диффузны, но они объективно существуют, и поэтому представляется вполне закономерным автономное исследование этих различных, хотя и взаимосвязанных типов семантического варьирования.

Специальный анализ материала (более 20 тысяч словоупотреблений) показывает, что при дифференциации многозначности и речевого варьирования словесной семантики могут быть использованы следующие критерии.

1. Лексикографический. Лексико-семантическое варьирование воспринимается лексикографами как факт языка и поэтому относительно последовательно фиксируется в толковых словарях, тогда как семное варьирование воспринимается как факт речи и в толковых словарях, как правило, не отражается.

2. Компонентный. При лексико-семантическом варьировании изменяется состав обязательных категориальных и дифференциальных сем. При семном варьировании изменения менее существенны: происходит актуализация или нейтрализация факультативных и ассоциативных признаков, изменяется степень яркости обязательных сем.

3. Парадигматический. При лексико-семантическом варьировании изменяется компонентный состав слова, что приводит к преобразованию парадигматических связей слова; в таких случаях нередко изменяется принадлежность слова к лексико-семантической группе. Для семного варьирования подобные изменения не характерны.

4. Синтагматический. Следствием преобразования значения слова может быть изменение его синтагматических связей (лексическо и грамматической сочетаемости). При семном варьировании синтагматические связи слова не изменяются.

Амплитуда семантических модификаций при речевом варьировании не так велика, как при многозначности, однако вполне может привести к нарушению коммуникативного контакта между говорящим и слушающим уже при использовании слова в первичном значении. Ср.: «*Вы танцуете?*» – спросил Тарутин. «*Что?*» – «*Я спрашиваю, вы любите танцевать?*» – «*Я!?* Честно говоря, как-то не очень» (Штемлер И.). Показательно, что во второй реплике по-новому формулируется вопрос, конкретизируется актуальный смысл глагола. Дело в том, что уточнение «*Вы любите танцевать?*» не является единственно возможным: в данной ситуации (собеседники ужинают в ресторане) новая реплика могла звучать и по-иному: *Вы умеете танцевать?*, *Часто ли вы танцуете?*, *Вы хорошо танцуете?*, в других коммуникативных условиях вопрос *Вы танцуете?* мог бы быть конкретизирован иначе: *Вы все еще танцуете или уже закончили?* *Вы называете это танцем?* *Значит, вы уже здоровы?* *Вы – артист балета?*

Очевидно, что все названные реплики конкретизировали бы актуальные смыслы, каждый из которых не противоречит первичному значению глагола *танцевать*, и использование названных выше критериев позволяет отнести рассматриваемые здесь актуальные смыслы к проявлениям речевого варьирования.

При исследовании закономерностей и лексико-семантического, и семного варьирования особенно важно обнаружить типовые направления преобразования словесной семантики как важную часть организации и функционирования лексической системы, охарактеризовать модели регулярной многозначности и регулярного речевого варьирования в русской лексике.

Регулярными в настоящей монографии называются такие семантически близкие вторичные значения, которые мотивированы семантически близкими производящими значениями. Следует согласиться с Ю.Д. Апресяном, который отмечает, что для признания вторичных значений регулярными в принципе достаточно параллелизма семантиче-

ских структур двух слов (Апресян Ю.Д., 1974, с.192), однако в действительности количество однотипных вторичных значений, как правило, значительно больше. Например, самые различные глаголы местонахождения и перемещения физических объектов переносно используются для обозначения наличия и динамики человеческих эмоций: ср.: *Тревога пришла (застряла, поселилась, вернулась) в сердце; В душе осталась боль; Радость лежала на сердце.*

Легко заметить, что описание регулярной многозначности в публикациях последних лет обычно ведется на основе последовательной характеристики ее отдельных моделей (Ю.Д.Апресян, З.И.Бабицкене, Н.В.Багичева, Н.А.Бахмутова, Н.А.Боровикова, Е.Л.Гинзбург, Л.А.Новиков, Т.А.Потапенко, А.П.Чудинов, Д.Н.Шмелев и др.), однако сопоставление полученных отдельными лингвистами результатов крайне затруднено из-за различной трактовки самого понятия «модель многозначности». Поэтому прежде чем перейти к классификации моделей и выявлению закономерностей регулярной многозначности, необходимо специально остановиться на характеристике рассматриваемой единицы.

Модель многозначности – это типовое соотношение семантики находящихся в отношениях непосредственной мотивации первичных и вторичных значений. Для описания модели необходимо определить ее семантическую базу (лексико-семантическую группу, лексико-грамматический разряд или иное объединение слов, способных к однотипным семантическим преобразованиям) и формулу семантического преобразования, включающую компонент, объединяющий все первичные значения (мотиватор), и компонент, объединяющий все вторичные значения. Например, каузативные и некаузативные глаголы, обозначающие в первичном значении восприятие предметов при помощи органов чувств и предрасположенность к такому восприятию (*видеть, нюхать, пахнуть, показывать, слушать* и т.п.), способны во вторичных значениях обозначать не физическое, а интеллектуальное восприятие. Ср.: *Случается, кто-то выслужиться хочет и поднимает вселенский шум из-за невероятного пустяка. Враньем так и пахнет* (Левиков А.); *Никогда, никогда мы не уедем в Москву... Я вижу, что не уедем* (Чехов А.). В данном случае первичное значение глагола *пахнуть* так относится к представленному выше значению этого глагола, как первичное значение глагола *видеть* к его значению, представленному выше. Формула модели: «физическое восприятие» – «интеллектуальное восприятие».

Вторичное значение слова соответствует модели в том случае, когда в нем есть определяемый формулой компонент, при этом данное значение, разумеется, может включать дополнительные семы. Точно так же необходимая степень близости первичных значений определяется наличием мотиватора, а семантическая формула модели отражает только те ее компоненты, которые важны для квалификации данного соотношения как соответствующего модели.

Ведущие признаки и свойства модели многозначности в значительной степени соотносительны с признаками и свойствами словообразовательной модели, понимаемой как семантическое соотношение мотивированного и мотивирующего слов, которое «является образцом (моделью) для возникновения новых слов» (Улуханов И.С. 1977, с.19). Аналогия между этими единицами вполне закономерна, так как процессы образования новых слов во многом подобны процессам внутрилексемной деривации: не случайно многие языковеды (А.А.Потебня, Л.В.Щерба, И.С.Торопцев и др.) считают образование вторичных значений одной из разновидностей словообразования. Если последовательно развивать эту точку зрения, то модель многозначности окажется частным случаем словообразовательной модели, однако обращение к конкретным фактам показывает, что модель многозначности имеет как общие признаки со словообразовательной моделью, так и специфические, то есть является самостоятельной единицей.

Главной специфической чертой модели многозначности, противопоставляющей ее словообразовательным моделям, является отсутствие морфемного показателя, то есть форманта. В связи с этим границы между моделями многозначности нередко не поддаются столь четкой демаркации, как в словообразовании, а само значение модели в ряде случаев оказывается менее определенным, чем в условиях, когда семантические различия фиксируются формантом.

Следующее противопоставление связано с тем, что при словообразовании производящие и производные могут относиться к различным частям речи (это обязательное условие синтаксической деривации), тогда как модель многозначности является схемой соотношения значений в пределах слова, и, следовательно, здесь невозможна отнесенность производящего и производного к разным частям речи.

Важная особенность регулярной многозначности состоит в том, что ее модели не имеют жестких частеречных ограничений и, в отличие от слово-

образовательных, нередко проявляются в лексике, относящейся к разным частям речи. Так, многие модели регулярной многозначности существительных-зоонимов «действуют» и в группе отзоонимных прилагательных, подобные модели специально рассматриваются в публикациях З.Ю.Петровой (1989), Г.Н.Склярёвской (1993) и Н.А.Илхоиной (1998).

Таким образом, модель многозначности – это абстрактный конструкт, не имеющий материального показателя и способный проявляться в лексических единицах, принадлежащих к различным частям речи. Объективность существования модели доказывается наличием у семантически близких слов однотипных производных значений узуального типа и возможностью аналогичных преобразований семантики сопоставимых по значению слов в речи. Модели многозначности по своим свойствам во многом близки словообразовательным моделям, но, являясь самостоятельными единицами, имеют и специфические свойства.

Поиск закономерностей речевого варьирования словесной семантики также предполагает исследование регулярных направлений модификации значения слова в речи, выявление типов сем, лежащих в основе таких модификаций, и объединений слов, способных к однотипному преобразованию своих значений, определение критериев, способных служить основой для многомерной классификации моделей регулярного речевого варьирования.

Регулярными в настоящей монографии называются такие актуальные смыслы, которые являются результатом однотипной модификации сопоставимых лексических значений (акцентирование категориальных и дифференциальных признаков, реализация потенциальных свойств словесной семантики, актуализация факультативных и ассоциативных сем).

Степень регулярности рассматриваемых модификаций может быть различной: в одних случаях сопоставимые актуальные смыслы отмечаются лишь у двух-трех слов, в других – они наблюдаются у многих тысяч слов. Регулярным актуальным смыслам противопоставлены нерегулярные, то есть такие, для которых не могут быть подобраны аналоги среди словоупотреблений других близких по значению слов.

Достаточная эффективность исследования регулярной многозначности на основе последовательного описания ее моделей наталкивает на мысль о возможности применения подобной методики и при исследовании закономерностей регулярного речевого варьирования.

Модель речевого варьирования в настоящей монографии понимается как типовое соотношение системного лексического значения слова и его актуального смысла, служащее образцом для речевого варьирования семантики других близких по семантике слов. Такая модель предполагает, с одной стороны, семантическую близость языковых значений охватываемых моделью слов, а с другой – семантическую соотносительность актуальных смыслов соответствующих слов.

При исследовании модели необходимо определить ее семантическую базу (круг слов, способных к однотипной модификации семантики) и формулу модели, состоящую из компонента, объединяющего языковую семантику всех охватываемых моделью слов, и компонента, объединяющего все актуальные смыслы, соответствующие модели. Например, значительное число русских каузативных глаголов может употребляться ассистивно, то есть обозначать такие ситуации, где грамматический субъект не является единственным и даже основным производителем действия, а лишь способствует его осуществлению. Ср.: *У меня отец был мужик... Ему было некогда: пятилетки п е р е в ы п о л н я л, заводы в о з в о д и л* (Башкирова Г.); *Я, малец, войну до Берлина прошел. Пять медалей, три ранения имею. Я вот этими руками Берлин б р а л* (Андреев А.). Очевидно, что выделенные глаголы в представленных контекстах использованы несколько иначе, чем обычно, что в их речевых модификациях есть нечто общее, однако в целом такое употребление не выходит за рамки, определенные языковым значением указанных глаголов, и в связи с этим не оговаривается в словарных статьях лексикографических изданий. Это лишь одна из возможных речевых модификаций семантики глаголов, которая может быть охарактеризована как особая модель речевого варьирования.

Семантическую базу рассматриваемой модели составляет лексико-грамматический разряд каузативных глаголов (см.: Чудинов А.П., 1984), поскольку некаузативные глаголы в рассматриваемых предложениях используются вполне традиционно. Семантическая формула исследуемой модели может быть представлена как «каузировать действие – способствовать осуществлению действия, участвовать в осуществлении действия». В данном случае лексическое значение глагола *перевыполнять* в языке так относится к лексическому значению этого же глагола в контексте, как языковое значение глаголов *возводить* и *брать*

к актуальным смыслам рассматриваемых глаголов в анализируемых контекстах.

Актуальный смысл слова считается соответствующим модели в том случае, когда в нем есть определяемый моделью компонент; само же речевое значение, разумеется, может иметь и другие отличительные семы. Точно так же необходимая степень близости языковых значений определяется наличием мотиватора, а семантическая формула модели отражает только те компоненты, которые необходимы для квалификации данного соотношения как соответствующего модели.

Модель речевого варьирования по своим свойствам во многом напоминает модель многозначности и отличается от последней прежде всего тем, что варьирование словесной семантики в данном случае не выходит за рамки, определяемые базовым значением глагола, то есть амплитуда семантических колебаний слова здесь меньше, чем при полисемии. Подобное сопоставление модели многозначности и модели речевого варьирования тем более закономерно, что и те и другие модели нередко базируются на одних и тех же семантических или ассоциативных признаках: например, сема «намеренность действия» в равной степени может служить основанием для полисемии и речевого варьирования.

Модели речевого варьирования, как и модели многозначности, не имеют специальных морфемных показателей (формантов), больше того, речевое варьирование, в отличие от многозначности, обычно не связано и с изменением лексической и синтаксической сочетаемости слова. В связи с этим названные модели не имеют строгих частеречных ограничений, их характеризует особая подвижность, зависимость соответствующих актуальных смыслов от коммуникативных условий, способность к взаимодействию, распространенность диффузного употребления.

Таким образом, модель речевого варьирования – это специфическая лингвистическая единица, отличная от модели многозначности. Объективность ее существования доказывается однотипностью речевых модификаций языковой семантики той или иной группы близких по значению слов.

Глава 1. Регулярная многозначность

В зависимости от характера семантического объединения, в пределах которого реализуется та или иная модель многозначности, выделяются три основных типа моделей: общие, частные и специальные.

Общие модели многозначности реализуются в пределах определенных лексико-грамматических разрядов и опираются на максимально отвлеченные компоненты словесной семантики («конкретность – абстрактность», «одушевленность – неодушевленность», «каузативность – некаузативность» и т.п.). Следует подчеркнуть, что термин «общая модель» вовсе не предполагает, что по такой модели способны приобретать вторичные значения все слова соответствующего лексико-грамматического объединения, так как даже наличие в словесной семантике соответствующих лексико-грамматических признаков не означает их обязательной актуализации во вторичных значениях соответствующего типа.

Специальные модели многозначности охватывают слова одной лексико-семантической группы, в основе таких моделей лежит однотипность категориально-лексических признаков, которые собственно и объединяют группу. Примером реализации специальных моделей многозначности могут служить рассмотренные выше однотипные вторичные значения глаголов физического восприятия, глаголов месторасположения и передвижения. Необходимо отметить, что, с одной стороны, специальная модель не обязательно охватывает все глаголы соответствующей группы, а с другой – что глаголы соответствующей лексико-семантической группы могут иметь вторичные значения, связанные с другими типами моделей.

Частные модели многозначности охватывают слова с однотипными периферийными компонентами словесной семантики (дифференциальными, ассоциативными, факультативными семами). Например, у глаголов подобные признаки могут характеризовать особенности протекания действия (интенсивность, экстенсивность и др.), потенциальную опасность действия для субъекта или объекта, приятность совершения действия и т.п. В настоящей монографии группы слов, объединенные такими признаками, называются коммуникативно-семантическими.

При анализе с позиций регулярной многозначности конкретных словоупотреблений следует учитывать, что вторичное значение слова нередко является результатом параллельного воздействия двух (и более) моделей, каждая из которых предопределяет те или иные признаки соответствующего значения. Примером такого взаимодействия может служить семантика глагола «ошпарить» в следующем контексте: *Ничего промеж нас такого не было, понял? – и Соловьева ошпарила Тишку осатаневшими вдруг глазами* (Алексеев М.). Рассматриваемый глагол уже не обозначает температурного воздействия, то есть меняется его принадлежность к лексико-семантической группе. Если учесть, что сопоставимые значения могут иметь и другие глаголы температурного воздействия (ср.: *обогреть, обжечь взглядом*), то можно говорить о метафоризации по специальной модели. С другой стороны, в данной ситуации первичное и вторичное значение объединяет признак «интенсивность действия», а это характерная черта частных моделей. Наконец, нетрудно заметить, что вторичное значение более абстрактно, чем первичное, что указывает на воздействие общей модели. Вообще, способность к взаимодействию – яркая черта моделей многозначности, отличающая их от словообразовательных моделей.

Закономерно, что аспекты исследования однотипных вторичных значений могут быть различными: в одних случаях необходим целостный, многоаспектный подход, учитывающий взаимодействие моделей, а в других – важно сосредоточить внимание лишь на одной стороне рассматриваемого явления. Поэтому при последующем изложении далеко не всегда подчеркивается неоднонаправленность мотивации вторичного значения, которое нередко рассматривается лишь в одном аспекте.

При специальном анализе моделей многозначности на материале нескольких близких лексико-семантических групп обнаруживаются различия между *широкими и узкими моделями*. Узкие модели реализуются в пределах лишь одной лексико-семантической группы, тогда как однотипные вторичные значения, соответствующие широким моделям, могут наблюдаться у слов, принадлежащих к нескольким в той или иной степени близким группам, обычно объединяющимся в лексико-семантическое поле или даже поле.

«задачи риторики»

При анализе моделей многозначности в ряде случаев важно учитывать метафорический или метонимический тип переноса. По наблюдениям Д.Н. Шмелева (1964, 1977), среди существительных большей степенью регулярности отличаются метонимические модели, тогда как метафорические изменения значений в именной лексике «не поддаются достаточно обобщенной характеристике» (Шмелев Д.Н., 1977, с.129). Еще более категорично высказывается Ю.Д. Апресян: «Регулярность – отличительная черта метонимических переносов; нерегулярная полисемия характерна для метафорических переносов» (Апресян Ю.Д., 1974, с. 191; см. также: Ольшанский И.Г., Скиба В.П., 1987, с.104).

Специальный анализ вторичных значений метафорического и метонимического типа в глагольной лексике показывает, что положение здесь несколько иное: модели метафорической многозначности русских глаголов обычно более регулярны, чем метонимические модели (см. Чудинов А.П., 1988, с. 101–109). Все это позволяет сделать вывод, что степень регулярности вторичных значений зависит не только и не столько от метафорического или метонимического характера модели, сколько от категориально-грамматической и лексико-семантической базы модели, а также от ряда других свойств модели.

Последняя (что не означает малосущественная) классификация моделей многозначности связана с категориально-грамматической базой модели. Как уже говорилось выше, многие модели русской многозначности имеют межчастеречный характер, то есть соответствующие модели вторичных значений могут иметь слова разных частей речи. Вместе с тем во многих случаях основная часть соответствующих модели вторичных значений наблюдается у слов лишь одной части речи или у их синтаксических дериватов (*играть* – *игра*, *лиса* – *лисий*). Поэтому вполне закономерна дифференциация моделей глагольной, субстантивной, адъективной и адverbальной многозначности. Именно автономное рассмотрение моделей глагольной, субстантивной и адъективной многозначности будет основным предметом исследования в последующих разделах настоящей монографии.

1.1. Регулярная многозначность глаголов

Важнейшая особенность глагольной лексики – широкие возможности для варьирования семантики: по словам В.В.Виноградова, «семантическая структура глагола более емка и гибка, чем всех других грамматических категорий» (Виноградов В.В., 1972, с.339). Это положение в полной мере подтверждается специальными исследованиями. Например, из 275 самых многозначных слов русского языка 147 – это глаголы (Денисов П.Н., 1984, с.150), а среди 1128 русских слов, у которых в МАС-2 зафиксировано по 7 и более значений, отмечено 619 глаголов (Чудинова Е.А., 1998, с.12).

Особенности глагольной многозначности определяются не только количественными, но и качественными показателями, что особенно ярко обнаруживается при исследовании специальных и частных моделей многозначности, а также при анализе процессов взаимодействия различных типов моделей.

Общие модели многозначности глаголов

Количество общих моделей многозначности в глагольной лексике относительно невелико: к этому типу относится только варьирование глагольной семантики по признакам «абстрактность – конкретность», «предметность – антропонимность».

Существует общая закономерность, в соответствии с которой конкретные значения в самых различных языках служат основой для формирования абстрактных, тогда как противоположная направленность семантических преобразований отмечается значительно реже (Виноградов В.В., 1941, с.118; Гак В.Г., 1977, с.256; Карцевский С., 1965, с.85; Ульманн С., 1970, с.279; и др.). Эта тенденция в полной мере реализуется и в русском языке.

Сложность исследования закономерностей абстрактизации и конкретизации лексической семантики во многом связана с тем, что в современной лингвистике нет единства в понимании конкретности/ абстрактности значения слова, особенно по отношению к конкретной лексике. Так, Н.Ю. Шведова считает, что признаковый характер семантики глаголов

«выводит из за пределы противопоставления "конкретность - абстрактность» (Шведова Н.Ю., 1981, с.175). По мнению И.Я. Чобану, «чем шире объем какого-либо слова, тем абстрактнее его содержание и, следовательно, абстрактнее значение» (Чобану И.Я., 1985, с.69). Э.В.Кузнецова дифференцирует глаголы конкретной и обобщенной семантики в зависимости от физического или социального характера обозначаемых ими действий (Кузнецова Э.В., 1985, с.30). Наконец, Ю.С.Степанов считает, что «конкретная лексика – это названия (имена и глаголы) чувственно воспринимаемых явлений действительности, которым может быть дано определение остенсивное (указание жестом), простейшее операциональное (физическое воспроизводство), заместительное операциональное (мимика, символический изобразительный жест, рисунок). Слова, относящиеся к абстрактной лексике, не имеют денотата, который существовал бы в виде отдельного предмета объективной и непосредственно наблюдаемой действительности. Определение денотатов таких слов есть та или иная операция над уже существующими понятиями» (Языковая номинация. Общие вопросы, 1977, с.320-321). Именно последнее понимание конкретности/ абстрактности лежит в основе настоящего исследования.

Специальное исследование показывает, что глаголы абсолютного большинства лексико-семантических групп, отраженных в словаре-справочнике «Лексико-семантические группы русских глаголов» (1988), способны иметь вторичные значения абстрактного типа. Направленность абстрактизации семантики каждого конкретного глагола обусловлена преимущественно его принадлежностью к той или иной лексико-семантической группе. Человек моделирует свой внутренний мир, социальные и межличностные отношения по образцу окружающей его реальности, он стремится представить ненаблюдаемые действия как доступные его непосредственному физическому восприятию. Так, каузация чувства нередко передается глаголами каузации местонахождения (*вызывать, поселять, наводит тоску*); сила и напряженность эмоций, их динамика передается глаголами *гореть, пылать, кипеть, зажигаться, воспламеняться, охладевать*; эмоциональное состояние часто передается через его внешние признаки: *бледнеть, трястись, метаться*,

вздыхать, хмуриться и т.п.; широко распространено обозначение эмоционального воздействия при помощи глаголов физического контакта (*трогать, бить, стегать* и т.п.). Интеллектуальная деятельность может обозначаться глаголами созидания, преобразования, разрушения (*идея родилась, сжалась, разрушилась* и т.п.), глаголами передвижения и местонахождения (*мысль пришла, застряла, осталась, шевелилась* и др.). Очевидно, что обзор подобных вторичных значений можно продолжить, но уже приведенных примеров достаточно, чтобы отметить активность рассматриваемой модели и наличие тесной взаимосвязи между абстрактизацией и специальными моделями многозначности.

Конкретизация семантики исходно абстрактных глаголов отмечается только в ограниченном количестве лексико-семантических групп. Подобные значения эпизодически встречаются, в частности, у некоторых глаголов интеллектуальной деятельности. Ср.: *«А как же мне без сапога?» – «А тебе чую с о о б р а з и м»* (Васильев Б.). Глагол *сообразить* использован здесь в конкретном значении: старшина Васков обещает изготовить девушке обувь из подсобного материала. В аналогичном значении использован рассматриваемый глагол и в следующем предложении: *Ну, уж от чая тебе не отвертеться. Валентин, с о о б р а з и* (Золотов В.). В этом же значении может быть использован глагол *сочинить*. Ср.: *Я сейчас тебе крепкий чай сочиню* (Бондарев Ю.). В следующем контексте глаголы *соображать* и *пересоображаться* обозначают употребление спиртных напитков, причем особый характер речевой семантики указанных слов подчеркнут автором при помощи кавычек: *С чувством социальной справедливости лупят здоровые парни в домино, «соображают», а «пересоображавшись» где-нибудь на свадьбе, помирают* (Ганина М.).

Абстрактные в основном значении глаголы *учить* и *воспитывать* (а также их производные) могут употребляться в конкретных значениях «наказывать», «ругать», «избивать». Ср.: *«Собирались, значит, поколотить меня?» – «Поучить, Андрей Александрович, поучить», – морщился крепши* (Штемлер И.). В следующем контексте женщина рассказывает о своем коте: *Хотя я его довольно часто в о с п и т ы в а ю, но зла наш рыжий Филя не помнит* (Ганина М.). Поскольку указанное «воспитание» может восприниматься как «зло», то становится очевидным,

что речь идет именно о побоях, то есть вполне наблюдаемом действии. Конкретизация семантики может наблюдаться также при употреблении глаголов *интересоваться*, *заметить*, *финтить* и некоторых других, однако подобная направленность развития вторичных значений по частотности несоизмерима с использованием конкретных глаголов в абстрактном значении.

В глагольной семантике широко представлено противопоставление действий человека и окружающего его предметного мира, что позволяет выделить лексико-грамматические разряды глаголов, обозначающих действия человека, животных, растений, предметов (Ганжа Р.С., 1970; Михайлова О.А., 1985, 1998; Шарандин А.Н., 1993; и др.). Указанные глаголы регулярно используются во вторичных значениях с изменением субъектной смыс., что можно рассматривать как особые модели многозначности: персонификацию и деперсонификацию.

Персонификация – это использование антропонимных глаголов для обозначения действий предметов, не относящихся к миру живой природы. Ср.: *С м е я с ь, з а с ы п а л и в ней [в печке] угли* (Астафьев В.); *Был печальный туманный рассвет, по саду ш е п т а л мелкий дождь* (Бунин И.); *Движок старый, масло жрет в три горла* (Васильев Б.); *Дороги безобразные. Сколько машин из-за этого к а л е ч и т с я* (Штемлер И.). В подобных значениях часто используются глаголы *говорить*, *заснуть*, *одеться*, *питаться*, *проснуться*, *родиться*, *умереть* и др.

Рассматриваемая модель, как и многие другие, имеет варианты. Так, широко распространены случаи, когда антропонимные глаголы используются для обозначения действий растений. Ср.: *Осинник сомлел от жары* (Астафьев В.); *Мне слышно: кто-то дремлет в логове, шарахается птица прочь, ш у ш у к а ю т с я сосны строе...* (Шевелева Е.); *Летний вечер тих и ясен; посмотри, как д р е м л ю т ивы...* (Фет А.). Особую группу составляют глаголы, которые в основном значении обозначают действия животных, а во вторичном – действия неодушевленных предметов. Ср.: *Маленький локомотив рассерженным воробьем ч и р и к н у л . у почерневшей станции* (Федин К.); *Тявкнула гармошка в проулке...* (Абрамов Ф.).

Противоположный семантический процесс наблюдается, когда антропонимные существительные сочетаются с предметными глаголами, в результате чего действия человека сопоставляются с действиями неодушевленных существ. Ср.: *Врачи говорят, палкой меня саданули. Я-то не помню. Сразу отключился* (Штемлер И.); *Тальянов спал шесть-семь часов. Работал с восьми до десяти вечера. Отдыхал (п е р е з а р я ж а л с я) в машине на пути от Мосфильма к Моссовету* (Киреев Р.). В качестве вариантов данной модели можно рассматривать случаи, когда антропонимные существительные сочетаются с глаголами, которые в первичном значении обозначают действия растений и животных.

В целом анализ общих моделей многозначности позволяет сделать вывод, что абстрактизация, персонификация и деперсонификация глагольной семантики – это наиболее частотные и широкие направления развития семантики русских глаголов. Эти модели, постоянно взаимодействуя с частными и специальными моделями, создают богатые возможности для развития значений русских глаголов.

Частные модели многозначности глаголов

В основе частных моделей многозначности лежит актуализация периферийных компонентов семантики, служащих для выделения лишь коммуникативно-семантических групп и поэтому мало релевантных для парадигматических связей глаголов в языковой системе. Связь между первичным и вторичным значением в этом случае воспринимается как малосущественная, а соответствующие преобразования лексических значений относятся к числу слабо предсказуемых. Например, сравнение первичных значений глаголов *темнить* и *крутить* в том виде, как они отражены в толковом словаре (соответственно «делать темным или более темным» и «приводить в круговое вращательное движение»), едва ли способно натолкнуть на мысль о возможности развития у этих слов однотипных вторичных значений, однако оба названных глагола имеют вторичные значения, которые в равной степени можно сформулировать следующим образом: «вести себя неискренне, пытаться что-то скрыть, уйти от прямого ответа». Параллелизм этих вторичных значений бази-

руется на однотипных ассоциативных признаках, присущих определенному типу актуальных смыслов указанных глаголов, но не отражаемых толковыми словарями.

В публикациях по регулярной многозначности, базирующихся на анализе отдельных лексико-семантических групп, вторичные значения, связанные с актуализацией таких ассоциативных признаков, как «неожиданность», «тщательность», «быстрота», «надежность», «опасность», обычно рассматриваются как нерегулярные, определяемые не общими свойствами близких по значению слов, а специфическими признаками конкретного глагола (Бахмутова Н.И., 1977, Боровикова Н.А., 1985, Светличная Н.М., 1978; и др.). Действительно, если рассматривать регулярную многозначность исключительно как свойство лексико-семантических групп, то подобные вторичные значения могут восприниматься как некоторое отступление от принципа системности семантической структуры слова. Однако кажущаяся асистемность нередко при ином подходе предстает как особого рода системность. Появление у глагола значения, отсутствующего в данной лексико-семантической группе, необязательно есть проявление нерегулярности: дело в том, что однотипные вторичные значения могут быть у слов, с которыми данный глагол сближается по иным семантическим признакам, в том числе ассоциативным. Представляется, что параллелизм вторичных значений может быть связан как с актуализацией категориальных или дифференциальных признаков слова, так и с актуализацией его дифференциальных признаков. Поэтому едва ли имеет смысл относить к числу регулярных одну группу вторичных значений и отказывать при этом в подобном качестве другой группе. Логика научного познания требует специального анализа самых разных видов преобразования глагольной семантики, нахождения внутренних закономерностей в актуализации многообразных компонентов значения слова.

Механизм семантических преобразований, связанных с актуализацией ассоциативных признаков, Д.Н. Шмелев схематически обозначил формулой АВ(д) – СД (Шмелев Д.Н., 1997, с.130). В данном случае взятый в скобки символ характеризует периферийное положение семы, ее ассоциативный характер, а начертание этого же символа во второй части

формулы без скобок показывает парадигматическую значимость этой семы во вторичном значении. Например, если учитывать только обязательные компоненты, то невозможно найти общую сему в первичных значениях глаголов *вертеться, вкалывать, гнутья, крутиться, ломить, пахать, потеть, пыхтеть*: между тем все они способны во вторичных значениях обозначать тяжелый труд, работу с полной отдачей сил. Ср.: *Кое-кому сверху нужны расчеты, совпадающие с проектом многоячеечного датчика. И пока ты над ним п о т е е ш ь*, никто на тебя идохнуть не смеет (Молчанов А.); *Училась Полина на повышенную стипендию, ей все легко давалось, не то что Майе – та в к а л ы в а л а до посинения* (Катерли Н.); *Досекин л о м и т, как лошадь, умея не спать ночи кряду, бегая из деревни в деревню, читая газеты и журнальные статьи мужикам* (Горький М.). Показательно, что во всех приведенных предложениях имеется в виду прежде всего интеллектуальный, а не физический труд.

Частные модели регулярной многозначности отличаются от общих не только качеством сем, лежащих в основе преобразований, но и количеством лексических единиц, получающих по модели вторичные значения: частные модели обычно охватывают значительно меньшее количество слов, что, по-видимому, определяет меньшую предсказуемость соответствующих модификаций.

С учетом направленности развития семантической структуры среди частных моделей может быть выделено несколько объединений. В одних случаях актуализируется оценка действия, в других – его направленность на достижение специфического результата, в третьих – отношение субъекта к действию или специфические свойства субъекта. Особое место занимает актуализация количественных компонентов семантики, которые могут характеризовать с точки зрения интенсивности/экстенсивности собственно действие, его субъект и объект, способ осуществления действия, желаемые результаты и другие признаки глагольной семантики.

Специальные модели многозначности глаголов

Однотипность вторичных значений, соответствующих специальным моделям, более заметна, чем семантическая близость значений, соответствующих общим и частным моделям, а поэтому к настоящему времени специальные модели – самый изученный тип регулярной многозначности в глагольной лексике. Накопленный в последние десятилетия опыт исследования лексико-семантических групп показывает, что сопоставимые вторичные значения, базирующиеся на категориально-лексических признаках, можно обнаружить практически в каждой лексико-семантической группе (Ю.Д.Апресян, Л.В.Балашова, Н.И. Бахмутова, Н.А.Боровикова, Л.М.Васильев, А.А.Кретов, Т.В.Кузнецова, Э.В. Кузнецова, Л.А.Новиков, Н.М.Светличная, Т.Д.Сергеева, Н.П.Сидорова, Ю.В.Фоменко и др.). К сожалению, очень затруднено обобщение результатов, полученных различными специалистами: слишком отличаются друг от друга методики исследования и описания полученных результатов, как правило, не дифференцируются специальные модели, характерные только для этой группы, и значения, возникающие под влиянием общих и частных моделей.

В настоящем разделе будет проанализирована только одна лексико-семантическая группа – глаголы загрязнения. Основная задача исследования – анализ взаимодействия в пределах группы общих, частных и специальных моделей, а также дифференциация широких и узких моделей многозначности.

Глаголы загрязнения – относительно небольшая лексико-семантическая группа с развитыми парадигматическими связями и нечетко очерченными границами. В словаре-справочнике «Лексико-семантические группы русских глаголов» (1988) указанные слова включены в более широкую группу глаголов покрытия.

Максимально широкое значение в рассматриваемой группе имеют глаголы *пачкать, грязнить, марать*, более специальное – глаголы *гадить, мазать, пятнать, сорить, мусорить, чернить*, к периферии следует отнести глаголы *задымить, засалить, зачадить, извозить, обму-*

солить – приставки здесь акцентируют специфику значения. В отдельных контекстах речевую семантику, близкую к рассматриваемому типу, имеют глаголы *истрепать*, *истереть*, *наплевать*, *наследить* и т.п. Все основные глаголы рассматриваемой группы имеют некаузативные корреляты: *грязнить* – *грязниться*, *засалить* – *засалиться*, *марать* – *мараться*, *пачкать* – *пачкаться* и т.п. В группу входят также многие производные глаголы с представленными выше корнями.

Глаголы рассматриваемой группы находятся в комплиментарных отношениях с антонимичной группой глаголов, имеющих общий семантический признак «очищать» (*мыть*, *драить*, *стирать*, *чистить* и т.п.): это проявляется и в наличии однотипных компонентов семантики, и в сходстве лексической и синтаксической сочетаемости, и в параллелизме словообразовательных потенций, и (что особенно важно) в наличии общих моделей многозначности. Иначе говоря, две указанные группы можно считать особым семантическим объединением, которое, в свою очередь, входит в под поле глаголов физического воздействия на объект.

Рассмотрим модели многозначности глаголов загрязнения. Первой модели многозначности рассматриваемых глаголов соответствуют значения с общим компонентом «порочить, бесчестить»; в качестве объектного распространителя здесь обычно используются слова с абстрактной семантикой: *репутация*, *честь*, *имя*, *титул*, *звание* и т.п.; как символы абстрактных понятий выступают в подобных контекстах и некоторые конкретные существительные: *мундир*, *погоны*, *орден* и т.п. Ср.: *Я человек благородный, на подлости не пойду, мундира мараать не стану* (Печерский А.); *До него стали доходить черныши его репутацию пересуды сотрудников* (Петухов В.); *Ведь дело было гласное, свадьба на носу торчала; ведь тут честь запятнана, честь страдает* (Тургенев И.). Подобные вторичные значения связаны с представлением абстрактных понятий в виде конкретных предметов, способных к изменению физических качеств.

Другой вариант рассматриваемой модели связан с использованием рассматриваемых глаголов в конструкциях с существительными, обозначающими человека (или группу людей). Ср.: *Порядочный бы не стал портить девушке счастье, огорчать ее родителей, чернить*

жениха (Кожевников А.); Что теперь делать полковому командиру? Надо отдать негодя под суд и замарать весь полк? Из-за одного негодя весь полк оскрамить? (Толстой Л.). И вновь создается образная картина: изменение социальной оценки человека или коллектива предстает как наблюдаемый при помощи органов чувств процесс, физическое загрязнение сопоставляется с нанесением урона репутации.

Важно подчеркнуть, что рассматриваемая модель относится к числу широких: сопоставимые значения способны иметь также глаголы антонимичной группы с семантической темой «очищать». Ср.: *Скорее, скорее желал бы он добраться до Перекопа, в бою с мыть бесславие (Толстой А.Н.); Я надеюсь еще встретить такое небесное существо, которое возродило бы, очистило и возвысило меня (Толстой Л.); Чистяков-то еще о т м о е т с я, еще встанет на ноги и далеко поидет (Орлов В.).* Нетрудно заметить, что данный тип вторичных значений связан с абстрактизацией как общей моделью многозначности.

Более узкий и не связанный с абстрактизацией характер имеет модель многозначности, в соответствии с которой ряд каузативных глаголов группы с семантической темой «делать грязным» способен к употреблению в значении «неумело, плохо, небрежно делать что-либо (чаще всего рисовать, чертить, писать и т.п.)». Ср.: *Ужели ты считаешь делом свои бумаги? Я, право, больше делаю, когда марaju картины, бренчу на рояле (Гончаров И.); Он тоже сочинял, но в уме, тогда как мы наперегонки марали свои блокноты (Каверин В.); Письмо Маняши получили, но она так намазала по обыкновению, что я ничего не поняла (Крупская Н.).* Специфический (очень узкий) характер рассматриваемой модели определяется тем, что параллельных значений не имеют не только некаузативные глаголы группы (*мазаться, мараться, пачкаться* и др.), но и отдельные каузативы, принадлежащие к центру группы. Отметим также, что в данном случае взаимодействуют специальная и частная (основанная на актуализации признака «плохо, небрежно» модели многозначности.

Как уже было сказано, глаголы с семантической темой «делать грязным» входят в обширное подполе глаголов физического воздей-

вия на объект. В связи с этим они способны функционально сближаться с глаголами других лексико-семантических групп этого подполя: так, во многих контекстах актуальный смысл глаголов *грязнить*, *пачкать*, *мазать*, *марать*, *мусорить* может быть истолкован как «покрывать грязью, мусором», что приводит к их сближению с глаголами лексико-семантической группы покрытия объекта. Точно так же речевая семантика глаголов типа «очищать» может быть связана с акцентированием удаления ненужных веществ с поверхности: особенно это касается таких конструкций с префиксальными глаголами, как *отмывать грязь* (ср. *отмывать ткань*), *отчищать ржавчину* (ср. *чистить трубу*).

Актуальный смысл глаголов типа «пачкать» может быть связан с ухудшением свойств предмета, его порчей, что ведет к их функциональному сближению с глаголами, объединяемыми категориально-лексической семьей «портить». Ср.: *Мне не смешно, когда малюк негодный мне пачкает Мадонну Рафаэля* (Пушкин А.). Глаголы антонимичной группы при аналогичной модификации семантики обозначают улучшение свойств объекта, его обновление; аналогичные значения наблюдаются и у ряда других глаголов, обозначающих воздействие на объект (*чинить*, *подкрашивать* и др.). Подобные наблюдения показывают, что степень семантической близости глаголов, преобразующих семантику по специальным моделям, может иметь существенные различия: в одних случаях модель охватывает несколько близких лексико-семантических групп, в других – одну лексико-семантическую группу, в третьих – лишь отдельную парадигму в этой группе. Это еще раз свидетельствует о необходимости дифференцировать узкие и широкие модели регулярной многозначности.

Итак, рассмотрение закономерностей регулярной многозначности глаголов свидетельствует о том, что представленное в настоящей монографии широкое понимание регулярной многозначности позволяет достаточно полно и непротиворечиво описать существующие в языке модели многозначности и выделить среди этих моделей, с одной стороны, общие, частные и специальные модели, а с другой – широкие и узкие модели.

1.2. Регулярная многозначность существительных со значением родства

Способность слова к семантическому варьированию является его естественным свойством, необходимо вытекающим из самой сущности языка. Как отмечает Г.Г.Ивлева, «возможность варьирования заложена в самой природе языка – процесс варьирования можно считать закономерным в языке, так как он характеризует языковые единицы различных уровней и является постоянным признаком языкового развития» (Ивлева Г.Г., 1981, 121). Вместе с тем известно, что многозначность присуща далеко не всем лексическим единицам: так, по данным С.Н. Муране, в БАС зафиксировано 1150 однозначных существительных (Муране С.Н., 1977, с.21). Немало таких слов и в терминологии родства: толковые словари не отмечают вторичных значений у существительных *теща, тесть, свекор, свекровь, деверь, шурин, золовка, невестка, зять, вдова, вдовец, племянник, племянница, отчим, падчерица, жених, родственник, свойственник, свояченица, сноха, сватья, прабабушка, правнучка, внучка*. С другой стороны, у существительного *мать* в указанном словаре выделено пять значений и оттенков, у существительного *отец* – 12 лексико-семантических вариантов; как многозначные описаны также лексемы *брат, сестра, сын, дочь, дети, сирота, тетка, дядя, супруг, жена, муж, дед, внук, прадед, правнук, предок, потомок, мачеха, пасынок, сват, свояк, кум, кума, невеста*.

Закономерно встает вопрос о причинах, по которым одни термины родства являются многозначными словами, а другие – однозначными, о том, могут ли термины родства, представленные в словарях как однозначные, иметь речевые (окказиональные) вторичные значения. В связи с этим необходимо специально рассмотреть факторы, способствующие или препятствующие развитию полисемии у терминов родства.

Как отмечает Н.М.Шанский, чаще всего многозначны слова исконно русского происхождения, имеющие длительную традицию употребления (Шанский Н.М., 1972, с.36). Указанный фактор предопределяет широкое развитие многозначности в исследуемой семантической облас-

ти: терминология родства в целом и в ее дифференциации на терминологию родства и свойства унаследована современным русским языком из глубокой древности, от общеславянской, а в известной своей части и от индоевропейской эпох; в более поздний период возникли лишь слова *крестник, крестница, крестный* и словообразовательные варианты некоторых древних терминов: *внук* – *внучка, баба* – *бабушка* (см.: Буслаев Ф.И., 1948; Исаченко А.В., 1953; Журавлев А.Ф., 1994; Трубачев О.Н., 1959; Моисеев А.И., 1975; и др.). Немногочисленные заимствования позднего времени (*кузен, кузина*) представляют собой параллели к уже имеющимся терминам родства и не относятся к числу полисемантов.

По мнению С.Ульманна, многозначными особенно часто являются слова, обозначающие явления, наиболее важные в жизни общества, привлекающие внимание человека (Ульманн С., 1970, с.267–268). К таким явлениям, несомненно, относится семья: едва ли есть смысл специально останавливаться на том, как важны для каждого человека создание семьи и межличностные отношения с близкими и дальними родственниками. По словам академика О.Н.Трубачева, эта лексическая группа «является одной из важнейших в основном словарном фонде языка» (Трубачев О.Н., 1959, с.16). Вместе с тем очевидно, что особое внимание человека привлекают его отношения с ближайшими родственниками, а следовательно, слова, обозначающие ближайших родственников, должны, по теории С.Ульманна, быть более многозначными, чем слова, обозначающие отдаленное родство и свойство. Факты современного русского языка вполне подтверждают замеченную немецким ученым тенденцию: к числу наиболее многозначных терминов родства в русском языке относятся слова *отец, мать, сын, дочь, брат, сестра*, соответственно закономерно оказываются однозначными слова, обозначающие отдаленное родство и свойство: *теща, тесть, свекор, свекровь, сноха, невестка, зять, шурин, деверь, золовка, родственник, свойственник, отчим, падчерица* и т.п.

По наблюдениям С.Ульманна, в самых различных языках наблюдается корреляция между полисемией и частотностью: чем выше частотность слова, тем более вероятно, что оно является многозначным. Эта тенденция отмечается и в современном русском языке, хотя зависимость здесь не всегда жесткая (Плотникова С.В., 1994, с.46). Наблюдения над

русской терминологией родства показывают, что к числу многозначных относятся преимущественно частотные слова. Так, по данным Частотного словаря русского языка под редакцией Л.Н.Засориной (1977), наиболее частотными среди русских терминов родства являются именно те, для которых характерна развитая многозначность.

Специалисты отмечают и другие факторы, способствующие развитию многозначности. По подсчетам Н.П.Потаповой (1982), слова конкретной семантики, как правило, более многозначны, чем слова с абстрактным значением. А.П.Чудинов (1988) подчеркивает, что степень развития многозначности слова во многом зависит от того, к какой лексико-семантической или тематической группе принадлежит данное слово. Н.А.Боровикова (1985) делает вывод о том, что развитая многозначность не характерна для слов с очень большим количеством дифференциальных признаков и для слов с минимальным набором дифференциальных признаков. Все названные критерии должны быть учтены при анализе закономерностей многозначности русской терминологии родства, но эти критерии не способны объяснить различия в развитости полисемии между отдельными терминами родства: все эти слова относятся к конкретной лексике, принадлежащей к одной лексико-семантической группе, и имеют практически одинаковое число дифференциальных семантических признаков.

По мнению специалистов, потенции многозначности и – шире – семантического варьирования в наибольшей степени зависят от конкретного набора семантических и особенно ассоциативных признаков слова (Шмелев Д.Н., 1973; Стернин И.А., 1985; Чудинов А.П., 1984; и др.), поскольку развитие многозначности всегда связано с актуализацией, нейтрализацией или специализацией конкретных семантических признаков.

Как показывает проведенное исследование, для терминов родства характерны три основные модели многозначности. В первом случае метафоризация связана с нейтрализацией семы «лицо», в этом случае термины родства используются для обозначения абстрактных понятий и неодушевленных предметов (*мать-земля, брат-туман*). Во втором случае происходит нейтрализация семы «родство» и слова рассматриваемой

группы используются по отношению к людям (и даже животным) вне зависимости от родственных связей (*отцы-командиры, свой брат солдат*). В третьем случае происходит нейтрализация дифференциальных признаков терминов родства, то есть одни слова группы используются вместо других слов этой же группы (*отец* для обозначения *отчима*, *мама* для обозначения *свекрови* и т.п.). Объективность существования модели доказывается наличием у семантически близких слов однотипных вторичных значений в языке (это отражается в толковых словарях) и возможностью аналогичных преобразований семантики терминов родства в речи (окказиональные значения).

Семантическая модель многозначности терминов родства, основанная на нейтрализации семы «лицо»

При нейтрализации во вторичном значении семы «лицо» термины родства используются по отношению к неодушевленным предметам и абстрактным понятиям. Чаще всего подобным образом употребляются термины родства *мать, матушка* в сочетании со словами *Россия, Родина, Москва, земля* и т.п. (МАС, т.2, с.238).

Первичное значение слова *мать* содержит яркую сему «самое дорогое, святое для каждого человека», которая нередко эксплицируется уже при употреблении данного существительного в основном значении. Ср.: *И лишь одно название было всем дорого и понятно, как скажем, мать или хлеб, – Россия* (Носов Е.).

Актуализация семы «самое дорогое, святое для каждого человека» в сочетаниях *мать-Россия, матушка-Россия* и пр. находит свое отражение в следующих контекстах: *Больше половины тут вдов и сирот, которых война оставила... Вот их руками да спинами и жива осталась наша Устьянка... Глядите, чтоб и после их она жила! Потому что без таких вот Устьянок и нашей матушке-России не жить...* (Бокарев Г.); *Ничтожная Япония злодейски размахнулась на великую и могучую матушку-Россию! Надеюсь, что и сейчас все мы, как единая дружная семья, встанем...* (Пиккуль В.). В последнем контексте актуализированная

сема поддерживается вербально – словосочетанием *единая дружная семья*.

Иногда рассматриваемые семы актуализируются при помощи интонации (на письме графически): – *Мой вексель оплачен вами. Отныне вы уже ничего не должны мне. Но зато очень много должен я сам. – Кому? – Своей матери-России...* (Пикуль В.).

Наличие данных сем в значении описываемых словосочетаний является общеизвестным фактом для всего языкового коллектива. Высказывания, отрицающие их наличие, воспринимаются как циничные. Ср.: – *Россия, – говорил он, – никогда не была для меня матерью. Я человек вполне новой формации, и мне вообще смешна сама мысль, что какую-то страну можно любить только потому, что там родился* (Пикуль В.).

Большая группа употреблений слова *мать* связана с упоминанием о родной земле, природе, Москве и т.п. Во многих случаях термин родства *мать* при названных словах воспринимается как устойчивый эпитет. Ср.: *Есть лентяи, а есть и природные хлеборобы, погоду чуют и матушку нашу землю понимают* (Антонов С.).

Рассмотрим случаи употребления слова *мать, матушка* со словами, обозначающими названия рек. Прежде всего это касается Волги, которая считается символом России: *Вы не дорожили головою, и за доблесть вечный вам почет. Это вашей кровью голубою наша Волга-матушка течет!* (Евтушенко Е.). Актуализируется сема «святое для каждого человека».

Ассоциативный признак «давшая жизнь» во вторичном значении может трансформироваться как «послужившая источником, ставшая основой»: *Сибирская флотилия (эта одичалая и отверженная мать будущего Тихоокеанского флота) имела тогда в Японии постоянные «станции», где корабли привыкли зимовать, как в раю, и ремонтировать, как у себя дома* (Пикуль В.).

Вторичные значения слов *батюшка* и *отец* прямо соотносятся с аналогичными значениями слов *матушка* и *мать*, но используются в сочетании с существительными мужского рода, редко – с существительными женского рода. Ср.: *Дисциплина – отец победы*

(Дорофеев А.). Актуализируется признак «послуживший основой». Контексты такого рода единичны, в подавляющем большинстве слово *батюшка* употребляется в традиционной народно-поэтической манере, актуализируя семы «самое важное в жизни» (*хлеб-батюшка*) и «самое дорогое, святое, незыблемое» (*батюшка-Дон*): *Ты, русский ржаной хлеб-батюшка, ты – сытный, пахучий, увесистый мужицкий каравай, с нижней коркой, обсыпанной прижаренной мукой, и твердо-глянцевой верхней!* (Волков О.); *Может быть, и потому, что, глядя вниз, под кручу, видели они, что батюшка-Дон не только не собирается покоряться, но даже и не желает замечать, что вся эта суета, затеянная здесь, имеет к нему хоть какое-то отношение* (Калинин А.).

Часто употребление слова *батюшка* связано с актуализацией семы «защитник», достаточно яркой в первичном значении слова *отец*: *Батюшка-Урал, себя вздымая, ты не спрятал за собой Мамая* (Евтушенко Е.).

Одновременное употребление в тексте терминов *мать – отец, матушка – батюшка* помогает понять смысл высказывания: *Древние говорили, что если отец болезни часто бывает неизвестен, то мать болезни известна всегда – это неправильное питание* (Вечерний Свердловск); *Прежде всего бросается в глаза, что по своим идеологическим и мировоззренческим предпочтениям Москва-матушка более прозападна, нежели окно в Европу Петербург-батюшка* (Теленеделя). На первый план в первом контексте выходит сема «родители», трансформируемая во вторичном значении в сему «причины возникновения»; во втором контексте названная сема модифицируется в «родоначальники чего-либо, самые главные, самые значимые».

Слово *Россия* может употребляться и с термином родства *мачеха*: *Я понимаю, что для многих из вас [каторжников Сахалина] родина, наша великая, наша прекрасная, наша необъятная Россия, стала только злой мачехой* (Пикуль В.). Ассоциативный признак «несправедливая к приемным детям», модифицированный во вторичном значении в «несправедливо обижающая», усиливается эпитетом *злая*.

Достаточно часто в контекстах термины родства *мачеха* и *мать* употребляются одновременно. *Мачехой* называют свою новую малую

родину каторжники Сибири: *Казалось бы, с нерадостью большою они ее должны бы принимать: ведь мачеха, пусть с доброю душою, — она, понятно, все-таки не мать* (Евтушенко Е.). Сопоставление слов *мачеха* и *мать* порождает ассоциативные признаки, прямо противоположные по значению, — «родная» — «неродная». В следующем контексте ассоциативный признак слова *мачеха* «несправедливая к приемным детям» противопоставлен ассоциативному признаку слова *мать* «любящая, заботящаяся о своих детях», что служит основой для метафорического использования данных терминов родства: *Не мать, а мачеха — Любовь: не ждите ни суда, ни милости* (Цветаева М.). Часто одновременное употребление в контекстах терминов родства с противоположной ассоциативной семантикой служит основой для языковых игр: *Вот в древности говорили: «Повторение — мать учения». Нет, уже давно мачеха, а учитель все думает, что мать.*

При употреблении в сочетании со словами *Родина, Россия, Москва, земля* других терминов родства актуализируются ассоциативные признаки первичных значений соответствующих терминов. Так, Ю. Уваров в стихотворении «Трамвайное кольцо» использует слово *вдова*: *Москва, Москва моя, вдова...* Адекватное понимание этого словоупотребления возможно лишь при учете смысла целого стихотворения, которое воссоздает атмосферу одиночества, утраты моральной и материальной поддержки (в контексте — *бомж, горстка медных денег, душа томится* и т.п.). Ср. также: *То ли жена Россия, то ль вдовица. Куда ни глянь — хозяйской нет руки: худая кровля, капает водица в пустые миски — впору выть с тоски* (Савинская Л.). Актуализируются семы «одиночество», «отсутствие опоры в жизни», что поддерживается контекстом: запущенность в доме, пустота, неприютность, отсутствие мужа-хозяина. Первая метафора *жена Россия* должна бы, казалось, привести противоположные ассоциации, однако этого не происходит. Весь последующий контекст выступает как антонимичный ей и разрушает ее, чему способствует разделительный союз *то ли ... то ли*, выражающий отношения взаимоисключения.

Достаточно яркими в первичном значении слова *муж* будут семы «забота о жене, детях, материальном достатке семьи», «защита жены и

детей» и пр. Эти же семы могут актуализироваться во вторичном значении: – *А у меня общественный муж есть – производственное объединение «Тамбовагроомонтаж», – смеется в ответ мать многочисленного семейства. – Оно мне и дом за месяц поставило, и мебель в него завезло, и бдит, чтобы в нём ничего не сломалось и не прохудилось..* (Мухин В.).

Термин родства *жена* может актуализировать во вторичном значении ассоциативный признак «общность судьбы». Об этом рассуждает известный режиссер М.Захаров в статье «Россия – жена и невеста дракона». Нетрудно заметить, что тот же признак имеет в данном случае и слово *невеста*. Употребление же этих слов одновременно лишь добавляет в их значения семы «в настоящем» и «в будущем» соответственно.

Отметим также единичное индивидуально-авторское употребление слова *женех*. А.Солженицын при помощи контрастного контекста, в котором этим словом обозначается лесоповал, тяжелая, вовсе не женская работа, актуализирует признак «то, с чем связаны надежды на будущее»: *Жену с дочерью безо всякого суда сослали в Пермскую область, где дочь теперь работала на бензопиле. А другого сына зашвырнули на Колыму. Таков был дом. Таковы были женех дочери и школа сыновей.*

Интересны случаи употребления во вторичных значениях терминов родства *падчерица* и *сирота*, которые в первичном значении имеют одинаковый достаточно яркий признак «отсутствие защиты и помощи». Ср.: *Макаров писал, что непотопляемость – падчерица морского дела, флоты Европы пренебрегают ею, все внимание и деньги вкладывая в броню и пушки* (Пикуль В.). Актуализируются ассоциативные признаки «несправедливо обиженная», «оставленная без внимания и защиты», что эксплицируется в контексте. Следующее высказывание включает в себя элемент языковой игры, которая основывается на противопоставлении ассоциативных признаков слов *падчерица* и *сестра*, употребленных в одном контексте.

Слово *падчерица* акцентирует признаки «неродная», «нелюбимая», слово *сестра* – «родная», «любимая»: *Краткость – сестра таланта и падчерица гонорара* (Айтматов Ч.).

Термин родства *сирота*, используемый во вторичном значении, также актуализирует семы «одинокчество», «отсутствие родных, близких людей, способных помочь». Так, частое употребление этого термина в произведении А.Платонова «Чевенгур» создает ощущение пронзительной бесприютности человека в новом мире, который он строит для себя: *Близко бежала под ним крепкая прочная земля, которая ждала его жизни, а через миг останется без него сиротою; Не гадь всеобщие: теперь имуществу что сирота, пожалеть некому; Что ты город сиротой бросаешь, когда завтра пролетариат сюда маршем войдет, – скажи мне, пожалуйста!; Вот оно – сырье для социализма! – изучал Дванов страну. – Ни одного сооружения – только тоска природы-сироты. Ср. также у А.Солженицына: Этот народ нельзя держать в неуверенности. Революция оставила его сиротой и безбожником, а это опасно. Акцентируется ассоциативный признак «оставленный без внимания и заботы». Этот же признак лежит в основе метафоры в следующем контексте: В недружной семье московских базаров Рогожска [Рогожский рынок] – сопливая, богом забытая сирота (Юрова Я., Семенов А.).*

Интерес представляет использование в переносном значении и других терминов родства рассматриваемого типа. Для терминов *брат* и *сестра* особенно характерна актуализация признака «общность происхождения» и/или признаков «близость», «духовное родство», «готовность помочь». Ср.: [Беглецы спасаются от погони.] *Туман честно пытался укутать корабль, скрыть от врагов, как он умел это делать веками. Ах, брат туман, брат туман! Разве не видишь, каким ты стал прозрачным... [И далее по тексту]: То, что не по силам было брату туману, сделала сестра фольга: накрыла «Вавилонию» многокилометровым шатром, спрятала от электронных лучей, оторвала смертельные щупальца (Ефимов И.). Актуализированы признаки «близкие», «всегда готовые помочь».*

Большая группа употреблений слов *сестра* и *брат* связана с актуализацией признака «общность происхождения» и «духовное родство». Ср.: *Ах, Вера, все было бы просто, когда бы ты слушалась, но крамола и молодость – сестры, а может быть, это одно (Евтушенко Е.).*

Иногда слова *брат* и *сестра* актуализируют ассоциативный признак «внешняя похожесть». Младшим братом валюты и любовно – батюшкой – называют спирт химики в пьесе Г.Бокарева «Испытание», актуализируя ассоциативные признаки «похожесть по качествам» у слова *брат* и «готовность помочь» у слова *батюшка*: Раскатова: Неужели спирт? Денис: Он, родимый! И не какой-нибудь, а ректификат! Раскатова: И вы все это хотите... того?... Денис: Ни под каким видом! Это ведь, если присмотреться, не ректификат. А сертификат! Младший брат валюты! Раскатова: То есть, в каком же смысле? Денис: В производственном. Попробуйте-ка на чужом заводе дефицитную деталь достать или заказать, чтоб сделали! А даже и у себя в институте. Ни одно начальство не поможет. Деньги – и то не всегда. А он, батюшка, вывезет!

Рассмотрим случаи употребления слов *дети*, *дитя*. В одних случаях у них актуализируются признаки «родство по происхождению», в других – «самое главное в жизни». Ср.: Храня в себе угрюмо и сокрыто безмолвно вопрошающий укор, лежали глыбы грузные гранита – потерянные дети бывших гор (Евтушенко Е.).

Употребление термина родства *родители* аналогично употреблению термина *дети*: актуализируются семы «родство по происхождению», «духовное родство», «внешняя похожесть». Ср.: Чевенгурская буржуазия уже три года ничего не сеяла и не сажала, надеясь на светопреставление, но растения размножались от своих родителей и установили меж собой особое равенство пшеницы и крапивы: на каждый колос пшеницы – три корня крапивы (Платонов А.).

Используя слова *родственники*, *родня*, авторы следующих контекстов наделяют денотаты значением «состоящий в родстве по какому-либо свойству»: Колхозы – штука толковая. Колхозы – родня сельской общины и с руки русскому крестьянству (Антонов С.); «Не за что, не за что», – ответила она и много еще произнесла таких слов, – бедные родственники настоящих слов, и сколько их, этих маленьких сорных слов, произносимых скороговоркой, временно заполняют пустоту (Набоков В.).

В поэме Е. Евтушенко «Дальняя родственница» автор называет дальней родственницей Родину и совесть, актуализируя у слова *родственница* ассоциативный признак «неприятная обязанность поддерживать родственные контакты»: *Как страшно, / если ночью засугробленной, / от нас непоправимо далека, / забытой дальней родственницей Родина / до- тронуться боится до звонка. / Как страшно, если, призрачно устроясь, / привыкли мы считать навеселе / забытой дальней родственницей / – со- веть, / и честь – / седьмой водой на киселе.*

Отметим также единичные употребления терминов родства во вторичных значениях. Дочерью вечности называет реку Непрядву поэт, актуализируя в слове *дочь* сему «близость по каким-либо признакам»: *Я спрошу у Непрядвы, у дочери вечности: может быть, мы пока еще – дочеловечество?* (Евтушенко Е.).

Перефразированием известной поговорки «Голод – не тетка» является заголовок газетной статьи «Рынок – не тетка, торговать заставит...» (Зайцев А.). Рассматривая проблемы рыночной экономики, автор пишет: «...так ведь рынок-то не тетка – он не цацкается ни со старыми, ни с малыми». Актуализирована сема «родная, гостеприимная, всегда готовая пригреть и накормить».

Термины родства *бабушка* и *дедушка* во вторичном значении актуализируют признак «послуживший основой». Ср.: *Вглядитесь в наши сегодняшние издания, и вы узнаете в них прародительницу-бабушку «Зарю жизни»* (Мосунова Т.).

Рассмотренный материал показывает, что вторичные значения с нейтрализацией семы «лицо» традиционны для русского языкового менталитета, в котором Россия, Родина, земля, города, реки и многие другие неодушевленные предметы и явления метафорически сопоставляются с членами семьи. Как справедливо подчеркивают О. Дудченко и А. Мытиль (Российская газета. 1992. 26 марта), эта традиция умело использовалась в коммунистической фразеологии: «В семье единой», «Родина-мать», «экипаж – семья», «братские социалистические страны», «дедушка Ленин», «учительница – наша вторая мама», «государство заменило родителей», «отец народов», «Наша дружная семейка» (передача о детских садах), «верный сын партии – комсомол», «внучата Ильича»... Авторы

газетной статьи «Как хотели отменить семью» видят в этом стремление создать особое «отцовское» общество, разрушить традиционную семью, заменить родственные связи идеологическими. Об этом же пишет А. Аксенов в повести «Остров Крым»: *Он много думал над этой ситуацией так называемого «доносительства» и понял, что в основе своей она идет от великого чувства общности, чувства единой семьи, от массовой тяги к совершенству, от чувства некой общей «матери», которой можно и пожаловаться на брата, вот именно от того, чего не хватает островитянам, да и всем людям раздробленного западного мира.*

В целом материалы настоящего раздела показывают, что рассматриваемая модель многозначности терминов родства имеет варианты, определяемые характером актуализируемых признаков первичных значений. Чаще всего во вторичных значениях актуализируются ассоциативные признаки «самое дорогое, святое в жизни», «родство по какому-либо признаку», «близость по какому-либо признаку». Таким образом, оказывается, что вариант модели, по которому способен использоваться тот или иной термин родства, определяется составом ассоциативных признаков данного термина в основном значении. Наиболее частотны вторичные значения рассматриваемого типа у слов *мать, отец, брат, сестра, дети, вдова*; относительно часто – у слов *мачеха, сирота, родственник, падчерица, жена*; одиночны случаи переноса значения с нейтрализацией семы «лицо» – у слова *женех, невеста, бабушка, дедушка, дочь, тетка*.

Семантическая модель многозначности терминов родства, основанная на нейтрализации семы «родство»

При нейтрализации семы «родство» существительные анализируемой группы используются по отношению к людям. В этом случае межличностные отношения в том или ином коллективе метафорически сопоставляются с отношениями в семье. В основе такого употребления лежит актуализация ассоциативных признаков первичных значений терминов родства.

Если при исследовании предшествующей модели было обнаружено, что чаще всего метафорически используется слово *мать*, то в данной модели лидером по частотности оказалось слово *отец*. Наиболее распространены варианты рассматриваемой модели с актуализацией признаков «заботящийся», «родоначалник, основоположник», «руководящий». Первый из названных признаков актуализирован в следующих контекстах. *Да я Федота Федотыча с малолетства знаю. Он меня из детприемника взял, одел, выкормил и к труду приспособил. Да он всей Сядемке отец был. Поглядели бы, как бабы ревели, когда его, ровно разбойника, с милицией из родного гнезда выпроваживали* (Антонов С.). В значениях контекстных партнеров слова *отец* повторяется комплекс сем, составляющих содержание данного его значения, – «одел, выкормил, к труду приспособил».

Достаточно часто актуализация ассоциативного признака «заботящийся» связано с семой «стоящий во главе чего-либо». Например. *Пронесся вдруг слух (а слухи редко бывают пустыми), что именно наш квартал и именно наш магазин посетит седой и величавый «отец города». Цель его визита была ясна: убедиться, что принятые меры мудры и успешны, что с отвратительным пьянством в городе благодаря вовремя принятому постановлению покончено, но зато теперь граждане имеют широкий выбор различных соков, напитков, кваса и пепси-колы, а также благодарно, но неторопливо приобретают товары значительно улучшившегося ассортимента* (Попов В.). Актуализирована сема «заботящийся», обширный контекст многократно ее усиливает: создается образ мудрого отца, опекающего своих детей, заботящегося об их нравственности и благосостоянии. Аналогичным образом может быть использовано слово *батя*. Ср.: *Он хотел выглядеть заботливым, все понимающим «батей», который и обласкать, и пожурить может, и облагодетельствовать, и низвергнуть в тартарары* (Росоховатский И.). Актуализированы ассоциативные признаки «самый близкий», «заботящийся», «советчик», а также находящиеся на периферии семы «поощрение, родительская ласка» и «наказание».

Иногда контекст содержит слова, обозначающие членов семьи, что усиливает сему «стоящий во главе чего-либо»: *В председателе колхозник*

должен чувствовать не только организатора, но и в какой-то мере отца большой семьи и духовного пастыря (Антонов С.). В контексте слово *семья* усиливает актуализацию ассоциативных признаков первичного значения слова *отец* – «главный в семье, чьи распоряжения должны беспрекословно выполняться», «пекущийся о достатке семьи» и т.п. Ср. также: *В середине речи из-за кулис вышла крохотная девочка в национальном костюме с букетом цветов. Спиридонов и тут нашелся, мило пошутил: «Дама стоит, а я не вижу», – взял ребенка на руки и продолжал говорить, обжывая новое для себя обличье – не секретаря обкома, не лидера парламента – отца нации* (Зараев М.). Упоминание о ребенке включает слово *отец* в семантический ряд *отец – дочь* со значением кровного родства, что, несомненно, усиливает актуализируемую сему «заботящийся», чему способствует и семантическое противопоставление *не секретарь, не лидер, а отец*. Иногда для трансформации этой семы в «самый близкий» используется эпитет *родной*: *– Не так давно, Петр Николаевич, – пожимая полковнику руку, сказал Гуров, – ты обвинял меня, что я на людей плюю, а ты им – отец родной* (Леонов Н.). Названная сема усиливается за счет семантического противопоставления: *я на людей плюю – ты отец родной*.

Во многих контекстах слово *отец* и диминутивы *батька, тятя* и т.п. употребляются по отношению к И.В.Сталину. Ср. в романе А.Солженицына «В круге первом»: *Беззаботная страна может спать, но Отец ее спать не может!*; *И Абакумов загадал про себя (обычно он запрещал себе здесь такие мысли, чтоб как-нибудь их не учуял Верховный) – загадал, что не проживет Батька еще десяти лет, помрет. Может не рассудительно, а хотелось, чтобы это случилось побыстрей, казалось, что всем им, приближенным, откроется тогда легкая вольная жизнь. Если в первом контексте, где автор передает мысли героя о себе, актуализирована сема «заботящийся», то во втором она полностью нейтрализована. Актуализированы связанные с конкретным лицом семы «ненавистный, незаботящийся». Об этом, в частности, пишут уже упомянутые выше О.Дудченко и А.Мытиль: эмоциональное восприятие персон, партий, программ, властных структур приводит к персонификации той силы, у которой ищут защиты и покровительства и которой адресуют ответственность за принятие решений. «Авторитет этих людей*

достаточно стоек и не жестко зависит от их конкретных поступков. Развенчание кумиров происходит иногда неожиданно, тогда, когда недовольство достигает критической отметки. Тут уж народный гнев может быть ужасен» (Российская газета. 1992. 26 марта).

Достаточно часто при употреблении слова *отец* во вторичном значении актуализируется сема «основоположник». Ср.: *Он, глядишь, вырастет – в кузнецы выйдет... Кузнец – всем делам отец* (Антонов С.).

При употреблении слова *отец* нередко актуализируется дифференциальный признак «старшее поколение»; показателем такого использования служит наличие в контексте слов с семантическими признаками «возраст», «поколение» (*дети, деды, сыновья* и т. п.). Ср.: *Мальчишки! – желчно воскликнул Сологдин. – Вам волю дай – вы всю землю отцов растрясете...* (Солженицын А.).

При использовании терминологического сочетания *крестный отец* обычно актуализирована сема «покровительствующий»: *У одних были крестные отцы в лице промышленных генералов* (Зараев М.). Если речь идет о женщине, то в соответствующем значении может быть использовано терминологическое сочетание *крестная мать*. Ср.: *Арестована «крестная мать» неаполитанской мафии Розетта Кутоло. Шефиной местной «каморры» она стала после того, как при очередной «разборке» был убит ее брат Раффаэле, всесильный глава подпольного мира Неаполя* (Вечерний Екатеринбург. 1993. 26 марта). Актуализирована сема «руководящая».

Употребление термина *мать* не очень типично для рассматриваемой модели. Как правило, вторичные значения этого слова соотносятся с вторичными значениями слова *отец*. Ср.: *О, господи, а в очереди сумрачной сумел бы я узнать среди ругни в старушке этой, неповинно сумчатой, учительницу – мать всея Руси?* (Евтушенко Е.). Актуализирована сема «воспитывающая».

Поскольку слово *родители* является гиперонимом по отношению к терминам родства *отец* и *мать*, то естественно, что вторичные значения этих слов однотипны. Так, в контекстах, содержащих слово *родители*, актуализируются семы «заботящиеся» и «поколение». Ср.: *– А какие жалобы будут на обслуживающий персонал, на заведующего там либо на кого –*

говорите хоть теперь, хоть потом по отдельности. Мы проведем работу само собой, разъясним, – Махнев тут же посуровел. – А в случае чего и привлечем, потому что мы, шефы, вроде как бы ваши советские родители (Астафьев В.). Актуализированы семы «заботящиеся», «опекающие».

Рассмотрим употребление терминов родства *сын* и *дочь*, которые в первичных значениях различаются только дифференциальной семой «пол». Вторичные значения этих слов соотносительны. Наиболее частотны словосочетания типа *сын России, сын земли, дочь страны* и т.п. со значением «тесно связанный с чем-либо». Ср.: *Человек, сделавший первый шаг в космическое пространство, сын России, был, казалось, и сыном всей планеты (Найдич М.); Склонимся у незримых пьедесталов тех дочерей страны и сыновей, кто в зрелости не предал идеалов вольнолюбивой юности своей (Евтушенко Е.).*

Во множественном числе слова *сын, дочь*, а также *внук* чаще всего обозначают молодое поколение, особенно в сочетании с существительными *отцы, деды, внуки* и т.д. Ср.: *Но ведь свой творческий опыт и приемы они передали своим сынам, дочерям и внукам, и теперь уже эти поколения продолжают их дело (Галкин Ю., Стаценко В.). Актуализирована сема «поколение». Термин родства внук во вторичном значении также может иметь значение «тесно связанный с кем-либо по духу»: Были на учете в Главном штабе / внуки Пересвета и Осляби. / Только вот не вышли ростом внуки – / до станков не доставали руки (Евтушенко Е.).*

Термин родства *дети* является гиперонимом по отношению к словам *сын* и *дочь* (ср. словарное толкование: «сыновья и дочери (независимо от возраста)» (МАС, т.1, с.393). Закономерно, что вторичные значения этих слов однотипны. Соответственно типовые вторичные значения слова *дети* связаны с актуализацией сем «тесно связанные с кем-либо, чем-либо», «принадлежащие к определенному кругу, среде, эпохе», «поколение».

При актуализации семы «поколение» термин родства *дети* часто употребляется с сочетании со словами *внуки, родители*. Ср.: *Нет, / мы не цвет России – / лишь предцветье, и я – / предцветья Родины поэт, /*

а цвет ее грядущий -- / наши дети, / и наши внуки -- / главный ее цвет (Евтушенко Е.).

Во фразеологизированных сочетаниях *дети Адама, дети Христа* также актуализируется сема «сходство по какому-либо признаку с общим родителем»: *Все Адамовы детки, все на грехи падки...* (Росоховатский И.).

Рассмотрим особенности употребления слов *бабушка, дедушка/дед, прадед*. При употреблении этих слов во вторичных значениях достаточно часто актуализируется сема «родоначальник, основоположник чего-либо»: *И когда уже в шестидесятые годы пришлось читать о «дедушке» русской авиации – кажется, именно так его величали, – я вспомнил стройную, подтянутую фигуру и выправку царского офицера, залитую солнцем архангельскую улицу и своих насторожившихся охранников* (Волков О.).

Для использования рассматриваемых слов во вторичных значениях характерна также актуализация признака «поколение». В таких случаях слова *деды и прадеды* чаще всего употребляются в сочетании со словами *дети, внуки, родители* и т.п., в которых на первый план также выходит сема «поколение»: *А песни моих родителей сейчас кажутся еще лучше, а деды и прадеды певали так, будто душа их со всей мировой жизнью беседовала, с Природой, с Богом, с Вечностью* (Жуков А.).

Отметим единичное употребление термина родства *бабушка* во вторичном значении с актуализацией признака «заботящаяся»: *Бабка Ганна, / белорусская бабушка / и бабушка всего мира, / если в Белоруссии был убит / каждый четвертый, / то в будущей войне / может быть убитым каждый* (Евтушенко Е.).

Вторичные значения слов *брат и сестра* можно рассматривать параллельно, так как в основных значениях эти термины родства различаются только одним дифференциальным признаком «пол». Типовые вторичные значения слов *брат и сестра* связаны с актуализацией признаков «общность происхождения, интересов, положения», «общность судьбы», «внутренняя и внешняя похожесть» и т.п.

В первичных значениях слов *брат и сестра* достаточно ярки семы «взаимопомощь», «забота» и «защита». Эти семы выходят на первый план и при употреблении данных слов во вторичных значениях. Ср.: –

*Обратился к народу – по радио: проникновенно, с дрожью в голосе: «Братья и сестры!» – а? – Алексей Иванович очень верно скопировал неистребимый акцент Сосо. – «К вам обращаюсь я, друзья мои ...» Чуе́те? Друзьями стали, о братьях и сестрах заговорил, палач! Приспичило, наложил в портки -- и протягивает руки: выручайте, спасайте... А руки-то выше локтя в крови этих самых братьев и сестер (Волков О.). Названные семы присутствуют в значениях глаголов *выручайте, спасайте*.*

Семы первичных значений терминов *брат* и *сестра* «взаимопомощь», «забота», модифицированные во вторичных значениях этих слов в «обязанный заботиться» и «обязанный помочь», актуализируются в выражениях *все люди -- братья, братья во Христе*. Ср.: *Не нужно было нарушать первый закон диалектического христианства -- что все люди -- братья. А задним числом этот закон не работает* (Климов Г.).

В некоторых случаях актуализируется сема «общность происхождения». Данная сема может модифицироваться в «принадлежность к одному народу»: *– Наши-то врази, стервы – в обои ухи не уберешь. И колхозов больше нет, и все вам прощается, братья и сестры вас ждут, колокола звонят – хоть американские ботинки скидать, босиком сюдою бечь* (Солженицын А.). Также может происходить модификация как «имеющие общие корни»: [О болгарях.] *Братья-славяне хотели бы и ныне поставлять нам свою продукцию (тем более, что никому в Европе она, как успели убедиться, не нужна, да и вообще на Западе никто никого с распростертыми объятиями не ждал...)* (Пономарева Н.). В этом контексте актуализируется также сема «необходимость взаимоподдержки»: *речь в очерке идет о том, что в трудное время перехода к рынку Россия и Болгария должны помогать друг другу.*

Ассоциативный признак первичного значения «внешняя и внутренняя похожесть» во вторичном значении может модифицироваться в «похожий по какому-либо свойству, по положению». Ср.: *Наш брат актер зачастую сам себе роль придумывает и до самой смерти ее изображает* (Бокарев Г.); *В вечерние часы он превращался в школьного учителя русского языка для национальных братьев-однотатарейцев...*

(Жуков А.). Данное значение выражается и формально: термин родства *брат* употребляется либо с притяжательными местоимениями *ваш, наш, свой*, либо с приложением – *брат двоюродник, брат пьянчужка, брат актер, брат одноклассник*.

При употреблении термина родства *сирота* во вторичном значении на первый план выходят семьи, наиболее яркие в первичном значении – «лишенный моральной и материальной поддержки», «одиноким, брошенный». Ср.: В рассказе А.Чуманова «Волшебная дверь» на роль матери претендует старая учительница, помогавшая своим молодым коллегам и чувствовавшая себя незаменимой: – *Я поняла, – сказала она, что мой опыт еще пригодится делу народного образования. К нам в школу пришло много молодых учителей, которым еще предстоит найти себя в нашем почетном нелегком труде. И я помогу им. Мне не нужно много часов, я готова остаться совершенно бескорыстно, чтобы вы не почувствовали себя сиротами. – От этих слов сироты содрогнулись, а некоторые слабонервные даже натурально заплакали, чем еще больше укрепили старую учительницу в решимости сражаться на ниве просвещения до последнего вздоха.* Актуализируется сема «лишенные помощи, поддержки» – при первом употреблении слова *сироты*, во второй раз это слово окрашено иронией: *сироты предпочли бы остаться сиротами.*

В романе А.Платонова «Чевенгур» человек-сирота противопоставлен огромному пустынному враждебному миру, в котором ему нет ни поддержки, ни приюта. Ср.: *Но взрослые люди – сироты, и Дванов стоял сегодня один на окраине враждебной деревни, наблюдая талую степную ночь и прохладное озеро неба над собой; Если б ты был настоящим большевиком, то ты бы все знал, а так – ты одна пожилая круглая сирота; И после того артель назначила Сафронова и Козлова идти в ближнюю деревню, чтобы бедняк не остался при социализме круглой сиротой или частным мошенником в своем убежище.* В философском же смысле употребляет слово *сирота* герой романа Ю.Трифорова «Время и место»: *Все кругом сироты, и должны помо-*

гать [друг другу]. Акцентируется сема «беззащитные перед лицом судьбы».

Слово *родственники* актуализирует в речи семы, наиболее типичные для этой модели, – «общность происхождения», «общность интересов», «внутреннее сходство». Ср.: *Степан: Не верите, значит? Родственнику по классу не верите?* (Бокарев Г.). В данном случае у слова *родственник* актуализирована сема «общность взглядов, интересов». И еще одно – поэтическое – употребление рассматриваемого слова: *Но что-то васильковое синело, / когда я шел / и сквозь пургу хрипел / забытым дальним родственником неба...* (Евтушенко Е.). Герой поэмы вспоминает о своей молодости, когда его помыслы были высоки и чисты, как безоблачное небо. Особое значение приобретает ассоциативный признак «внутреннее сходство», а именно: «нравственная чистота».

Первичное значение терминологического сочетания *крестный сын* содержит сему «необходимость заботиться о нем», которая актуализируется и во вторичном значении этого слова. В данном контексте употребляется слово *крестник* (ср. словарное толкование: «крестный сын по отношению к воспитаннику» (МАС, т.2, с.127): *Толя был первым беспризорником, приведенным в холостяцкую комнату Ступинского. Отчего и назвал Ступинский «крестником» мальчишку. Впрочем, «крестников» у него быстро набралось больше десятка, и они-то и оказались первыми жильцами детприемника* (Астафьев В.).

Рассмотрим единичное употребление термина *родства невеста* во вторичном значении. Невестой динамита называет поэт террористку Веру Фигнер, которая отдала жизнь за свои убеждения: *Как странно судьба начертала, / что, тихонькая на вид, / казанская девочка стала / невестой твоей, динамит* (Евтушенко Е.). Актуализирована сема «то, с чем связано будущее».

Специального внимания требует использование терминов *родства* в функции обращения. Обращение – это единица речевого этикета (и речевого поведения), представляющая собой апеллятивную номинацию адресата речи (второго лица) и выполняющая в речевом общении ряд взаимообусловленных и взаимосвязанных собственно-коммуникативных и коммуникативно-семантических функций. Обращение – наиболее изученная в русистике раз-

публикации О.С.Чесноковой, В.Г.Гака, В.Е.Гольдина, Л.Г.Крысина, Р.М.Гайсиной, Н.М.Гиренко, Н.И.Формановской). Прежде всего исследователи отмечают ослабление номинативного значения у части слов в позиции обращения. По словам Р.М.Гайсиной, «тот факт, что обращения в середине или в конце предложения в большинстве случаев используются просто для поддержания уже ранее установленного контакта, делает возможным употребление для этой же цели слов с редуцированными в той или иной степени лексическими значениями (в частности, таких, как *брат*, *матушка* – при отсутствии родственных связей)» (Гайсина Р.М., 1967, с.13). Несколько иначе подходит к данной проблеме В. Е. Гольдин: «Дело, видимо, не в редукции лексического значения вообще, а в замене одного его типа другим. Обращения могут иметь номинативные и социально-регулятивные значения в любом положении по отношению к предложению, однако в препозиции преобладает выражение первых значений, а в других позициях главным нередко становятся вторые, так как функция адресации в этих случаях, действительно, менее актуальна, а обозначение социальной структуры акта общения своей актуальности не теряет» (Гольдин В.Е., 1977, с.24). Исследователь указывает далее, что «обращения в середине или в конце предложения служат не "просто для поддержания уже ранее установленного контакта", а в основном для указания на взаимное положение адресата и адресанта и регулируют отношения между ними, отмечая все предполагаемые или происходящие изменения, а также сохранение прежних отношений, что не менее важно в общении» (Там же, с.24).

Рассмотрим особенности семного состава терминов родства при их употреблении в роли обращений в сфере неродственных отношений к знакомым и незнакомым.

Термины родства *мать* и *отец* при обращении к старшему по возрасту актуализируют признаки «пол», «старшее поколение». Факты утраты названными терминами архисемы «родство» при их использовании как обращений к людям старше говорящего неоднократно отмечались исследователями (Моисеев А.И., 1963; Велтисова А.В., 1964; Мишлей П., 1966; Аль-Кадими Т.Т., 1966; Гак В.Г., 1972). «Располагаясь по семантической оси "возраст", подобные апеллятивы показывают относи-

тельный возраст коммуникантов, – подчеркивает О.С.Чеснокова. – На первый план выходит дифференциальная сема возраста (свойство родителя), в результате чего наименование родства реализует свое сигнификативное содержание» (Чеснокова О.С., 1985, с.75). Данные апеллятивы составляют характерную черту русского речевого этикета (Формановская Н.И. 1982). Многочисленные контексты подтверждают эти положения. Ср.: – *Бог с тобой, отец, тебе виднее. Приехал и ладно, – он тебя ждал, он тебя слышит. Думу ты его отпустил... у меня у самой вроде праздник, светлее стало, спасибо тебе, отец...* (Проскурин П.). Актуализированы семы «пол», «старшее поколение». Ср. однако контексты, в которых присутствует некоторая фамильярность, усиливаемая обращением на «ты»: – *Спокойно, отец. Кому ты врежешь? Может, мне попробуешь, а?* (Петрушевская Л.).

Аналогично используется термин родства *мать*. В сфере неофициального общения в основном употребляется как фамильярный апеллятив. Возраст в таких случаях не имеет значения. Ср. обращение к молодой женщине ее приятеля: *Заведи-ка ты, мать, ребенка, вот что я тебе скажу* (Назаров Р.). Актуализируется лишь дифференциальный признак «пол».

Обращения *матушка, батюшка, батенька* для современного русского речевого этикета архаичны. Чаще всего они встречаются в речи пожилых людей. Ср.: *Марья: Я не честолобива. Жена академика – это меня вполне устроит. Чанышев: Опоздала, матушка. Все мои ученики давно и счастливо женаты* (Бокарев Г.). Диалог происходит между внучкой и дедом, поэтому слово *матушка* приобретает иронический оттенок. Актуализируется признак «пол», так как адресат значительно младше адресанта. Аналогично использование обращения *батюшка* для внесения иронического оттенка: *Поди, батюшка, сперва поучись, почитай книжки* (Грекова И.). Диминутивы *батюшка, батенька, матушка* по сравнению со своими полными формами в меньшей степени ограничены признаком возраста, ласкательно-фамильярная окрашенность сохраняется. Ср.: – *Куда, родительница, путь держим? – ласково обратился старик к Клаше. – На станцию, батюшка, – противным монашеским голосом запривевала Клаша* (Антонов А.). Иногда эти слова используются для обращения к животным: [К лошади.] *Тебе, Варвара,*

жать да возить. Ты уж, матушка, выручай тут. Сколь малых ребятшек на тебе, на твоей хребтине остаются. Эх, кругом разор! (Носов Е.).

Обращения *папаша*, *мамаша*, как справедливо отмечает Л.Г. Крысин, присущи преимущественно молодым мужчинам из неинтеллигентной среды к незнакомым пожилым людям (Крысин Л.Г., 1977, с.13). Ср.: *Огоньку, папаша, не удружишь?* (Назаров Р.); *Сережа: Теперь-то что тебе надо?* Андрей: *Теперь распить с вами бутылку.* Анна Николаевна: *Ступайте, ступайте. Нечего.* Андрей: *Мамаша, не знаю как вас звать. Мне бы не хотелось уезжать, когда никто не понимает* (Петрушевская Л.).

Рассматриваемые формы обращения актуализируют семы «старшее поколение» и «пол», а также обладают богатым набором выразительных возможностей: от передачи ласкательно-уважительного до вульгарного и грубого отношения к адресату. Ср.: – *Ты, мамаша, не ударяйся в панику, – загудел уса́тый. – Митька, сведи их огородами да спусти к реке. Слышь, мамаша, низом ступай, берегом, на дорогу не высовывайся* (Антонов С.); *Инвалиду он цедит: / «Папаша, хилый, отдыхай...»* (Евтушенко Е.). В первом контексте сниженно-просторечная вежливая форма обращения, ласкательно-уважительная коннотация, подчеркиваемая «вь»-обращением; во втором – грубо-фамильярная экспрессия, усиливаемая обращением на «ты».

Исследователи русского речевого этикета отмечают, что термины родства *мать* и *отец* закреплены за устойчивыми ситуациями установления и поддержания вежливого контакта с незнакомым собеседником «со свойством родителя», преимущественно в «вь»-типе общения. Нарушение указанных параметров ведет к возникновению незиткетных коннотаций (См.: *Формановская Н.И.*, 1982, с.17; *Чеснокова О.С.*, 1985, с.75; *Янко-Триницкая Н.А.*, 1983, с.65–66). Ср.: [Разговор с чернокожим иностранцем ведут две семнадцатилетние девушки.] – *Ты что, папаша, ни разу не грамотный?* – *звонким голоском поинтересовалась пухленькая.* – *Я грамотный, и я не папаша, – назидательно сказал он.* – *Мне недавно исполнилось двадцать два года, я сын посла* (Бугров Е.). В первой реплике у слова *папаша* актуализирована сема «пол» и наводится грубо-фамильярная коннотация, во второй реплике это слово употреблено в

первичном значении, важность семантического признака «возраст» подчеркивается контекстом. Незетикетные коннотаций обнаруживаются и при отнесении рассматриваемых форм обращения знакомым адресатам соотносительно старшего возраста. Ср.: – *Что-то вы меня, папаша, больно утешаете, -- вдруг пласиво выговорил человек. Филипп Филиппович покраснел, очки сверкнули. – Кто это тут вам папаша? Что это за фамильярности? Чтобы я больше не слышал этого слова! Называть меня по имени и отчеству* (Булгаков М.). Причина гнева Филиппа Филипповича кроется, вероятно, и в том, что кроме сем «возраст» и «пол» в слове *папаша* для него актуализируются семы «давший жизнь» и «опекающий». Ситуация усугубляется тем, что он действительно создатель Шарикова, то есть в какой-то мере его отец.

Интерес представляет использование диминутива *мамочка* по отношению к лицам мужского пола. Для современного речевого поведения такое обращение окказионально. Ср. обращение известного танцовщика Б.Моисеева к корреспонденту «Московских новостей»: *Я правду говорю, мамочка*. Актуализируется лишь вежливая коннотация, все семантические признаки значения нейтрализованы.

Рассмотрим употребление терминов родства *сын* и *дочь* в качестве обращений. В таких случаях на первый план выходят семы «пол» и «возраст». Ср.: – *Кушайте, сыночки, кушайте, родненькие. –Концом косынки она утирала мокрые морщинистые щеки* (Носов Е.); *Дочка, не бойся, иди сюда!* (Петрушевская Л.). Актуализированы семы «пол» и «возраст». Часто обращение *сын* или *дочь* появляются в ответ на реплику, содержащую обращение *отец* или *мать*. Ср.: – *Спасибо тебе, отец, – помолчав, сказал дед Матвей и встал. – Славно мы с тобой поговорили... – А не на чем, милый сын, – дед Авдей глянул на деда Матвея неожиданно осмысленным взглядом и улыбнулся даже* (Бокарев Г.). Помимо актуализации уже упомянутых сем «пол» и «возраст» значимость приобретает и ласкательно-уважительная коннотация, которая вносит порой в строгую атмосферу официально-деловых отношений теплоту семейных отношений. Ср.: – *Поешь, поешь, сынок, – настаивал дедушко Селиван. – Тебя как звать-то? – Александр... Саша. – Ну дак, вишь и зван по-нашему. А по-нашему такое правило: хоть ты генерал будь, а*

от хлеба-соли не отказывайся. А по-солдатски и того гожей устав: ешь без уклону, пей без поклону. – Ну, отец, от тебя, видать, и ротой не отбиться! – засмеялся лейтенант (Носов Е.). Как видим, коннотация в данных контекстах занимает не последнее место.

Аналогично терминам родства *отец/мать*, *сын/дочь* функционируют в роли обращений слова *бабушка/дедушка* и *внук/внучка*. Ср.: Денис: *Уважаемая Елизавета Прокофьевна! Разрешите мне... Раскатова: Разрешаю. Я разрешаю вам все. Даже называть меня плюшевой бабушкой... У вас ко мне дело, внучек?* (Бокарев Г.). Актуализируются семы «возраст» и «пол». Однако здесь налицо этикетный конфликт: героиня, носительница литературного языка, явно иронизирует над молодым человеком, за глаза назвавшим ее плюшевой бабушкой. Как отмечает О.С.Чеснокова, адресат такого обращения – носитель просторечия (Чеснокова О.С. 1985, с.89). Ср. также: – *Ну что вы кукуситесь, бабуся?* – *Заведующий посмотрел на часы. – Не «бабуся», а Нина Матвеевна, – вспыхнула жалобищица* (Губенко Н.). Заметим, что данные термины родства в силу этих причин употребляются в роли обращений значительно реже, чем рассмотренные выше термины родства *отец/мать* и *сын/дочь*.

Обратимся к использованию в роли обращений слов *брат* и *сестра*. О.С.Чеснокова отмечает, что «подавление архисемы "родство" дифференциальной семьей разноуровневого характера родства и ее ассоциативным фоном симметрии (возрастной, социальной) и, следовательно, широким понятийным содержанием "общности, единения" позволяет использовать обращение *брат* и к близкому другу одного возраста, и к подростку, и к жениху дочери, и даже к лицам женского пола, что составляет примечательную черту русского речевого поведения. В последнем случае обращение *брат* обычно занимает интерпозицию и служит средством поддержания контакта: *Вот такие, брат, дела* (ЗУР) – развивая обобщенное значение "одушевленности лица"» (Чеснокова О.С., 1985, с.92). От себя добавим, что подобное обращение используется и по отношению к животным: – *Ну что, брат?* – *с душевной тоской спросил он пса. – Тебе, я вижу, стало жаль меня... Ничего* (Пиккуль В.); *Конь, положив голову на Касьяново плечо, слушал, водил ушами, и эта довер-*

чивая тяжесть была приятна и радостна Касьяну. – А я, вишь, ухажу. Война, браток, война! (Носов Е.). Если в первом контексте у слова *брат* наиболее выпукла сема «общность судьбы», так как человек и пес встречаются при одинаковом стечении обстоятельств, то во втором контексте слово *браток* служит средством поддержания контакта.

Как уже было отмечено выше, при употреблении терминов родства *брат* и *сестра* актуализируются семы «пол», «общность интересов, среды, происхождения, обитания и пр.», иногда – «возрастное равенство». Ср.: *Намучившись в поисках выхода, он посоветовался с Николаем. Тот посочувствовал: увяз ты, брат, увяз глубоко, по самые ноздри* (Жуков А.).

Термин родства *сестра* также может актуализировать перечисленные семы. *Сестрой* называет Ярославну лирическая героиня стихотворения М.Никулиной, подчеркивая важность ассоциативного признака «сходство судьбы» у данного слова: *Ярославна, жена, / голубица, кукушка, вдова, / что ты ликом темна, / что стоять ни жива, ни мертва, / не бежишь со двора, / лиходейку-разлуку кляня? / Ярославна, сестра. или ты не жалеешь меня?*

Отдельно рассмотрим суффиксальные формы *братец, сестрица, сестренка* и пр., так как использование их в качестве обращений вносит в речь дружески-фамильярный оттенок, актуализируя в речи семы «общность судьбы, интересов, среды и пр.», «духовная близость». Выбор данных слов осуществляется говорящими сознательно. Об этом свидетельствуют следующие контексты: – *В этой фразе большой смысл, братцы. – Он как-то всегда был несколько стеснен в банном обращении к компании – официальное «товарищи» тут явно не годилось, а «ребята» сказать (или еще лучше «робяты») как-то язык не поворачивался. Поэтому вот и появилось на выручку спасительное слово «братцы», хотя и оно звучало как-то слегка неестественно и в компании не приживалось* (Аксенов В.); *Подобрав полы кожаного пальто, он вышел из «Победы» и сказал шоферу: – Ты, братец, езжай-ка спи, я сам дойду. Братцем он иногда называл шофера. Но звякнула в его голове такая скорбь, будто он прощался* (Солженицын А.). Как видим, в обоих случаях общение происходит между социально неравными парт-

нерами. Для установления контакта говорящему необходимо создать доверительную атмосферу, слова *братец*, *братцы* помогают добиться желаемого результата. Иногда слово *братцы*, как и его инвариантная форма *брат*, является средством поддержания контакта. Ср.: *Софья: Катастрофа! Он может все завещать одной Раисе! Братцы! Что же делать?* (Михалков С.). Героиня пьесы обращается, главным образом, к своим сестрам, так как речь идет о завещании отца. В комнате присутствуют также ее зятья и муж.

Созданию дружеских отношений способствует и употребление в речи слов *сестрица*, *сестренка*. Ср.: – *Прости меня, девушка,* сказал вдруг лейтенант охрипшим голосом, – *прости меня... Прости, сестрица...* (Горенштейн Ф.); *У меня есть письмо от одного бойца, его спасла моя кровь, и он назвал меня сестренкой* (Глушко М.). И здесь также выбор апеллятивов не случаен, они актуализируют в речи семы «духовная близость, порожденная совместными переживаниями или оказанной помощью», «особый тип взаимоотношений, характерный для брата и сестры».

Из других терминов родства в качестве обращений используются слова *кум*, *кума*. Данный тип обращения является устаревшим, употребляется в речи для придания высказыванию шуточного оттенка и входит в состав фразеологического оборота. Ср.: *Олег Васильевич объяснил напрямую: дело сложное, может, и выиграешь, может, и нет, скорее всего, нет, потому что старшие козыри на руках у него, Олега Васильевича. То-то, то-то и вдобавок то-то. Так что не тратьте, куме, силы, опускайтесь на дно* (Трифонов Ю.); *Соломин спросил урядника, бывали ли на Камчатке случаи бесследной пропажи людей. Сколько угодно. Иногда через несколько лет не найдут. Одни кости да тряпочки... приходи, кума, любоваться* (Пиккуль В.). Рассматриваемые апеллятивы используются в ситуации симметрии социального статуса как просторечная доброжелательная формула обращения; наводится положительная коннотация.

Таким образом, можно отметить, что модель многозначности терминов родства, основанная на нейтрализации семы «родство», опирается на акцентирование следующих ассоциативных признаков первич-

ного значения: «заботящийся, воспитывающий, опекающий», «родоначальник», «основоположник», «стоящий во главе чего-либо, руководящий» – у слов *отец, мать, родители, бабушка, дедушка, прадед*; «младшее поколение», «пол» – у слов *сын, дочь, дети, внуки*, «старшее поколение». «пол» – у слов *отец, мать, родители, дед, прадед, бабушка*; «тесно связанный с чем-то» – у слов *сын, дочь, дети*; «принадлежность к определенному кругу, среде, эпохе», «общность взглядов, интересов, происхождения», «внешняя и внутренняя похожесть» – у слов *брат, сестра, дети, сын, дочь, родственник*; «взаимозабота», «помощь», «поддержка» – у слов *брат, сестра, родственник*; «лишенный помощи, поддержки, любви» – у слов *сирота, пасынок*. Наиболее частотны вторичные значения рассматриваемого типа у слов *отец, брат, сын, деды, внуки, дети*, относительно часто – у слов *мать, сестра, бабушка, родственник, сирота*; одиночны случаи переноса значения с нейтрализацией семы «родство» – у слов *невеста, пасынок, крестник*.

Семантическая модель многозначности терминов родства, основанная на нейтрализации дифференциальных признаков

При нейтрализации дифференциальных признаков слова рассматриваемой группы используются для обозначения иной степени родства, чем в первичных значениях. Обычно это связано со значением «приближение родства»: отдаленное родство представляется как родство более близкой степени. Наиболее последовательно нейтрализуется противопоставление «кровное родство» – «юридическое родство» (ср.: *мать* – *мачеха, отец* – *отчим, сын* – *пасынок* и т.п.), «кровное родство» – «родство по супружеству» (ср.: *мать* – *свекровь, теща; отец* – *свекор, тесть*). Отчасти это явление можно объяснить тем, что «формулы речевого этикета как часть способов вербального поведения человека в обществе в высшей степени подвержены оценкам со стороны членов языково-

го коллектива. По всей видимости, формула становится этикетной лишь в случае непротиворечия языковым вкусам носителей языка в данный период времени» (Чеснокова О.С.1985, с.5). Глубоко прав Г.В. Степанов, разграничивая два аспекта рассмотрения лингвистической нормы: объективный и аксиологический (оценочный) (Степанов Г.В., 1979, с.58). Приходится признать, что в ранг аксиологической не-нормы помещаются формулы обращения по терминам юридического родства (*отчим, мачеха, пасынок, падчерица*), тогда как объективной модели использовать в формулах обращения номинацию социальной роли адресата они не противоречат.

Основой для речевого сближения терминов кровного и некровного родства служат общие семантические и ассоциативные признаки; в определенных контекстах на первое место выходят естественные для семьи отношения – отчим может так же, как и отец, быть для ребенка самым близким человеком, заботиться о нем. В подобных случаях по отношению к неродному ребенку часто используются слова *сын, дочь*. Ср.: *Скоро ей пришла пора уезжать. Было грустно. Когда мы с Дезикой провожали Катю на поезд (они с ней подружились), я поговорил с дочерью* (Иванченко А.). Главный герой романа А. Иванченко не скрывает, что Катя – его падчерица, но ему приятно называть ее дочерью, так как эта девочка дорога ему, их связывают близкие доверительные отношения, какие могут быть только между отцом и дочерью. В повести А.Алексина «А тем временем где-то...» трагедией для женщины, у пасынка которой нашлись родители, становится не возвращение мальчика к отцу и матери, а его циничное заявление, что она никогда не была для него близким человеком. Для Нины Георгиевны (мачехи) в их отношениях на первом месте всегда стояла именно духовная близость, взаимопонимание и любовь. Ср.: *Тогда, много лет назад, мне было трудно. Но сейчас еще хуже... Все-таки он был моим сыном. А теперь оказалось, что он не мой*. Говоря «не мой» о ребенке, которого считала сыном, героиня повести подчеркивает отсутствие духовной близости. Однако при всех подобных словоупотреблениях в той или иной степени актуализируются ассоциативные признаки слов *сын* и *дочь* – «любимый», «требующий заботы и внимания».

Вместе с тем нейтрализация дифференциального признака «кровное родство» может привлекать внимание слушателей, воспринимается как необычное, требующее специального обоснования явление. Предполагается, что такое словоупотребление позволяет делать серьезные выводы. Ср.: – *У моей дочери был такой щенок и пропал. Вот я и ищу нового. – Я чуть не упал от ее слов, прямо готов был плюхнуться на грязную мостовую. – «У моей д о ч е р и», – сказала она. «У моей дочери... у моей дочери,» – как дурак твердил я про себя. Я здорово обрадовался, когда наконец почувствовал значение ее слов. Выходило, что она любит Наташку, раз называет своей дочерью* (Железников В.) (разрядка авт. – Н.Б.). Актуализируется весь комплекс ассоциативных признаков слова *дочь*.

Соответственно слова *отец* и *мать*, употребленные ребенком по отношению к отчиму или мачехе, могут служить свидетельством особого доверия, признания максимальной родственной близости. Так, упомянутая нами выше падчерица главного героя романа А.Иванченко «Автопортрет с догом» Катя, у которой сложились очень хорошие отношения с отчимом, именно его называет своим настоящим отцом. Об этом не без зависти сообщает ему жена, мать Кати, так и не сумевшая заслужить любовь и уважение своей родной дочери (когда-то она отдала дочь на воспитание своему отцу и сводной сестре и, по ее собственному признанию, забыла о ней): *Надо как-нибудь все-таки собраться и поехать к ней вместе. Да, вместе, ты же знаешь, она боготворит тебя. Говорит, ты ее настоящий отец*. Сам герой романа, Роберт, также воспитывался отчимом, однако считает его своим отцом на основании того, что тот воспитывал его с четырех лет, заботился и опекал его всю жизнь. Ср.: *Какая-то она будет, моя новая квартира? Я боялся ее. Да, я боялся чужих стен, накопленной в них чуждой истории, несчастий, судьбы. А здесь прошло мое детство, здесь я болел, читал свои первые книжки, впервые тронул холст. Сюда, еще щенком, принесли нашу собаку. Здесь жил мой отец*. Как видим, герой перечисляет все самое дорогое в жизни, самое святое. В этот семантический ряд он включает слово *отец*, актуализируя в значении ассоциативные признаки «самое дорогое, святое в жизни каждого человека». Ср. также: – *У нас настоящая свадьба, –*

ответила Наташка. – Папа женится... Теперь у меня тоже будет мама, – не унималась Наташка. – Я ее уже полюбила (Железников В.). Для семилетней Наташки очень важно, чтобы у нее тоже была мама, потому что это необходимо каждому человеку. Однако настоящая любовь к мачехе придет значительно позже, только тогда Надежда Васильевна из жены папы превратится в настоящую маму – самого близкого человека. Ср.: Да что там говорить, еще совсем недавно сама Наташка назвала Надежду Васильевну мамой! Мы шли в школу. Наташка увидела издали свою учительницу, схватила Надежду Васильевну за руку, подвела и сказала: «Инна Петровна, это моя мама!»

В том случае, когда отношения между юридическими родителями и приемными детьми не налаживаются или разлаживаются, у слова *мать*, например, актуализируется только признак «жена отца»: – *Я тоже Нечаяева, вы только скажите, взяты ли телеграммы, я не знаю, тут ли моя... мать... (Глушко М.).* Само слово *мать* дается героине с трудом, так как мачеху она никогда так не назвала бы, если б того не потребовала ситуация: вряд ли кто-то отказал в розыске матери беременной женщине. В другом произведении пасынок, нашедший своих родителей, сразу же перестает называть мамой мачеху: *Нину Георгиевну он четко называл Ниной Георгиевной, хотя раньше (мне это неожиданно пришло в голову), конечно, называл мамой (Алексин А.).*

Номинация одного и того же человека при помощи терминов юридического и кровного родства способна служить средством характеристики героев. Ср.: – *У меня была мать Стефании Листковой... – Мачеха, – поправил Александр Александрович. Алевтина Илларионовна вскинула плечи, что означало: мать или мачеха – все равно (Кузнецова А.).* Для Алевтины Илларионовны, директора школы, различия не существует: юридически мачеха имеет те же права и обязанности, что и родная мать. Для Александра Александровича, знающего, что между Стешей и мачехой нет духовной близости, симпатии друг к другу, принципиальным является употребление слова *мачеха*. Использование этого слова связано с актуализацией пейоративных ассоциативных признаков «злая, несправедливая к приемной дочери». И наоборот: – *Значит, вы Сережи-на мама? – Строго говоря, нет... – Дарья Семеновна чуть смутилась. –*

*Я жена Петра Тимофеевича, Сереже прихожусь... мачехой, – она с явным трудом произнесла последнее слово. – Но это неважно, Сережа с пяти лет считает меня мамой, а я его – сыном. Не та мать, которая родила, а та, которая выкормила, воспитала (Бугров Е.). На первый план выходят семьи «заботящаяся», «воспитывающая, опекающая» – у слова *мать*; именно таким человеком считает себя Дарья Семеновна. Аналогично определяются значения слов *мать* и *отец* и в следующих контекстах. Ср.: *Потом мы все четверо, и дядя Юра тоже, разучивали песенку, которой Надежда Васильевна собиралась научить ребят из Натاشкиного класса. Как видите, она очень быстро и охотно вошла в роль мамы (Железников В.); – Мой отец – твой муж! – вдруг тонко и жалобно вскричал он. – Зачем ты мне рассказываешь про какого-то Валентинова, если мой отец – твой муж (Липатов В.).**

Вариантом этой модели является употребление терминов родства с нейтрализацией дифференциального признака «боковое родство». В таких случаях вместо слов *брат*, *племянник* используется слово *сын*. Основой для речевого сближения этих терминов родства служат ассоциативные признаки. Родным сыном считают в семье младшего брата жены на основании того, что вырастили его с детства. Ср.: *Алексей единственный из троих сыновей Жуковых (включая «приемного», то есть младшего брата Нины Ивановны) стал дипломатом (Антонова С.).*

Соответственно происходит нейтрализация дифференциального признака «боковое родство» и в случае называния *матерью* сестру или тетку. Ср.: *Ну, а самому младшему, Николаю, она вообще станет, по сути, матерью, с семилетнего возраста и до конца своей жизни будет опекать его наравне со своими двумя сыновьями (Антонова С.).* Актуализированы семьи «воспитывающая, опекающая», «любящая».

Интерес представляет особый вариант модели с нейтрализацией дифференциальных признаков «кровное родство» и «пол». Речь пойдет о замене термина родства *отчим* словом *мать*. В очерке В.Челикова «Единственный мужчина в стране» рассказывается об уникальном в своем роде семейном детском доме, основанном мужчиной. Усыновив двоих детей, герой очерка столкнулся с финансовой проблемой, а по существующим тогда инструкциям отец не мог получать пособие на ребенка. Поэтому в документах на получе-

ние пособия В.П.Макаров значится матерью. Ср.: *Вскоре из Москвы пришло распоряжение, согласно которому соцобеспечению предлагалось немедленно выплатить «матери-одиночке Макарову В.П.» пособие на детей с момента усыновления. На первый план у слова мать выходят сема «ответственность за жизнь и здоровье ребенка», которая в слове мать выражена в гораздо большей степени, чем в слове отец.*

Следующий вариант рассматриваемой модели предполагает случаи замены терминов родства по браку терминами кровного родства. Речь пойдет о замене аксиологически неприемлемых для этикетного общения апеллятивов *тесть/теща, свекор/свекровь, зять/сноха/невестка* словами *отец, мать, сын, дочь*. По вполне понятным причинам эта замена носит личностный характер. Иллюстративный пример из книги Н.И.Формановской «Речевой этикет и культура общения» показывает, насколько значимым может быть рассматриваемое использование слова *мать/мама* при обращении к свекрови: *Свекровь хвалила меня! Я ушам своим не поверила. Да как хвалила! Я застыла за сараем с пустым ведром в руке и не могла сдвинуться с места. Саша, дескать, такая умница, заботливая, все умеет, сыну повезло, а как он хочет ребенка. Но пожаловалась свекровь: «Все хорошо, только не зовет меня Саша матерью». Вечером она зашла к нам, как всегда. Снова как-то безразлично посмотрела на меня, поиграла с малышом и собралась уходить. Не знаю, как у меня вырвалось: «Мама, куда вы спешите? Посидите еще». И вдруг я увидела, как задрожали ее руки, в глазах стояли слезы, она нагнулась к малышу, а я сделала вид, что ничего не заметила. С этого вечера я поняла, что ошибалась в ней, что она рада за нас, ей хорошо с нами и моего ребенка она любит (Формановская Н.И., 1989, с.103).*

В ситуации обращения к родителям супруга наиболее употребительны наименования *мама/мамаша и папа/папаша*. Ср.: *Ланин звал ее [тещу] мамашей и любил за спокойный ровный характер, за мудрость, а еще больше за способность гасить семейные ссоры (Жуков А.); Свекровь свою, Марию Павловну, я любила, как маму. Я и звала ее мамой... Она меня любила. Я ее мамой звала, мамочкой. «Поедем, – говорю, – мамочка, с нами» (Екимов Б.). В подобных случаях у рассматриваемых слов актуализируются семы «дорогой, любимый, уважаемый человек»,*

«близкий человек» и т.п. Не всегда перечисленные ассоциативные признаки сопутствуют данным апелляциям. Ср.: *Наташа: Вот честное слово скажу, хоть у меня есть своя мама и я ее, конечно, люблю, но мы бы с Сережей там у нас и месяца бы не прожили. Мама бы нас развела. А тут уже четыре года отбарабанили. С моей мамой бы гораздо тяжелей. Сережа: Да, уж с твоей мамашей и дня бы я не задержался... Каждый раз мне туда идти не хочется* (Петрушевская Л.). Как видим, в этом контексте теща не заслуживает ни уважения, ни любви. Называние ее *мамашей* – лишь результат хорошего воспитания невестки и зятя. Не зря в разговоре с подругой та же Наташа в ответ на замечание, что у нее есть все необходимое в жизни, с горечью роняет: *Еще скажи, у меня мама мужа*. Словосочетанием *мама мужа* она демонстрирует, что невозможно соединить значения слов *мама* – «добрая, любящая» и *свекровь* – «ненавидящая невестку». Заметим, что иногда сами свекрови претендуют на роль матерей. Ср.: *– Кто вы? – Я твоя мама, – медовым голосом сказала та. – Кто?! – вырвалось у Пумы, она с удивлением смотрела на самозванку. – Будущая твоя мама. – С чего ради такая милость... – Когда вы с Сережей поженитесь, – лицо «тетки» рассыпалось в морщинах, – ты будешь называть меня мамой* (Бугров Е.); *Баба: Я интересуюсь, как Танечка. Дед: А что Танечка? Баба: Все-таки она мне дочь. Как все равно что дочка* (Петрушевская Л.). В данных случаях говорящие также актуализируют в слове *мать* весь комплекс присущих ему сем, а в слове *дочка* в последнем контексте – «нуждающаяся в заботе и участии». Аналогично употребление слова *сын* для обозначения зятя. Ср.: *Из чулана выглянула уже одетая Евдокия Михайловна, поглядела на него, вернулась и вынесла полстакана водки, накрытого половинкой соленого огурца. «Бледный ты, сынок, как смерть. Выпей». «Спасибо, мамаша»* (Жуков А.).

Еще один вариант рассматриваемой модели связан с употреблением терминов родства *брат* и *сестра* вместо терминологических сочетаний *двоюродный/троюродный брат/сестра*, *юридический (сводный и усыновленный) брат/сестра*. В этих случаях нейтрализуются дифференциальные признаки «юридическое родство», «кровное родство», «родство по одному из родителей». Ср.: [О двоюродном брате.] *Жили хорошо, спокойно, не ругались, любили друг друга. Мать варила обед,*

ждала с работы отца, приходил отец, мы садились за стол, мясо всем поровну в тарелки, отец перед обедом выпьет рюмку водки, но больше ни-ни, не пил, и братья оба не пили, непьющие были (Рыбаков А.); [О троюродных сестрах.] Танечка, как жить, когда совершенно одна на свете. Никто, никому не нужна. Вы пришли, я думала мириться. Сестры называется (Петрушевская Л.); [О сводных братьях и сестрах.] Жила сестра Алисы со своим своенравным отцом, полковником в отставке, бывшим командующим артполком (Иванченко А.); Дима: Все купим. Сашке купим велосипед. Старуха: Какому Сашке? Дима: Сашка это мой братец. Мой брат (Петрушевская Л.); Николай: Ты, я вижу, даром времени тут не теряла. (Кивает на коляску.) Замуж вышла? Нина: Нет. (Отворачивается.) Николай: Одинокая мать? Нина: Ну что ты ко мне привязался? Это моей мамы девочка. Моя сестра. Ну? (Петрушевская Л.); У меня тоже учатся двое от одного отца. Но теперь семьи у них разные. Так он даже заступает за сестру (Калинин А.); [О юридическом брате.] А потом привезли испанских детей. Семья Нины жила в Москве, отец учился в Академии имени Фрунзе, и однажды он спросил Нину и Никитку: «Хотели бы вы испанского брата или сестру?» (Глушко М.). Во всех контекстах актуализируются ассоциативные признаки слов *брат* и *сестра* – «близкие, родные люди», «взаимопомощь, взаимопонимание» и т.п. Продемонстрируем это на примере следующего контекста: Ей и ему еще может понадобится в жизни рука брата или сестры, и будет чудовищно, если они останутся чужими (Калинин А.).

Интересен случай употребления слова *брат* вместо термина родства по супружеству *шурин*. Ср.: Серега: Молчи, шурин. Борька: Какой я тебе шурин! Я тебе вроде как брат родной. Я тебе плохого не посоветую (Погодин Р.). В самом деле Борька относится к мужу своей сестры как старший брат, хотя ему всего одиннадцать лет: дает советы, помогает в трудных ситуациях, защищает его. Поэтому в слове *брат* актуализируются соответствующие ассоциативные признаки: «духовная близость», «взаимопомощь», «защита».

Отметим также случай приближения родства в ситуации, когда невозможно установить степень родства. Так, ориентируясь только на

возраст, в семье Тебеньковых стали звать Марию Адольфовну *бабушкой*. Ср.: *Оба сына громогласно утверждали, что обрести бабушку и на старости лет все-таки приятно* (Кураев М.). Актуализированы семы «добрая», «заботливая».

Рассмотренный материал позволяет убедиться, что основой для речевого сближения терминов кровного и некровного родства служат общие семантические и ассоциативные признаки. Наиболее последовательно нейтрализуется противопоставление «кровное родство» – «юридическое родство» (*мать – мачеха, отец – отчим, сын – пасынок, дочь – падчерица, брат/сестра – юридический брат/сестра*), «кровное родство» – «родство по супружеству» (*мать – свекровь, теща; отец – свекор, тесть*), «кровное прямое родство» – «кровное боковое родство» (*сын – племянник, сын – брат, мать – тетка*). Используется также замена терминологических сочетаний со значением отдаленного родства *двоюродный/троюродный брат/сестра* терминами ближайшего родства *брат/сестра*. Следует заметить, что замена терминов родства на обозначающие родство более близкой степени носит личностный характер.

Последовательный анализ моделей многозначности русских терминов родства позволяет сделать следующие выводы.

1. Для русских терминов родства характерны три модели многозначности. Первая модель связана с нейтрализацией семы «лицо», вторая – с нейтрализацией семы «родство», третья – с нейтрализацией дифференциальных признаков терминов родства.

2. Все три модели многозначности имеют варианты, определяемые характером актуализируемых признаков первичных значений.

3. При использовании терминов родства по первой модели многозначности чаще всего актуализируются ассоциативные признаки «самое дорогое, святое в жизни», «родство по какому-либо признаку», «близость по какому-либо признаку». В этом случае термины родства употребляются для обозначения абстрактных понятий и неодушевленных предметов. Семантическая база модели включает в себя термины кровного родства *мать, отец, брат, сестра, дети, муж, жена, жених, невеста, бабушка, дедушка, дочь, тетка, родственник, вдова, сирота*; термины юридического родства *мачеха, падчерица*.

4. При употреблении терминов родства по второй модели многозначности наиболее часто актуализируются ассоциативные признаки «родоначальник, основоположник», «заботящийся, воспитывающий, опекающий», «стоящий во главе чего-либо, руководящий», «тесно связанный с чем-то», «принадлежность к определенному кругу, среде, эпохе», «общность взглядов, интересов, происхождения», «внешняя и внутренняя похожесть», «взаимоподдержка, помощь, защита», «поколение», «пол», «лишенный помощи, поддержки, любви». Данная модель, как видим, обладает большим набором вариантов и широко распространена в речи. Семантическая база модели включает в себя терминологию кровного родства: *отец, мать, родители, бабушка, дедушка, прадед, сын, дочь, дети, внуки, родственник, сирота*.

5. Третья модель многозначности терминов родства с нейтрализацией дифференциальных признаков, именуемая иначе как «приближение родства», самая малочисленная по охвату слов, обозначающих родство (*мать, отец, сын, дочь, брат, сестра*). При использовании терминов родства по этой модели актуализируются ассоциативные признаки «самый родной, близкий человек», «заботящийся, воспитывающий, опекающий», «духовная близость», «взаимоподдержка, защита», «родной, уважаемый, любимый», «нуждающийся в любви, поддержке».

1.3. Регулярная многозначность отзоонимных прилагательных

По данным лексикографии, 49% отзоонимных прилагательных являются многозначными. Обращение к речевой семантике отзоонимных прилагательных позволяет заметить, что рассматриваемая ЛСГ обладает богатым потенциалом для образного употребления, для индивидуально-авторского преобразования словесной семантики, то есть в речи, в тексте обнаруживается множество вторичных значений, не зафиксированных в словарях.

При систематизации вторичных значений отзоонимных прилагательных используется классификация А.П. Чудинова, разработанная на материале отглагольной лексики. Согласно названной классификации на первом этапе разграничиваются общие, специальные и частные модели многозначности отзоонимных прилагательных.

Общие модели охватывают все отзоонимные прилагательные. В основе общих моделей лежит признак сочетаемости отзоонимных прилагательных с существительными определенной тематической группы либо лексико-грамматического разряда. В зависимости от объекта характеристики, названного существительным, выделяется пять типов общих моделей.

1. Характеризация антропонимов, или персонализация. В данном случае отзоонимное прилагательное используется для характеристики свойств человека. Ср.: *И дверь тихонько отворяется, и в комнату несмело заглядывают л и с ь и глазки небольшого лысого ч е л о в е ч к а* (Бунин И.); *...рядом за столиком проезжий лиховский обыватель, выгнанный из семинарии с е м и н а р и с т, пощипывал к о з л и н у ю бороденку и распевал на манер дьячка* (Белый А.).

2. Вторичная характеристики зоонимов, или вторичная бестиализация. Здесь отзоонимные прилагательные используются для характеристики свойств животных. Ср.: *Но смеется и сам слон. Склоняя широко-*

лобую голову, смотрит и он на девочку, и в его с в и н ы х глазках явно блещет что-то хитрое и веселое (Бунин И.).

3. Характеризация фитонимов. Отзоонимные прилагательные характеризуют различные свойства растений. Ср.: *Знаю я, что не цветут там чащи, / Не звенит л е б я ж ь е й шеей рожь* (Есенин С.).

4. Характеризация неличных конкретных существительных. Ср.: *А к колосу прижатый тесно колос / З м е и н ы м свистом срезывает с е р п* (Ахматова А.).

5. Характеризация абстрактных существительных. Ср.: *Внизу тьма, смола, пропасть, где гудит, ревет, тяжело ходит что-то безмерное, бугристое, клубящееся, как какой-то допотопный спрут, резко пахнущее у с т р и ч н о й с в е ж е с т ь ю* (Бунин И.); *А у меня на девок в о л ч и й и н т е р е с*, люблю это дело, как паука (Гроссман В.).

В основе с п е ц и а л ь н ы х м о д е л е й многозначности отзоонимных прилагательных лежат семантические признаки прилагательных, характерные для относительных прилагательных и в основном возникающие в результате метонимических переносов. К специальным моделям отнесем, в частности, следующие: «сделанный из меха, шкуры...», «сделанный из мяса...», «предназначенный для ...», «состоящий из ...», «такой, где водятся ...». Первые две модели являются самыми распространенными, что объясняется, по-видимому, особой ролью животных в жизни человека. Ср.: *И вот она показалась – сперва стройные ноги, потом полы с о б о л ь е й н а к и д к и, а потом и вся, во всем своем наряде...* (Бунин И.); *У нас нынче будет т е л я ч ь я г о л о в к а с п е т р у ш к о й...* (Бунин И.); *...вели, государь, строить корабли... для посылки на море к и т о в ы х и м о р ж о в ы х и иных зверей п р о - м ы с л о в* (Федоров Е.); *Никита дубьем врезался в в о л ч ь ю с т а ю* (Он же); *...земли у вас знатные, р е к и р ы б н ы е, леса боровые* (Он же).

В основе ч а с т н ы х м о д е л е й лежит актуализация ассоциативных признаков отзоонимных прилагательных, связанных с устойчивым представлением о внешнем виде, повадках, характере животных, названных производящими зоонимами. Здесь имеет место метафорический перенос.

К частным моделям отнесем следующие: «актуализация физического восприятия» и «актуализация оценки». Модель «актуализация физического восприятия» имеет варианты: «актуализация восприятия органами зрения», «актуализация восприятия органами слуха», «актуализация восприятия органами обоняния» и «актуализация восприятия органами осязания». В свою очередь модель «актуализация восприятия органами зрения» имеет варианты: «актуализация восприятия окраски», «размеров», «формы» и т.д. Ср.: *Купец блаженно прищуривал п о р о с я ч ь и г л а з к и, но всевидящие, цепляющие, как крючки, проходящих...* (Приставкин А.); *Демидов вытянул г у с и н у ю ш е ю* (Федоров Е.). Модель «актуализация оценки» также имеет варианты: актуализация оценки эстетической, этической, эмоциональной, физических особенностей, психологических, интеллектуальных. Ср.: *...из головы не выходила мысль, что, может, и самому придется жить такой же з в е р и н о й ж и з н ь ю, как эти караульщики* (Бунин И.).

Необходимо отметить, что аспекты исследования вторичных значений могут быть различны, и в результате одно и то же словоупотребление прилагательного способно иллюстрировать сразу два типа выделенных моделей многозначности: либо общую и специальную, либо общую и частную (отнесении одного и того же значения отзоонимных прилагательных и к специальной, и к частной моделям не возможно из-за различий в основании сравнения и типе переноса). Ср.: *...Васька стал подползать к Витькиному пню. Подползал и смотрел на наго снизу, два с о б а ч ь и х п р о с я щ и х г л а з а* (Приставкин А.). Данное употребление прилагательного *собачий* иллюстрирует общую модель «характеризация антропонимов» и частную модель «актуализация оценки». Ср.: *...гостей встречал ...Няньчук, спавший на узком деревянным диванчике под дрянным зимним пальто с вытертым б а р а ш к о в ы м в о р о т н и к о м* (Бунин И.). В этом контексте значение прилагательного *барашковый* может рассматриваться как пример общей модели «характеризация неличных конкретных существительных» и специальной модели «сделанный из...».

Общие модели многозначности отзоонимных прилагательных

Атрибутивность – ведущий категориально-грамматический признак имени прилагательного. Поэтому в основу рубрикации общих моделей многозначных прилагательных можно положить семиологическую классификацию (таксономию) существительных, признаки которых обозначают рассматриваемые прилагательные.

В настоящем исследовании за основу берется семиологическая таксономия имен существительных, разработанная Ю. С. Степановым с использованием идей Аристотеля (Степанов Ю. С., 1981). В соответствии с этой классификацией разграничиваются следующие классы существительных: «люди», «животные», «растения», «вещи», «метазнаки» (непредметные). При этом классы «люди» и «животные» объединяются в суперкласс «одушевленные», соответственно суперкласс «одушевленные» и класс «растения» объединяются в суперкласс «живые», а суперкласс «живые» и класс «вещи» могут быть объединены в суперкласс «объекты».

Следует подчеркнуть, что данная классификация частично пересекается с дифференциацией лексико-грамматических разрядов русских существительных, но эти классификации не совпадают. Например, при классификации слово *лицо* относится к классу «человек», а не к лексико-грамматическим разрядам существительных неодушевленных и конкретных. Соответственно слова *вода* и *стул* относятся к классу «вещи», то есть здесь не учитывается разграничение конкретных и вещественных существительных.

Если опереться на рассматриваемую классификацию имен существительных, то можно выделить пять общих моделей многозначности прилагательных: в первом случае отзоонимное прилагательное используется для характеристики существительных класса «люди», во втором – для характеристики существительных класса «животные», в третьем – для характеристики существительных класса «растения», в четвертом – для caracteriza-

ции существительных класса «вещи», а пятом – для характеристики существительных класса «метазнаки» (абстрактные существительные).

Характеризация антропонимов. Характеризация антропонимов широко представлена в собранном нами иллюстративном материале. Около 70% контекстов содержат примеры характеристики героя с помощью отзоонимных прилагательных. О типичности приема говорит и тот факт, что он обнаруживается у всех рассматриваемых нами авторов, в том числе у писателей, радикально различающихся авторской манерой письма, стилем (А.Н.Толстой и Е.И.Замятин, И.А.Бунин и А.И.Солженицын, В.С.Гроссман и М.А.Булгаков, В.В.Набоков и Е.А.Федоров и др.).

Рассмотрим варианты реализации исследуемой модели.

Характеризация внешнего вида человека. С помощью отзоонимных прилагательных описываются и общий внешний облик героя, и его детали: черты лица, взгляд, манеры, речь, походка и т.д., а также детали одежды. Вот как описывает внешний вид своих персонажей К.Воробьев: *Сваты стояли друг против друга внутренне напрягшись, издавна и тайне ненавидя свое нечаянное родство, и было в их позах что-то удивительно птичье: один, смуглый и плотный, смахивал на ворона, готового клюнуть, второй – на раскрылатившегося перед боем скворца* (Воробьев К.). Слишком общий характер прилагательного *птичий* конкретизируется сравнением с совершенно с определенными птицами. Выразительность образов усиливается включением глагола сравнительной семантики *смахивать*, употребленного в разговорном значении.

Характеризация лица. С помощью отзоонимных прилагательных конкретизируется не только общий облик героя произведения, гораздо чаще встречаются случаи, когда с помощью отзоонимного прилагательного дается образная характеристика частей тела человека. Особое значение имеет изображение лица. Самый простой случай – сравнение или придаточное предложение, указывающее на сходство лица человека с мордой какого-либо животного. Ср.: *Со своим длинным непородным лицом, которое двоечники называли «лошадным», с прямыми волосами, сосульками свисающими из-под шапки, сутулый и длиннорукий, рядом с блистательным Жорой-из-Одессы выглядел он совсем нику-*

дышно (Николаев В.). Привычность этого образа ведет к тому, что обычно прилагательное *лошадиный* в сочетании с обозначением лица употребляется как простой метафорический эпитет, без сравнительных конструкций и широкого контекста. Ср.: *Длинное лошадиное лицо его было бледно, испуганно* (Замятин Е.). Можно вспомнить также *лошадиное лицо* поэта Семисветова в «Хождении по мукам» А.Н.Толстого. Более яркую экспрессию несет в себе близкое по денотату прилагательное *ослиный*. Ср.: *Так это ж здорово! – подумал я и представил выражение ослиного лица Пархоменко* (Незнанский Ф.).

Отрицательные коннотации по отношению к образу человеческого лица часто усиливаются заменой лексемы *лицо* на грубо-просторечное *морда*. Набор же эпитетов к этому слову чрезвычайно разнообразен. Ср.: *Вошел верзила в форме тюремного ведомства. Морда бычья, с перекосом* (Шишков В.); *Их приветствовали, вытянувшись по стойке «смирно», шестеро вышибал в черных костюмах с досиня выбритыми жабыми мордами бывших борцов, потерявших форму* (Климовы С. и А.).

Другим эквивалентом слова *лицо* в соотношении с отзоонимным прилагательным является существительное *физиономия*, имеющее в сочетании с отзоонимным прилагательным ироническую окраску (в МАС эта коннотация не отмечена, однако она бесспорна, что подтверждается всеми четырьмя литературными примерами, приведенными в словаре). Ср.: *Один молодой щеголь отпустил как-то язвительное замечание о нескладехе с лошадиной физиономией* (Карр Д.).

Редким синонимом к слову *лицо* выступает слово *рыльце*. Словари фиксируют в качестве грубо-просторечного синонима к слову *лицо* только *рыло* (*рыльце* дается лишь в составе фразеологизма *рыльце в пуху*) (МАС, т.3, с.986), однако отзоонимное прилагательное, указывающее на малый размер объекта, оживляет внутреннюю форму метафоризируемого слова; в свою очередь, существительное *рыльце* с субъективно-оценочным суффиксом (с уменьшительным значением) актуализирует сему «мелкий, маленький» в метафорическом значении прилагательного *комариный*. Ср.: *Потянул Пимен свое рыльце комариное,*

медленно Федор к нему потянулся – да перед самым носом у Пимена – хоп! – зубами как щелкнет (Замятин Е.).

Характеризация головы. Для характеристики головы различные авторы охотно прибегают к разнообразным отзоонимным прилагательным. Ср.: *На него шел желтолицый, большебородый оборванец. Он огромен ростом, широк в плечах. Одет в грязные лохмотья, из прорех торчат обмызганные отрепья ваты. На б о л ь ш о й л о ш а д и н о й голове намотана ситцевая повязка* (Шишков В.); *Акинфка сбросил дорогой кафтан, малиновый колпак. Кинулся в самую кипень. Его изрядно колотили, из глаз кузнеца искры сыпались, земля кругом шла; но он, наклонив б ы ч ь ю, к р е п к у ю голову, шел неустрашимо вперед, круша тяжелыми кулаками противника* (Федоров Е.).

В приведенных контекстах оттеняется «звероподобность» головы; кроме того, актуализируется сема «большого размера». Во втором контексте прилагательное *крепкий* поддерживает сему «сильный, выносливый» в метафорическом значении прилагательного *бычий*.

В следующем контексте перечисляются семы, составляющие структуру метафорического значения отзоонимного прилагательного в сочетании с существительным *голова*. Ср.: *Бугай был огромен ростом, сутул, плечи широченные, руки длинные и цепкие. Г о л о в а м е д - в е ж ь я: л о б – н и з о к, и з г л у б о к и х г л а з н и ц п о б л е с к и - в а ю т з л ы е г л а з а* (Федоров Е.).

Маленькая голова чаще всего определяется прилагательным *птичий* либо прилагательными, образованными от названий конкретных птиц. Ср.: *...проходя мимо нашего фургона ... просунул свою п т и ч ь ю г о л о в у в салон...* (Незнанский Ф.); *Старый паралитик одобрительно кивал у т и н о й г о л о в к о й* (Федоров Е.). В последнем контексте сема «малого размера» поддерживается еще и словообразовательно, с помощью уменьшительного суффикса определяемого существительного.

Характеризация глаз, взгляда. По количеству собранных примеров безусловное первенство держат отзоонимные прилагательные, сопровождающие лексемы *глаза* и *взгляд*. В качестве производящих используются названия птиц (*птичьи, ястребиные, совиные, сичиные, куриные, цыплячьи*), рыб (*рыбьи*), земноводных (*рачьи*), пресмыкающихся

(гадючьи, змеиные, удавы) и особенно млекопитающих (волчьи, лисьи, кроличьи и т.д.). Склонность писателей к употреблению этого типа отзоонимных прилагательных понятна: ведь глаза – самая выразительная часть человеческого лица. Все эмоции до их словесного выражения (которое иногда и отсутствует) отражаются в глазах («глаза – зеркало души»).

Наиболее частотные словосочетания нередко употребляются без контекстной поддержки. Ср.: *Кержак сидел у пня, руками уперся в землю, примял папоротник. Борода взъерошена, глаза волчьи* (Федоров Е.); *Не нравится он мне. Контуженный и плебей, а глаза – волчьи* (Тополь Э.).

Пояснения семантики отзоонимного прилагательного здесь и не нужны, так как данное переносное значение широко известно и закреплено в словарях. Ср.: *Волчий, -ья, -ье*. 2. Перен. Полный злобы и человеконенавистничества, хищнический (МАС, 1, 266).

На втором месте по частотности употребления после *волчьих глаз* стоят *глаза кошачьи*. Это словосочетание также употребляется как со словами-конкретизаторами, так и без них. Ср.: *Она пошевелила губами, прищурив свои кошачьи глаза* (Незнанский Ф.); *Кошачьи глаза ее смеялись и сияли, словно язычки газовой горелки* (Незнанский Ф.) – здесь привычный эпитет оживляется сравнением; *Над головою у него на ораторской трибуне засмеялись. Он оглянулся, зрачки у него были узкие, кошачьи* (Замятин Е.); *В ту же минуту в яслях зашумело сухое сено, из вороха травы высунулась лохматая голова, зеленые кошачьи глаза впились в Демидова* (Федоров Е.).

В контекстах актуализируются признаки, связанные с устойчивыми представлениями о кошачьих глазах: это блестящие, прищуренные глаза, обычно зеленого цвета.

Персонажей, не отличающихся большим умом, авторы наделяют бараньими, бычьими (бычачьими), воловьими глазами. Ср.: *На пороге стоял высокий стройный ротмистр, ласковые бараньи глаза уставились в Прокофия* (Федоров Е.). Эпитет *ласковые* говорит не столько об издевке автора, сколько об ироническом отношении к герою. Ср.: *Опростав в кружале два штофа, дьячок устоялся бараньими*

н ь и м и г л а з а м и в милостивца и захихикал (Там же). В этом контексте сема «глупости» оживляется разговорным значением глагола *уставиться* (МАС, т.4, с.713).

В следующем контексте называется актуализируемый признак отзоонимного прилагательного. Ср.: *«Все они рты поразевали бы», – мелькнула мысль. Он вообразил этих всех с разинутыми ртами, – глядят круглыми бараньими глазами на томик стихов в державных руках* (Белый А.).

В некоторых случаях глаза характеризуются эпитетом *медвежий*. Однако исходный образ в обыденном сознании, видимо, недостаточно ярок. Вполне удачных примеров нам обнаружить не удалось. Ср.: *При демидовской конторе содержался кат – здоровенный мужик, видуката разбойный, борода доглазниц, лохматая и, как медь, рыжая. Глаза – нелюдимые. Медвежьими глазката зло гляделу на Сеньку* (Федоров Е.). Очевидно, в данном контексте актуализируется сема «злой», являющаяся более привычной для семантической структуры прилагательного волчий. Ср.: *Тут к туляку тяжелой походкой подошел хозяин; он глянул медвежьими лохматыми глазами* (Он же). В этом случае конкретизация вызывает вопросы. Мохнатыми бывают брови, ресницы, но не глаза. Возможно, что в этом случае происходит смешение общего впечатления от лица человека, видимо, с густыми бровями или ресницами, или обрамленного длинными, лохматыми волосами, и глаз человека.

Ср.: *Берсенева с ленивым любопытством глядел в дверной проем, покуда в нем не обозначилась некая физиономия с тугими пылающими щеками, свежей парикмахерской укладкой и глубоко посаженными медвежьими глазками, шустро и мрачно вблескивающими над очками бутылочной зеленцой* (Климовы С. и А.). С помощью многочисленных поясняющих слов автор пытается подчеркнуть некоторые признаки *медвежьих* глаз: «глубоко посаженные», «мрачноватые», «маленькие» (на что указывает уменьшительный суффикс -к- в слове *глазки*).

Сравним два случая употребления отзоонимного прилагательного *свиной* для характеристики глаз; в первом случае метафорическое значе-

ние отзоонимных прилагательных не поддерживается контекстом, а реализуется благодаря яркому ассоциативному фону зоонима *свинья*; во втором случае в контексте указывается актуализируемая сема метафорического значения отзоонимного прилагательного, яркие опорные слова помогают в создании образа. Ср.: *Тупой бурсак, свиньи е глазки, длинный нос, маньяк дисциплины* (Бунин И.); *Здоровенный, мясистый, бойкими свиными глазками, сидящий у окна, тихо говорил своему соседу, что пришлось закрыть гроб черным покрывалом* (Булгаков М.).

«Орнитологические» образы глаз могут быть весьма разнообразными. Наиболее широкий из них – *птичьи* – развивается в следующем контексте. Ср.: *У Кубаса перетянутая серебряным поясом тонкая талия, у него острые птичьи глаза, с ним страшиновато... Товарищ Кубас клюнул Зайцера глазами и вышел* (Замятин Е.). Отзоонимное прилагательное *птичьи* получает контекстную поддержку от глагола *клюнул*.

Контекст нередко актуализирует фоновые семы, не отраженные в языковом значении отзоонимного прилагательного: *Да, этот скромный факт в сочетании с еще одним, который только что удосужились разглядеть мои подслеповатые куриные глазки...* (Незнанский Ф.). Чисто лексический контекст здесь поддерживается и словообразовательно (*глазки*). Ср.: *Марокканец лежал на кровати уже совсем раздетый: в светлом лунном сумраке пронзительно чернели его птичьи глаза, чернела маленькая коротко стриженная голова, белела длинная рубаша* (Бунин И.). Отзоонимное прилагательное *птичий*, характеризующее лишь глаза человека, но поддержанное многочисленными опорными словами, помогает созданию общего птичьего облика героя.

Большой изобразительный эффект дают отзоонимные прилагательные, образованные от названия хищных птиц. Ср.: *Навсегда покидаю вас, милый друг, – сказала она, глядя на меня своими ястребиными глазами* (Бунин И.); *...горячее, веселое здоровье шло от него, как от железной печки... Серые ястребиные глаза его не раз перекатывались в сторону красивой девушки* (Толстой А.Н.). Кон-

текстом в данных примерах не отмечается актуализируемая сема значения. Словарь толкует метафорическое значение отзоонимного прилагательного *ястребиный* следующим образом: такой, как у ястреба, свойственный ястребу, хищный (МАС, т. 4, стр. 786). По-видимому, *ястребиные глаза* отличаются особой выразительностью, живостью, цепкостью. Особенно выразительны более редкие эпитеты, относящиеся к хищным ночным птицам. Ср.: *Иваниха глянула на него сверху, с т е г н у л а с ы ч и н ы м и с в о и м и г л а з а м и* (Замятин Е.). Контекст актуализирует сему «резкости» *птичьего взгляда*. Ср.: *Только занесет ногу приказчик, а Никита Никитич м г н о в е н н о о т к р ы в а е т с о в и н ы е г л а з а и п о д о з р и т е л ь н о с м о т р и т* на него (Федоров Е.). В контексте отсутствует детализация признака: какие глаза имеются в виду – круглые? мутные? Но фоновые знания о сове как ночной птице, бдящей тогда, когда все спят, помогают создать образ человека-инвалида, прикованного к креслу, постоянно следящего за тем, чтобы родственники и приближенные не подобрались к спрятанному в комнате богатству.

Детализация способствует выразительности частотного оборота *рачы глаза*. Ср.: *Стражник п у ч и л р а ч ь и г л а з а , н е с т е р п е л – о р а л б л а г и м м а т о м* (Федоров Е.). В контексте поддерживается устойчивое представление о «выпученности» *рачьих глаз*. В следующем примере используются ассоциации, связанные не только с глазами рака, но и со всем раком, представленным в вареном, «красном» виде. Ср.: *Г л а з а у н е г о б ы л и р а ч ь и , б л и з о р у к и е , и в с е г д а к р а с н ы е , к а к и е - т о о г н е н н о - к а р и е , в ы р а ж е н и е л и ц а п о р а ж а л о с в о е й н а п р ы ж е н н о с т ь ю* (Бунин И.).

Общее ощущение «змеинового», возникающее при описании одной детали лица (глаз), расширяется рядом эпитетов (тонкий, злой), характеризующих другие детали (губы, улыбка) и актуализирующих семы метафорического значения отзоонимного прилагательного *змеиный*. Ср.: *З м е и н ы м и г л а з а м и , н е о т р ы в а я с ь , о н с м о т р е л н а и с т е р з а н н ы х п т и ц . Е г о т о н к и е з л ы е г у б ы в з д р а г и в а л и , и з в и в а я с ь в с л а д о с т р а с т н о й у л ы б к е* (Федоров Е.). Из элементов

детализации так же важно обстоятельство образа действия «не отрываясь».

Характеризация губ, челюстей, зубов. «Лошадиные» ассоциации этого типа можно найти и у Е.Замятина. Ср.: *У Куколя очки сползли на нос, его мягкие лошадиные губы стали мокрыми* (Видение). Кроме семы «мягкости» можно выделить сему «большого размера», которая вероятно присутствует в значении прилагательного *лошадиный* в любых сочетаниях (ср.: *лошадиные ноги, лошадиные зубы*). Метафорический эпитет может быть подготовлен сравнением. Ср.: *Губы толстые и, должно быть, мягкие, как у жеребенка, блаженно улыбались... Жеребья чьи губы раскрылись, органист мотал головой и счастливо смеялся* (Ловец человеков).

С губами тесно связаны челюсти. Здесь характерны «собачьи» ассоциации. Ср.: *Это был коренастый добродушный человек лет сорока, с высоким лбом, редкими волосами, глазами, прячущимися за толстыми стеклами очков, и бульдожьей челюстью* (Леонов Н.). Здесь средствами контекста не поддерживается какая-либо сема в значении отзоонимного прилагательного. Очевидно, актуализируется ассоциативный признак «большого размера» челюсти; в картотеке примеров не встретилось ни одного случая описания челюсти маленького или обычного размера, и это понятно, ведь такая челюсть не обращает на себя особого внимания. В следующем примере в значении отзоонимного прилагательного *бульдожий* средствами контекста актуализируется еще и сема «мертвая хватка». Ср.: *Завершалось его лицо – не сверху, правда, а снизу – бульдожьей челюстью, и здесь было средоточие его энергии, воли, властности* (Солженицын А.).

Как правило, только неприятные эмоции вызывают у читателя отзоонимные прилагательные, используемые для описания зубов человека. При этом могут актуализироваться следующие семы значения отзоонимного прилагательного: «большого/маленького размера», «широкие, тупые/узенькие, острые». Ср.: *А где ваш набольший атаман? – спросил Филька Шкворень, чавкая лошадиными зубами кусок сухой, как палка, колбасы* (Шишков В.). Ассоциации, возникающие при употреблении словосочетания *лошадиные зубы* настолько яркие, что не воз-

никает необходимости в контекстной поддержке метафорического значения отзоонимного прилагательного. Ср.: *Зубы конские* (это еще красноречивее, чем *лошадиные* – А.Ц.), *бородища до пупа, спина верблюжья* (концентрация отзоонимных прилагательных помогает создать «звериный» образ – А.Ц.), *ей-то страшно* (Федоров Е.).

Для реализации значения «маленькие, острые» (зубы) используются прилагательные, образованные от названий мелких животных, часто грызунов. Ср.: *Улыбка до неузнаваемости исказила его красивое лицо: поползли книзу краешки зеленых глаз, обнажились в крысином оскале зубы* (Незнанский Ф.); *Оборотясь к Никите, она оскалила острые беличьи зубки* (Федоров Е.).

Характеризация улыбки. Улыбка, конкретизированная с помощью отзоонимного прилагательного, обычно очень неприятная. Ср.: *Зайцер зашуршал бумагами, ядовитый змеиный хвостик улыбки мелькнул и спрятался в углу губ товарища Кубаса* (Замятин Е.). В контексте актуализируются ассоциативные признаки отзоонимного прилагательного *змеиный* в отношении улыбки «мгновенный» и «злобный», «насмешливый». Сема «быстрый/мгновенный» актуализируется и в следующем контексте. Ср.: *Обертышев... давно не бритый, лицо – заросший каким-то рыжим, насквозь пропыленным бурьяном пустырь. Сквозь бурьян – желтые каменные зубы, и между камней – мгновенный ящеричный хвостик – улыбка* (Замятин Е.); *Обычно человек, даже не красивый, озаряется в улыбке, а этот в момент улыбки показывает свою сущность, обнажает свой крысиный оскал* (Незнанский Ф.). В этом случае оживляются многочисленные отрицательные ассоциативные признаки, связываемые обычно с референтом «крыса».

Характеризация носа. Для обозначения носа широко используются «орнитологические» отзоонимные прилагательные, причем наиболее употребимо родовое прилагательное *птичий*. Ср.: *На остром кончике птичьего носа – смешная светлая капля* (Замятин Е.); *Профессор Медведев изменился в лице, вздернул острые птичий носик* (Незнанский Ф.). В обоих случаях описание формы носа детализируется эпитетом *острый*, во втором примере с помощью словообразо-

вательных средств контекста (*носик*) актуализируется еще и сема «небольшой». Актуализация признака «небольшого размера» может осуществляться только словообразовательными средствами (обычно это уменьшительная форма ключевого слова). Ср.: *...нелепое существо улыбалось; оно оказалось молодым человеком с совиным носиком и в подвернутых штанишках* (Белый А.). Актуализации значения способствует и ассоциативный признак («крючковатый, изогнутый»). Размер и форма носа наиболее часто передаются эпитетом *орлиный*, содержащим в значении семы «большой», «изогнутый»; при этом активно используются сравнительные обороты. Ср.: *От неустанных развозов Пикита стал поджарым, нос закорючился, походил на орлиный клюв* (Федоров Е.); *На темном сухом лице Демидова обрисовались скулы. Орлиный нос раздулся как у стервятника* (Там же). Элементы сравнения могут концентрироваться, превращаясь в составную метафору. Ср.: *Странник с птичьим клювом сидел у огня* (Замятин Е.). Реже нос сравнивается с передней частью головы других животных. Вот как описывает Андрей Белый профессора-математика: *Вот Егоров, это – стерлядка, нос с терлядь ю ... глаза острые, умные и – любит музыку, видно, что умный, а как к нам придет, сядет перед отцом и уставится носом с терляжь им; нет, видно, такой ритуал, что когда математик приходит к отцу, то приходит молчать* (На рубеже столетий). Уподобление профессора определенному сорту рыб достигается актуализацией двух сем: «внешнее сходство со стерлядью» (длинный нос) и «молчаливость» (свойство всех рыб вообще).

Характеризация шеи. Выбор метафорических эпитетов для обозначения шеи довольно ограничен. Господствуют «орнито-логические» образы, обычно это *шеи птичьи, гусиные, лебединые, лебяжьи* (народно-поэтический вариант). Во всех контекстах актуализируются два признака шеи: «длина/ширина». Ср.: *Демидов вытянул гусиную шею, на ней надулись синие жилы* (Федоров Е.); *...у всех сразу – длинные, гусиные шеи* (Замятин Е.). Чем реже встречается отзоонимное прилагательное в речевом узусе, тем выразительнее образ. Ср.: *Он только почувствовал, как немигающий взгляд комвойного офицера с*

ж у р а в л и н о й ш е е й споткнулся на нем (Замятин Е.). Среди «нептичьих» отзоонимных прилагательных чаще всего встречается бычья шея, в контексте актуализируются признаки «крепости», «мощности» шеи. Ср.: Навстречу Акинфию прискакал Мосолов; его бычья шея была темна от весеннего загара (Федоров Е.).

Характеризация волос, усов, бороды. Легко предположить (и это подкрепляется изученным материалом), что с помощью отзоонимных прилагательных нередко обозначается волосяной покров человека, чаще всего борода и усы. Особенно частотно отзоонимное прилагательное *козлиный*; поскольку актуализируются две семы: «форма» и «малый размер», обычно ключевое слово выступает в уменьшительной форме. Ср.: *Вкрадчивый маленький человечек с прищуренными глазками и козлиной бородкой уже маячил в проеме двери (Федоров Е.).* Привычность эпитета может преодолеваться несколькими способами. Так, в следующем примере эта привычность не ощущается, так как кроме уменьшительного суффикса *-енк-* (в данном случае пренебрежительного) употребляется грубо-просторечный глагол *вылупить*. Ср.: *Сотоварищ выставил вперед козлиную бороденку, вынул глаза на сенаторов (Федоров Е.).* Актуализация может достигаться включением отзоонимного прилагательного в состав однородных членов, которые создают своего рода классификацию (в данном случае – видов бороды). Ср.: *Я-то тридцать рублей плачу, а борода помене твоей... Сам суди, рази все едино? Скажем, есть борода клином, а то лопатой, а вот бородка козлиная, а то борода мочальная, все-то по тридцати рублей ходят (Федоров Е.).*

Разумется, наибольший эффект дают окказиональные отзоонимные прилагательные, особенно если они подкрепляются широким контекстом. Ср.: *В ночную темь, в волчьи ночи завозчику не спалось, пробуждалась совесть. В густом мраке вставал Кобылка с ериной бородой, хрипел (Там же).* Прилагательное *ершинный* словарями не зафиксировано (МАС), но оно создано по живой словообразовательной модели и хорошо соотносится с таким значением слова *ерш*: 3. О торчащих вверх волосах на голове (МАС, т. 1, стр. 635).

Со словом *усы* чаще всего употребляется метафорический эпитет *кошачьи*; скорее всего такие усы длинные, редкие, колочие. Контекстом не поддерживаются вышеназванные семы значения отзоонимного прилагательного, но создается общее впечатление «похожести на кошку» некоторыми внутренними признаками, которые подкрепляются внешним сходством усов. Ср.: *Петр Алексеевич разгладил кошачьи усы, лукаво улыбнулся* (Федоров Е.); *Петр Алексеевич зло поводил кошачьими усами* (Там же).

Случаи использования отзоонимного прилагательного для характеристики волосяного покрова головы единичны. Ср.: *Он был урод. У него было большое, плоское темя в кабаньей красной шерстке, носик расплющенный, с широкими ноздрями, глазки ореховые и очень блестящие* (Бунин И.). В контексте актуализируется цветовой признак волос, а также признаки «короткий», «жесткий», что подкрепляется использованием в качестве ключевого слова *шерстка* (с уменьшительным суффиксом), применяемого обычно при характеристике животных. Необычное, но вполне семантически оправданное сочетание отзоонимного прилагательного с существительным, обозначающего волосяной покров, дает Е. Замятин. Ср.: *...рубаша у него застегнута не верно – одна петля пропущена – и сквозь видна желтая с шмелиным волосом грудь* (Рассказ – о самом главном). Контекстом актуализируется признак цвета волос «желтый», можно также выделить ассоциативные семы значения отзоонимного прилагательного в данном контексте: «короткий», «жесткий».

Характеризация рук. Отзоонимные прилагательные часто применяются при описании человеческих рук. Ср.: *У органиста были длинные, обезьяньи руки* (Замятин Е.); *...длинные жадные руки банкомата. Они жили своей особой жизнью: необыкновенно подвижные, пальцы напоминали липкие щупальца страшного морского животного. Они дрожали, сплетались, тянулись к золоту... Взор Демидова скользнул от этих червеобразных пальцев* (Федоров Е.).

При характеристике рук в значении отзоонимного прилагательного чаще всего актуализируется сема «большого/малого» размера, при

этом существительное *руки* может заменяться синонимами, как однокорневыми, так и инокорневыми. Ср.: *Мистер Краггс гулял, неся впереди, на животе громадные крабовые клешни и опустив веки* (Замятин Е.); *У другой притолоки стоял Савка-послушник: масляные, прямые палки-волосы, красные рачьи ручкищи* (Замятин Е.). Отзоонимное прилагательное *рачий* актуализируется здесь по трем семам: «цепкость» – от семного состава слова *рак*, «цвет» – красный (благодаря лексическому контексту), «размер» – огромный (благодаря словообразовательному контексту: *ручкищи*). Сема «цепкости», «ловкости» рук актуализируется и в следующем контексте. Ср.: *Бродяга взял в грязные обезьяньи лапы маленькую картошку* (Шишков В.). Сема «малого размера» поддерживается словообразовательно и в таком контексте Ср.: *И, сморщившись медоточиво* (старуха – А.Ц.), *все ладной лагушечьей подмахивала, точно высказала величайшую нежность; и глазки едва не слезились из щелочек; делалось страшно* (Белый А.).

Во всех приведенных примерах в значении отзоонимных прилагательных явно выражена негативная оценка, что вообще характерно для метафорических значений большинства отзоонимных прилагательных. В поэтических текстах используется отзоонимное прилагательное *лебяжий*, обладающее положительной оценкой и развивающее в семантической структуре значения семы «белый», «мягкий», «округлый», «гибкий». Ср.: *Я сюда приехал не от скуки – / Ты меня, незримая звала. / И меня твои лебязьи руки / Обвивали, словно два крыла* (Есенин С.).

Характеризация ног. При употреблении отзоонимных прилагательных в качестве конкретизаторов может использоваться не весь семный набор, присущий значению прилагательного, а лишь одна-две семы, нужные для контекста. Так, используя отзоонимные прилагательные для характеристики ног, авторы часто ограничиваются семой, указывающей на размер ног, прочие семы нейтрализуются. Ср.: *Старик был в шортах, выставив на всеобщее обозрение тонкие лагушачьи ноги* (Богданов Е.); *Кержак присел на колоду, рассматривая бабу. Она была тощая, ноги – курьи* (в МАС – помета «Обл.», т.2, с.202), не-

завидная (Федоров Е.); Щеголев – лицо стало просторное, мешковатое, как костюм из магазина готового платья, но ... по-прежнему – м а м о н т о н о г и й (Замятин Е.). Легко заметить, что для обозначения тонких ног берутся отзоонимные прилагательные, образованные от названий мелких животных, для обозначения ног больших, массивных – от названий животных крупных. Такая референтная отнесенность приводит к легкому разгадыванию отзоонимного прилагательного, даже если широкий контекст вообще не конкретизирует значение отзоонимного прилагательного.

Характеризация других частей человеческого тела. Обозначения других частей человеческого тела с помощью отзоонимного прилагательного единичны. Так, хилая грудь может обозначаться прилагательными, образованными от названия мелких птиц. Ср.: *Мэри взяла руку Михаила, вонзила в нее ногти. Он не п и к н у л. Куда ему было соваться со своими джимми за восемнадцать рублей, с большим ртом и ц ы п л я ч ь е й г р у д ь ю* (Толстой А.Н.); *Он жадно притиснул девушку к в о р о б ь и н о й г р у д и* (Астафьев В.).

В следующем контексте происходит перенос ассоциаций, возникающих при восприятии внешнего облика референта (размер сердца как органа) на внутренние качества человека, характеризующегося с помощью отзоонимного прилагательного. Ср.: *Герои Троянской войны были по крайней мере в е л и к о л е п н ы в гривастых шлемах, с м о г у ч и м и л я ж с к а м и и б ы ч ь и м и с е р д ц а м и* (Толстой А.Н.). В значении отзоонимного прилагательного оживляются фоновые семы существительного бык: «сильный», «могучий», «тупой», однако в данном контексте реализуются более глубинные семы: «воинственный», «неуправляемый».

Характеризация групп людей. Отзоонимные прилагательные используются для характеристики больших скоплений людей, при этом ассоциации могут быть абсолютно нейтральными. Ср.: *Москва при близком знакомстве оказалась таким же п ч е л и н ы м у л ь е м*, как и любой крупный современный город (Богданов Е.). Здесь актуализируются ассоциативные признаки: шумный, густонаселенный, находящийся в вечном движении. В следующем примере возникают сугубо негативные ассоциации. Ср.: *Это в о л ч ь е п л е м я* (о КГБ. – А.Ц.) – откуда оно в

нашем народе взялось (Солженицын А.). Актуализируются признаки: «злобный», «хитрый», «коварный», «человеконенавистнический». В этом контексте ключевое слово *племя* употреблено в значении «группа, категория людей, объединенных каким-либо общим признаком» (МАС, т.3, с.138).

В следующем примере в качестве ключевого слова также используется существительное *племя*, но отзоонимное прилагательное имеет иронический оттенок. Ср.: *В коридоре же, общем для двух половин барака, и в сенях никто уже вперед не перся, з в е р е х и т р о е п л е м я* (ээки. – А.Ц.), *а облепили стены в два ряда слева и в два – справа – и только проход по середине на одного человека оставили пустой: проходи на мороз, кто дурней, а мы и тут побудем* (Солженицын А.). Как нам кажется, в значении прилагательного *зверехитрый* находится положительная коннотация, что объясняется сочувственным отношением к этим людям автора как участника событий.

Итак, материалы настоящего раздела показывают, что одна из главных функций отзоонимного прилагательного в художественном тексте – образная характеристика лексемы *человек*. Конкретизироваться может не только общий облик человека, но и отдельные части его тела. Особенно часто отзоонимные прилагательные используются для характеристики лица, головы, взгляда, носа, зубов, рук и ног человека, то есть тех частей тела, которые характеризуют внешнюю индивидуальность человека; значительно реже характеризуются грудь, бедра, сердце человека и др. Отзоонимные прилагательные в применении к человеку – это чаще всего метафорические эпитеты, поэтому удачность и изобразительная сила примененных отзоонимных прилагательных прямо зависит от качества основания метафоризации, от реальности признака сравнения.

Вторичная характеристика зоонимов

Как было показано в предыдущем разделе, одной из продуктивнейших общих моделей регулярной лексической многозначности отзоонимных прилагательных является персонализация, то есть характеристика с помощью отзоонимных прилагательных человека. Рассмотрим близкий по сути процесс – перенос свойств одного животного на обозначение другого. Для обозначения подобного преобразования значения мы используем рабочий термин «вторичная бестиализация». Термины «бестиальные» слова, «бестиализация» уже использовались в лингвистической литературе (Ганжа Р.С., 1970; Чудинов А.П., 1988). Определение «вторичное» в данном случае используется для того, чтобы подчеркнуть, что прилагательное, образованное от названия одного животного, используется при образной характеристике другого животного. Такие словоупотребления встречаются значительно реже, чем для характеристики человека. Для русского речевого узуса в таких случаях характерно не сжатое сравнение (метафора), а сравнение развернутое. Ср.: *...кот, громадный, как боров* (Булгаков М.). Сравни также обиходные выражения: *кони-звери, клопы здесь кусаются, как волки*. Сравнение может происходить по разным основаниям. Ср.: *Он (продавец – А.Ц.) снимал с жирной плачущей лососины ее похожую на змеиную с серебристым отливом шкуру* (Булгаков М.). Очевидно, что в данном контексте актуализируются признаки цвета (серебристый, переливающийся) и осязательные признаки (мягкости, «скользкости» змеиной шкуры). Ср.: *Два гамадрила в гривах, похожих на львиные, играли на роялях* (Там же). В этом контексте сравнение происходит по признаку пышности шевелюры.

Случаи «классической» бестиализации встречаются довольно редко. Ср.: *Конь под ним – чистокровный скакун, держа горделиво лебединую шею, он взбил копытом снег* (Федоров Е.). Актуализируются ассоциативные признаки длинной, красиво изогнутой шеи. В следующем контексте пример вторичной бестиализации представляется достаточно неожиданным. Ср.: *Коснулась лица березовая ветка; кузнечик*

подпрыгнул, угодил об человека, как об древесный ствол, уцепился за его поясной ремень, не торопясь напруживает зеленые ляжки, сидит с круглыми кожаными глазами, с литой бараньей мордой (Гроссман В.). Скорее всего, происходит актуализация признака «длинный», «вытянутый», присущего и бараньей морде, и голове кузнечика. Интересным и необычным видится здесь полное несоответствие сравниваемых представителей животного мира.

Вторичную бестиализацию по признаку формы наблюдаем в следующих контекстах. Ср.: *Проплыла бабочка-парусник, вытянув и сложив свои ласточковые крылья* (Набоков В.); *Склоняя широколобую голову, смотрит и он* (слон. – А.Ц.) *на девочку, и в его совиных глазках блещет что-то хитрое и веселое* (Бунин И.). В последнем контексте актуализируется лишь признак «малого размера», поддерживаемый не только ассоциативно, но и словообразовательно (*глазки*); признаки «хитрый» и «веселый», по нашему мнению, едва ли свойственны глазам свиньи.

Следующий пример вторичной актуализации представляет собой сравнение всего внешнего облика родственных и похожих животных. Ср.: *Неожиданно возле крыльца появились собаки, не одна, не две – целая свора... Выделялись два рослых пса – тощие, угрюмые, волчьего склада* (Тендряков В.). Актуализируются признаки «поджарые», «злые».

Как показывают нижеследующие примеры, вторичная бестиализация происходит и по цветовым, и по звуковым признакам. Ср.: *...к омары, какие-то особенно певучие и зебровый окраски* (Леонов Л.); *Перепрыгивая с ветки на ветку, приблизилась сойка, прокричала кошачьим надрывом и тоже упрыгала так же по веткам* (Троепольский Г.). В этом примере актуализируются ассоциативные признаки кошачьего крика («резкий», «продолжительный»).

К случаям вторичной бестиализации могут быть отнесены примеры сравнения животных, изображенных либо в памятнике, либо на ткани с другими животными. Ср.: *Внизу, за окнами, огромная людная площадь, весь серый от инея, плечистый коренастый царь-мужик на своем упрямом и могучем свиноподобном коньке...* (Бунин И.); *...кусоч*

огромного голубого шелка с на нем расшитым человеческим сердцем из красного бархата и с терзающим то сердце белым бисерным голубем (ястребиный голубя вышел в том рукоделии клюв)... (Белый А.). Здесь происходит актуализация ассоциативных признаков формы («изогнутый») и размера («большой») *ястребиного клюва*.

Как переходную ситуацию между общеотносительным значением прилагательного и бестиализации можно рассматривать такой пример. Ср.: *Ну ленточные глисты, сосальщики, чесоточный клещ, железница, птичий клещ, куринная вошь или пухоед, блохи...* мало ли что может быть (Булгаков М.).

Итак, речевое варьирование лексической семантики отзоонимных прилагательных при бестиализации аналогично речевому варьированию семантики отзоонимных прилагательных при персонализации: актуализироваться может общий внешний вид животного, его размеры (или отдельных частей тела), форма частей тела, звуки, издаваемые животными. Тем не менее исходя из количества иллюстративного материала можно сделать вывод о малой продуктивности рассмотренной модели многозначности отзоонимных прилагательных.

Характеризация фитонимов. Общая модель регулярной многозначности отзоонимных прилагательных «характеризация фитонимов» представлена в иллюстративных материалах единичными примерами. Модель предполагает характеризацию растений с помощью отзоонимных прилагательных. Для поэтических текстов характерно употребление народно-поэтического варианта *лебяжий*. Ср.: *лебяжьей шеи ржи* (Есенин С.; актуализируются ассоциативные признаки «длинной, красиво изогнутой» шеи лебедя). При реализации данной общей модели многозначности отзоонимных прилагательных актуализируются те же признаки, что и при реализации моделей персонализации и вторичной бестиализации, то есть признаки формы, цвета, размера и т.д. Ср.: *...выйдя из под колоннады на заливаемую солнцем верхнюю площадь сада с пальмами на чудовищных слоновых ногах* (Булгаков М.); *Сон крался к Ивану, и уже померещилась ему и пальма на слоновой ноге, и кот прошел мимо* (Там же). Здесь актуализиру-

ются признаки размера («огромного») и фактуры, воспринимаемой и зрительно, и осязательно («неровная бугристая поверхность»). Цветовой признак актуализируется в следующем примере. Ср.: *Б а к л а ж а н с р у м я н ц е м л о с о с и н н о г о ц в е т а* (Леонов Л.); возникает ассоциация с бледно-красным цветом *лососе*го мяса, поддерживаемая опорным словом *румянец*. Ср.: *П а в л и н ь и м и ш л е й ф а м и с в е ш и в а л а с ь с п р и л а в к о в б о т в а* (Нагибин Ю.). Повидимому, в этом контексте реализуется несколько ассоциативных признаков прилагательного *павлиний*: «длинный», «мягко изогнутый», «яркий». Метафоричность образа поддерживается благодаря употреблению в переносном значении (не зафиксированном словарями) ключевого слова *шлейф*.

По результатам исследования количества словоупотреблений отзоонимных прилагательных для характеристики фитонимов данная общая модель отзоонимных прилагательных может быть признана исключительно малопродуктивной.

Характеризация неличных конкретных существительных.

К модели «характеризация неличных конкретных существительных» будут относиться случаи характеристики с помощью отзоонимных прилагательных существительных класса «вещи», то есть обозначающих неодушевленные предметы («объекты») различных типов.

По нашим наблюдениям, относительно часто отзоонимные прилагательные используются для характеристики различных видов техники (машин), при этом актуализируются признаки формы, издаваемых звуков, либо возникают синкретичные значения, то есть совмещающие в себе несколько актуализируемых признаков. Ср.: *П а р о х о д н е с п е ш а п о в о р а ч и в а е т с в о й с т е р л я ж и й н о с* (Горький М.). Актуализируются признаки размера («длинный») и формы («острый»). Актуализация звукового признака происходит в следующем примере. Ср.: *И з р е д к а , в с к р и к н у в о л е н ь и м г о л о с о м , п р о м а х и в а л а в т о м о б и л ь* (Набоков В.); выделяется сема «резкости» *оленьего голоса*.

Развитие однотипных синкретичных значений наблюдаем в таких контекстах. Ср.: *Мы видели лишь – да и то со стороны – вражеские с а м о л е т ы . О н и в с е г д а п р о л е т а л и б о л ь ш и м и ж у р а в л и н ы м и*

с т а я м и, и р е в и х надолго заполнял небо и землю (Воробьев К.); ...*з а в ы л а в о л ч ь я с т а я – т а н к и* на Тракторной пошли... (Гроссман В.). Происходит актуализация количественного признака характеризуемых предметов (*стая*) и звукового (*рев, завывала*).

Интересными представляются случаи характеристики букв, написанных на листе бумаги. Ср.: *Он протянул ему плотный листок, подщелкнул ему свой «паркер». «Какая удобная штука» – подумал Берсенеv, отстраненно наблюдая, как из-под тончайшего пера выползает угольно-черная п а у ч ь я в я з ь с л о в* (Климовы С. и А.). *Вязь слов*, скорее всего, похожа не на паука, а на паутину, и точнее было бы назвать ее паутинной, но образ *паучьей вязи* гораздо ярче, так как одновременно напоминает и о пауке. Актуализация признака малого размера написанных букв наблюдается в таком примере. Ср.: *Первый комментарий – м о ш е ч н ы е б у к о в к и ... к и н у т ы б ы л и н а т е т р а д н ы е л и с т ы* (Астафьев В.). Признаки малого размера и большого количества характеризуемых предметов актуализируются в поэтическом тексте. Ср.: *Лунным светом Шираз осиянен,/ Кружит з в е з д м о т ы л ь к о в ы й р о й* (Есенин С.).

Актуализация цветовых признаков с помощью отзоонимных прилагательных происходит довольно часто; при этом могут использоваться и отзоонимные прилагательные с цветовым значением, частично утратившим образность, и отзоонимные прилагательные, редко используемые для обозначения цвета и обладающие, в силу своей редкости, яркой метафоричностью. Ср.: *Скорбная попадья, приложившаяся к кресту, густо смочила к а н а р е е ч н ы й* (желтый. – А.Ц.) *рваный р у б л ь и вручила его отцу Сергию* (Булгаков М.); ...*послышалась печальная речь перадивых немецких военнопленных в потрепанных я щ е р-и ч н ы х* (зеленых. – А.Ц.) *к и т е л я х* (Солженицын А.).

При характеристике конкретных существительных может актуализироваться не только физическое восприятие предмета органами зрения, слуха и т.д., но и оценка его. Коннотация пренебрежения или даже отвращения не всегда поддерживается эксплицитно выраженным контекстом; могут эксплицироваться ассоциативные семы, сверхширокий контекст. Видимо, брезгливое отношение многих людей к лягушке объясня-

ет поведение отзоонимного прилагательного в следующем примере (речь идет о советском документе. – А.Ц.). Ср.: *Я лишу вас обеда и вообще питания в моем доме. Шестнадцать аршин – это прелесть, но ведь я вас не обязан кормить по этой лягушачьей бумаге* (Булгаков М.).

Наложение эмоциональной оценки на актуализацию физического восприятия органами зрения, обоняния и осязания происходит в таком контексте. Ср.: *Кузьма уже знал: если войдешь в ее (избы. – А.Ц.) темные полураскрытые сени, почувствуешь себя на пороге почти звериного жилья – пахнет снегом, в дыры крыши видно сумрачное небо* (Бунин И.).

Отзоонимные прилагательные характеризуют предметы одежды, сделанные из шкуры, меха, кожи и т.д. животного, продукты питания, приготовленные из мяса, молока животного, различные приспособления, предназначенные для ухода за животными, для охоты на них. Но нам представляется, что целесообразнее рассмотреть эти типы вторичных значений отзоонимных прилагательных отдельно.

Характеризация абстрактных существительных. Дифференциация лексем на слова конкретные и абстрактные не носит абсолютного характера. Прежде всего это относится к полисемантам. Одно и то же слово может быть конкретным в одном контексте и абстрактным в другом, ср.: *пшеничное зерно – зерно истины, голубой платок – голубая мечта.*

Учитывая почти безграничные потенции метафоризации, мы приходим к выводу, что практически всякое полнозначное (знаменательное) конкретное слово в определенных контекстуальных условиях может абстрагироваться. Ни один носитель русского языка не усомнится в конкретном характере слова *лицо* в прямом значении. Но так же несомненным представляется абстрактный характер этого слова в приводимой И. Буниным цитате из Библии. Ср.: *Честь унижится, а низость возрастет... В дом разврата превратятся общественные сборища. И лицо поколения будет собачье* (Окаянные дни). В данном примере отзоонимное прилагательное *собачий* несомненно конкретизирует абстрактное понятие, имеющее значение «моральный облик» поколения.

Исходя из сказанного будем иметь в виду, что под абстрактными существительными мы понимаем и слова собственно абстрактные (*радость, гордость, быстрота, ловкость, долготерпение* и др.), и субстантивы, подвергшиеся контекстуальной абстракции.

Отзоонимные прилагательные по своей природе конкретны, поскольку образованы от названий конкретных представителей фауны. Поэтому соединение отзоонимного прилагательного с обозначением абстрактного понятия создает особую выразительность, в тексте возникает двусловная экспрессема. Интересное соединение абстрактного и конкретного образов, созданных на базе одного прилагательного, видим в следующем случае. Ср.: *...старый, облезло-розовый итальянский вокзал и петушиная гордость, и петушины перья на касках коротконогих вокзальных солдатиков* (Бунин И.). Возникает образ очень незначительных, но задиристых людишек, что поддерживается и лексическим, и словообразовательным контекстом: *коротконогие солдатики*; а *гордость* представляется ничтожной, несерьезной, пустой.

Отзоонимный эпитет контекстуально снижает «высокое» значение, заключенное в абстрактном значении. Ср.: (Колонна эзков обгоняет колонну мехзавода, чтобы быстрее добежать до лагерной вахты и быстрее пройти проверку. – А.Ц.) *Ну, теперь спокойно пошли. Рады все в колонне. За я чья радость: мол, лягушки еще и нас боятся* (Солженицын А.). Имеется в виду радость маленького забитого существа оттого, что есть еще кто-то слабее его.

В следующем примере отзоонимное прилагательное *волчий* усиливает семантику ключевого слова *подозрительность*, актуализируя в нем семы «осторожность», «недоверчивость». Ср.: *По недоброму выражению его глаз Бах привычно почувствовал в Герне человека, не навидевшего догитлеровскую интеллигенцию... Злоба охватила его. Теперь, когда он готов склониться перед грубой мощью новых людей, зачем смотреть на него с угрюмой, волчьей подозрительностью* (Гроссман В.).

Один из множества ассоциативных смыслов, связываемых с понятием *собака*, а именно ее терпеливость, реализован в следующей фразе:

Иду в рай за собачье долготерпение (Булгаков М.). Сема, в обычных условиях затененная (фоновая), становится яркой, актуализируется, выводится на первый план. Даже привычные отзоонимные прилагательные в соединении с абстрактными словами способны создать яркий зрительный образ. Ср.: *Руки, сухие, индусские, с мумийными пальцами и более светлыми ногтями, все шелушили и шелушили фисташки с обезьяньей быстротой и ловкостью* (Бунин И.); *Сила его в львиной отваге, в веселой отчаянности* (Гроссман В.).

Встречаются случаи, когда одно и то же существительное даже в одном контексте может быть понято и как конкретное, и как абстрактное. Ср.: – *Теперь та-ак, – надзиратель сказал. – Ще – триста одиннадцать – есть такой у тебя? – Надо по списку посмотреть, – темнит бригадир. – Рази ж их запомнишь, – н о м е р а с о б а ч ь и* (Солженицын А.). Порядковый номер заключенного, безусловно, понятие абстрактное, так как эта цифра не в коей мере не отражает реальных свойств человека, но изображение данной цифры на нарукавной или наспинной нашивке – вещь вполне осязаемая. В приведенном разговоре лагерных начальников (надзирателя и бригадира) определенно присутствуют оба смысла.

Приближаются к характеристике абстрактных понятий и некоторые другие словосочетания со словом *собачий*. Ср.: *Я знаю, кто он. Он – волшебник, маг и кудесник из собачьей сказки* (абстрактность здесь усматривается в том, что словосочетание представляет собой чисто мыслительную, воображаемую реальию, так как *собачьих сказок* не существует) (Булгаков М.); *Мозг Шарика в собачьем периоде его жизни накопил бездну понятий* (Там же). Книжная окраска слова *период*, контрастируя с широким контекстом, ведет к некоторому сходству этого слова с абстрактными существительными.

В следующем примере абстрактизация слова *казак* наводится средствами макроконтекста. Ср.: – *Нет, батенька – мягко этак, попускай, говорит Цезарь, – объективность требует признать, что Эйзенштейн гениален... Пляска опричников с личиной! Сцена в соборе! Кривлянье! – ложку перед ртом задержав, сердится X-123... И потом же гнуснейшая политическая идея оправдание единоличной тирании.*

Глумление над памятью трех поколений русской интеллигенции!... Но какую трактовку пропустили бы иначе? Ах, пропустили бы? Так не говорите, что гений! Скажите, что подхалим, з а к а з с о б а ч и й выполнял. Гении не подгоняют трактовку под вкус тиранов (Солженицын А.).

Довольно часто отзоонимные прилагательные дают характеристику отвлеченных свойств материальных предметов. Ср.: *Когда я глядел вправо, я видел, как высоко и безгрешно сияет над двором месяц и р ы б ь и м блестящем блестит крыша дома* (Бунин И.). Актуализируется ассоциативный признак лоснящегося тела мокрой рыбы.

Отзоонимные прилагательные могут сочетаться и с существительными высокой степени абстрактности, результатом чего нередко бывают словосочетания афористического типа. Ср.: *Мое дело не тушиное – я прокукарекал* (засветился. – А.Ц.). (Ильин А.); *Живуче собачий дух* (Булгаков М.); *Боже мой, на кого же ты нанесла меня, собака моя доля* (Там же); *Какая подлость, какая овечья покоропность* (Гроссман В.); *Когда чувство королевей тоски, обреченности сменялось режущим ощущением ужаса, на помощь людям приходил бессмысленный опциум – оптимизм* (Там же). Чувство королевей тоски, обреченности вызвано знанием, предчувствием неизбежности насильственной смерти; ср.: *...даже если и холит, и нежит, все равно потом зарежет* (Макаревич А.).

Итак, сделаем следующие выводы:

- самой продуктивной общей моделью является «характеризация антропонимов»;
- к малопродуктивным общим моделям относятся «вторичная характеристика зоонимов» и «характеризация фитонимов»;
- даже в случае характеристики с помощью отзоонимных прилагательных абстрактных существительных квалифицируются в основном человеческие качества и – реже – отвлеченные свойства материальных предметов.

Специальные модели многозначности отзоонимных прилагательных

Отзоонимные прилагательные представляют собой ярковыраженную, легко идентифицируемую лексико-семантическую группу. Поэтому для них особенно важны специальные модели лексической многозначности, характеризующиеся именно тем, что они объединяют слова одной лексико-семантической группы (Чудинов А.П., 1988, с.75). Отличительными особенностями рассматриваемой лексической подсистемы являются ее открытость для включения новых членов, что происходит с развитием зоологии и других естественных наук, и продуктивность, предполагающая появление новых значений у уже освоенных отзоонимных прилагательных.

Необходимо сделать следующее уточнение. Каждое конкретное отзоонимное прилагательное необязательно соответствует лишь одной модели многозначности. Например, по-разному можно трактовать отзоонимное прилагательное *телячий* в следующем примере. Ср.: *Около деревни перешел дорогу малый в желтой телячьей куртке, с ружьем* (Бунин И.). Прилагательное *телячий* представляет, во-первых, общую модель многозначности отзоонимных прилагательных «характеризация неличных конкретных существительных», во-вторых, специальную модель «сделанный из кожи...». Подобные этому переходные, спорные, вариативные случаи можно обнаружить во всех ярусах языковой системы.

Однотипность вторичных значений, соответствующих специальным моделям, более заметна, чем семантическая близость значений, соответствующих общим и частным моделям (Чудинов А.П., 1990, с.155). Специальные модели многозначности отзоонимных прилагательных выделяются нами на основании развития вторичных значений отзоонимных прилагательных в результате метонимических переносов различных типов.

Анализ большого числа примеров показывает, что выделяются следующие специальные модели многозначности отзоонимных прилагательных:

«сделанный из мяса (в том числе рыбы, птицы)...», «сделанный из шкуры, кожи, меха, пуха, кости...», «предназначенный для...», «состоящий из...», «содержащий...». «такой, где водятся...». Все отзоонимные прилагательные, развивающие значения по специальным моделям, употребляются в частно-относительных значениях и в основном лишены каких бы то ни было признаков метафоризации.

Модель «сделанный из мяса...». Наиболее распространенными являются отзоонимные прилагательные, обозначающие пищу, приготовленную из мяса млекопитающих. Ср.: *Зинка в кинематограф пошла, – думал пес, – а как придет, ужинать, стало быть, будем. Сегодня, надо полагать, т е л я ч ь и отбивные* (Булгаков М.); *Обедающий за соседним столиком беллетрист Петраков-Суховой с супругой, доедающей с в и н о й эскалоп...*, заметил ухаживание Арчибальда Арчибальдовича (Булгаков М.); *В самом деле, не пропадать же к у р и н ы м котлетам де-воляй?* (Там же); *За обедами и ужинами ела не меньше меня, любила расстегивать с н а л и м ь е й ухой, розовых рябчиков* (Бунин И.); *Толстяк, бегая, повалился навзничь и сел в кадку с керченской сельдью, выбив из нее фонтан с е л е д о ч н о г о рассола* (Булгаков М.). К рыбным отнесем блюда из рака. Ср.: *А стерлядь, стерлядь в серебристой кастрюльке, стерляди кусками, переложенными р а к о в ы м и шейками и свежей икрой* (Там же).

Прилагательные, входящие в состав обозначения блюд, обладают весьма широким значением и, следовательно, малым семным набором. Господствует только ядерная сема «сделанный из...». Фоновые, факультативные семы нейтрализованы. Они могут быть внесены лишь расширением контекста, введением новых лексем, указывающих на какие-либо специфические свойства пищевого продукта.

Модель «сделанный из шкуры, кожи, меха, пуха, кости...». Перечисленные варианты «сделанный из шкуры, кожи, меха, пуха, кости...» объединены в одну модель, так как они близки или даже однотипны по способу семантических корреляций с производящей основой. Наиболее частотна модель «сделанный из шкуры...». Здесь можно выделить ряд разновидностей. В первой разновидности слово *шкура* употребляется в прямом значении, но поскольку речь идет не о функционирующем жи-

вотном, а о шкуре, снятой с него и используемой в качестве одежды или ковра, то можно говорить именно о модели «сделанный из шкуры...». Ср.: *Перед камином на т и г р о в о й шкуре сидел, благодушно жмурясь на огонь, черный котище* (Булгаков М.); *В голове у него вдруг мелькнула картина: необитаемый остров, пальма, человек в з в е р и н о й шкуре и колпаке* (Булгаков М.); *...надо все больше наворачивать на себя з в е р и н ы х шкур* (Замятин Е.); *Был слух: загулял Садыкин с тоски. Был слух: велел зашить себя, пьяный, в м е д в е ж ь ю шкуру и вышел во двор* (Замятин Е.).

К рассмотренному типу прилагательных вплотную примыкают отзоонимные прилагательные модели «сделанный из кожи...». Собственно, существительные *шкура* и *кожа* различаются лишь одной ядерной и одной потенциальной семами. Слово *шкура* включает сему «покрытый шерстью», этой семы нет у слова *кожа*. Потенциальная же сема «выделанный, подвергнутый обработке» обязательно присутствует у слова *кожа*; для слова *шкура* названная сема факультативна, она может быть, а может и отсутствовать в структуре значения. Ср.: *Горы сумочек из а н т и л о п о в о й кожи, из замши, из шелка, а между ними – целые груды чеканных золотых продолговатых футлярчиков, в которых бывает губная помада* (Булгаков М.); *Он вынул папку из б у й в о л и н о й кожи* (Корецкий Д.); *Надсмотрщик, скрипнув к о з л о в ы м и сапогами, распахнул дверь* (Федоров Е.); – *Нет, нет, игемон, – весь напрягаясь в желании убедить, говорил арестованный, – ходит, ходит один с к о з л и н ы м пергаментом и непрерывно пишет* (Булгаков М.). В последнем примере точнее было бы употребление прилагательного *козловый*, форма *козлиный* могла бы служить для наведения пренебрежительной коннотации, но это сомнительно, так как приведенные слова принадлежат Иешуа, то есть Христу, который никого и никогда не осуждал.

Следующую модель можно было бы охарактеризовать не как «сделанный из кожи...», а как «выделанный из кожи...». Разница не большая, но все же заметная. Ср.: *Потянулись низкие бревенчатые избы... узкие крохотные оконца в них, затянутые в о л о в ь и м и пузырями, светились изнутри* (Федоров Е.); *Не глядя на свата, Матвей Его-*

рович не торопясь вынул из кармана штанов туго набитую деньгами б ы ч и н у ю мошонку, сосредоточенно принялся отсчитывать бумажки (Воробьев К.).

К двум рассмотренным моделям примыкает еще одна: «сделанный из меха...». Ср.: *Одежда его состояла из грязной желтой рубашки и несусветных штанов, отделанных к о ш а ч ь и м мехом на бедрах и по краям штанины (Руденко Б.); Бабы, мужики шибко едут в лубяных санках, на кубастых, лохматых коньках, все в лазоревых крашеного холста тулупах со стоячими аршинными воротами из жесткого п с и н о г о меху и в таких же шапках (Бунин И.); Старуху в к о л о н к о в о й шубе и ее двух внуков ожидал автомобиль ЗИС-10 (Гроссман В.); Не понятно почему, – говорила она в раздумье, глядя на мой б о б р о в ы й воротник, – но, кажется, ничего не может быть лучше запаха зимнего воздуха, с которымходишь со двора в комнату (Бунин И.).*

Реже встречается отзоонимные прилагательные, характеризующие предметы, сделанные из пуха или кости. Ср.: *По истечении почти сорока лет я без труда восстанавливаю и общее ощущение, и подробности его (дома. – А.Ц.) в памяти: шашечницу мраморного пола в прохладной и звучной зале, небесный свет сверху... ракообразный предметик из с л о н о в о й кости для чесания спины (Набоков В.); Я встал и подошел к дверям: она, только в одних л е б я ж ь и х (т.е. сделанных из лебединого пуха. – А.Ц.) туфельках, стояла спиной ко мне, перед трюмо, расчесывая ч е р е п а х о в ы м гребнем черные нити длинных, висевших вдоль лица волос (Бунин И.).*

Модель «предназначенный для...». Рассматриваемая специальная модель принадлежит к числу наиболее частотных. Здесь выделяется ряд разновидностей. Одна из них, – обозначение «вместилища для животных» (помещение, площадки и т.д.). Ср.: *Посреди м е д в е ж ь е й площадки росло большое дерево, обитое железом, чтобы медведи, когда им захочется почесаться, не портили кору (Пришвин М.); Б а р с у ч ь и норы у нас расположены в еловом лесу, на высоком яру: тут все норы б а р с у ч ь и как город, а внизу речка блестит (Пришвин М.); Куроводство ее процвело настолько, что к 28-му году у вдовы на пыль-*

ном двореке, окаймленном кур и н ы м и домиками, ходило до 250 кур (Булгаков М.); И в к у р и н ы х домиках ему ответило беспокойное квохтанье, хлопанье и возня (Там же); Мокрая от слез попадья повела Матрену на свой п т и ч ь й двор (Там же); – Э, нет... – мысленно завыл пес, – ...Это меня в с о б а ч ь ю лечебницу заманили. Сейчас кас-торку жрать заставят и весь бок изрежут ножниками (Булгаков М.); В т е л ь ч ь е м вагоне есть своя стратегия, основанная на страстной жажде существовать на земле (Гроссман В.).

Отзоонимные прилагательные, относящиеся к этой же специальной модели, могут служить для обозначения предмета, предназначенного для ухода за животными или охоты на него. Ср.: ...и непременно почему-то блестящую между камнями драгоценную к о н с к у ю подкову вр-де той, что посчастливилось мне раз найти (Набоков В.); Его пиджак был сшит из л о ш а д и н о й попоны кричащей расцветки (Ильин А.); Феодосию тоже однажды надоело быть обыкновенным дворником, и он тоже однажды разулся, возложил на себя вериги, то есть попросту с о б а ч ь е й цепью обмотался, прихватил в подручные некоего бродячего Петрушу и пошел пророчествовать (Бунин И.); А на крыше съез-жей – мохнатый гул, из рук в руки – берданки, м е д в е-ж ь и двустволки, вынутые из тайников (Замятин Е.); А Ермил думал, где бы достать в о л ч ь й капкан, чтобы к святочной ночи положить его возле порога (Бунин И.); Он продул ее (одностволку. – А.Ц.), пробил пистоном, зарядил у т и н о й дробью, крепко забил палкой (Там же).

Модель «состоящий из...». Значения отзоонимных прилагательных, развивающиеся по данной модели, характеризуют большие скопления живых существ – людей или животных, причем отзоонимное начало всегда выражается прилагательным, а субстантив обозначает само скопление. Ср.: Прошла многотысячная, стрекочущая копытами по тор-цам, змея к о н н о й армии (Булгаков М.); Он (Иуда. – А.Ц.) никакого внимания не обратил на к о н н ы й римский патруль (Булгаков М.); Пошто на мои земли скот и к о б ы л ь и табуны напустили (Федо-ров Е.); За о в е ч ь и м и отарами брели пастухи, забавляясь игрой на свирелях из тростника (Там же); В о л ч ь я стая кинулась от костра (Там же).

Модель «снабженный <...>, содержащий <...>». Очень часто отзоонимные прилагательные, развивающие вторичные значения по этой модели, характеризуют какие-либо объекты, находящиеся на поверхности других объектов. Ср.: *В руках у него был бархатный берет с п е т у ш ь и м потрепанным пером* (Булгаков М.); *А на оленьих рогах висели береты с о р л и н ы м и перьями* (Там же); *Сам он ... расхаживал недалеко от группы палачей, не сняв даже со своей рубахи накладных серебряных л ь в и н ы х морд, не сняв поножей, меча и ножа* (Там же); *...а на креслах лежат куклы: баба в желто-красном сарафане, добрый молодец в жаровой рубашке, в плисовой безрукавке и в круглой шляпке с п а в л и н ь и м и перьями* (Бунин И.).

К варианту модели «содержащий...» обычно относятся отзоонимные прилагательные, образованные от названий насекомых, наиболее мелких представителей животного мира. Ср.: *Какая, прежде всего, грязь! Сколько грязных, донельзя запакощенных солдатских шинелей, сколько порыжевших обмоток на ногах и сальных картузов, которыми точно улицу подметали, на в ш и в ы х головах!* (Бунин И.); *И все «надевали лавровые венки на в ш и в ы е головы», по выражению Достоевского* (Там же); *И «молодежь», и «в ш и в ы е головы» нужны были как пушечное мясо* (Там же). В последнем примере атрибутивный оборот «вшивые головы» реализует не только метонимическое значение «содержащий вшей», но и метафорическое «уже побывавшие на войне, опытные».

Модель «такой, где водятся...». При использовании отзоонимных прилагательных по данной модели в качестве ключевых слов обычно используются существительные: река, лес, озеро, степь и т.д., то есть обозначающие места обитания рыб, зверей, птиц. Ср.: *Ехали мы, князь, двое суток, земли у вас знатные, реки р ы б н ы е, леса боровые* (Федоров Е.); *Изредка бывали потехи: в борах тревожили м е д в е ж ь и берлоги* (Там же); *Бор дремучий, кондовый, с берлогами м е д в е ж ь и м и, крепким грибным и смоляным духом...* (Замятин Е.); *Солнце всходило над в е р б л ю ж ь е й степью, одинаково суровой и в знойные августовские дни, и в пору низового зим него ветра* (Гроссман В.); *Если поселиться среди этих в о л ч ь и х и з а я ч ь и х овра-*

гов, окруженных лесными островами, в старой избе... то с непривычки будешь чувствовать себя за сто верст от людей (Бунин И.).

Необычными в плане выбора И. Буниным ключевого слова при сочетании с отзоонимными прилагательными представляются следующие примеры. Ср.: *В лесу же, в его мелочах, в непролазных чащах по оврагам, были в о л ч ь и притоны* (Ермил); *Переезжая низы, смотрю вбок, вдоль оврага, густо заросшего грифельным безлиственным осинником, – там за лесом нежно, слабо разлился погожий закат. По дну оврага, среди темной чащи, среди подседа орешников, падает с уступа на уступ, журчит и холодно булькает еще не иссякший паводок. Самый в а л ь д ш н е п и н ы й притон этот овраг* (Сосед). В качестве ключевого использовано слово *притон*, обозначающее место сбора людей (обычно с неблагоприятными целями); яркий образ создается во втором примере и благодаря использованию окказионального прилагательного *вальдшнепиный*, не зафиксированного словарями (МАС-2, БАС).

Наблюдения над специальными моделями регулярной многозначности отзоонимных прилагательных позволяют сделать некоторые выводы:

- вторичные значения отзоонимных прилагательных, развивающиеся по специальным моделям многозначности, являются результатом метонимических переносов;

- наиболее продуктивными специальными моделями являются следующие: «сделанный из мяса (рыбы, птицы)...», «сделанный из шкуры, меха, кожи, пуха, кости...», «предназначенный для...», что объясняется особым значением животных в жизни человека как объекта хозяйства и охоты;

- модели «состоящий из...», «снабженный <...>», «содержащий <...>», «такой, где водятся...» являются по данным нашей картотеки малопродуктивными.

Частные модели многозначности отзоонимных прилагательных

Частные модели многозначности отзоонимных прилагательных принципиально отличаются от специальных по признаку наличия/отсутствия метафоризации. В основе частных моделей лежит актуализация ассоциативных признаков, периферийных, фоновых, иногда факультативных сем. Связь между первичным и вторичным значениями в этом случае воспринимается как более опосредованная; соответствующие однонаправленные преобразования лексических значений часто относятся к числу слабо предсказуемых (Чудинов А.П., 1990, с.139). Параллелизм вторичных значений базируется на однотипных ассоциативных признаках, часто не отражаемых толковыми словарями и приводящих к появлению контекстуальных синонимов (ср.: *лисья хитрость* и *змеиная хитрость*, *свинский поступок* и *скотский поступок*).

Исследование многозначности отзоонимных прилагательных позволяет выделить две группы частных моделей.

1. Во вторичном значении на первый план выходят признаки, воспринимаемые органами чувств: зрением, слухом, осязанием и т.д., то есть актуализируется физическое восприятие. Такие значения, если воспользоваться классификацией А.Н.Шрамма (1972), относятся к классу эмпирических, например, в следующем контексте во вторичном значении прилагательного актуализирован признак «сходство по звучанию». Ср.: *Да, в тот вечер была сотворена вселенная, и удивительная мудрая морда луны, и с о л о в ь и н а я трель звонков в коридоре* (Замятин Е.).

2. На первый план выходят оценочные компоненты семантики. По классификации А.Н.Шрамма такие значения относятся к классу рациональных. Ср.: *Мистер Краггс выждал минутку. Все также что-то пряча под опущенными чужунными веками, взобрался на холм, огляделся и, с неожиданной для монумента к р ы с и н о й прыткостью, юркнул вниз* (Замятин Е.). Метафора в данном случае оценивает физические способности героя рассказа как сопоставимые с физическими способностями крысы; актуализируется признак быстроты, проворности, суетли-

вости движения. В соответствии с моделями этой группы возможны различные виды оценки: эстетическая оценка (*обезьянье лицо* – некрасивое лицо); этическая оценка (*волчья мораль* – отсутствие моральных преград); оценка интеллектуальных способностей (*куриные мозги* – глупый, недалекий человек); оценка психологических особенностей человека (*ослиное упрямство* – чрезвычайно упрямый человек); эмоциональная оценка (*змеиный шепот* – очень неприятный шепот) и т.п.

Развитие переносных оценочных значений у отзоонимных прилагательных обусловлено существованием традиционных представлений человека о том, что данные признаки человеку свойственны.

Необходимо отметить, что частные модели могут комбинироваться; в одном и том же атрибутивном обороте возможно соединение значений, иллюстрирующих разные модели. Ср.: *На дне расселины мелькали неясные тени, вспыхивали и гасли искры выстрелов, загорался то зеленый, то красный глазок, а в воздухе стоял непрерывный железный свист. Казалось, Крымов-заглянул в з м е и н у ю нору, где сотни потревоженных живых существ, шипя, сверкая глазами, быстро расползались, шурша среди сухого бурьяна* (Гроссман В.). Из широкого контекста видно, что актуализируется и зрительное, и слуховое восприятие действительности; кроме того, в образе *змеиной норы* содержатся и разные виды оценки: этическая (аморальность войны), эстетическая (безобразие войны) и эмоциональная (ненависть к войне). Все это обилие смыслов, оттенков значения конденсируется в отзоонимном прилагательном *змеиный*, которое в метафорическом значении всегда имеет пейоративную окраску.

Рассмотрим особенности реализации конкретных моделей отзоонимных прилагательных.

Актуализация физического восприятия. К физическому восприятию традиционно относят восприятие при помощи пяти основных чувств: зрения, слуха, осязания, обоняния, вкуса. По-видимому, с некоторыми оговорками можно согласиться с мнением А.Н.Шрамма, который относит к этой группе еще и «восприятие при помощи мышечного напряжения» (тяжелый/легкий). Поэтому в настоящем разделе будут последовательно рассмотрены вторичные значения прилагательных,

связанные с актуализацией названных типов физического восприятия. Следует подчеркнуть, что некоторые вторичные значения могут быть оценены как соответствующие нескольким моделям. Ср.: *Терпеть не могу, когда смотрят на мои руки: все в волосах, лохматые – какой-то нелепый атавизм. Я протянул руку и – по возможности посторонним голосом – сказал: – Обезьяньи* (Замятин Е.). Можно предположить, что метафоризация в этом случае связана и с размером рук (едва ли обезьяньими назовут маленькие руки), и с осязательным признаком (что и подчеркивается в контексте с помощью опорных слов: *все в волосах, лохматые*).

Как уже было сказано выше, одновременное соответствие вторичного значения нескольким моделям – это не какая-то аномалия, а вполне естественное, достаточно распространенное в языке явление. Подобные словоупотребления могут анализироваться в различных аспектах, а поэтому могут рассматриваться в различных частях настоящего раздела; в частности, последнее словоупотребление могло бы быть использовано и при актуализации зрительного восприятия, и при актуализации восприятия органами осязания.

Актуализация восприятия органами зрения. Модель многозначности, в основе которой лежит актуализация восприятия органами зрения, имеет несколько вариантов.

В одних случаях контекст достаточно ясно показывает, какой именно признак выходит на первый план: сходство окраски, размеров, формы и т.п.

В других случаях контекст не дает оснований для выделения какого-то аспекта зрительного восприятия или подчеркивается именно общий характер внешнего сходства. Ср.: *...с разинутым ртом и круглыми глазами Алешка походил сейчас на тех беспощадно нанизанных на веревку ершей, которые вчера вечером болтались в дяконовой руке перед окном у Алешки. В е р ш о в о м виде Алешка простоял ровно столько, чтобы к увиденному подобрать рифму* (Замятин Е.). Широкий контекст актуализирует восприятие органами зрения; происходит уподобление внешнего облика героя внешнему виду пойманных и нанизанных на веревку ершей (*разинутые рты, круглые глаза*).

Актуализация восприятия окраски (цвета). За некоторыми отзоонимными прилагательными в языке закрепилось определенное значение цвета или его оттенка, например: *мышинный* – серый, *канареечный* – желтый и т.п. При употреблении таких отзоонимных прилагательных в контексте обычно не требуется дополнительной актуализации. Ср.: *Это был мышинного цвета ландолет* (Набоков В.); *...бежал жеребенок мышинного цвета на длинных тонких ножках* (Бунин И.); *Вдали выступали парами дородные девицы в зеленых, синих, канареечных и даже золотых басках на толстых талиях* (Белый А.).

Обычно словосочетание *мышинный цвет* воспринимается как нейтральное, но особые контекстуальные условия способны придать словосочетанию пейоративную окраску. Ср.: *(Описывается базар на Лубянской площади. – А.Ц.) Восточный крик, говор и какие-то все мерзкие даже и по цвету лица, желтые и мышинные волосы. У солдат и рабочих, то и дело грохочущих на грузовиках, морды торжествующие* (Бунин И.).

Приведем ряд примеров, в которых обозначение цвета при помощи отзоонимного прилагательного не требует особых пояснений из-за хорошего знакомства носителей языка со свойствами референта. Ср.: *Подоконники тоже были заняты многочисленными, вольчьего цвета котомками, спящими детьми* (Тополь Э.); *Я прошел по коридору, окрашенному в цвет слоновой кости и с зеленым ковром на полу* (Ильин А.).

В следующем контексте используются два способа актуализации значения отзоонимного прилагательного: образование сложного прилагательного и контекстуальная субстантивация. Ср.: *Мелькнуло, пропало лебедино-белое* (о ногах. – А.Ц.). *Вскрики. Зонтик выпрыгнул в воду и поплыл* (Замятин Е.). Вторая часть сложного прилагательного (качественное прилагательное *белый*) актуализирует сему «белого цвета» отзоонимного прилагательного *лебединый* (ведь лебеди бывают и черного цвета, а кроме того, обладают рядом других зрительно воспринимаемых признаков).

Окказиональное сложное прилагательное оказывается легко представимым, если ясны составляющие его морфы. Ср.: *Я осоловело раз-*

добрел и во всем успокоился, и на щеках у меня обозначился розоватый, м о л о ч н о - п о р о с я ч и й прилив (Воробьев К.).

Однако не так уж редко отзоонимное прилагательное, обозначающее цвет, требует контекстуальной поддержки. Так, *бычий глаз* может быть охарактеризован не только по цвету, но и по величине, форме (выпуклости) и т.д. Поэтому авторы целенаправленно актуализируют периферийную сему «красного цвета». Ср.: *И плавится лед в вазочке, и видны за соседним столиком налитые кровью чьи-то б ы ч ь и глаза* (Булгаков М.); *Мелькнула освещенная электричеством будка, очередь машин у опущенного полосатого шлагбаума, б ы ч и й красный глаз светофора* (Гроссман В.).

Тот же цветовой признак актуализируется в значении и другого отзоонимного прилагательного. Ср.: *...масляные прямые палки-волосы, красные р а ч ь и ручки* (Замятин Е.).

В некоторых случаях с помощью отзоонимных прилагательных передается «цвет со знаком минус», то есть отсутствие цвета, бесцветность. Чаще всего с этой целью используется отзоонимное прилагательное *рыбий*. Недостаточность (в данном случае) семного состава отзоонимного прилагательного *рыбий* восполняется добавочными семами, использованием в качестве опорных слов иных, неотзоонимных прилагательных. Ср.: *...глаза у него были р ы б ь и, вареные* (Замятин Е.); *...он представлял себе, и очень живо представлял, и эту худенькую шею переломленной... и эти ресницы над застекленевшими р ы б ь и м и глазами, и мертвые губы, словно из серого и пыльного каучука* (Гроссман В.).

Актуализация восприятия размеров. В художественной речи актуализируются обозначения только больших и малых размеров, то есть маркированные члены семантической оппозиции. Актуализация «средних», обычных размеров нами не зафиксирована. Для обозначения больших объектов обычно используются отзоонимные прилагательные от названий крупных животных. Ср.: *Он желчно постучал перстнем в стол и поднялся во весь м е д в е ж и й рост. Медное лицо его горело краской, сердитые глаза сверкали жестоким холодом* (Шишков В.). Особенно часто используется прилагательное *бычий* со словами *голова*,

шея. Ср.: ...его б ы ч ь я шея была темна от весеннего загара (Федоров Е.); Старуха, обхватив обеими руками его в о л о в ь ю шею, задыхаясь от запаха водки, исходившего от него, тряслась на бегу (Бунин И.).

Впрочем, «большой» и «малый» – понятия оросительные. Если сравнивать различных птиц с курицей, то гусиную шею можно назвать длинной, а лебяжье яйцо – большим. Ср.: Как всегда рядами, по четыре. Но ряды – какие-то не прочные, и, может быть, от ветра колеблются, гнутся... Вот обо что-то на углу ударились, отхлынули, и уже сплошной, застывший, тесный с частым дыханием комок, у всех сразу д л и н н ы е, г у с и н ы е шеи (Замятин Е.). Солнце на закате играет, как в сказке: то блещет лиловым, то кумачовым, а то все кругом рядит в золото или зелень. Звезды ночью в л е б я ж ь е я й ц о (Бунин И.).

Для актуализации признака малого размера авторы часто используют отзоонимные прилагательные, образованные от названий насекомых, небольших птиц, мелких животных. Ср.: И вот мы, кичливые, самоуверенные, переступили порог дивного дома, и волшебная палочка превратила нас в чижиков-пыжиков, поросюшек, белочек. Нам теперь что мошку, м у р а в ь и н о е я и ч к о (Гроссман В.). Актуализация названной семы отзоонимного прилагательного поддерживается семантическим рядом уменьшительных форм существительных. Аналогичным способом (уменьшительной формой существительных) поддерживается сема «малого размера» в следующем примере: Удивительно! Сколько оказалось среди них (пленных немцев. – А.П.) маленьких, носатых, низколобых, со смешными з а я ч ь и м и ротиками, с в о р о б ь и н ы м и головками. Сколько черномазых арийцев, много прыщавых, в нарывах, в веснушках (Гроссман В.). Ср. также: Доктор Борменталь, бледный, с очень решительными глазами, поднял рюмку со с т р е к о з и н о й талией (Булгаков М.); В подземных выработках с отравленным воздухом индикаторы газа п т и ц ы и м ы ш и погибают сразу, у них маленькие тела, и мальчик с маленьким, п т и ч ь и м телом ушел раньше, чем она (Гроссман В.); ...брови, конечно, были и у всех тут в клубе: брови были у блестящих, белокипенных моряков-офицеров; брови были

очень искусные у мадемуазель Жорж; очень тоненькие – у Павлы Петровны; замызганные – у Семена Семеновича; шерстяные – на з а я ч ь е й мордочке китайца из буфета (Замятин Е.).

Актуализация восприятия формы. Значительная часть образцов этой модели совпадает с общей моделью «персонализация». Различия в таких случаях видятся не в самих речевых актах, а в особенностях лингвистической трактовки этих актов. Многие отзоонимные прилагательные рассматриваемой частной модели описывают человеческое лицо, части лица и, реже, другие части тела. Ср.: *Длинное л о ш а д и н о е лицо его было бледное, испуганно* (Замятин Е.); *Вместо него входит толстяк, тоже с какой-то кошачьей мордой, и говорит: «Это что же вы, гражсоане посетители, "брысь" кричите?»* (Булгаков М.).

Из отдельных частей тела чаще всего актуализируется описание носа, причем в типичных случаях метафоризация носит «птичий» характер. Ср.: *Ноздри его я с т р е б и н о г о носа раздувались* (Булгаков М.); *Забывлась газета с моим портретом – брови кустиками, г р а ч и н ы й нос* (Тендряков В.).

Довольно многочисленны и случаи метафорического обозначения других частей лица. Ср.: *Передо мной вырос старший инспектор, большой, грузный, краснолицый, с б у л ь д о ж ь и м и щеками* (Ильин А.).

Отзоонимные атрибутивные обороты часто вводятся в текст сравнительными конструкциями, а далее употребляются уже без сравнений как известные читателю образы. Ср.: *Единственное, что мне в ней не нравится – это то, что щеки у ней несколько обвисли – как рыбы жабры... В двенадцать часов – опять розовато-коричневые р ы б ь и жабры, улыбочка и, наконец, письмо у меня в руках* (Замятин Е.).

Форма глаз также не редко подвергается зооморфным уподоблениям. Ср.: *...маленький рот его стал круглым, г а л о ч ь и глаза – круглыми* (Толстой А.).

Неожиданное обозначение внешнего вида человека находим в следующем примере. Ср.: *На миг ей представилось, что из конверта посыплются фотографии Толи, – крошечный, когда еще голова не держалась, голый на подушке с задранными м е д в е ж ь и м и ножками,*

с оттопыренными губками (Гроссман В.); (актуализируются семы «неуклюжий, толстенный, косолапый»).

Среди окказиональных словоупотреблений отзоонимных прилагательных, обозначающих форму объекта, значительное место занимают сложные прилагательные. Каждое из таких прилагательных представляет собой свернутое сравнение. Ср.: *В ночное время улицы освещались, о чем свидетельствовали фонарные столбы с з м е е п о д о б н ы м и головами* (Богданов Е.); *О Келли прильнул к витрине антикварного магазина и усиленно стал рассматривать позеленевший медный дверной молоток -- уродливую с о б а ч е - ч е л о в е ч е с к у ю голову* (Замятин Е.).

Актуализация восприятия органами слуха. Рассматриваемая модель многозначности отзоонимных прилагательных является едва ли не одной из самых продуктивных частных моделей, что объясняется, видимо, яркими ассоциациями и хорошей представимостью звуков, издаваемых различными животными. В таких случаях могут применяться устойчивые сочетания, обе части которых метафоризированы. Ср.: *Он стоял уже почти что в воде. Стайка индусок, задрав белые сари, с ж у р а в л и н ы м курлыканьем переправлялось вброд* (Богданов Е.). Голоса женщин в этом примере представляются взволнованными, протяжными. В следующем контексте отзоонимное прилагательное представлено как заключительный элемент градации. Ср.: *Мы опять подходим к новому молу. Какие-то крики... Нет, не такие: раньше были как ливень, как лес. А теперь отдельные, резкие, режущие, каркающие, в о р о н ь и* (Замятин Е.). Каждое из прилагательных, предшествующих отзоонимному, актуализирует одну из сем в значении заключительного отзоонимного прилагательного.

Широко представлены отзоонимные прилагательные, обозначающие различные характеристики звуков. Ср.: *На ранней заре в хоромаш первым пробуждался хозяин. Хилый, остроносый, он накидывал халат, шлепая ночными туфлями, пробирался в людскую и поднимал всех п е т у ш и н ы м криком* (Федоров Е.). Актуализируются семы «резкий», «громкий», «будящий».

В широком контексте (в том числе и благодаря существительному *вопл*) актуализируются семы отзоонимного прилагательного *звериный*: «предсмертный», «наполненный ужасом». Ср.: *...в ушах так и стоял страшный крик отца: «Не надо!», з в е р и н ы й вопль матери, никогда в жизни так не кричавшей* (Толстой А.Н.). Ср.: *Так кто же тогда убийца? – ударил в лоб Прохора м е д в е ж и й голос прокурора* (Шишков В.). Здесь актуализируются фоновые признаки производящего зоонима *медведь* – «сильный», «большой». Элементы сочетания «ударить голосом» являются семантически несводимыми в основном значении, так как глагол обозначает физическое воздействие, а существительное предполагает психическое или интеллектуальное. Это несоответствие снимается использованием глагола во вторичном значении, когда он также характеризует психическое воздействие.

Актуализация часто имеет целью не просто обозначить звук, но и указать на его характер, силу, интенсивность. В приводимом ниже примере окказиональное отзоонимное прилагательное *зверушачий* (не от *зверь*, а от уменьшительного *зверушка*) в сочетании с причастием *скулящий* создает впечатление звука негромкого, жалобного, приглушенного. Ср.: *Я не давал ей говорить, и у меня в затылке колюче ворочался комок боли и сердце подпирало гортань. Из рта Ирены под моей ладонью выбивался скулящий з в е р у ш а ч и й вой* (Воробьев К.).

Использование малоупотребительных слов в качестве ключевых способствует созданию экспрессии. Ср.: *Валера не сомневался, что его сразу же, едва из вагона выйдет, узнают школьники, у которых три года назад он вел занятия по физкультуре, узнают, поднимут в о р о н и й грай и привлекут внимание взрослых* (Николаев В.). Слово *грай* (карканье, громкий беспорядочный птичий крик) дается в МАС с пометами «народно-поэтич.» и «обл.» (т. 1, стр. 459). Пересечение сем отзоонимного прилагательного и существительного актуализирует в значении прилагательного семы «громкий», «резкий», «беспорядочный».

Отзоонимные прилагательные нередко применяются для создания контекстуальной антитезы. Ср.: *Так грустно думать теперь, как страдала она, зная, что никем не ценится с о л о в ь и н ы й голос, исходящий из ее слонового тела* (Набоков В.). Речь в подобных случаях идет

именно об антитезе контекстуальной, поскольку в лексической системе языка существительные *соловей* и *слон* отнюдь не являются антонимами, как и любые другие слова, обозначающие не качество, а объект. В данном примере голос характеризуется как тонкий, высокий, которому должно соответствовать маленькое, изящное тело; а тело – как большое, неуклюжее, предполагающее низкий, грубый голос.

Звуковое значение может актуализироваться в отзоонимном прилагательном при сочетании с абстрактными существительными, не относящимися к характеристике человека. Ср.: *Этой грусти теперь не рассыпать / Звонким смехом далеких лет. / Отцвела моя белая липа, / Отзвенел с о л о в ь и н ы й рассвет* (Есенин С.). Здесь хорошо видна семантическая сила метафоры: отзоонимное прилагательное *соловиный* выполняет не только экспрессивную функцию, но и «экономическую» (термин Х.Касареса); номинативная передача смысла атрибутивного оборота *соловиный рассвет* потребовала бы гораздо больше слов («рассвет, когда поют соловьи»), не говоря уже об утрате образности.

С помощью отзоонимных прилагательных могут характеризоваться звуки, производимые самим животным. Ср.: *Когда кошка прыгала с печи на пол, звук касания ее о пол не был к о ш а ч ь - м я г о к, как у всех, а – сильный, одновременный удар трех ног: туп! – такой сильный удар, что я не сразу привык, вздрагивал. Это она три ноги подставляла разом, чтобы уберечь четвертую* (Солженицын А.). Движения кошки обычно *кошачь-мягкие*, то есть почти беззвучные, чего нельзя сказать об описанной выше колченогой кошке Матрены.

Актуализация восприятия органами осязания и обоняния. Актуализация восприятия органами осязания встречается чрезвычайно редко. В наших материалах имеются лишь следующие примеры. Ср.: *У Куколя очки сползли на нос, его мягкие л о ш а д и н ы е губы стали мокрыми* (Замятин Е.); *Дораскулачивали Кузьму Михайловича вечером. Он наступил безветренный, задумчиво-кроткий и мягкий, и снег посыпался неожиданно густой и теплый, как з а я ч ь и й пух* (Воробьев К.). В последнем примере названная модель реализуется в сравнительном обороте.

Модель многозначности отзоонимных прилагательных «актуализация восприятия органами обоняния» также малопродуктивна. В языке существует устойчивый оборот «воробыиный запах темени ребенка». В качестве единичного примера реализации модели можно привести следующий контекст. Ср.: *Шариков сам пригласил свою смерть. Он поднял левую руку и показал Филиппу Филипповичу обкусанный, с нестерпимым кошачьим запахом шииш* (Булгаков М.).

Контекстов актуализации восприятия органами вкуса в проанализированном материале не обнаружено.

Актуализация оценки. Оценка – это «наиболее яркий представитель прагматического значения» (Арутюнова Н.Д., 1988, с. 5). Оценка всегда субъективна, так как зависит от субъекта, производящего оценку, от его личного мнения и вкуса, его моральных устоев и психологических особенностей. Но вместе с тем оценка и социально обусловлена, то есть ее интерпретация зависит от норм, принятых во всем обществе или отдельной его части. Оценка может составлять весь объем переносного значения отзоонимного прилагательного, но, как правило, она наслаивается на переносы по эмпирийным или рациональным признакам. В зависимости от объекта оценки выделяется несколько типов оценочных значений (Арутюнова Н.Д., 1988, с. 2) и, соответственно, несколько частных моделей актуализации оценки с помощью отзоонимных прилагательных. Рассмотрим эти модели.

Актуализация эстетической оценки. В эстетической оценке реализуются общечеловеческие представления о красивом и некрасивом, прекрасном и безобразном. Поэтому к данной модели отнесем те реализации значения отзоонимного прилагательного, в которых автор не только описывает какую-либо реалию, но и оценивает ее по шкале красоты/уродство.

Брезгливое отношение русского человека (по сравнению, например, с французом) к лягушке ведет к тому, что отзоонимное прилагательное, образованное от этого слова, часто несет в себе отрицательную эстетическую оценку. Ср.: *В детстве мы лучше видим руки людей, ибо они, эти знакомые*

руки, витают на уровне нашего роста; мадемуазелины были не прятны мне каким-то лягушачьим лоском тугой кожи по тыльной стороне, усыпанной уже старческой горчицей (Набоков В.). Сходство прослеживается здесь по фоновым семам значения исходного зоонима «блестящий» и «липкий».

Эстетическая оценка может быть присуща наименованиям не только предмета, но и звуков. Как и во многих других случаях, эта оценка усиливается речевыми и опорными словами. Ср.: *Я попытался кричать, но понял, что из моего горла вырвалось только звериное завывание (звериный крик было бы менее выразительно. – А.Ц.)* (Леонов Н.); – *Это опять-таки случай так называемого вранья, – объявил он громким коротким тенором, – бумажка, гражданин, настоящая* (Булгаков М.).

Частотные отзоонимные прилагательные, именно в силу своей привычности, нередко требуют более четкого контекстного подкрепления, чем малоупотребительные. Ср.: *Сереющую кожу лица порвали морщины, на виске вспучилась жила, под глазами расплылись темные полукружья, – женщина с обезьяньим лицом вскрыла конверт* (Ермаков О.). С образом обезьяны привычно связано представление о гримасничанье, кривлянье. Приведенный широкий контекст на эти признаки не указывает, но ясно вырисовывается образ очень некрасивого лица.

Как показывает материал, с помощью отзоонимных прилагательных чаще всего дается негативная эстетическая оценка, ср.: *бычья морда, бульдожья башка* (Шишков В.), *волчьи глаза, лошадиные зубы* (Федоров Е.), *свиные глазки* (Бунин И.), *утиный нос* (Воробьев К.) и т.д. Позитивная эстетическая оценка встречается очень редко, обычно это происходит в поэтических текстах, ср.: *лебяжьи руки* (Есенин С.); актуализируются семы «грациозные», «мягкие», «нежные».

Актуализация этической оценки и самооценки. Этическая оценка характеризует явление с точки зрения его соответствия нормам морали, нравственности. При этической оценке, даваемой отзоонимным прилагательным, актуализируются, как правило, негативные семы, в человеке подчеркивается «звериное» начало, то есть противоречащее

нормам общечеловеческой морали. Ср.: *В Барыбе шевельнулось что-то древнее, з в е р и н о е, желанное, разбойничье* (Замятин Е.). Это же отзоонимное прилагательное вскоре усиливается производным наречием. Ср.: *Выпил Барыба, а все молчал и улыбался четырехугольно, з в е р и н о* (Он же). Несоответствие нормам человеческой нравственности подчеркивается в следующем примере: – *Вы стоите на самой низшей ступени развития, – перекричал Филипп Филиппович, – вы еще только формирующееся, слабое в умственном отношении существо, ваши поступки чисто з в е р и н ы е* (Булгаков М.).

Особой силы и глубины негативная этическая оценка достигает тогда, когда метафоризируются обе части атрибутивного оборота. Ср.: *Вот она, победа Лисса (гестаповца. – А.Ц.), победа не в той войне, что шла на полях сражений, а в той, полной з м е и н о г о яда, идущей без выстрелов войне, которую вел против него сейчас гестаповец* (Гроссман В.); актуализируются семы «предательская», «нечестная», «из-за угла»). В следующем примере актуализируются семы «опасный для человека», «страшный» производящего зоонима. Ср.: *Да ведь как же можно было ошибиться в этой с к о р п и о н о в о й душе?!* (Солженицын А.).

Ср. также: *Неделю усердствовал Мосолов: перепорол всех от мала до велика... Кат от большой радости утешил з в е р и н ы й зуд, обмяк, умаялся* (Федоров Е.). Создается эффект удвоенной метафоризации, так как слово зуд употреблено в переносном значении «беспокойство, нестерпимое стремление к чему-либо» (МАС, т. 1, с.858). Подчеркивается аморальность жестокости Ката; одна метафора усиливает другую.

Отзоонимные прилагательные могут служить средством оценки или самооценки положительных персонажей, иногда уничижительной, иногда добродушно-иронической: *Что ж тут похожее, – рассмеялся второй, – то богатыри, а мы что, воробыиного рода, наше дело т е л я ч ь е* (Гроссман В.). Ср. также: *Первый раз такое к о з я в о ч н о е чувство посетило меня в зале синхрофазотрона, и вот возобновилось на гидростанции* (Астафьев В.). Знакомство со свойствами референта

позволяет представить «мелкое» чувство героя, его ощущение самого себя крошечным перед гигантскими машинами.

Как видно из приведенных примеров, отзоонимные прилагательные могут служить действенным средством этической оценки и самооценки персонажей.

Актуализация эмоциональной оценки. Трудность лингвистических классификаций характера оценки состоит в распространенности речевой семантики слова. Чем шире значение слова, тем богаче потенциальный набор контекстов, тем в большее число рубрик может попасть данная лексема. Сложность определения типа оценочного значения отзоонимного прилагательного заключается в размытости границ различных типов оценки, так как этическая и эстетическая оценки всегда порождают и эмоциональную. В рассматриваемой нами лексико-семантической группе наиболее широким значением обладает отзоонимное прилагательное *звериный*. Это слово может актуализировать и этическую, и эстетическую оценку, а также служить средством эмоциональной оценки. Ср.: *Угрюмый, з в е р и н ы й вой донесся из-за двери и вдруг прервался, стих* (Гроссман В.). Речь идет о звуках, издаваемых людьми под пыткой. Здесь присутствует ярко выраженная трагическая эмоциональная оценка.

Интересен случай удвоенной, разноплановой эмоциональной оценки. На «официальную» классовую ненависть, о которой говорится в газете, наслаивается печально-ироническая эмоция, с которой воспринимает газетное сообщение герой романа. Ср.: *А вскоре Крымов в степной газете прочел очерк Колоскова о кулачье, которое зарывает в землю зерно, дышит з в е р и н о й ненавистью к росткам нового* (Гроссман В.). Явно присутствует эмоциональная оценка в следующем отрывке: *...то, чего не могли видеть взрослые, наблюдавшие лишь облаченную в непроницаемые доспехи, дневную Mademoiselle, видели мы, всезнающие дети, когда, бывало, тому или другому из нас приснится дурной сон, и, разбуженная з в е р и н ы м воплем, она появлялась из соседней комнаты, босая, простоволосая* (Набоков В.).

В обычных случаях отзоонимное прилагательное носит метафорический характер, а ключевое слово – номинативный. Отзоонимное прилагательное *ястребиный* уже рассматривалось как пример актуализации восприятия формы. В другом контексте оно несет сугубо эмоциональную оценку восприятия. Ср.: *...глазам своим он приказать не мог. Его глаза, я с т р е б и н ы е глаза лагерника, обежали, проскользнули вмиг по разложенной на койке и на тумбочке цезаревой посылке, и, хотя бумажки были не доразвернуты, мешочки иные закрыты, – этим быстрым взглядом и подтверждающим нюхом Шухов невольно разведдал, что Цезарь получил колбасу, сгущенное молоко...* (Солженицын А.). Контекст – синонимический ряд: глаза, взгляд, нюх – создает образ вороватого зверя-человека, обладающего острым чутьем. Эмоциональному восприятию способствует и неожиданное сочетание слов. Ср.: *– Будьте любезны, – з м е и н ы м голосом обратился Филипп Филиппович к Швондеру, – сейчас с вами будут говорить* (Булгаков М.). Сочетание отзоонимного прилагательного *змеиный* с существительным *голос* актуализирует семы «ядовитый», «саркастический», «едко иронический». Обороты полуфразеологического характера достаточно частотны, но они сохраняют живую внутреннюю форму отзоонимного прилагательного и еще не стали фразеологизмами. Все прилагательные в таких оборотах несут в себе эмоциональную оценку. Ср.: *Но жить бок о бок с человеком, выпестованным ее бессердечным, с рыбьей кровью папочкой, это уж слишком* (Богданов Е.); *...он спросил бы тетю Соню об этих волчьих глазах* (эсэсовца. – А.Ц.) (Гроссман В.).

Актуализация оценки физических особенностей. В этом разделе выделяется прежде всего описание способов передвижения объекта. Для образования прилагательных выбираются зоонимы, чьи референты хорошо известны носителям языка своими повадками. В качестве ключевых чаще всего используются существительные: *шаг, бег, движение, прыжок, толкотня, суeta* и подобные. Ср.: *Мягкими в о л ч ь и м и шагами Аттила снова прошел по белым плитам двора* (Замятин Е.); *Мамай перелистывал, притворно-любовно поглаживал книги* (действие происходит в книжной лавке. – А.Ц.), *но жил спиной: за спиной в вит-*

рине улыбалась она. Выбрав пожелтевший 1835 года «Телескоп», долго любовался Мамай - и безнадежно махнул рукой. Потом, л и с ь и м и кругами рыская по полкам, обратился до окна - и та, будто между прочим: Ну, а эта сколько? (Замятин Е.). И когда на идущих уже веет из кустов зеленой сыростью, сиренью, махоркой - почти неслышимый выстрел их овина, с кельбуйской стороны. Рябой, пригнувшись, з а я ч ь и м и петлями в кусты, а тот - серый, тысячный муравей - покачавшись немного, валится навзничь, и уже никто никогда не узнает, как было его имя (Замятин Е.). В этом примере роль отзоонимного оборота особенно важна, так как он, ввиду применения синтаксического эллипсиса, в значительной степени принимает на себя функции глагола, обозначая вороватое движение с целью спрятаться, скрыться. Ср. также: Стал Барыба за поживой на базар ходить. С нескладной з в е р и н о й ловкостью, длиннорукий, спрятавшись внутри себя и выглядывая исподлобья, шнырял он между поднятых кверху белых оглобель, жующих овес лошадей, без устали молющих языком баб: чуть которая-нибудь зазечалась Матрена - ну, и готова, побыл себе Барыба обед (Замятин Е.). В этом контексте актуализируется не только само движение, но и характеризуется качество, сопутствующее движению: «нечеловеческое» или «надчеловеческое, доступное только зверю».

В следующем примере в значении отзоонимного прилагательного актуализируются семы «быстрый», «стремительный», так как бег здесь вызван чувством опасности, звериным инстинктом самосохранения: Я бежал спасать его... Бежал з в е р и н ы м и прыжками - может быть, еще успею, может, еще удастся (Незнанский Ф.).

Отзоонимные прилагательные хорошо комбинируются с синтаксической фигурой эллипсиса - опущением полусвязочного глагола движения. Все это вместе передает динамику действия. Ср.: И на черте, отмеченной чуть приметным пунктирным дыханием, схватились насмерть два Мартина Мартиныча: тот, дазний, со Скрабиным, какой знал нельзя, и новый, пещерный, какой знал: нужно... и Мартин Мартиныч запустил руку в дрова... и вверх огромными з в е р и н ы м и прыжками (Замятин Е.).

Сочетание языкового отзоонимного прилагательного с окказиональным существительным также может быть очень выразительным. Ср.: *– Говори, кто я? Ибрагим или дьякон? Говори, паршивый черт! м е д в е ж ь е й ступью лезет к нему пьяный Ферапонт, сжимая кулаки* (Шишков В.). Близкий эффект дают и окказиональные сложные прилагательные в качестве одной из основ которых используется основа зоонима. Такие прилагательные обозначают не просто движение, а способность субъекта к кому-нибудь специфическому движению. Ср.: *Повсюду, согнувшись, шныряют люди с мешками, свертками. Какие-то мыши н о - ю р к и е, в платках женецины, с одутлыми, картофельными лицами оборванцы* (Замятин Е.); *На пороге столовой Обертышев сунул мгновенную я щ е р и ч н о - ю р к у ю руку: – Ну, всего* (Замятин Е.).

Отзоонимное прилагательное кошачий довольно часто используется для характеристики движения, обычно актуализируются семы «мягкий», «ловкий», «неслышный». Ср.: *Алик поднялся к о ш а ч ь и м движением и удалился* (Климовы С. и А.); *...ей хочется ... цапапнуть меня, как кляксу в тетради. Я посмотрел на ее руки. – Вот-вот! Это и имело в виду! – сказала она и к о ш а ч ь и м движением поцарапала воздух* (Воробьев К.). В последнем примере кошачье движение представляется царапающим, то есть два совершенно одинаковых атрибутивных сочетания характеризуют различные действия: в первом случае – перемещение в пространстве, во втором – особый жест; смысл каждого четко выявляется благодаря контексту и экстралингвистическим факторам (знание носителями языка повадок кошки). Походка как разновидность движения также может характеризоваться отзоонимным прилагательным кошачий. В этом случае актуализируются семы «мягкий», «неслышный». Ср.: *Щука мягкой, к о ш а ч ь е й походкой вышел из барского покоя* (Федоров В.). Актуализироваться может не только передвижение человека, но и другие движения. В следующем контексте в значении отзоонимного прилагательного актуализируются семы «сноровистый», «проворный». Ср.: *...журналист долго сидит, думает, а там вдруг прижмет лист крепче и застрочит, застрочит, – сильно, быстро, с о б е з ь я н ь е й ловкостью* (Бунин И.).

Актуализация оценки степени проявления признака. С представлением о размерах объекта тесно связано другое – представление о степени проявления признака. Здесь наблюдаем ту же закономерность, что и при обозначении размеров: интенсивность, большая сила проявления признака или действия обозначается отзоонимными прилагательными, образованными от родового понятия *зверь* или от названий крупных животных, малая сила передается прилагательными, образованными от названий мелких животных и птиц, а также насекомых. Ср.: *Дикий звериный бег* (Замятин Е.); *Тело... было полно звериной силы* (Федоров Е.); *Лицом Тимоха коряв, ходит враскорячку, локти врозь и силищу имеет медвежью*. (Шишков В.; сема «огромной силы» поддерживается здесь и словообразовательно с помощью суффикс *-ищ-* ключевого слова); *Кроме того, почувствовался волчий голод* (Булгаков М.); *Постоянный звериный голод – вот что было первым. И как следствие – любыми путями достать пищу* (Приставкин А.).

Актуализация признака слабости, по нашим наблюдениям, встречается реже. Ср.: *Расслабься, расслабься... – хлестко стучает маленькой ладошкой в живот брату Тимур. Володя, даже не почувствовав комариного удара, глуповато таращился на брата* (Москаленко В.); *И не крепкого толчка хватило, чтобы перешибить воровскую силу пленного* (Гроссман В.). Признак интенсивности действия актуализируется в следующем случае: *... он лежал с другим солдатом на ограде, с обезьяней быстрой щелкая подсолнухи, исподлобья поглядывая на меня* (Бунин И.).

Актуализация оценки интеллектуальных особенностей. Актуализация оценки интеллектуальных особенностей при употреблении отзоонимных прилагательных – явление достаточно редкое. Можно привести два примера устойчивых словосочетаний, соответствующих данной модели, в которых характеристики интеллектуальных особенностей с помощью отзоонимных прилагательных предстают контекстуально антонимичными. Ср.: *А Петруша был и того ординарнее: вид мелкоотравчатый, ум и шкатуриный, натура гаденькая* (Бунин И.). В этом кон-

тексте умственные способности героя рассказа представляются чрезвычайно ограниченными. Ср. также: *А в это время: выходили его замечательные брошюры, одна за другою, читались прекрасные лекции и писалась глубокая статья по философии математики: но простота вершинного кругозора и ширь п т ч ь е г о полета не принимались в быту* (Белый А.). В воспоминаниях Андрея Белого о своем отце, профессоре Бугаеве, характеризуется огромный интеллектуальный потенциал математика.

Актуализация оценки психологических особенностей. Отзоонимные прилагательные могут актуализировать свойства, качества, черты характера, поведения, обозначаемые обычно абстрактными существительными. Ср.: *Взор Мосолова был темен, недобрые помыслы затаились в нем. Куда девалась прежняя п е с ь я покорность и угодливость* (Федоров Е.). Негативные черты характера для большей выразительности определяются разговорным прилагательным *песий*. В следующем контексте актуализируются семы «злобный», «мрачный». Ср.: *Ишь, обиделся! А чего? Характер в о л ч и й. Так ведь кому хуже? Ему самому и хуже* (Тополь Э.).

Актуализацию ассоциативных признаков «тупой», «неразумный» «сокрушительный» обнаруживаем в следующем примере. Ср.: *Как она загорелась, какую бешеную развела деятельность... Совершенно м е д в е ж ь я напористость* (Он же). Пейоративный оттенок словосочетания *медвежья напористость* поддерживается существующим в языке выражением *медвежья услуга* с явно выраженной негативной оценкой («услуга, причиняющая только неприятность»; МАС, т. 2, с. 242).

Обычно в значении отзоонимного прилагательного актуализируются признаки, присущие животному, либо приписываемые ему носителями языка. Ср.: *Друзья, знавшие придирчивый вкус судьбы и его почти к о ш а ч ь е пристрастие к комфорту, только диву давались, что заставило его выбрать здесь себе место для отдыха* (Ильин А.).

Но, несомненно, больший эффект дает предельно индивидуализированные семантические приращения, создающие словосочетания, немыслимые в иных контекстах. Ср.: *Собаки сопровождали щупленького*

человека в гражданской кепке... – С собаками к учреждению... – Каждый выбирает себе компанию по вкусу. – Председатель сельсовета со вкусом... с о б а ч ь и м! Ну и ну! (Тендряков В.). В этом контексте реализуется следующее значение словосочетания: «пристрастие к обществу собак».

Метафорические эпитеты, примененные к обозначению свойств характера, могут создавать иронический эффект. Ср.: *Она засмеялась коротким таким смешком, относящимся скорее к м е д в е ж ь е й деликатности доктора, чем к самому делу* (Бородин А.). Разумеется, ирония возникает лишь в том случае, если читатель хорошо знаком с набором свойств, реально присущих или приписываемых референту, от названия которого образовано отзоонимное прилагательное.

По результатам анализа реализации частных моделей многозначности отзоонимных прилагательных можно сделать следующие выводы:

1. К наиболее продуктивным частным моделям относятся: «актуализация физического восприятия органами зрения и слуха», «актуализация эстетической, этической, эмоциональной оценки, оценки физических и психологических особенностей».

2. К малопродуктивным частным моделям относятся: «актуализация физического восприятия органами обоняния и осязания» и «актуализация оценки интеллектуальных особенностей».

3. В семантических структурах отзоонимных прилагательных не развиваются метафорические значения по моделям «актуализация восприятия органами вкуса» и «актуализация утилитарной оценки»;

4. «Актуализация оценки» встречается значительно реже, чем «актуализация восприятия»; обычно оценка производится на основе или на фоне восприятия, что приводит к образованию синкретичных значений.

1.4. Актуализация периферийных сем во вторичных значениях глаголов

В современной русистике отчетливо наместилась тенденция к изучению внутрисловных семантических деривационных отношений как важнейшего фактора, характеризующего системность лексики (Ю.Д.Апресян, Н.И.Бахмутова, Л.М.Васильев, А.А.Кретов, Э.В.Кузнецова, Л.А.Новиков, И.А.Стернин, А.П.Чудинов и др.). Стремление лингвистов обнаружить закономерности в семантическом варьировании отдельных слов способствовало усилению интереса к вторичным значениям глаголов, мотивированных периферийными семами. В публикациях Т.А.Петрущенковой (1980), С.В.Плотниковой (1997), Г.П.Склярвской (1993), А.П.Чудинова (1988), Н.Е.Шершаковой (1989) и ряда других исследователей прослеживается намерение авторов выделить элементы регулярности в системе таких значений, при этом в качестве мотиваторов вторичных значений особенно часто указываются периферийные компоненты семантики, посредством которых детализируется количественная либо качественная характеристика действия (например, «быстро», «медленно», «энергично», «много» или «с трудом», «усердно», «небрежно», «для удовольствия», «с целью чего-либо» и т.п.).

В качестве материала для исследования нами избраны такие многозначные глаголы, у которых периферийные семы не отмечаются толковыми словарями в основном значении (первом в словарной статье), но эксплицируются (реже содержатся имплицитно) во вторичных значениях. Искомые глаголы были получены методом сплошной выборки из МАС-2 (около 2500 слов). Периферийные семы, отмеченные во вторичных значениях этих глаголов, послужили материалом для создания детальной типологии количественных и качественных сем. На следующем этапе исследования для определения степени продуктивности периферийных сем как мотиваторов вторичных значений рассматриваются только те глаголы, которые вошли в словарь-справочник «Лексико-семантические группы русских глаголов», в котором вся глагольная лексика представлена в виде системы семантических полей, объединяющих

в себе глаголы с единым семантическим признаком категориального характера.

В семасиологии существуют различные взгляды на природу ядерных и периферийных компонентов семантики. Традиционным стало положение о иерархической организации лексического значения слова выражающейся в наличии трех типов семантических признаков: архимем (родовых значений), дифференциальных сем видового значения и потенциальных (ассоциативных сем), отражающих возможные характеристики денотата (Гак В.Г., 1971, с.95). При этом большинство исследователей (М.В.Никитин, И.А.Стернин, Г.Н.Скляревская, А.П.Чудинов и др.) в структуре лексического значения выделяют *я д р о* и *п е р и ф е р и ю*. К ядерным семам относятся категориальные признаки словесной семантики и дифференциальные которые носят характер «постоянных», «обязательных» и «неустрашимых» (Стернин И.А., 1985, с.79–85). Ядерные семы обнаруживаются путем анализа парадигматических связей слова и находят отражение в словарных дефинициях. Статус периферийных получают, прежде всего, ассоциативные признаки, передающие такие характеристики предмета, которые не могут считаться неотъемлемой частью семантики, а «приписываются» этому слову языковым коллективом. Так, например, глагол *сноровать* в основном значении (первом в словарной статье) не имеет семантического признака, указывающего на высокую скорость совершения действия (ср. толкование в МАС-2: «1. Изготавливать основу ткани»), но связывается в сознании носителей языка именно с действием, выполняемым быстро, торопливо, создавая тем самым базу для развития вторичных значений и в силу этого стимулирует развитие многозначности (ср. толкование в МАС-2: «2 ТОРОПЛИВО двигаться в разных направлениях: туда и сюда»).

Соотношение ядерных и периферийных компонентов в лексических значениях многозначного слова характеризуется подвижностью, поскольку при семантическом варьировании слова может происходить перераспределение ядерных и периферийных сем по новой семантической шкале: ядерные для одних значений семы становятся периферийными в других, и наоборот, периферийные в одних значениях семы становятся ядерными для других значений. Так, многозначные глаголы

лаять, рычать, рывкнуть, фыркать, шипеть по своему основному значению относятся к подполно звучания (по классификации словаря-справочника «Лексико-семантические группы русских глаголов») и передают характер звука, издаваемый живыми существами (но не человеком), то есть ядерной для основных значений является сема звучания. Поскольку эти глаголы в своих вторичных значениях способны передавать психическое состояние человека, то сема звучания у них становится дифференциальной, актуализируется же сема выражения эмоций, относящаяся ранее к периферии (ср. толкование в МАС-2 глагола *шипеть*: «2а. Ворча, выражать свое НЕУДОВОЛЬСТВИЕ кем-, чем-либо»). Под актуализацией периферийных компонентов семантики в настоящей работе понимается изменение статуса семы в структуре лексического значения слова, которое заключается в переходе семы из разряда ассоциативных (потенциальных), не присутствующих в толковании производящего (мотивирующего) значения, в разряд дифференциальных и интегральных (ядерных), формально выраженных в словарной дефиниции производного значения.

Семантика каждого конкретного слова представляет собой неповторимый комплекс ядерных и периферийных компонентов. Их сочетание, на первый взгляд кажущееся случайным, «капризным», как отмечал еще в конце XIX века М.М.Покровский, подчинено определенным законам. Именно М.М.Покровским у близких по семантике слов была отмечена тенденция к образованию однотипных вторичных значений: «Слова, сходные или прямо противоположные по значению друг с другом, ассоциируются и проходят сходную или параллельную историю» (Покровский М.М., 1959, с.36).

Идея регулярности (закономерности) семантических изменений многозначного слова в общем виде была сформулирована в работах Д.Н.Шмелева, где автор определяет суть процесса следующим образом: «Этот процесс заключается в определенном взаимовлиянии сопоставленных по каким-либо семантическим признакам слов, в том, что слова, относящиеся к той же предметно-тематической группе, нередко развивают сходные “вторичные значения” или вообще видоизменяют свое основное значение в одинаковом направлении» (Шмелев Д.Н., 1964, с.157).

Термин «регулярная многозначность» впервые был употреблен Ю.Д. Апресяном (1971, 1974), который трактовал его как повторяемость значений в семантической структуре слов по аналогии с понятием регулярности в словообразовании, где термином «регулярность» обозначается воспроизводимость, повторяемость аффиксов в языке, образующих определенную модель слов, составляющих закономерные ряды образований. Описав некоторые типы регулярной и нерегулярной многозначности существительных, прилагательных, глаголов, автор попытался охарактеризовать их с точки зрения продуктивности – непродуктивности в том смысле, который вкладывается в этот термин в словообразовании.

В публикациях по регулярной многозначности вторичные значения, основанные на актуализации таких периферийных признаков, как «внезапно», «быстро», «с силой», «с трудом», «настойчиво» и т.п., одни исследователи рассматривают как нерегулярные, мотивируя это тем, что такие вторичные значения зачастую не имеют аналогов в пределах одной лексикосемантической группы и определяются не свойствами всей ЛСГ, а специфическими признаками конкретного глагола (Бахмутова Н.И., 1977; Боровикова Н.А., 1985); другие исследователи относят их к числу регулярных на том основании, что «возникновение у глагола значения, отсутствующего у семантически наиболее близких ему предикатов, необязательно есть проявление нерегулярности, поскольку подобное значение может быть у слов, с которыми анализируемый глагол сближается по малозаметным периферийным семам» (Чудинов А.П., 1988, с.65).

При анализе глагольной лексики, вслед за А.П. Чудиновым, в понятие регулярной многозначности мы вкладываем более широкое содержание, в соответствии с которым «во внимание принимаются все факты сходства вторичных значений слов, характеризующиеся хотя бы минимальной семантической близостью» (Чудинов А.П., 1988, с.27).

При описании регулярных вторичных значений, мотивированных периферийными компонентами семантики, особенно важна дифференциация количественных сем (например, актуализация семы «полная мера проявления действия» во вторичном значении глагола *дуть* : «5а. Пить в БОЛЬШОМ количестве») и качественных сем (например, актуализация семы «трудоемкость действия» во вторичном значении глагола *споты-*

каться: «2. Идти. С ТРУДОМ поднимая ноги и задевая ими (от усталости, слабости и т.п.)». При этом количественные (к в а н т и т а т и в н ы е) с с м ы оказываются связанными с категорией интенсивности, находящейся на пересечении категорий количества (неопределенного, недискретного) и качества (градуируемого, поддающегося количественной оценке) и показывающей «уровень развития признака в рамках данной меры, не влекущей за собой изменение данного качества» (Шейгал Е.И., 1981, с.21–22).

Большинство исследователей, вслед за Ш.Балли, склонны придавать понятию «интенсивность» широкий смысл, включая в него «любые различия, сводящиеся к категории количества, величины, ценности, силы и т.п., вне зависимости от того, идет ли речь о конкретных представлениях или абстрактных идеях» (Балли Ш., 1961, с.202).

Поскольку количественные изменения призваны отражать большую или меньшую степень проявления признака или действия, то за точку отсчета принимается показатель нормы, с которым сравнивается исследуемый объект, предопределяющий два других показателя, симметрично расположенный по обе стороны от точки отсчета – больше нормы и меньше нормы. Таким образом, градационное шкалирование, по мнению многих семасиологов (Кирьян А.Д., 1981; Сэпир Э., 1985; Туранский И.И., 1990), осуществляется при наличии следующих компонентов: 1) шкала градации; 2) деление на шкале градации, или кванторы, характеризующие степень изменения градуируемого объекта; 3) центральная нейтральная точка шкалы, точка отсчета. Говоря об актуализации количественных сем во вторичных значениях глаголов, необходимо отметить, что шкала интенсивности может быть условно представлена в таком виде: очень высокая степень – высокая степень – низкая степень – очень низкая степень. Например, в параметре «скорость действия» для глаголов *катить* – *поворачиваться* – *прохлаждаться* – *копаться* она выглядит следующим образом: стремительно – быстро – медленно – очень медленно, характеризуя при этом разную степень интенсивности действия (ср.: *катать* – 8. Прост. Употребляется вместо того или иного глагола для обозначения действия, выполняемого быстро, СТРЕМИТЕЛЬНО; *поворачиваться* – 2. Разг. БЫСТРО делать что-либо; *копаться* – 2. Разг.

Заниматься каким-либо кропотливым делом; делать что-либо СЛИШКОМ МЕДЛЕННО или неумело; возиться). Следует также отметить, что эта шкала может не полностью реализовываться в той или иной конкретной парадигме и в силу своей специфики она не имеет нейтрального среднего члена (поскольку в толкованиях вторичных значений не отмечается формально выраженных показателей нейтральной характеристики действия).

Широкое понимание категории интенсивности, предложенное Ш.Балли, дает основание предполагать, что термин «интенсивность действия» может выражать различные его характеристики: при обозначении движения – скорость; физического воздействия – силу; объема совершенного действия – меру; при характеристике эмоционального состояния – глубину чувств, при звуковой характеристике – его мощь и т.п. В зависимости от того, какой признак действия выражается категорией интенсивности, выделяется пять основных семантических вариантов: скорость совершаемого действия, сила действия, мера и степень проявления действия, неожиданность (внезапность) действия и плавность действия. Семантический вариант может выступать в нескольких подвариантах, которые детализируют различные типы интенсивного действия.

Актуализация качественных (квалитативных) сем во вторичных значениях глаголов связана с категорией оценки. Обычно в работах логического, философского характера оценка связывается с установлением ценностных отношений между субъектом и объектом. Как семантическое понятие оценка также подразумевает ценностный аспект значения языковых выражений, который можно представить как «А (субъект оценки) считает, что Б (объект оценки) хороший/плохой» (Вольф Е.М., 1985, с.5). Таким образом, оценку можно определить как положительную или отрицательную характеристику предмета, обусловленную признанием или непризнанием его ценности вследствие соответствия или несоответствия его качеств каким-либо ценностным критериям (Кириян А.Д., 1981, с.39). В работе представлено узкое понимание категории оценки – логическая, рациональная оценка, являющаяся частью денотативного компонента лексического значения,

характеризующая действие как соответствующее или не соответствующее представлениям субъекта о нормс. стандарте.

Оценка не может существовать сама по себе – оценивание, положительное или отрицательное, происходит «по какому-либо основанию (эмоциональному, этическому, утилитарному и т.п.) в соответствии со стандартом бытия или положением дел в некоторой картине мира, лежащих в основе оценки» (Телия В.Н., 1986, с.22–23). Таким образом, оценка характеризуется особой структурой с постоянным набором следующих элементов: субъект, объект, основание и характер оценки (Ивин А.А., 1970). Это дает основания представить оценочные характеристики «хорошо/плохо» в виде шкалы с диаметрально противоположными параметрами (кванторами) при наличии центральной нейтральной точки шкалы, точки отсчета.

В настоящей работе не отмечаются случаи нейтральной оценки, поэтому градационная шкала включает в себя два квантора: положительная оценка – отрицательная оценка. Например, градационная шкала оценки для вторичных значений глаголов *благословить* *крестить* будет выглядеть следующим образом: доброжелательно – недоброжелательно, отражая таким образом отношение субъекта к объекту (ср.: *благословить* – 2. Выразить свое одобрение, ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНО направить на что-либо; *крестить* – 1д. Прост. НЕЛЕСТНО отзываться (отозваться) о ком-, чем-либо; обзывать (обозвать) как-либо). Шкала оценок для некоторых параметров может быть представлена только одним квантором – отрицательной оценкой действия (например, «надоедливо», «предосудительно», «несправедливо» и т.п.). Среди качественных компонентов семантики выделяются четыре основных семантических варианта: отношение субъекта к действию, отношение субъекта к объекту, оценка действия говорящим, направленность действия на результат.

Актуализация количественных компонентов семантики во вторичных значениях глаголов может передаваться в словаре (в данном случае – МАС-2) разными способами: 1) при помощи слов (де) интенсификаторов (чаще всего это наречия образа действия, меры и степени), имеющих специфический характер в каждом семантическом варианте (например, показатели скорости действия – «стремительно», «быстро», «очень быстро», «торопливо», «медленно», «очень

медленно» и т.п. Ср.: *катить* – 3 Разг. БЫСТРО, СТРЕМИТЕЛЬНО двигаться (о повозках и других средствах передвижения); *катиться*); 2) при помощи глаголов-идентификаторов типа *сорвать, ломать, разрушить, ругать, бранить, бить* и т.п., в словарных определениях которых, в свою очередь, находит отражение категория интенсивности (ср.: *крутить* – 3а. Взметать, кружить снег, пыль и т.п., мести; *взмести* – СТРЕМИТЕЛЬНО поднять, вскинуть вверх); 3) описательно, при помощи сочетания отглагольного существительного с относящимся к нему прилагательным, посредством которого выражается степень интенсивности действия (например, *шуровать* – 3. Прост. Проявлять ЭНЕРГИЧНУЮ деятельность); 4) в некоторых случаях показатель интенсивности действия может быть обнаружен только методом ступенчатой идентификации, то есть при компонентном анализе одного из элементов толкования (например, актуализация невысокой меры проявления действия у глагола *струиться*).

Аналогичным образом отражаются в словаре актуализированные квалитативные компоненты глагольной семантики: 1) при помощи системы адвербиальных средств (чаще всего это наречия образа действия), индивидуальной для каждого семантического варианта (например, формулировки, указывающие на отношения субъекта к действию, «старательно», «тщательно», «усердно»/ «небрежно», «как попало» и т.п.); 2) при помощи глаголов-идентификаторов типа *мучить, терзать, бранить* и т.п., в толкованиях которых, в свою очередь, находит отражение категория оценки (ср.: *надуть* – 4. Прост. Обмануть, провести; *обмануть* – 2. Поступить НЕДОБРОСОВЕСТНО, НЕЧЕСТНО по отношению к кому-либо, прибегнуть к ЖУЛЬНИЧЕСТВУ, ОБМАНУ С ЦЕЛЮ ВЫГОДЫ, НАЖИВЫ); 3) описательно, при помощи конструкций с обособленными / необособленными одиночными/распространенными определениями, посредством сложно-подчиненных предложений с придаточными цели, существительных в косвенных падежах при управляемом глаголе и т.п. (ср.: *сорвать* – 8. перен. Прост. ДЕЙСТВУЯ ЛОВКОСТЬЮ, НАТИСКОМ, ХИЩНИЧЕСКИ, получить что-либо); 4) показатель качественной характеристики действия может быть формально не выражен в толковании слова и обна-

ружен лишь при углубленном анализе (так, например, в словарной формулировке вторичного значения глагола *отзвонить* нет указания на негативную оценку действия (ср.: «перен. Прост. Провести какое-либо время за каким-либо занятием, службой»), но такая оценка ощущается, если рассматривать глагол в ряду таких, как *оттрубить*, *отбарабанивать*, образованных по одной модели: *оттрубить* – 2. Прост. Провести какое-либо время, занимаясь ТРУДНОЙ, МАЛОИНТЕРЕСНОЙ, НАДОЕДЛИВОЙ и т.п. работой; *отбарабанивать* – 4. перен. Прост. Проработать, прожить какое-либо время где-либо, занимаясь чем-либо УТОМИТЕЛЬНЫМ).

Наблюдение над закономерностями процесса регулярной многозначности, базирующейся на периферийных семах, позволяет утверждать, что глаголы лексико-семантических полей «Действие», «Состояние» и «Отношение» в разной степени способны актуализировать во вторичных значениях периферийные семы, в связи с чем вводится понятие продуктивности, которое отражает количественную меру способности периферийных сем становиться мотиваторами регулярных вторичных значений. В работе используются относительные оценки степени продуктивности периферийных сем (высокопродуктивные, продуктивные и малопродуктивные семы), что объясняется трудностью введения единого критерия из-за расхождения в количественном составе различных ЛСГ.

Рассмотренный материал позволил определить коэффициент продуктивности, который вычислялся как процентное соотношение между глаголами, во вторичных значениях которых актуализировались периферийные семы, и всеми глаголами поля (или подполя, или ЛСГ) по следующей формуле:

$$КП = \frac{N2}{N1} \times 100 \%,$$

где КП – коэффициент продуктивности; N1 – общее количество глаголов поля (или подполя, или ЛСГ); N2 – глаголы, во вторичных зна-

чениях которых наблюдается актуализация периферийных компонентов семантики.

Коэффициент продуктивности в целом для глаголов поля «Действие» составил 28,9 %. При этом самой высокой способностью актуализировать периферийные семы во вторичных значениях обладают глаголы подполей «Звучание» (48,3 %) и «Перемещение» (43,2 %), наиболее низкий коэффициент продуктивности отмечен в подполях «Интеллектуальная деятельность» (13,2 %), «Социальная деятельность» (18,8 %) и «Речевая деятельность» (19,4 %).

Квантитативные и квалитативные семы обладают различной способностью служить мотиваторами вторичных значений глаголов поля «Действие». В большинстве случаев наблюдается существенное преобладание во вторичных значениях актуализированных количественных сем (таких, как «полная мера проявления действия» во вторичных значениях глаголов *странствовать, колесить, кочевать* и т.п.; «большая скорость движения» – во вторичных значениях глаголов *дуть, катить, кидать, сыпать, лететь* и т.п.; «энергичность действия» – во вторичных значениях глаголов *бросать, кидать, лить, клубиться* и т.п., «неожиданность действия» – во вторичных значениях глаголов *нырять, укатить, стукнуть, выкинуть, навалиться* и т.п. (например, *выкинуть* – 6. Разг. Совершить, проделать что-либо НЕОЖИДАННОЕ, необычное)). Преобладание актуализированных квантитативных сем над квалитативными отмечается во вторичных значениях глаголов подполей «Перемещение» (70,3 %), «Звучание» (60,3 %), «Помещение» (58,5 %), «Физиологические действия» (56,8 %).

Значительно реже в поле «Действие» встречается преобладание актуализированных качественных сем, служащих мотиваторами регулярных вторичных значений глаголов (таких, как «оценка действия как неприятного для объекта» – во вторичных значениях глаголов *бить, колоть, давить, жать, теснить, тискать, щемить* и т.п.; «совершение действия небрежно» – во вторичных значениях глаголов *комкать, валять, тискать, чиркнуть, цедить* и т.п.; «целенаправленность действия» – во вторичных значениях глаголов *смотреть, интересоваться,*

изучать, припоминать и т.п. (например, *бросать* – 1а. Класть НЕБРЕЖНО, не на свое место; 3а. перен. Быстро, НЕБРЕЖНО произносить).

Преобладание актуализированных квалитативных сем над количественными отмечается во вторичных значениях глаголов подполей «Речевая деятельность» (64,8 %) и «Интеллектуальная деятельность» (64,4 %).

Вместе с тем выявлены и такие ЛСГ, в которых не отмечено ни одного случая актуализации периферийных сем во вторичных значениях глаголов (глаголы пропитывания объекта – в подполе «Физическое воздействие на объект»; глаголы понимания, сравнения и выбора – в подполе «Интеллектуальная деятельность»; глаголы осуществления – в подполе «Социальная деятельность»). Отсутствие актуализированных периферийных сем в этих ЛСГ зачастую объясняется тем, что большинство глаголов в них либо однозначные, либо такие, у которых периферийные семы отмечаются словарем уже в основном значении. Глаголы подобных типов в работе не анализируются.

Среди количественных семантических признаков выделено два, отличающихся особенно высокой степенью продуктивности для вторичных значений глаголов поля «Действие»: признак «полная мера проявления действия», актуализированный, например, во вторичных значениях глаголов *странствовать, кочевать, колесить, махать, катиться* и т.п. (ср.: *катиться* – 3а. Двигаться СПЛОШНОЙ массой), является самым продуктивным для всех подполей поля «Действие»; признак «энергичность действия», актуализированный, например, во вторичных значениях глаголов *дуть, бросать, кидать, клубиться, совать, тыкать, жать* и т.п. (ср.: *бросать* – 1б. обычно безл. СИЛЬНО качать, сообщать кому-, чему-либо РЕЗКИЕ, беспорядочные движения), имеет высокую степень продуктивности в подполях «Перемещение», «Помещение», «Физическое воздействие», «Созидательная деятельность», «Звучание» и является продуктивным для большинства глаголов других подполей в составе поля «Действие».

Актуализация количественных компонентов семантики по-разному проявляется в каждом подполе поля «Действие». Так, для подполя «Перемещение» продуктивными оказываются, в первую очередь, те периферийные семы, которые связаны со скоростью движения: «очень

большая скорость движения» – во вторичных значениях глаголов *кидаться, перелететь, сыпать, обрушиться, бросаться* и т.п.; «большая скорость движения» – во вторичных значениях глаголов *дуть, катить, кидать, нырять, падать, лететь, скользить* и т.п.; «малая скорость движения» – во вторичных значениях глаголов *волочиться, плыть, ползти, течь, капать* и т.п.; плавностью движения (*плыть, проплыть, разойтись, скользить, течь* и т.п.), а также с его неожиданностью (*скакать, укатить, вынырнуть, нырять, сойти* и т.п.). Для подполя «Помещение» самыми продуктивными оказываются периферийные семы, в которых подчеркивается сила физического воздействия на объект (*врезать, совать, закатить*) и сила психического воздействия на объект (*врезать, обложить, шпиговать*). Для глаголов подполя «Физическое воздействие на объект» самыми продуктивными оказываются следующие периферийные количественные семы: сила физического воздействия на объект (*колоть, лупить, давить, скоблить* и т.п.), сила психического воздействия на объект (*колоть, лягать, навалиться* и т.п.), сила проявления эмоций (*лупить, топтать, навалиться, качать, облизываться, чесать* и т.п.), а также неожиданность действия (*стукнуть, ударить, навалиться, схватить, передернуть* и т.п.). В подполе «Звучание» чаще всего актуализируются периферийные семы, указывающие на характеристику звука (например, во вторичных значениях глаголов *стрекотать, щебетать, жужжать, гоготать, чмокать, выть, щелкать* и т.п.), а также на особенности психического воздействия (например, во вторичных значениях глаголов *лаять, рычать, рывкнуть, фыркать, шипеть* и т.п.).

Среди качественных компонентов семантики обнаружено только два, которые отличаются высокой степенью продуктивности во вторичных значениях глаголов поля «Действие»: семантический признак «оценка действия как неприятного для объекта», актуализированный, например, во вторичных значениях глаголов *заложить, бить, колотить, налететь, сверлить, печь* и т.п. (ср.: *налететь* – 16. Разг. Столкнуться с кем-, чем-либо НЕПРИЯТНЫМ, непредвиденным, неожиданно получить что-либо НЕПРИЯТНОЕ; *перенести* – 9. Испытать, изведать что-либо НЕПРИЯТНОЕ, ТЯЖЕЛОЕ (болезнь

и т.п.)), – и семантический признак «целенаправленность действия», актуализированный, например, во вторичных значениях глаголов *маневрировать, рыскать, метать, кидаться, подготовить* и т.п. (ср.: *рыскать* – 1а. Разг. Лазить, ходить, ездить С ЦЕЛЬЮ найти, обнаружить кого-, что-либо).

К числу продуктивных можно отнести следующие качественные семы: 1) «трудоемкость действия» (*волочиться, ползти, карабкаться, пробиться, пролезть* и т.п.); 2) «небрежность действия» (*совать, нацепить, разбросать, комкать, валять, тискать* и т.п.); 3) «совершение действия при помощи хитрости, уловок» (*влезть, подъехать, провести, подпустить, обставить, ввернуть, втереть* и т.п.).

Проведенное наблюдение свидетельствует о системности периферийных сем, актуализированных во вторичных значениях глаголов: не только во всем рассматриваемом поле «Действие» в целом, но и в каждом из исследованных подполей абсолютное большинство выделенных сем является регулярными.

Исследование закономерностей актуализации периферийных компонентов семантики во вторичных значениях глаголов поля «Состояние» позволяет определить, что коэффициент продуктивности для глаголов рассматриваемого поля в целом составляет 22,4 %. При этом самой высокой способностью к актуализации периферийных сем отличаются глаголы подполей «Физиологическое состояние» (28,6 %) и «Бытие» (26,4 %), самой низкой – глаголы подполей «Социальное состояние, бытие» (11,8 %) и «Эмоциональное состояние» (15,0 %).

Глаголы поля «Состояние» способны в разной степени актуализировать количественные и качественные компоненты семантики. Чаще всего отмечается существенное преобладание количественных сем (например, у глаголов подполя «Физиологическое состояние» – 90,5 %, у глаголов подполя «Бытие» – 72,7 %), и только глаголы подполя «Социальное состояние, бытие» способны в большей степени актуализировать качественные семы (67,9 %).

Высокой степенью продуктивности отличаются следующие количественные семы: 1) «полная мера проявления действия», актуализируемая, например, во вторичных значениях глаголов *гнездиться, бро-*

дязничать, скитаться, возиться и т.п. (ср.: *скитаться* – 2. Разг. ДЛИТЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ *ходить, бродить где-либо*); 2) «неполная мера проявления действия», актуализированная, например, во вторичных значениях глаголов *проступить, гаснуть, тухнуть, таять, мерцать* и т.п. (ср.: *проступить* – 1б. Стать СЛЕГКА или ЧАСТИЧНО видимым); 3) «сила проявления эмоций», представленная во вторичных значениях таких глаголов, как *завестись, осветиться, переживаться, загореться, леденеть, холодеть, цепенеть* и т.п. (ср.: *загореться* – 3. перен. Воодушевиться, оказаться охваченным СИЛЬНЫМ ЖЕЛАНИЕМ к достижению чего-либо).

Среди продуктивных необходимо отметить следующие квантитативные семы: 1) «энергичность действия» (*прорезать, приступить, пустить, взломать*); 2) «высокая скорость действия» (*мелькать, смыться, улетучиться, запестреть*); 3) «постепенность действия» (*глохнуть, таять, теряться, переродиться*); 4) «неожиданность действия» (*капризничать, прикинуться, загореться*); 5) «низкая скорость действия» (*длиться, тянуться, стлаться*).

При анализе актуализированных квалитативных сем, соотносимых с категорией оценки, обнаружено, что самыми продуктивными из них являются следующие: 1) «оценка действия как несприятного для объекта», представленная, например, во вторичных значениях таких глаголов, как *гнездиться, тесниться, гореть, жечь, леденеть* и т.п. (ср.: *жечь* – 3. перен. Причинять нравственные СТРАДАНИЯ, мучить, тревожить); 2) «оценка действия как приятного для объекта», мотивирующая, например, вторичные значения глаголов *жить, цвести, прогулять, сидеть* и т.п. (ср.: *жить* – 1а. Вести деятельную жизнь, пользоваться жизнью, НАСЛАЖДАТЬСЯ жизнью); 3) «целенаправленность действия», мотивирующая, например, вторичные значения глаголов *мудрить, щеголять, готовиться, обмануть* и т.п. (ср.: *готовиться* – 1б. Изучать что-либо, работать над чем-либо с какой-либо ЦЕЛЬЮ, для подготовки какой-либо деятельности); 4) «трудоемкость действия», актуализированная, например, во вторичных значениях глаголов *висеть, громоздиться, держать, вырваться* и т.п. (ср.: *вырваться* – 1в.перен. Разг. С ТРУДОМ выбрав время, устранив препятствия, уйти, уехать, отправиться куда-либо).

Несколько менее продуктивны следующие качественные семы: 1) «совершение действия намеренно» (*отсидеться, красоваться, щеголять, пугать*); 2) «совершение действия путем хитрости, обмана» (*вертеться, крутиться, прятаться, мудрить*); 3) «совершение действия незаметно» (*исчезнуть, смыться, скрыться*).

Проведенное исследование позволяет говорить о следующих особенностях процесса актуализации периферийных сем, присущих глаголам поля «Состояние»: невысокая степень продуктивности (по сравнению с глаголами поля «Действие»), преобладание актуализации не качественных, а количественных сем.

Последовательный анализ закономерностей актуализации периферийных сем во вторичных значениях глаголов поля «Отношение» позволяет определить, что коэффициент продуктивности для глаголов указанного поля в целом составил 19,9 %. При этом самой высокой способностью к актуализации количественных и качественных сем отличаются глаголы подполя «Владение» (25,6 %), самой низкой – глаголы подполя «Социальные отношения» (15,2 %).

Наблюдения свидетельствуют о существенном преобладании в поле «Отношение» качественных периферийных компонентов семантики над количественными (59,1 к 40,9 % соответственно). Как указывалось выше, в полях «Действие» и «Состояние», напротив, наблюдается значительное преобладание количественных актуализированных сем над качественными.

Среди количественных сем, актуализированных во вторичных значениях глаголов поля «Отношение», самыми продуктивными являются следующие: 1) «полная мера проявления действия», мотивирующая, например, вторичные значения глаголов *овладеть, передать, отдаться, удовлетворить* и т.п. (ср.: *овладеть* – 4. Научиться чему-либо, ПРОЧНО усвоить что-либо, приобрести какие-либо знания, умения и т.п.); 2) «неполная мера проявления действия», служащая основой для развития вторичных значений таких глаголов, как *отпустить, пропустить, распустить, принять* (ср.: *принять* – 16. Продвигаться, уклониться НЕМНОГО в сторону); 3) «неожиданность действия», являющаяся мотиватором вторичных значений глаголов *зачеркнуть, прихватить, уго-*

дить и т.п. (ср.: *зачерпнуть* – 2. Погрузившись, НЕОЖИДАННО набрать (воды, чего-либо сыпучего); 4) «энергичность действия», мотивирующая, например, вторичные значения глаголов *отдать*, *мобилизовать*, *завоевать* и т.п. (ср.: *отдать* – 6. Сделать РЕЗКОЕ, короткое движение назад при выстреле (об оружии); 5) «чрезмерность действия», актуализированная, например, во вторичных значениях глаголов *обождать*, *нежничать* и т.п. (ср.: *нежничать* – 1а. Быть СЛИШКОМ мягким, снисходительным по отношению к кому-либо, в обращении, разговоре с кем-либо). Таким образом, отличительной особенностью процесса актуализации периферийных количественных сем во вторичных значениях глаголов поля «Отношение» можно считать заполненность шкалы «интенсивность действия» в параметре «мера проявления действия» (чрезмерная степень – высокая степень – низкая степень проявления действия).

Среди качественных сем, актуализированных во вторичных значениях глаголов поля «Отношение», самой высокой степенью продуктивности отличаются следующие: 1) «целенаправленность действия», мотивирующая, например, вторичные значения глаголов *брать*, *ловить*, *скупать*, *хватать*, *интересоваться* и т.п. (ср.: *скупать* – 2. Покупать С ЦЕЛЬЮ перепродажи или заготовки: заниматься скупкой); 2) «оценка действия как неприятного для объекта», мотивирующая вторичные значения глаголов *хватать*, *нажить*, *достаться*, *наградить*, *угодить* и т.п. (ср.: *угодить* – 2. Разг. При движении, падении попасть куда-либо, очутиться где-либо (обычно в неожиданном или НЕЖЕЛАТЕЛЬНОМ, ОПАСНОМ месте)); 3) «трудоемкость действия», служащая базой для развития вторичных значений таких глаголов, как *добыть*, *достать*, *получить*, *отвоевать*, *одолеть*, *осилить* (ср.: *достать* – 3. Приобрести, получить в свое распоряжение, ПРИЛАГАЯ к этому УСИЛИЯ: раздобыть); 4) «совершение действия ненамеренно, нечаянно», являющаяся основой для формирования вторичных значений глаголов *прихватить*, *обменять*, *обменяться* и т.п. (ср.: *обменять* – 1б. НЕЧАЯННО или с умыслом перемениить, взять чужую вещь вместо своей); 5) «совершение действия путем обмана, хитрости», актуализированная во вторичных значениях глаголов *ловить*, *выманить*, *высосать*, *поддеть* и т.п. (ср.: *поддеть* – 3. перен. Разг. ХИТРОСТЬЮ провести кого-либо, обмануть); 6) «совер-

шение действия против воли объекта», актуализированная во вторичных значениях глаголов *забрать, схватить, высосать* (ср.: *забрать* – 3. Разг. Присвоить, отнять, захватить кого-, что-либо, взять НАСИЛЬНО, ПРОТИВ ЖЕЛАНИЯ).

В целом наблюдение над закономерностями процесса актуализации периферийных компонентов семантики во вторичных значениях глаголов поля «Отношение» позволяет выделить следующие особенности: низкий коэффициент продуктивности и преобладание в большинстве подполей качественных сем над количественными.

Системное описание вторичных значений, основанных на актуализации периферийных компонентов семантики, во всех лексико-семантических объединениях русских глаголов позволяет создать максимально детальную т и п о л о г и ю периферийных сем. В качестве мотиваторов регулярных вторичных значений выделяются два основных т и п а – квантитативные (количественные) семы, связанные с категорией интенсивности и характеризующие действие с точки зрения его количественных параметров (скорости, силы, глубины, остроты, мощи, меры и степени и т.п.), и квалитативные (качественные) семы, в которых находит отражение категория логической оценки, подчеркивающая соответствие/несоответствие объекта представлениям субъекта оценки о норме, стандарте.

Среди квантитативных компонентов семантики выделяются пять основных семантических вариантов: скорость совершаемого действия; сила действия; мера и степень проявления действия; неожиданность (внезапность) действия и плавность действия. Семантический вариант может выступать в нескольких подвариантах, которые детализируют различные типы интенсивного действия. Так, например, у семантического варианта «скорость совершения действия» обнаруживается несколько разновидностей: 1) скорость любого действия (*глотать, тянуть, жать, метать, пихать, цедить, чесаться*); 2) скорость движения (*слетать, понести, ломить, кидать*); 3) скорость речи (*цедить, тянуть, строчить, трещать*).

В семантическом варианте «сила действия» выделены следующие подварианты: 1) сила проявления любого действия (*дуть, жарить, шпа-*

рить, резать, крыть, садить); 2) сила физического воздействия на объект (*гладить, трепать, мотать, сандачить*); 3) сила психического воздействия на объект (*крыть, чистить, лаять, жалить, пилить*); 4) сила проявления эмоций (*обождать, молиться, помешаться, захлебываться, бредить*); 5) сила звука (*выть, кликать, ворковать, мурлыкать, журчать*).

При более детальном рассмотрении среди количественных компонентов семантики выделено двадцать восемь типовых.

Наблюдение над процессом актуализации качественных компонентов семантики дает основание выделить среди множества рассматриваемых случаев четыре основных семантических варианта: отношение субъекта к действию; отношение субъекта к объекту; оценка действия говорящим и направленность действия на результат. Каждый из семантических вариантов допускает более детальное членение, включая в свой состав подварианты. Так, качественные компоненты семантики, связанные с актуализацией отношения субъекта к действию, подразделяются на несколько разновидностей, из которых самыми продуктивными являются следующие: 1) совершение действия старательно/небрежно (*отшлифовать, исследовать/царапать, халтурить*); 2) совершение действия решительно/нерешительно (*наступать, теснить/колебаться, маяться, жаться*); 3) совершение действия экономно/неэкономно (*тянуть, беречь, щадить/базарить, сорить, швырять*).

Периферийные компоненты семантики, посредством которых выражается отношение субъекта к объекту, чаще всего выступают в следующих подвариантах: 1) совершение действия по отношению к ненужному предмету (*отсеять, отбросить, сплавить, спихнуть*); 2) совершение действия с заботой/пренебрежительно (*щадить/плевать, чихать*); 3) совершение действия с угодливостью (*кланяться, расстилаться*) и т.п.

Вторичные значения, связанные с оценкой действия говорящим, чаще всего мотивируются следующими семантическими признаками: 1) оценка действия как приятного/неприятного (*порхать, загорать/хлебнуть, хватить, колотиться*); 2) оценка действия как трудоемкого/легкого (*наскрести, сколотить, выкроить/настряпать, низать*);

3) оценка действия как наглядного (*ожужжасать, одудеть, звозить, липнуть, маячить*)

Актуализация направленности действия на результат имеет несколько семантических разновидностей: 1) «исцеленанправленность действия» (*припомнить, отложить, слезинуть*); 2) «бесцельность действия» (*шатаваться, болтаться, гонять, толкаться*); 3) стремление к улучшению действия (*обтесать, расписать, оттенить* и т.п.).

В целом актуализация качественных компонентов семантики отличается значительным разнообразием – всего выделено 85 типовых сем.

Последовательный анализ закономерностей актуализации периферийных компонентов семантики во вторичных значениях глаголов свидетельствует о том, что регулярная многозначность, базирующаяся на периферийных семах, является не только характерным свойством глаголов, принадлежащих к одной ЛСГ, но и глаголов, входящих в состав более широких лексико-семантических объединений (подполей, полсей). Отнесенность глаголов к определенной ЛСГ (подполю, полю) повышает вероятность существования в них однотипных периферийных компонентов семантики, на базе которых развиваются однотипные вторичные значения

Глава 2. Регулярное речевое варьирование

Лексическое значение слова в языке предполагает возможность существования в речи бесконечного разнообразия актуальных смыслов, что связано с возможностями коммуникативной конкретизации отдельных сем, реализацией потенциальных свойств лексического значения (В.В.Виноградов, А.М.Пешковский, Л.В.Щерба, Э.В.Кузнецова, А.Н.Леонтьев, А.Р.Лурия, Л.А.Новиков, И.А.Стернин, А.П.Чудинов и др.). Выявление строгих закономерностей лексико-семантического варьирования в русской лексике позволяет предположить, что определенная системность существует и в семном варьировании словесной семантики. Поэтому важно проанализировать, обобщить и классифицировать актуальные смыслы слов и по возможности сопоставить общие и отдельные свойства регулярной многозначности и регулярного речевого варьирования как двух автономных и в то же время взаимосвязанных форм варьирования словесной семантики.

Классификация моделей речевого варьирования, достаточно полно отражающая их реальные свойства, не может базироваться лишь на одной системе противопоставлений, и поэтому такая классификация (как и классификация моделей многозначности) должна быть многомерной. Учет всех существенных признаков позволяет более полно определить особенности каждой конкретной модели и ее место в общей системе регулярного речевого варьирования, выделить факты взаимодействия моделей, более глубоко оценить специфику каждого конкретного актуального смысла.

Нетрудно заметить, что используемая в настоящей монографии классификация моделей речевого варьирования в значительной степени близка к уже рассмотренной классификации моделей многозначности. Это вполне закономерно: регулярная многозначность и регулярное речевое варьирование – это во многом сходные феномены. Вместе с тем указанные классификации не являются полностью однотипными, специфика каждого вида регулярного преобразования словесной семантики закономерно сказывается и на принципах классификации соответствующих моделей.

На первом этапе классификации выделяются три основных типа моделей: общие, частные и специальные. Общие модели многозначности базируются на наиболее отвлеченных признаках словесной семантики, определяющих категориально-грамматические свойства соответствующей части речи (или ее лексико-грамматического разряда). Примером реализации общей модели может служить возможность употребления русских глаголов как для обозначения отнесенности действия к конкретному темпоральному отрезку, так и для обозначения действия вообще, в максимально обобщенном виде. К числу проявления общих моделей глагольной многозначности относятся и другие речевые модификации словесной семантики по наиболее обобщенным семам: «намеренность – непроизвольность», «реальность – потенциальность», «контактность – неконтактность» и т.п. Речевая семантика абсолютного большинства русских глаголов способна определяться названными признаками (именно поэтому соответствующие модели и названы общими), а отдельные исключения не связаны с принадлежностью глагола к лексико-семантической группе.

Специальные модели регулярного речевого варьирования «действуют» только в пределах определенной лексико-семантической группы: основа таких моделей – однотипность категориально-лексических признаков, собственно и объединяющих близкие по значению слова в такую группу. Например, при использовании глаголов перемещения может акцентироваться или собственно перемещение, или направленность перемещения, или способ перемещения, или его скорость.

Частные модели регулярного речевого варьирования, как и общие модели, охватывают слова различных лексико-семантических групп, но в основе таких моделей лежат однотипные периферийные (ассоциативные, факультативные и др.) признаки, служащие для выделения коммуникативно-семантических групп.

Семантическая сопоставимость слов, модифицирующих семантику по частным моделям, далеко не так очевидна, как близость слов, объединяемых специальными моделями. Например, на первый взгляд, трудно обнаружить однотипные компоненты в языковой или речевой семантике глаголов *купаться* и *танцевать*, однако именно эти предид-

каты объединяются в коммуникативно-семантическую группу с глаголом *загорать* и сочетанием *крутить романы* на основании признака «приятное времяпрепровождение» в следующем контексте: *Весь курс уже давно разъехался, давно крутил романы, загорал, купался, а Коля прилежно считал постельные комплекты и пары яловых сапог. И писал всякие докладные* (Васильев Б.). Глаголы, характеризующие счастливые отпускные недели выпускников военного училища, здесь отчетливо противопоставлены глаголам, обозначающим скучную работу лейтенанта Плужникова на складе. Частные модели речевого варьирования наиболее тесно связаны с контекстом, подобные актуальные смыслы нередко базируются на личностных ассоциативных признаках, то есть представлениях конкретного человека о типичных условиях протекания обозначаемого глаголом действия.

На втором этапе классификации моделей речевого варьирования противопоставляются широкие и узкие модели. Как и при дифференциации моделей многозначности, здесь учитывается объем семантической базы той или иной модели. Одни модели (широкие) действуют в самых различных лексико-грамматических разрядах и лексико-семантических группах, а другие реализуются лишь в пределах одной лексико-семантической группы или даже ее отдельной парадигмы. Например, акцентирование собственно передвижения возможно при использовании самых различных глаголов соответствующего поля, а акцентирование способа, среды или скорости перемещения возможно только при употреблении глаголов, имеющих соответствующие семантические признаки.

На третьем этапе классификации противопоставляются модели с традиционными и нетрадиционными актуальными смыслами. В первом случае актуальный смысл слова прямо вытекает из его языкового значения и поэтому не возникает каких-либо сомнений в том, что такое словоупотребление – реализация именно данного языкового значения; указанные словоупотребления воспринимаются как вполне естественные, соответствующие традиционным нормам использования слова.

В других случаях заметна некоторая необычность актуального смысла, так как значительно изменена яркость семантических признаков или в речевую семантику введены компоненты, лишь потенциально до-

пускаемые языковым значением, тесно связанные с конкретной ситуацией. Примером здесь может служить имитационное употребление, при котором субъект лишь создает видимость, что то или иное действие осуществляется (обычно пытаюсь тем самым кого-то обмануть, ввести в заблуждение). Ср.: *Я заверяю, что в отношениях с женщинами стремлюсь лишь к чистой юношеской дружбе, не слышу язвительного вопроса насчет жены и свекрови и возвращаю Катюшу к ее креслу* (Санин В.); *Настасья Петровна гложла, когда с ней спорили по житейским вопросам* (Абрамов С.). Очевидно, что признака «делать вид, что...» нет в языковой семантике глаголов *слышать* и *глохнуть*, а возможность рассматриваемого словоупотребления определяется специфическими свойствами особой модели; подобные словоупотребления как бы «находятся на пути» к многозначности. На противоположном полюсе располагаются актуальные смыслы, максимально близкие к языковому значению глаголов, воспринимающиеся как наиболее типовые.

При классификации моделей речевого варьирования необходимо учитывать и возможности категориально-грамматической «прикрепленности» моделей. Бывают случаи, когда модель имеет межчастеречный характер, в соответствии с ней происходит модификация речевой семантики слов, принадлежащих к различным частям речи. Сюда относится, например, «бонификационное» употребление: случаи, когда существительное «мужчина» обозначает только «настоящего» мужчину, когда глагол «работать» обозначает только хорошую работу (Чудинов А.П., 1988). Во многих других случаях модель речевого варьирования реализуется только (или преимущественно) в пределах лишь одной части речи, что дает основание дифференцировать модели глагольные, субстантивные, адъективные. Развернутая характеристика моделей речевого варьирования имен и глаголов имеется в последующих разделах настоящей монографии.

2.1. Регулярное речевое варьирование глагольной семантики

Общие модели варьирования глагольной семантики

Общие модели речевого варьирования глагольной семантики в русском языке основываются на категориально-грамматических свойствах русского глагола как части речи и охватывают максимальное (по сравнению с частными и специальными моделями) количество лексических единиц. Закономерности речевого варьирования по общим моделям основаны на семантико-грамматических свойствах русского глагола как части речи и связаны с универсалией, которую Б.А.Серебрянников назвал грамматической избирательностью языка. Глагол как часть речи обозначает действие, которое потенциально способно обладать очень различными свойствами: оно «может быть курсивным или длящимся, может прерываться и вновь повторяться через какие-то промежутки времени, совершаться мгновенно или протекать с незначительной интенсивностью, происходить в данный момент, предшествовать другому действию или вообще не иметь отношения к какому-либо определенному моменту речи. Оно может быть направленным на какой-то объект, но может и не иметь объекта» (Общее языкознание 1972, с.76). Каждое из этих естественных свойств может иметь грамматический показатель, но ни один язык не отражает всех признаков одновременно. В связи с отсутствием грамматического показателя одна и та же форма получает возможность обозначать различные действия с различными естественными свойствами, что закономерно приводит к варьированию речевой семантики глагола, тогда как в языках с другой морфологической структурой аналогичные семантические различия могут иметь морфологический показатель.

В настоящей монографии к числу общих моделей речевого варьирования относится прежде всего преобразование глагольной семантики по признакам «актуальность – неактуальность», «контактность – неконтактность», «намеренность – произвольность», «реальность – потенциальность». В соответствии с каждой из этих моделей может употребляться абсолютное большинство русских глаголов, однако существуют и

такие предикаты, для которых варьирование по той или иной модели нехарактерно. Например, глаголы *растить* и *воспитывать* едва ли могут употребляться в актуальных контекстах типа: *Он в эту минуту растит и воспитывает сына*, так как контекст требует единичности, а семантика глагола препятствует такому его употреблению. Глагол *уплывать* закономерен в актуальном контексте (ср.: *Мальчик сейчас с удовольствием уплывает арбуз*), но едва ли этот глагол может заменить слово *питаться* в неактуальном контексте (ср.: *Он обычно питается дома*); показательно, что и глагол *питаться* будет неуместен в предыдущем актуальном контексте.

Типичные свойства общих моделей речевого варьирования можно обнаружить при сопоставлении словоупотреблений с контактными и неконтактными использованием глаголов. В данном случае контактным называется такое употребление глагола, при котором субъект лично выполняет обозначенное глаголом действие, а неконтактным – такое употребление, при котором это действие выполняет какое-то иное лицо. В качестве субъекта действия в этом случае может быть представлен его инициатор, автор проекта, руководитель коллектива, финансирующее работу лицо и т.п. Ср.: *А Иван Васильевич был действительно человек могучий. Через полгода он поставил телефон на павлиновской даче (Трифонов Ю.); Это уж потом, лет через десять, «Волгу» себе купил, дачу в Здравнице, квартиру в Черемушках получил. Жену и ребят одел, обул. Теще золотые зубы вставил (Червяков Ю.); И все потому же, что я разбирался в номерах облигаций, матери говорили: «Башковитый у тебя парень растет. Ты это... давай учи его» (Распутин В.).*

Для указания на контактный или неконтактный характер употребления глагола могут быть использованы специальные средства. Например, предложение *Я сшил себе костюм* может быть дополнено лексическими конкретизаторами: *Я сам сшил себе костюм – Я сшил себе костюм в ателье*. При необходимости может быть назван и реальный производитель действия, но это производитель в подобных контекстах оказывается представленным не как субъект действия, а иным образом. Ср.: *Займку большую имел, землю работниками пахал, опять же своя*

пасака (Достоевский Ф.); Ты зачем, архангел, на кладбище явился? Не ты ли парня изводил за бунт против твоей системы? Не сам, через холопов своих (Штемлер И.). В других случаях оказывается важным указать, в чем именно заключается роль грамматического субъекта: Для меня Лина сделалась необходимой в последние годы еще и потому, что одевала меня. Она, как и многие, принялась изыскивать способы приработка, открыв в себе талант модельера и портнихи (Ганина М.); Отец Палыча строил эту баню не в том смысле, как, скажем, сейчас «строят» себе дачу или кооперативную квартиру, то есть оплачивают строительство, а именно строил, без всяких кавычек, рубил собственными руками (Маманов В.).

Неконтактное употребление встречается в текстах не столь уж часто, однако при отсутствии специальных показателей актуальный смысл глагола вполне может восприниматься как неконтактный и требовать уточнения. Ср.: «А вы, простите, какого чина достигли?» – «Строю мосты». – «На кальке и чертежах?» – «Нет, впрямую. Я начальник строительства» (Штемлер И.). Как видно из контекста, вторая реплика оказалась не до конца понятна собеседнику и потребовала уточнения, однако оба собеседника считают возможным и естественным неконтактное употребление глагола *строить*: первый – в актуальном смысле «проектировать», второй – в актуальном смысле «руководить строительством». Специальный анализ показывает, что словарные толкования последовательно ориентированы на контактное употребление глаголов, однако отсутствие в словарях каких-либо указаний на возможность неконтактного употребления заставляет предположить, что оно воспринимается составителями как специфический речевой вариант, не связанный с изменением лексического значения.

Специальный анализ показывает, что наиболее часто неконтактно используются глаголы со значением созидания, физического воздействия, передвижения объекта, его уничтожения и некоторые другие глаголы преимущественно конкретной семантики. Вместе с тем в исследованных текстах совершенно отсутствует неконтактное употребление глаголов со значением эмоционального состояния и отношения, речи, интеллектуальной деятельности. Вообще некаузативные глаголы ис-

пользуются неконтактно только при характеристике действий подчиненных, за которые руководитель несет ответственность. Ср.: *Это с волнением, гордостью, торжеством и вместе с тем официальной скупой точностью сказано: Я вам все расскажу и все покажу. Вот вчера через Сож перелез. Покажу, где я перелез и как перелез – по штурмовому мостику* (Симонов К.); *Я, майор Бублик, преследуя противника, первым прошел по этой улице, а теперь далеко впереди* (Твардовский А.). Широкий контекст показывает, что и том и в другом случае речь идет о действиях солдат, о которых рассказывают командиры. Ср. также: *Я никак не могу согласиться с утверждением, что, дескать, у нас принято считать: матчи выигрывают тренеры, а проигрывают футболисты* (Симомян Н.). В последнем случае словопотребление носит иронический характер, но это вовсе не обязательно: нередко такое употребление призвано подчеркнуть особую значимость и ответственность руководителя.

Частные модели варьирования глагольной семантики

Частные модели речевого варьирования связаны с наличием у глаголов общих периферийных сем, служащих базой для однонаправленной модификации семантики коммуникативно-речевых групп глаголов. Частные модели охватывают, как правило, меньшее количество лексических единиц, чем общие модели. Отметим также, что семантическая близость глаголов, используемых по частным моделям, не так заметна, как у глаголов, варьирующих свою семантику по специальным моделям.

Рассмотрим несколько контекстов с акцентированием разнообразных ассоциативных признаков глагола *мыть*: *Не могу же я с северным сиянием жить, как обычные люди. Думать, что пора мыть полы, ругаться в очереди, сплетничать про подруг* (Катерли Н.); *Двадцать женщин были направлены в бывшее ФЗУ на уборку – мыли, скоблили, чистили, приводили в порядок отхожие места, вешали умывальники* (Рыбаков А.); *Вот взять бы – приезжал зимой к нам министр. Всю неделю все мыли и драли* (Катерли Н.). В первом случае подчеркивает-

ся обыденность, нетворческий характер действия: об этом свидетельствуют и однородность конструкций с глаголами *мыть*, *ругаться*, *сплетничать*, и предваряющий эти конструкции оборот *как обычные люди*, и несомненное противопоставление *северного сияния* в душе прозаическим заботам обыкновенного человека. Сочетание *мыть полы* здесь вполне могло бы быть заменено обозначением иной постоянной «прозаической» домашней работы: *чистить картошку*, *стирать белье*, *готовить обеды*, поскольку важно не само действие, не его результат, а контекстуальная эмоциональная окраска рассматриваемого глагола.

Во втором контексте главное – результат действия. Здесь покаательно употребление в качестве однородных членов глаголов *мыть*, *скоблить*, *чистить*, которые, в отличие от употребленных параллельно в предыдущем предложении глаголов *мыть*, *ругаться*, *сплетничать*, очень близки по семантике. Акцентируемый признак поддерживается узким контекстом (обобщающая конструкция «направлены на уборку») и широким (далее сообщается, что в этом здании планировалось разместить госпиталь).

В последнем предложении также важен результат действия, поэтому в качестве однородных вновь использованы близкие по семантике глаголы (*мыть* и *драить*). Не менее значимы указания на длительность действия (*целую неделю*), его исключительность (это не повседневная уборка, а оставшееся в памяти событие). В результате уборка превращается в знак особого внимания к посещению министра, желание приукрасить истинное положение дел.

Совершенно иной ассоциативный признак акцентируется в контексте с близким по значению глаголом *подтереть*. Ср.: *Алка включит проигрыватель и сидит, замрет, как памятник. Будто нельзя симфонию слушать и в то же время полы подтереть* (Катерли Н.). В этом случае противопоставлены «неплодотворность» прослушивания музыки и «полезность» наведения чистоты. Не случайно здесь использован глагол, обозначающий быстрое и, может быть, поэтому не вполне качественное действие («лучше бы вымыть, но хотя бы подтереть!»). «Непродуктивность» прослушивания музыки подчеркивается специальными глаголами (*сидит* и *замрет*),

а также сравнением (как памятник). Подобным образом может подчеркиваться контрастность семантики и ряда других глаголов. Ср.: *Я поправилась и в свободное время занялась чтением. Почему-то это тихое занятие также раздражало моих домашних. «Опять читаешь? Лучше б носки поштопала», – нет-нет да говорила свекровь* (Горбулина Т.). Неоправданное противопоставление процесса восприятия эстетических и интеллектуальных ценностей физическому труду служит здесь яркой характеристикой личности героев.

При употреблении в речи глаголов, обозначающих постоянные домашние занятия (*мыть, готовить, стирать, варить* и т.п.), нередко акцентируется признак «необходимость определенных физических усилий». Разумеется, такие усилия в любом случае предполагаются при выполнении названных действий, но в подобных конструкциях названный признак становится ведущим. Ср.: *Насидевшись за кассой, она хотела двигаться – стирала, гладила, варила свой знаменитый украинский борщ, рубила корм цыплятам, драила мастикой сияющий линолеум* (Гофф И.). Лексический экспликатор *хотела двигаться* здесь достаточно однозначно свидетельствует о специфике актуального смысла, который одновременно оттеняется сочетанием *насидевшись за кассой*.

Физические усилия, необходимые для выполнения домашней работы, нередко вызывают утомление. Эта сторона глагольной семантики акцентируется в следующем контексте: *Я не готова к приему гостей. Устала. Надо жарить, варить, стряпать. Потом убирать со стола, мыть посуду* (Колыханов В.). В тексте подробно перечисляются именно трудовые действия, необходимые для праздничной встречи с друзьями мужа, но не говорится о необходимости беседовать с гостями, развлекать их, создавать приподнятое настроение. Все это выдвигает на первый план именно физическую усталость, а следовательно, не столько собственно приготовление пищи и наведение чистоты, сколько необходимые для этого физические усилия, ведущие к утомлению.

Трудоемкость, утомительность, неприятность действия акцентируется и при использовании глагола *копать* в следующем контексте: *Ага, нашел дураков. Мы тут зиму не живем. Чего ради горбиться? Вы будете пользоваться, а мы копай* (Чистяков Г.). В данном контексте важ-

на лексическая поддержка признака «трудоемкость» глаголом *горбиться* и противопоставление *Вы будете пользоваться* (ассоциативный признак «легкое, приятное») – *а мы – копай* (ассоциативный признак «трудное, неприятное»); значимы и другие причины нежелания работать (*мы здесь зиму не живем, нашел дураков*). Высшая степень легкости действия – отдых. Этот признак выступает на первый план в следующем предложении: *Нет, думаю, батя, эта работа не по мне. Пусть трактор работает, он железный. Сел и сижу* (Иванченко А.). Подобное словоупотребление характерно и для большого количества других словоупотреблений, то есть является проявлением достаточно продуктивной модели регулярного речевого варьирования.

В следующем контексте на первый план выступает не трудоемкость действия, а его монотонность, привычность, обыденность. Ср.: *Лиза шла во двор задавать корму поросенку, овцам, старому казенному мерину. Умывала, переодевала и кормила с ложечки мать. Готовила обед, прибирала в доме, обходила отцовские квадраты и бежала в село за хлебом. Подружки ее давно кончили школу, кто уехал учиться, кто вышел замуж, а Лиза кормила, мыла, скребла и опять кормила. И ждала завтрашнего дня* (Васильев Б.). Обыденность, а вместе с тем неинтересность постоянных действий подчеркивается длинными рядами однородных членов, тем, что каждый глагол обозначает не единично-конкретное, а длительно-повторяющееся действие. Не менее значимо противопоставление перемен в жизни подружек и постоянства условий жизни Лизы, а также последняя фраза (*И ждала завтрашнего дня*), обозначающая жажду перемен. Характерно и отсутствие зависимых существительных при части переходных глаголов – акцентируется само действие, а не его объект или результат.

Следующая модель регулярного речевого варьирования основана на акцентировании ассоциативных признаков «типично женское занятие» – «типично мужское занятие». Ср.: *Теперь мама все время рассказывает, что, мол, наука наукой, а это ненормально, когда здоровая женщина пол в доме ни разу не вымыла, не говоря об окнах, варенье не варит, за грибами не ходит и т.д. и т.п.* (Катерли Н.). Акцентируемый признак поддерживается сочетаниями *здоровая женщина* и *это не-*

нормально, а также фразеологизированной конструкцией *наука наукой*. Не менее важна здесь и подчеркнутость отрицания: *ни разу не вымыла, не говоря уже об окнах*. Показательно, что отсутствие актуализации конкретного характера действия, его результата делает возможным замену словосочетания *вымыть окна* обозначением иной «типично женской» работы. В связи с этим интересным будет сравнение рассматриваемых словоупотреблений с использованием сочетания *вколотить гвоздь*, которое в следующем предложении используется для обозначения «типично мужской» работы: *В газетах про это в последнее время много писали, объясняли положение тем, что женщины, мол, имеют равные права, не зависят в деньгах и везут на себе хозяйство, так за что им, дескать, мужа уважать и слушать, если он в доме – пустое место, гвоздя вколотить и то не умеет* (Катерли Н.). Особенностью данного словоупотребления является акцентирование у сочетания *вколотить гвоздь* еще одного ассоциативного признака «простота действия», что подчеркивается в контексте специальными лексическими средствами: *муж – пустое место, за что мужа уважать, и то не умеет и, наоборот, женщина – везет на себе хозяйство, не зависит в деньгах, имеет равные права*.

Распространенная модель речевого варьирования глагольной семантики – акцентирование разнообразных умений, навыков, способностей субъекта. Ср.: *А Никуша и хозяйка, и стряпуха, и к шитью у нее талант, белье выстирает – как новенькое* (Кожевникова Н.). Следующий контекст непосредственно начинается с оценки субъекта, которую и раскрывают последующие глаголы: *И в остальном она тоже неплохая баба. Рукава засучит и пол вымоет, и белье постирает, и обед сготовит – шутя все сделает* (Симонов К.). Речевая семантика глагола может быть связана с характеристикой моральных качеств субъекта: его смелости, доброты, заботливости, бескорыстия и т.п. Ср.: *А вообще-то нормальный малец был. В речку с обрыва нырял и ласточкой, и топориком. В лесу не плутал и не боялся. Собак самых злоющих в два слова утихомиривал, гладил, за уши их дергал, как хотел* (Васильев Б.). В данном контексте достаточно ярко проявляется и акцентирование смелости субъекта, и наличие у него определенных умений и навыков.

Обзор типовых ассоциативных признаков, которые могут акцентироваться по частным моделям регулярного речевого варьирования глагольной семантики, может быть продолжен. Однако и уже рассмотренные примеры способны продемонстрировать типовые признаки частных моделей:

их многочисленность и разнообразие, широкое распространение взаимодействия различных моделей, периферийный характер акцентируемых сем, реализацию в группах, казалось бы, мало связанных между собой слов. Показательно, что названные признаки частных моделей речевого варьирования во многом аналогичны признакам частных моделей многозначности.

Специальные модели варьирования глагольной семантики

Важнейшие особенности специальных моделей речевого варьирования глагольной семантики определяются категориально-лексическими признаками, объединяющими слова в лексико-семантическую группу. Указанные модели до настоящего времени не были предметом лингвистического исследования, тем не менее отдельные факты, интерпретируемые в настоящей работе как проявление речевого варьирования, уже привлекали внимание языковедов, однако квалифицировались преимущественно как проявление полисемии (Ю.Д. Апресян, В.Г.Гак, Г.А.Матлина, Л.А.Новиков, Н.В.Солоник и др.). Показательны, в частности, материалы дискуссии о характере глагольной семантики в противопоставленных сочетаниях типа *копать землю* – *копать яму*, *пробить стену* – *пробить отверстие*. По мнению Ю.Д. Апресяна, «в первом случае глагол имеет значение воздействия на объект, а во втором – значение действия, создающего свой объект» (Апресян Ю.Д., 1967, с.115). Однако вполне оправданными представляются сомнения Д.Н.Шмелева, который пишет: «"варить картошку" и "варить суп", "копать яму" и "копать землю" и т.д. – реально различные ситуации, это несомненно, но то, что здесь разные значения глаголов, не представляет вполне бесспорным» (Шмелев Д.Н., 1973, с.223).

При использовании предложенной выше методики разграничения многозначности и речевого варьирования выясняется, что анализируемые словоупотребления целесообразно отнести к проявлениям речевого варьирования глагольной семантики. Представляется, что в языке глаголы типа *копать* имеют не два значения («воздействие на существующий объект» и «созидание нового объекта»), а одно многоаспектное значение, предполагающее множественность актуальных смыслов данного глагола в речи. Даже при обозначении одного и того же реального действия возможна различная его интерпретация: допустимо как акцентирование созидания (копать яму), так и акцентирование воздействия на объект (копать землю). Языковая семантика глагола не противоречит повышению яркости и других компонентов: «копать картошку» (извлечение), «копать огород» (обработка). Возможно и диффузное употребление, не связанное с акцентированием какой-то семы: *Он вчера что-то копал в своем огороде*, а также акцентирование трудоемкости действия (*Он целый день что-то копает, носит, поливает – пора бы и отдохнуть*), неквалифицированного характера труда (*Инженеры должны не копать картошку, а создавать для этого машины*) и других рассмотренных выше ассоциативных признаков. Значение глагола в языке закономерно имеет более обобщенный характер, чем его речевая семантика в контексте: конкретизация происходит при использовании слова в речи.

Однотипные актуальные смыслы можно обнаружить практически в любой лексико-семантической группе, а поэтому в настоящем разделе не может быть дана исчерпывающая характеристика всех специальных моделей: целесообразно ограничиться анализом специальных моделей речевого варьирования глаголов говорения – одной из наиболее объемных и интересных групп русских глаголов.

Специфика речевого варьирования глаголов говорения в значительной степени связана с тем, что они обозначают сложное по своей природе действие, а следовательно, здесь возможны актуальные смыслы, связанные с акцентированием лишь одного из существенных семантических признаков. Например, *говорить* – это одновременно и «произносить звуки», и «общаться», и «передавать информацию», причем все эти аспекты действия «по существу не отграничены друг от друга и в разных

контекстах любой из соответствующих признаков может выдвинуться на первый план» (Шмелев Д.Н., 1973, с.230).

В контекстах с акцентированием признака «звучание» обычно отсутствуют объектные распространители глагола, здесь важно не содержание речи, а наличие звука. Ср.: *Вы все время говорите и мешаете мне читать лекцию.* Голос здесь воспринимается как помеха, а содержание речи роли практически не играет, смысл фразы практически не изменится, если вместо глагола *говорить* будет использован глагол *шуметь*. Показателем акцентирования указанного признака может быть и наличие в тексте лексического экспликатора (шум, звуки, гул и т.п.) или указателя степени громкости. Ср.: *Костя писал ядовитое письмо в «Литературную газету», когда слышал шум. Последнее время – он заметил – Вера стала громко говорить. Он еще не делал ей замечания, но, пожалуй, пора, что это за крики, у него лопаются барабанные перепонки* (Щербакова Г.). В данном случае для мужа важно не содержание высказывания жены, а громкость ее голоса.

В определенных условиях может акцентироваться и такой признак говорения, как средняя степень громкости. В этом случае глагол *говорить* противопоставляется глаголам *кричать* (высокая степень громкости) и *шептать* (низкая степень громкости). Ср.: *Алексей Иванович и Настасья Петровна по заведенному ей великосветскому ритуалу сидели по разные стороны стола, что Алексея Ивановича безмерно раздражало: не говорить приходилось, а орать друг другу* (Абрамов С.). В другом случае наиболее важно отсутствие дефектов произношения. Ср.: *Хороший артист Саша Шармантский, красивый, высокий, говорит хорошо, без пришептывания* (Белов А.). Имеется в виду соответствие речи орфоэпическим нормам, а не передаваемая информация и даже ее лексико-грамматическое оформление.

Совершенно другой характер имеет употребление рассматриваемых глаголов в контекстах с акцентированием содержания речи. Ср.: *Бабушка и в глаза ему говорила, что характер у него не сахар* (Эдлис Ю.). *Можешь говорить, о чем хочешь, но не забудь о молодых. Говорить о молодых – хороший тон* (Абрамов С.). В подобных случаях звуковое оформление речи мало значимо, на первый план выходит ее

содержание. Соответственно глагол *шуметь* в подобных конструкциях уже не может быть контекстуальным синонимом глагола *говорить*: здесь роль контекстуальных синонимов могут выполнять только глаголы и словосочетания со значением речи: *сообщать, высказывать мысль, информировать* и т. п.

Речевое варьирование глаголов говорения может быть связано с акцентированием некоторых ассоциативных признаков, тесно связанных с категориальными. Ср.: *Рафик что-то сделал, чем-то помог. Хотя кто его знает? Он г о в о р и л* (выделено автором. – А.Ч.), *что сделал и помог, но проверить-то невозможно* (Трифонов Ю.). Думается, автор не случайно обращает внимание читателя на глагол *говорить*. Третье предложение, по существу, повторяет первое, но введение глагола речи заставляет сомневаться в реальности помощи. Употребление подобного глагола иногда призвано подчеркнуть именно несоответствие между словами человека и его реальными помыслами. Ср. также: *Я тревожился за Кирилла – первый курс! – и вся эта болтология, валявшаяся там и сям в квартире, могла сбить его с толку. Честно говоря, я не столько тревожился, сколько в ы с к а з ы в а л* (выделено автором. – А.Ч.) *тревогу* (Трифонов Ю.). Таким образом, противопоставления типа *тревожился – высказывал тревогу, помог – говорил, что помог* оказываются средством акцентирования рассматриваемого варианта семантики глаголов говорения.

Беседы, речевое общение нередко могут быть свидетельством определенной близости людей. Именно этот ассоциативный признак глагола акцентируется в следующем контексте: *Во всем этом предательстве... Ритина доля вины побольше моей. И вообще она ближе к ней [заболевшей домработнице], чем я. Я – что? Я видел Нюру лишь по утрам, когда убирался кабинет, и не чаял, чтобы она поскорее исчезла со своими тряпками и пылесосом, и днем, за обедом. Очень редко с ней разговаривал* (Трифонов Ю.). Герой считает, что за домработницу несет основную ответственность жена, которая чаще разговаривала с Нюрой. Ср. также ситуацию, когда нежелание разговаривать – символ презрения: *«Перестань кричать!» – «А ты предатель! Не хочу*

с тобой разговаривать». Схватила Наташку, рванулась из-за стола (Трифонов Ю.).

Рассмотренные варианты речевой семантики глаголов говорения имеют вполне регулярный характер и поэтому могут рассматриваться как реализация моделей регулярного речевого варьирования.

В целом рассмотренный материал свидетельствует, что закономерности регулярного речевого варьирования в глагольной лексике во многом аналогичны закономерностям регулярной многозначности. И в том и в другом случае выделяются однотипные модели: общие, частные и специальные.

2.2. Регулярное речевое варьирование семантики существительных со значением родства

Лексическое значение слова в языке допускает возможность бесконечного многообразия актуальных смыслов данного слова, связанного с возможностями коммуникативной конкретизации отдельных сем, реализацией его ассоциативных признаков (В.В.Виноградов, Л.В.Щерба, Э.В.Кузнецова, А.Ф.Лосев, А.Р.Лурия, И.А.Стернин, А.А.Уфимцева, А.П.Чудинов и др.). Выявление закономерностей в лексико-семантическом варьировании русских терминов родства позволяет предположить, что определенная системность существует и при речевом варьировании семантики данных слов.

Основная задача настоящего раздела – выявление и систематизация типовых актуальных смыслов существительных со значением родства, а следовательно – поиск системности при использовании указанной группы слов в речи. При этом рассматривается только основное значение данных слов.

В соответствии с концепцией, ставшей одной из теоретических основ настоящего раздела, семное варьирование слова – это «приспособление значения-компетенции к коммуникативным условиям конкретного речевого акта, выражающееся в образовании тех или иных актуальных смыслов» (Стернин И.А., 1985, с.106). Поскольку варьироваться могут и семантические, и ассоциативные признаки слова, то именно этот факт может служить первоначальным основанием для классифика-

ции. Соответственно сначала анализируются случаи акцентирования обязательных семантических признаков со значением родства (собственно «родство», «кровное родство» – «некровное родство», «поколение», «пол» и т.п.), затем рассматриваются факты акцентирования ассоциативных признаков указанных существительных («духовная близость», «забота», «потребность во внимании» и т.п.).

При описании разнообразных случаев семного варьирования существительных рассматриваемой группы используется методика последовательного описания моделей варьирования. В данном случае модель семного варьирования понимается как «типовое соотношение системного лексического значения слова и его актуального смысла, служащее образцом для речевого варьирования семантики других слов» (Чудинов А.П., 1990, с.188). При исследовании модели необходимо определить ее семантическую базу (круг слов, способных к однотипной речевой модификации семантики) и формулу семантического преобразования, включающую компонент, объединяющий семантику всех охватываемых моделью слов, и компонент, объединяющий все соответствующие модели актуальные смыслы. Объективность существования модели доказывается однотипностью речевых модификаций языковой семантики слов той или иной группы.

Актуальные смыслы слова соответствуют модели в том случае, когда в них акцентируется определяемый моделью компонент, причем в этих актуальных смыслах вполне могут быть акцентированы и другие компоненты. В связи с этим вводится понятие «вариант модели». Чаще всего указанная вариативность связана с параллельным акцентированием целого ряда семантических или ассоциативных признаков слова.

Модель семного варьирования по своим свойствам во многом напоминает модель многозначности и отличается от последней прежде всего тем, что варьирование словесной семантики в данном случае не выходит за рамки, определяемые базовым значением существительного, то есть амплитуда семантических колебаний при речевом варьировании меньше, чем при полисемии. Показательно, что и модели многозначности русских терминов родства, и модели их речевого варьирования базируются на одних и тех же компонентах лексического значения, но при

речевом варьировании ассоциативные признаки актуализируются несколько чаще, чем при многозначности. Именно этим фактом определяется необходимость выделения специального раздела для описания закономерностей речевой актуализации ассоциативных признаков.

Акцентирование обязательных семантических признаков существительных со значением родства

При классификации закономерностей акцентирования компонентов лексической семантики возможны два пути. В исследовании И.А.Стернина (1985) дифференциация проводится по функциям сем в структуре значения слова, и на этой основе выделяется 15 типовых ядерных актуальных смыслов, которые при анализе терминов родства должны бы быть интерпретированы следующим образом.

1. Актуализация ядра в целом (в равной степени значимы все категориальные и дифференциальные семы слова).

2. Актуализация ядра с усилением архисемы (особенно значим категориальный признак «родство» и несколько меньше – конкретный характер родства).

3. Актуализация ядра с усилением архисемы и дифференциальных сем (особенно значимы категориальная сема «родство» и отдельные дифференциальные семы).

4. Актуализация ядра с усилением дифференциальной семы (особенно важны отдельные дифференциальные семы).

5. Актуализация архисемы (важен только категориальный признак «родство»).

6. Актуализация архисемы и дифференциальной семы (важны только категориальная сема и часть дифференциальных).

7. Актуализация дифференциальной семы (важны только отдельные дифференциальные семы).

Рассмотренный подход способен дать достаточно интересные результаты, но в настоящем исследовании, вслед за А.П.Чудиновым (1986), используется несколько иная классификация типовых актуальных смыслов. В данном случае каждой модели соответствует акцентирование

лишь одного из семантических признаков, но в отдельную группу выделяется основной вариант семантики существительного. В результате обнаруживаются следующие модели семного варьирования русских терминов родства.

1. Актуализация ядра в целом (основной вариант словоупотребления).
2. Актуализация категориального признака «родство».
3. Актуализация дифференциальных признаков «кровное родство» – «юридическое родство» – «родство по супружеству» – «родство по крещению».
4. Актуализация дифференциального признака «пол».
5. Актуализация дифференциального признака «поколение».
6. Актуализация дифференциального признака «прямое родство» – «боковое родство».

Во многих случаях актуализируется не один, а несколько семантических признаков слова одновременно, что может быть интерпретировано как взаимодействие моделей, ведущее к их вариативности; подобная вариативность может быть связана и с параллельным акцентированием ассоциативных признаков существительного, которое будет рассмотрено ниже. Однако в связи с поставленной задачей в настоящем разделе основное внимание будет уделяться выявлению и описанию конкретных моделей, а поэтому факты взаимодействия моделей специально оговариваются не всегда.

Перейдем к рассмотрению закономерностей речевой реализации конкретных моделей семного варьирования существительных со значением родства.

1. Актуализация ядра в целом. При таком употреблении в акте речи достаточно значимы все обязательные компоненты лексического значения, которые обычно отражаются в словарном толковании, и невозможно выделить хотя бы один совершенно незначимый признак. Подобное употребление называют основным, или базовым, оно воспринимается как наиболее естественное, закономерное и обычно не привлекает внимание исследователей. Ср.: *Проблема заключалась в другом. Там, в Пятом доме Советов, в квартире Будягиных его сын. Сын! Шарок никогда его не видел и не хотел видеть. Но он есть, живет, существу-*

ет (Рыбаков А.). Следователь-карьерист беспокоится о том, что его может скомпрометировать родство со стремительно теряющим вес сановником. Поэтому здесь особенно важен категориальный признак «родство», но не менее важны и дифференциальные семы, указывающие на близость кровного родства. Можно предположить, что в данном случае не так уж значим пол младенца, но неужели это совсем безразлично для негодяя-отца? Еще более очевидна значимость всех семантических признаков слова *отец* в следующем контексте: *А что он напишет в графе «отец»? Что? Даже его собственная мама не знает, кто его отец* (Васильев Б.). В данном случае при первом словоупотреблении лексема использована с актуализацией всех обязательных сем: имеется в виду именно «кровный родственник мужского пола предшествующего поколения по прямой линии» и в соответствующей графе исключается указание каких-либо иных родственников, причем при первом словоупотреблении данного слова необходимо учитывать наличие юридического оформления родственных связей, а при втором словоупотреблении этот признак, по-видимому, нейтрализован.

В рассмотренных выше контекстах ассоциативный потенциал слова практически не реализован, но это вовсе не обязательное свойство базового словоупотребления: полная актуализация ядра значения вполне может сопровождаться акцентированием каких-то ассоциативных сем. Ср.: *Андрей Петрович: Внучка! Товарищи, у меня внучка! Роза Абрамовна: Новоиспеченного деда можно поздравить?* (Кац Р.). При таком употреблении слова *внучка* актуализированы семы ядра: «кровное прямое родство, младшее поколение второй степени, женский пол» – но контекст (восклицательная интонация, лексический повтор, поздравление и др.) показывает, что параллельно семам ядра актуализируются и ассоциативные признаки слова; несомненна актуализация ассоциативного потенциала и при использовании слова *дед* в рассматриваемом контексте.

Актуализация ядра – типовое словоупотребление с наиболее широкой семантической базой: подобным образом способны использоваться все рассмотренные существительные со значением родства, тогда как

круг слов, способных к варьированию по некоторым другим моделям, в той или иной степени ограничен.

2. Актуализация категориального признака «родство» с возможным ослаблением отдельных дифференциальных признаков. При таком словоупотреблении на первый план выходит наличие родственных связей между людьми, причем иногда не так уж важна конкретная степень родства. Чаще всего подобным образом используются слова *родственник*, *родственница*. Ср.: – *Я ж ваш родственник. Дальний, правда, чересчур дальний. Я ж двоюродный брат жены вашего брата вашей двоюродной сестры. – Обожди, я сейчас посчитаю, кто ты есть. – Зачем же ты сюда пожаловал, родственник?* (Гончаров А.); – *Она вроде бы твоя родственница? – Кто, Наталья? – очнулся Иванов. – Ну да. Бывшая жена Зуева, а тот – брат моей бывшей и настоящей жены* (Белов В.). В этих случаях важен сам факт наличия родства, и, хотя во втором контексте степень родства впоследствии уточняется, все же оно оказывается настолько дальним, что герой настаивает лишь на самой возможности осознания родственных связей, причем здесь не дифференцируется собственно родство и свойство (родство по браку).

Прямое указание на родство отмечается при рассматриваемом словоупотреблении и во многих других контекстах. Ср.: *Но, понимаешь... Наш Сережка очень талантлив. Очень! Однако кое-кто все его успехи списывает на наше родство. Как же! Зять академика Чанышева!* (Бокарев Г.). Сергей, о котором идет речь, называет себя *двоюродным зятем*, так как он женат на племяннице академика. В подобной ситуации важен лишь факт наличия родства, потому что такие же криво толки вызвал бы и сын, и зять, и шурин любого высокопоставленного лица. Ср. также: *Народ распадается на отдельных людей, но и люди-то уже стали другие, души изломаны насилием, сознание отравлено злобой. Вот говорят: брат на брата, сын на отца. Ничего странного, ведь всякое родство уже теряет смысл* (Галкин Ю, Стаценко В.).

В других контекстах прямого указания на акцентирование собственно родства нет, но актуальный смысл слов рассматриваемой группы достаточно очевиден. Ср.: *Недавно Митя заметил, что отношение к нему изменилось. Прежде на улице Митю огибали молча, словно на-*

долбу, а теперь, не все, правда, но некоторые улыбаются, здороваются. Утром Митя поделился этой новостью с Катериной. – А что чудного? – сказала она. – Ты теперь не Митька, ты председателев сын (Антонов С.). Для жителей деревни, видимо, важен сам факт близкого родства; определенные знаки внимания они оказывали бы и другим родственникам председателя (родителям, жене, братьям и сестрам).

С обозначением отдаленного родства связано употребление слов кум, кума, сват, деверь, шурин и т.п. Например, герой романа В.Пикуля «Каторга», подчеркивая собственную значимость в глазах собеседника, намекает на наличие родственника в полиции: *А здесь вам не Москва, чтобы полтинником фасонить. Ежели станете кобениться, я мгновенно скандал устрою. У меня, чтоб вы знали, и кум в полиции служит.* В эпизоде из повести С.Антонова «Васька» репортер местной газеты, пытаясь вызвать девушку на откровенный разговор, предлагает ей держаться с ним как с близким человеком: *Послушайте, Рита, меня сам редактор направил. Давайте присядем и побеседуем, как эти самые, как их... ну, как земляки. Представьте, я вам земляк или, еще лучше, кум, навестил вас* (Антонов С.). Очевидно, употребляя слово кум, он имеет в виду «родственник, пусть не очень близкий, но ближе, чем просто земляк». Это может быть какой-то дальний родственник: сват, деверь, шурин и т.п. Правильность этого суждения подтверждают контексты с вербальными экспликаторами кума, кумовья, имеющими значение «родственница», «родственники»: *Моя кума, невесткина мать, все хвастает: а у вас сколь на книжке?* (Петрушевская Л.). Иногда для обозначения родства используется слово, точного значения которого говорящий не знает, но уверен, что оно обозначает какую-то степень родства. Так, в пьесе А.Соколовой «Фантазии Фарятьева» семиклассница Люба, говоря о будущем муже своей старшей сестры, называет его *деверем*, может быть, из-за незнания терминологии свойства, а может быть, иронизируя; необычное звучание этого слова соответствует странному облику самого Павла Фарятьева. Ср.: *Мама: Иди на кухню. Там поешь. Люба: Но здесь уже все готово. Мама: Иди туда, я тебе говорю. Люба: Но я хочу познакомиться со своим деверем.*

Сема «родство» акцентируется говорящими также в тех жизненных ситуациях, когда важен именно факт наличия родства: в больнице, в гостинице, на похоронах и т.п. Ср.: – *К вам гости, поручик Старшов. – Кто? – Он почему-то больше испугался, чем обрадовался. – Брат с сестрицей. Не родных я бы к вам не пустила* (Васильев Б.); Соня: *Пожалуйста! Второй этаж, номер семь! (Увидев, что ключ берет Марья.) Простите... А девушка что? С вами? Воцаков: Это – не девушка. Это – внучка товарища академика! Вручайте ключ! Не задерживайте! Марья: (беря ключ). Между прочим, одно другому нисколько не мешает!* (Бокарев Г.); «*А вы кто?*» – грубо спросил один из них, когда Иванов и Медведев пошли следом. Иванов прищурился. Захотелось ответить тем же вопросом, но он сдержался: – *Я шурин покойного. Вы, вероятно, знаете, что значит шурин* (Белов В.); Кирилл: *Дачников полагается прописывать. Татьяна Андреевна: Он у нас не дачник, он родственник* (Константинов В., Рацер Б.). Как видим, все ситуации требуют наличия родственных отношений. Степень родства не имеет большого значения: к поручику Старшову могли пропустить и мать с отцом; Марья могла бы быть еще дочкой или женой академика – их также поселили бы в один гостиничный номер; для участия в панихиде Иванову не требовалось уточнять свой родственный статус; временная прописка не нужна отдыхающему на даче вашему родственнику. И хотя, по едкому замечанию Марьи, «одно другому нисколько не мешает», все же наличие родства – немаловажная деталь во всех ситуациях.

Нетрудно заметить, что типовое условие актуализации семы «родство» – противопоставление слов рассматриваемой группы лексическим единицам иной семантики. Ср.: *Дванову жалко стало Нехворайко, потому что над ним плакали не отец и мать, а одна музыка, и люди шли вслед без чувства на лице, сами готовые неизбежно умереть в обиходе революции* (Платонов А.). В данном контексте архисема «родство» актуализируется за счет семантического противопоставления, с одной стороны, значений слов *мать* и *отец*, с другой стороны, метафорического образа плачущей музыки и людей, «без чувства на лице». Слова *мать* и *отец* можно заменить без потери смысла словами *жена* и *сын*; важно,

чтобы это были близкие люди, способные пожалеть умершего и оплакать его безвременную кончину.

Антонимичная сема может выделяться интонационно (на письме – графически): *Нет, свекровь не спросила: Что с Галиной Евгеньевной? Не нужна ли помощь? Какое-нибудь лекарство? Любой посторонний, нуждавшийся в т о в а р и щ е с к о й п о м о щ и* (разрядка автора - Н.Б.), был для нее ближе, чем мать невестки (Трифонов Ю.).

По особому варианту происходит актуализация семы «родство» у слов *жена* и *муж*. Здесь обычно противопоставляются официально оформленные и официально не оформленные отношения: *жена – любовница, жена – сожительница, жена – невеста*. Ср.: *Бабка: Иди ты отседова, в самом-то деле. Что тебе тут? Совесть свою теряешь. Не женится он на тебе, нужна ты ему очень. Я вот тебе правду говорю. Тебе тошно? А почему? Кто ты, например? Нина: Я жена Колина. Бабка: А кто тебя в загс водил? Нина: Это бумажка, и все. Бабка: Что ж у тебя этой бумажки нету? Бумажка, а нету* (Петрушевская Л.); *Он тотчас уехал из Тиханова, уехал навсегда, оставив на произвол судьбы жену свою Зинку, с которой, впрочем, так и не успел расписаться* (Можаев Б.); – *А как же...* – не понял Павел. – *Григорьевна же сказала, что вы к мужу едете...* – Она смутилась, но не очень. – *Ну, вообще-то я жена ему. Неофициально. Это когда он зимой в отпуск приезжал... А завтра распишемся – и все!* (Бокарев Г.).

У слова *муж* такое противопоставление находит следующее вербальное выражение: *муж – не муж, муж – просто так*. Ср.: *У меня, говорила, тридцать лет полного одиночества, были мужья, три мужчины в жизни, все три мужа, никогда просто так. Она это намекала* (Петрушевская Л.); *Может, давай я тебе одну отдыхающую в дом отдыха пущу? Женщина приходила, просилась. Она весь день в дом отдыха на горе, будет только ночевать. У нее там в дом отдыха муж не муж* (Петрушевская Л.). Актуализаторами оформленности отношений часто выступают прилагательные *законный, подвенечная* и т.п.; неоформленности – самые разнообразные, обычно указывающие на место и продолжительность, а также характер поддержания отношений. Ср.: *Известно ли вам, мадам, что ваш з а к о н н ы й супруг Лунин*

стал чемпионом Союза по толканию ядра? (Аксенов В.). Интонационное выделение прилагательного *законный* в данном контексте объясняется ситуацией: героиня в этот момент находится со своим постоянным любовником. В следующих примерах архисема «родство» также усилена за счет контекстов, в которых противопоставляются *жены законные, подвенечные* – *женам на неделю, женам на час, женам для души, женам приходящим* и т.п. Ср.: *Одна шалашовка в окне обняла своего лагерного мужа и закричала через забор его законной жене: – Хватит тебе шлаться, проститутка! Отдавай последнюю передачу – и уваливай* (Солженицын А.); *Так вот. Он сам себе подстирывает в раковине, питаться в диетическую столовую ездит на Маяковку и вот решил улучшить жизнь и сказал, что теперь тут будет приходящая его жена, то же самое и прачка и кухарка, а то он не в силах больше выносить меня. Понимаете?; Она стала плакаться, билась об стенку, убивалась. Но делать нечего, она тут никто, ни жена, ни полжены* (Петрушевская Л.); *– Она и Чугуева любила. – Болтовня. У Чугуева жена есть. – То другое дело. Та подвенечная, эта для души* (Антонов С.); *– А правда, что эта жена у твоего отца – фронтовая? (Калинин А.); И женищины их – жены, любовницы, спутницы жизни на неделю, на день, а то и на час – тоже были им под стать, от них всегда, в любое время суток пахло импортным коньяком, дезодорантом и обильно политыми чесночным соусом цыплятами табака* (Эдлис Ю.)

Иногда актуализация родства связана с особой ситуацией. Так, Ольга, героиня пьесы Л.Петрушевской «Сырая нога, или Встреча друзей», пытается заставить платить алименты биологического отца своей дочери, с которым не состоит и никогда не состояла в законном браке. Подчеркивая наличие родственных, по ее мнению, отношений, она называет отца девочки *двоюродным мужем*: *Володя: А что вы там делали, в Воркуте? Ольга: С двоюродным мужем судилась.*

Семантическая база данной модели достаточно широка, но все-таки чаще по ней употребляются слова, обозначающие родство вообще (*родственник, родственница* и т.п.). Показательно, что слова, обозначающие отдаленное родство (*сват, кум, шурин*), используются по этой модели (в отличие от ряда других) достаточно свободно.

3. Актуализация дифференциальных признаков «кровное родство» – «родство по супружеству» – «юридическое родство» – «родство по крещению». При таком словоупотреблении на первый план выходит противопоставление родственных и свойственных связей. По характеру охватываемых слов и виду противопоставляемых сем модель имеет несколько вариантов.

Первый вариант рассматриваемой модели – противопоставление кровного и юридического родства. Как уже говорилось в предыдущей главе, во многих контекстах наблюдается нейтрализация признаков «кровное родство» – «юридическое родство», то есть слова *отец* и *мать* употребляются вместо слов *отчим* и *мачеха*, а слова *сын* и *дочь* используются для обозначения *пасынка* и *падчерицы*. В настоящем разделе рассматривается противоположный процесс: подчеркнутое противопоставление указанных терминов кровного и юридического родства.

Установление кровнородственных отношений имеет первостепенную важность в жизни каждого человека. Не зря высказывания типа *У ребенка не может быть двух матерей* воспринимаются как аксиоматичные. Это часто подчеркивается в контекстах. Ср.: *Я должен был выбрать. У человека не может быть двух матерей. Тем более, что родители мои тоже очень любят меня* (Алексин А.); *Наивно было бы надеяться, что он [пасынок] иначе стал бы относиться к женщине, которая отняла у него отца. У ребенка не может быть двух матерей* (Калинин А.); *Папа! Как это просто – папа! А если у человека два – два! – папы? У одного живого человека два папы* (Липатов В.). Актуализация кровности родства чаще связана с установлением отцовства: – *Савва Игоревич Гольцов не твой отец!* – открыв глаза, сказала Елена Платоновна. – *Он усыновил тебя, и все документы оформлены при усыновлении... Твой отец Сергей Сергеевич Валентинов; «Это твой сын!»* – стоя у закрытого гостиничного окна и глядя в него, сказала Елена Платоновна (Липатов В.).

В большинстве случаев противопоставление терминов кровного и юридического родства связано с необходимостью точной номинации – формирования у читателя верных представлений о реальных родственных связях между героями. Ср.: *Один молодой человек Олег остался без*

отца и без матери, когда умерла мать. У него осталась только сестра, а отец хотя и был жив, но, как потом выяснилось, был Олегу не отцом. Отцом же был какой-то неизвестный человек, с которым мать встречалась уже будучи замужем (Петрушевская Л.). Кроме актуализации признака «кровное родство» (в контексте противопоставление *отец – не отец*) здесь чрезвычайно важны ассоциативные признаки. Человек, которого Олег считал отцом, видимо, прекрасно справлялся с отцовскими обязанностями: воспитывал мальчика, заботился о нем, хотя по сути не являлся даже отчимом (в документах он значился как отец). Сестра, о которой упоминает автор, «была ему не полностью родная сестра и никогда раньше его не любила», однако после смерти матери взяла на себя обязанность заботиться об Олеге: *Однако старшая сестра вдруг появилась в его жизни, взяла все дела в свои руки, устроила Олега в техникум, убрала в комнате, привозила продукты и деньги.* Актуализация ассоциативных признаков «заботящийся, опекающий», «воспитывающий» у слов *отец* (в первом употреблении) и *сестра* позволяет считать отцом и сестрой членов семьи Олега, но автор новеллы ставит перед собой другую задачу: ввести читателя в курс дела, так как на этом строится вся интрига произведения. В диалоге, происходящем между героями пьесы Л.Петрушевской, молодая мать-одиночка рассказывает о поисках отца ее дочери: *Наташа: А что ты там делала, а? Ольга: Я там Веруне папу отыскала. Наташа: Замуж, что ли, вышла? Ольга: Не совсем. Отыскала Веруниного папу, ясно? Моего единственного. Наташа: Теперь алименты будешь получать? Ольга: Да. Ему присудили отцовство.* Собеседница Ольги не сразу понимает, о чем идет речь, актуализируя в слове *папа* сему «муж матери». Для Ольги же важен именно признак «кровное родство».

Иногда у слов *мачеха* и *отчим* первостепенную важность приобретает именно признак «юридическое родство». Ср.: *Нет, отца не было. Отца я всю жизнь скрывал. Скрывал, потому что вместо отца был отчим. Вполне надежный. Скончавшийся от плеврита. Захороненный не на каких-нибудь Соловках или в Воркуте, а в теплой черноземной земле на самом юге страны, где и лагерей- то сроду не было (Азаров Ю.).*

В некоторых художественных произведениях, например в романах В.Белова «Все впереди» и В.Липатова «Игорь Саввович», установление реальных родственных отношений между героями положено в основу развития сюжета, поэтому противопоставление признаков «кровное родство» – «юридическое родство» значимо на протяжении всего повествования. Ср.: – *Говорить нам действительно не о чем, – сказал Медведев. – Но я хотел бы увидеться с сыном. Надеюсь, вы с мужем не будете против...* – *А зачем это тебе? Родился он без тебя, ты совсем не знаешь его. – Именно поэтому я и хочу его видеть, – сказал Медведев. – Это ведь мой сын? Не так ли...* (Белов В.); – *А теперь говори, что происходит с моим внуком? Почему он, кстати, не знает, что ты его отец?* (Липатов В.).

Актуализация рассматриваемых дифференциальных признаков часто связана с параллельным акцентированием ассоциативных признаков «родной», «любящий», «заботящийся» у слов *мать, отец* и «неродной», «нелюбящий», «незаботящийся», «несправедливый к приемным детям» у слов *мачеха, отчим*. Так, героиня романа М.Глушко «Мадонна с пайковым хлебом» с большой неохотой эвакуируется в Ташкент, где в это время находится ее мачеха, «так и оставшаяся чужой». Но Нина уговаривает себя, что «там, в Ташкенте, не только мачеха, там Никитка». Упоминание имени родного брата усиливает противопоставление дифференциальных и ассоциативных признаков, что поддерживается и макроконтэкстом: *А потом пришло письмо от Людмилы Карловны [мачехи], но она писала его еще до отъезда Никиты, объясняла, почему решила отправить его в Саратов: отбивается от рук, за его поведение она не хочет брать на себя ответственность в то время, когда у него имеется родная взрослая сестра*. Наводятся семы «не хочет заботиться» у слова *мачеха* и «может, должна позаботиться» у слова *сестра*.

В действительности не всякая мачеха враждебно относится к своим приемным детям. Например, Валентина Ивановна, мачеха Алеши Грекова из романа А.Калинина «Запретная зона», – добрая, заботливая женщина. Однако и она хорошо понимает, что будут говорить окружающие, если с Алешей произойдет несчастье: *Если бы это случилось с Та-*

ней [родной дочерью], я, может быть, просто сразу же и сошла с ума, как сошла с ума жена Ковалева, прибежав на берег котлована и увидев два белых платица в синий горошек. А если бы случилось с Алешей, на мне на всю жизнь остался бы груз вины. Недосмотрела, потому что не родной, а потом все это обросло бы как снежный ком и кончилось тем, что мачеха утопила пасынка. Как видим, значимость ассоциативных признаков чрезвычайно высока. В данном контексте особо важны противопоставления слов *мачеха* – *пасынок* и *мать* – *дочь*, которое актуализирует признаки «кровное родство» – «юридическое родство» (экспликация – «не родной»).

Показателем акцентирования кровного характера родства в контексте часто служат слова *родной*, *собственный*, *настоящий*, *природный*, *мой*, *твой*; словосочетания *родная кровь*, *своя кровь* и т.п. Ср.: *Никому не мог я сознаться в том, что отец (мой отец!) был и будет для какой-то неведомой женщины самым близким человеком на свете* (Алексин А.); *...а в последнее время его допекал Федька Макашин, природный отец Василия, возвращенного им, Захаром, сызмальства, и это было горше всего* (Проскурин П.); *Твой настоящий отец – один из самых честных, умных и порядочных людей, с которыми меня сталкивала жизнь* (Липатов В.); *Нет, пусть ссыльный, пусть арестант, но все же отец родной* (Астафьев В.); *Он сейчас деда ждет, бредит, говорит, дед родной где-то совсем рядом, вот-вот придет* (Проскурин П.); *Да если бы Тамара не была мне родной внучкой. Каждый своему дитю счастья хочет, а она у меня возрастала без матери и без отца* (Калинин А.); *Во времена Александра Невского и его сыновей ордынцы, разыгрывая великокняжеский ярлык между русскими, натравливали друг на друга ближайших родственников – родных братьев* (Лошиц Ю.); *Относительно девочки я к себе думала, да разве у меня семья? Я собственную дочь и то... – Она резко оборвала фразу, прикурила дымившуюся папиросу. – Берите. У вас нормально, хорошо у вас* (Васильев Б.); *А генерал радостно хлопнул в ладони, энергично потер их и признался, что его младшая дочь утерла нос собственному отцу* (Васильев Б.); *Брат, родная кровь. Нас ведь с ним только двое осталось* (Бакланов Г.).

Иногда акцентирование признака осуществляется интонационно (в письменной речи – графически). Ср.: – *На прошлом допросе вы показали, что среди ваших родственников никогда не было революционеров. Подтверждаете?* – *Вне всякого сомнения. Не было и не будет!* – *Так вот один обнаружился – в а ш с ы н* (разрядка автора - Н.Б.) (Пикуль В.). Акцентируется дифференциальный признак «кровное родство» и ассоциативные признаки «самый близкий», «родной по духу человек»: не зря следовательно так иронизирует над незадачливым отцом, уверенным, что хорошо знает собственных детей.

Актуализация дифференциального признака «кровное родство» достаточно часто связана с акцентированием ассоциативных признаков «самый родной и дорогой человек», «самое главное в жизни», «любящий, заботящийся» и т.п. Ср.: *Ты же не знаешь, какая она, Катька, какая она бывает... А я знаю! Ненавижу!.. А она сестра мне, родная сестра, тебе этого ни за что не понять, что значит – сестра! Мы же отца с ней и не помним, был, не был, а мать два года как схоронили... Тебе и не снилось такое! Она же сестра мне, я ее жалею, а удавила бы своими руками, когда она пьяная* (Эдлис Ю.); *Вдруг обрадовался – пойти рассказать детям! Но тотчас сообразил, что рассказывать нельзя, потому что поругались. Вчера тяжел и обидно ругались, опять натолкнулся на непонимание, нет, не то – все понимают, но делают вопреки пониманию. Того хуже, недомыслие. Недочувствие. Как будто других кровей* (Трифонов Ю.).

Актуализация семьи «кровное родство» часто имеет цель подчеркнуть внешнее и внутреннее сходство людей. Ср.: *А я Люба. Как вы находите, я похожа на Шуру?* Павел: *Нет, не совсем. Вернее, совсем не похожи. Люба: Страшно. А ведь единоутробные сестры* (Соколова А.); *Игорь Саввович Гольцов, тридцатилетний мужчина приметной наружности, фотографически походил на свою бабушку по отцовской линии Надежду Георгиевну Батенькову в девичестве* (Липатов В.). Все больше и больше сходства с собой замечаю в нем – это счастье узнавать себя в сыне; почти такое же, как утверждать себя, свое имя

в науке, видеть проторенный путь и учеников, идущих вслед; и двойное счастье – узреть среди них сына, который пойдет дальше и совершит то, что не удалось мне; жаль только, что унаследовал он не одну лишь мою силу, но и бессилие, заключенное в самой силе, в деле, которому я отдаю всю мою жизнь без остатка (Росоховатский И.).

Данный вариант модели самый объемный по количеству словоупотреблений и охватывает всю терминологию кровного и юридического родства.

Второй вариант рассматриваемой модели – противопоставление кровного родства и родства по супружеству (свойства). В речи часто наблюдается нейтрализация названных признаков, то есть слова *отец, мать, сын, дочь* при определенных условиях способны обозначать *тестя, тещу, свекровь, свекра, зятя, невестку*. В настоящем разделе будут проанализированы случаи отчетливого противопоставления существительных со значением кровного родства и родства по супружеству. Например: *Иногда на Кабанова человек двадцать батрачат. Из них половина – родня, свойственники. И все – добровольно, без договоров и расписок, забывая собственные неотложные нужды (Антонов С.).*

Актуализация рассматриваемых дифференциальных признаков чаще всего, как и в первом варианте модели, связана с параллельным акцентированием ассоциативных признаков: кровные родственники – «близкие, способные помочь в трудной ситуации», некровные родственники – «неспособные понять и помочь». Это противопоставление подчеркивается в художественных текстах. Так, героиня романа М.Глушко уезжает в эвакуацию к родственникам мужа: *Отец посмотрел тогда на нее, покачал головой: – Ты маленькая дурочка. Ведь это его родные, а тебе они пока что чужие*. И действительно, свекор выгоняет Нину с грудным ребенком на руках. На необходимость в первую очередь заботиться о кровном родственнике – родном брате – указывает герой повести С.Антонова «Овраги»: *– Ладно тебе! Задремезжала! – стукнул Скавронов по столу. – Об Роме [муже] горюешь! А не грех бы обо мне погоревать. За шкуру-то не его, а меня схватили*. Акцентирование

названных ассоциативных признаков при противопоставлении дифференциальных отмечается и в следующем контексте: *Ворчала тетя: Я тебе не теща, / Чего ж ты все унылый и смурной?* (Евтушенко Е.).

Степень духовной близости между кровными и некровными родственниками значима также и для героя пьесы Л.Петрушевской «Вставай, Анчутка!», беседующего со свекровью своей дочери. Ср.: *Баба: Я интересуюсь, как Танечка. Все-таки она мне дочь. Как все равно что дочка. Дед: Она вам не дочь, запомните, а невестка.* В противопоставлении слов *дочь* и *невестка* актуализируются дифференциальные признаки «кровное родство» – «родство по супружеству». Своего родства с Бабой и зятем, хоть оно и существует реально, Дед не признает: *Дед: Мне вы никто. Баба: Нет, мы вам родня. Дед: Я с вами не родня.*

Важность ассоциативных признаков подчеркивается и в следующем отрывке из повести Ю.Эдлisa «Антракт». Ср.: – *Зная моего, с позволения сказать, тестя... – Де-юре, – бросила через плечо Рита, – де-факто он тебе такой же тесть, как...* Если не учитывать ассоциативные признаки, важные при втором употреблении существительного *тесть*, то текст следует отнести к алогичным: тесть – отец жены – реально существует. Однако жена героя не считает своего отца отцом на основании того, что он бросил семью. Правда, Рита признает, что юридически отец все-таки является тестем Помазнева, который в силу сложившихся обстоятельств попадает в трудное положение: *Но я женат на его дочери, и одно это связывает меня по рукам и ногам. Дам свое «добро» на его передачу – он найдет способ обвинить меня в том, что я свожу с ним семейные счета. Не дам – вся ваша театральная братия кинется доказывать, что я отвожжу удар от своего тестя, хотя он мне такой же тесть, как и тебе. Но это никому не объяснишь.* И в этом отрывке для первого употребления слова *тесть* наиболее важен дифференциальный признак «родство по браку», а для второго его употребления – ассоциативные признаки «заботящийся о дочери», «поддерживающий родственные отношения с семьей дочери».

В ряде случаев противопоставление кровного родства и родства по супружеству в меньшей степени связано с акцентированием ассоциативных признаков, так как оно обусловлено лишь необходимостью уточнения родственных отношений. Ср.: Валера: *Это ваша мамка? Старушка та?* Светлана: *Это моя свекровь, мне в наследство досталась от мужа* (Петрушевская Л.); – *Он болен – заявила Оля. – Он не может служить! – Вас не спрашивают! – отрезал Бартов. – Кто вы? Невеста? – Сестра!* (Алексеев С.).

В некоторых ситуациях кровность – некровность родства приобретает первостепенную важность. Ср.: Костя: *Ну, как у мамыши? Паша: Ей операцию по пересадке костного мозга надо делать. Срочно. Завтра же. Надо будет дать костный мозг завтра же, уже проверяли. Совпадает. У жены с мужем – нет: с ребенком еще может совпасть, а с женой никогда. Не кровная, а тут кровная. Вот и все о'кей!* (Петрушевская Л.). Паша говорит здесь не только о медицинской проблеме, он ищет объяснение своим семейным неприятностям, поэтому для него кровность родства – это прежде всего способность понять и простить, на что не способна жена, а только мать и – иногда – ребенок. В другой пьесе этого же автора героини рассуждают о драгоценностях, которые в семье передаются по женской линии. Ср.: Полина: *Зато все наследство у нас. Эля: Теперь все детям перейдет. Полина: Да, хорошо, что девочка есть, ей все ценности достанутся, а не чужой невестке* (День рождения Смирновой). Кроме актуализации дифференциального признака важен также и ассоциативный признак слова невестка – «чужая».

Неожиданное значение приобретает актуализация рассматриваемых признаков в романе С.Алексеева «Крамола». Один из главных героев романа Лев Пергаменщиков, ребенок от кровосмесительного брака, сам женат на собственной тетке. Его жена именуется как *жена-тетя*, он же – соответственно – *муж-племянник*. В этих наименованиях причудливо переплетаются оба противопоставляемых нами дифференциальных признака. Наделенный тяжелым наследственным пороком, не способный

выполнять свой супружеский долг, Пергаменщиков спустя некоторое время после свадьбы застает в спальне жены-тети любовника: – *Все смеются надо мной! Все! А вы издеваетесь! – Вы спите с моей женой! Вы...* – Приказчик несколько смутился, неуютно пошевелил плечами. – *Допустим, не с женой твоей сплю, а с теткой. Какая она тебе жена?* Ответная реплика приказчика вне контекста, безусловно, воспринимается как алогичная. Но и сама реальность алогична: невозможно, чтобы один и тот же человек являлся и женой, и тетей, то есть ближайшим кровным родственником и родственником по супружеству. Однако с учетом ассоциативных признаков слова *жена*, а именно: «физическая близость», – все встает на свои места. Жена-тетя является женой Пергаменщикова только по закону, а в действительности она ему – тетка. Таким образом, верно истолковать данную реплику можно лишь с учетом дифференциальных и ассоциативных признаков, при большей значимости первых.

Только с учетом ассоциативных признаков можно истолковать и такие словоупотребления, как *внебрачная теща*, *несостоявшаяся теща* и пр. Ср.: *Отдыхаем врассыпную. Бульди с мужем моим там, у матери, у внебрачной тещи* (Петрушевская Л.). Между двумя подругами и мужем одной из них сложились весьма странные отношения. Май, муж Юли, – любовник ее подруги Бульди, то есть, по выражению одной из героинь пьесы, «женат на одной, живет с иной». Май не может развестись с Юлей, потому что тогда не сможет работать за границей; то же грозит в случае развода и Юле: моральный облик работников советских представительств за рубежом должен оставаться на высоте. Поэтому Май, Юля и Бульди живут вместе, хотя женой Май считает Бульди, так как «живет с ней и любит с ней». Отдыхают Май и Бульди у матери Бульди, которую Май называет – соответственно – тещей, а Юля – его внебрачной тещей. Ср. также употребление в речи словосочетания *несостоявшаяся теща*: *Мне было очень хорошо у них, но все время метало ощущение, что это со мной уже происходило. Оно мучило меня, подсыпало горечь в варенье, и в конце концов я вспомнил, что так*

меня принимали в профессорском доме, где я считался женихом. Там меня тоже угощали айвовым вареньем, и несостоявшаяся теща так же радушно подкладывала печенье (Росоховатский Е.) .

Видимо, не с целью подчеркнуть кровное родство, а желая акцентировать близкие, характерные только для кровных родственников отношения, употребляются такие сочетания, как *родной свекор, родная жена* и пр. Ср.: *Василий подмигнул отцу. – Ты ей понравился, батя. Ты смотри, хоть на танцы... – Почему же родной свекор должен мне не нравиться?– спросила Аня (Проскурин П.); В дамочке, сотворившей грандиозную дорожную пробку, Игорь Саввович узнал родную жену Светлану Ивановну, сосредоточенно копавшуюся в моторе его собственных новых «Жигулей» (Липатов В.)*.

Как известно, в русском языке не так уж велик круг слов, противопоставленных по признаку «кровное родство» – «родство по супружеству»: *мать – свекровь, теща; отец – свекор, тесть; дочь – невестка; сын – зять*. В других случаях родственники по супружеству обозначаются так же, как и кровные родственники, что можно рассматривать как специфический вид речевого варьирования русских терминов родства. Эту особенность подробно описывает А.И.Моисеев: «Некоторые из терминов родства в узком смысле как бы вторгаются в пределы терминологии свойства. Например, дядя и тетя мужчины становятся, конечно, только по наименованию дядей и тетей его жены, а дядя и тетя женщины -- дядей и тетей ее мужа. То же самое относится к терминам "дед", "бабушка", "племянник", "племянница". Но если некоторые родственники одного из супругов сохраняют свое наименование и по отношению к другому супругу, то по правилам встречной соотносительности и супруг начинает называться соответствующими терминами по отношению к этим родственникам своего супруга. Так, если дедушка женщины становится дедушкой и по отношению к ее мужу, то, следовательно, ее муж становится внуком по отношению к ее дедушке; точно так же по отношению к дяде и тете мужа жена называется племянницей. Термины родства

в таком употреблении снабжаются при необходимости уточнением «по мужу, по жене»: дядя по мужу» (Моисеев А.И., 1963, с.129).

Однако при необходимости родство по супружеству и кровное родство достаточно четко разграничиваются. Ср.: Оля: *Не равняй себя с ним. Кирилл: У него отец до ста лет дрова колот! Татьяна Андреевна: Это дед. Отец -- на велосипеде до девяности. А тетка, его родная тетка, в шестьдесят еще вышла замуж -- причем во второй раз -- и очень удачно* (Константинов В., Рацер Б.). Так как речь в данном диалоге идет о наследственности, особенно важно уточнение *родная тетка*, что актуализирует сему «кровное родство». Ср. также: [Старуха забирает осиротевшего внука от мачехи.] *Поедем со мной в Кемерово. Там твой дядя родной, там у тебя братик двоюродный есть, кукленочек* (Петрушевская Л.); *Да не родная тетка, а седьмая, как говорят, вода на киселе* (Евтушенко Е.).

Третий вариант рассматриваемый модели предполагает противопоставление родства по крещению всем остальным видам родства (кровного, юридического, по супружеству).

Подобные противопоставления носят единичный характер. Это объясняется тем, что термины родства по крещению практически не употребляются, что объясняется внелингвистическими – социальными, политическими – факторами. Единичные реализации варианта модели связаны с устойчивыми сочетаниями типа *кум – сват – брат*. Ср.: *Московский народ был быстр и остер на язык, сметлив на всякий речевой обыгрыш, под настроение не щадил ни кума, ни свата, ни родного брата* (Лошиц Ю.). Актуализируются дифференциальные признаки «родство по крещению» – «родство по супружеству» – «кровное родство». Нетрудно заметить, что семантический ряд выстроен по принципу нарастания признака: первые два вида родства, без сомнения, можно отнести к дальнему родству.

Именно это значение – «дальние родственники» – включает в один семантический ряд слова *кумовья* и *золовки* в следующем контексте: *«Что значит батрачат? – Кабанов вынул папиросу изо рта и*

повернул к собеседнику крепко впаянную в плечи голову. – Если христианская родня уважение оказывает, не ругать, умиляться надобно и радоваться (Антонов С.). Дифференциальные семы усиливаются вербальной экспликацией *христианская родня*. В ответной реплике председателя колхоза также актуализируются анализируемые дифференциальные признаки «родство по крещению» и «родство по супружеству» у слов *кумовья* и *сватья*: *Хочешь нанять батрака, будь любезный, заключай письменный договор. Со всеми без исключения. И со сватьями, и с кумовьями. Родственные отношения роли не играют* (Антонов С.).

Как особенность отметим у данного варианта модели то, что противопоставление родства по крещению всем остальным видам родства не носит взаимоисключающего характера, то есть крестным отцом, крестной матерью, крестным сыном и крестной дочерью могут быть и кровные родственники, и юридические родственники, и свойственники. Ср.: *Федор Иванович даже ничего не узнал о Лерочке, своей племяннице и крестнице: он любил ее, потому что упорно находил в Лере Вологодовой если не черты сходства, то тип собственной сестры Марии* (Васильев Б.); – *Куда он побег, Михеиц? – тихонько, как на похоронах, спросила хозяйка. – К деверю. Куда ж еще. Кумовья, чай* (Антонов С.). Как видим, один и тот же человек может быть племянницей и крестной дочерью, деверем и кумом.

Таким образом, можно отметить, что данная модель охватывает практически всю терминологию родства и выражается в трех основных вариантах: противопоставлении кровного и юридического родства, противопоставлении кровного родства и родства по супружеству, противопоставлении родства по крещению всем остальным видам родства.

4. Актуализация дифференциального признака «пол». В данном разделе анализируются случаи противопоставления терминов родства, находящихся в одинаковых или соотносительных отношениях к одним и тем же или соотносительным лицам и различающихся только полом, например: *сын* и *дочь* – «дети по отношению к родителям», *брат* и *сестра* – «дети одних родителей по отношению друг к другу», *отец*

и мать – «родители по отношению к своим детям»; муж и жена – «супруги по отношению друг к другу» и т.п. Данное противопоставление реализуется в основном супплетивным способом.

Актуализация дифференциального признака «пол» почти всегда связана с одновременным акцентированием ассоциативных признаков: сын, как правило, «наследник фамилии, продолжатель рода», дочь – «заботящаяся, опекающая престарелых родителей», муж – «обеспечивающий материальный достаток семьи», жена – «хранительница домашнего очага» и т.п. Например: *Будущие родители обычно мечтают о сыновьях, а мы ждали дочь* (Алексин А.); *Я для своего... Кто бы он ни был.... Все для ребенка сделаю! Все! А если вообще будет у нас сын... Все! Точка!* (Петрушевская Л.) Нетрудно заметить, что актуализация дифференциального признака «пол» у слова сын связана с акцентированием ассоциативных признаков «наследник», «продолжатель рода», что чрезвычайно важно для будущего отца. Слово же дочь, отличаясь от слова сын лишь одной дифференциальной семой «женский пол», акцентирует, как уже было отмечено, другие ассоциативные признаки. Ср.: *Светлана: Вот за мной мой Максим ходить в старости не будет. Федоровна: Нет! Не будет. Светлана: Это надо дочь!* (Петрушевская Л.); *Галя: Я ее после больницы к себе возьму, туда некуда. Юра: Ты ей дочь* (Петрушевская Л.); *Старуха: У меня никого не осталось. Жила с сыном. Он женись. Она меня не полюбила. Каля: Выгнали? Старуха: Выгнали еще как, в шею. Каля: Была бы дочь, ты бы к ней приехала, так?* (Петрушевская Л.). Все героини пьес Л.Петрушевской, сравнивая сыновей и дочерей, лишь дочерям приписывают свойство опекать престарелых родителей.

При противопоставлении по полу слов отец и мать часто акцентируются ассоциативные признаки «близость отца к сыну» и «близость матери к дочери». Ср.: *Как и Оля, она тоже полусирота, с той только разницей, что у Шаповаловой все-таки жива мать* (Калинин А.); *Теперь у мальчика уже наступил такой возраст, когда ребятам осо-*

бенно необходим отец. Никакая мать не сумеет дать ему для будущей жизни то, что он может получить от отца (Калинин А.).

Актуализация дифференциального признака «пол» у слов *брат* и *сестра* связана с параллельным акцентированием ассоциативных признаков «защитник» и «советчица» соответственно. Ср.: *Катя, в красном платьице, / Как расплатится: / – Я одна ничья сестра! / Цапнул кот меня вчера / Что ж, меня кусай, царапай, – / Я одна у мамы с папой, / Нету братьев у меня, / Папа с мамой – вся родня* (Барто А.); *Да кем бы ни была сестра моя родная, / собой бы не была, когда б не научила / и в черном теле жить, / и гнуться в черной школе, / и пить с чужой горсти дареными глотками: / пониже наклонись – / в зерне узнаешь поле, / повыше погляди – / возьмешь звезду руками* (Никулина М.).

Глава 3. Многозначность слова и частота его употребления в речи

3.1. Многозначность глагола и его частотность

Частота употребления слова в речи является одной из главных количественных характеристик, отражающих его функциональную значимость в системе языка. Как показывают исследования многих авторов на материале разных языков, слова из разных частотных зон значительно различаются по степени абстрактности своих значений, многозначности, информативности, сложности морфемной структуры, словообразовательной и фразеологической активности, возрасту (Zipf G. K., 1945, Guiraud 1954, 1960; Арапов М. В., Херц М.М., 1974; Арапов М. В., 1988; Бартков Б.И., 1983; Вейлерт А.А., 1978; Григорян Ф.Н., Манасян П.Н., 1988; Денисов В.Н., 1980; Засорина В.А., 1966; Москович 1969; Поликарпов А.А., 1981; Тихонов А.Н., 1983; Тулдава Ю.А., 1980, 1987, и мн. др.). Обнаруженные закономерности обобщаются в работе М.В.Арапова: в основу предлагаемой модели лексики положено «дополнительное, не сводимое полностью ни к какому другому, структурное отношение ценностной упорядоченности» (Арапов М.В., 1988, с.20). По концепции автора положение слова на ценностной шкале обусловлено многими его характеристиками, как количественными, так и качественными, но поскольку все эти характеристики связаны монотонной зависимостью с частотой употребления слова в речи, именно она (точнее, место в частотном списке слов, составленном на достаточно большой выборке текстов) выбирается в качестве показателя ценности.

Хорошо изученным является соотношение между частотой употребления и многозначностью слова, которое первоначально было зафиксировано Дж.Ципфом в виде формулы, которая выражает прямо пропорциональную зависимость числа значений от корня квадратного из абсолютной частоты его употребления. Эта формула, по мнению Дж.Ципфа, не описывает поведение лишь нескольких дюжин самых частых слов, так как в отличие от частоты многозначность все же ограничена некоторым пре-

делом. Дальнейшее изучение этой зависимости показало, что она имеет более сложный характер и по-разному проявляется в разных языках.

В наиболее общем виде гипотеза о связи между употребительностью и многозначностью слова выдвинута Ю.А.Тулдавой, который полагает, что эта зависимость должна описываться степенной функцией типа $m = \lambda F^\gamma$, где m – количество значений слова, F – его абсолютная частота, λ , γ – параметры, которые варьируют в зависимости от типа языка, объема словаря и способа разграничения значений.

В работе М.В.Арапова предлагается другая модель, описывающая соотношение между многозначностью и употребительностью слова, в которой в качестве меры употребительности выступает не частота, а ранг слова в частотном словаре и предусмотрен параметр, отражающий особенности используемого толкового словаря (Арапов М.В., 1988). Таким образом, в этих и более ранних работах, посвященных данной проблеме (Zipf G.K., 1945; Guiraud P., 1954; Андрукович П.Ф., Королев Э.И., 1977; Поликарпов А.А., 1981), конкретизируется на исследуемом авторами материале вид зависимости, которая может быть сформулирована как прямая корреляция между употребительностью слова и количеством его значений в толковом словаре.

Общим для всех лексико-статистических исследований, посвященных данной проблеме, является рассмотрение многозначности лишь в одном аспекте – количественном. Применение квантификации (количественного представления), многозначности и других свойств слова позволяет исследователям анализировать большие словарные массивы, рассматривая одновременно несколько признаков слов, и формулировать статистические закономерности для всего словарного состава языка. Однако при таком подходе именно в силу его «всеохватности» затрудняется проведение качественного анализа выявленных закономерностей и детальное рассмотрение групп лексики, отклоняющихся от общего вида зависимости. На наш взгляд, ограничение обследуемого материала какой-либо одной группой лексики поможет уточнить соотношение между многозначностью и употребительностью слова.

Общеизвестно, что показатели многозначности у слов разных частей речи различны, в частности наибольшее количество значений во многих языках имеет глагол (Вишнякова С.М., 1976; Тулдава Ю., 1979; Ольшанский, 1982; и др.). В русском языке глаголы также характеризуются наиболее развитой многозначностью среди слов других частей речи: более половины самых многозначных слов русского языка составляют глаголы (Денисов И.Н., 1984). Закономерно обращение именно к глагольной лексике для уточнения зависимости между многозначностью и употребительностью слова в речи.

Статистическая структура Частотного словаря русского языка (1977) и других общих частотных словарей (Йоссельсон Г.Г., 1966; Штейнфельдт Э.А., 1963) показывает, что глаголы занимают второе место среди частей речи по частоте употребления, уступая лишь именам существительным: их доля в общем числе словоупотреблений составляет 17,12% (Частотный словарь, 1977, с.927).

Доля глаголов в словаре меняется в зависимости от частотной зоны. Глаголы, встретившиеся более тысячи раз в выборочной совокупности, составляют 11% от общего числа слов с такой частотой употребления. Это высокочастотные глаголы, которые встречаются практически в любом тексте, независимо от его содержания и стилевой принадлежности: *быть, мочь, сказать, говорить, знать, идти, стать, видеть, хотеть, думать, пойти*. Высокой частотностью характеризуется также глагол *видать* (1218 словоупотреблений), однако распределение словоупотреблений этого глагола по текстам из разных функционально-речевых сфер неравномерно: около 93% словоупотреблений приходится на драматургические тексты (Частотный словарь, 1977, с.89). Этот факт указывает на значительно большую употребительность разговорного *видать*² по сравнению с нейтральным *видать*¹ (МАС, т.1, с.173). Относительно малая доля глаголов в этой самой верхней части частотного словаря объясняется преобладанием в ней служебных слов.

Доля глаголов среди слов с частотой от 101 до 1000 словоупотреблений возрастает до 21,5%; глаголов с такими частотными характеристиками – 267, все они имеют также высокие показатели распространенности. Доля глаголов в среднечастотной (от 31 до 100 словоупотребле-

ний) и низкочастотной (от 10 до 30 словоупотреблений) зонах составляет соответственно 27,8 (700 глаголов) и 28,9% (1495 глаголов) от общего числа слов в этих зонах, то есть практически не изменяется. Доля глаголов среди одноразовых слов – 23,2% (Частотный словарь, 1977, с.928). Таким образом, распределение глаголов по частотным зонам показывает незначительные колебания их доли в общем числе слов, за исключением зоны очень высоких частот и позволяет отнести глаголы к одной из употребительных в речи грамматических категорий русского языка.

Материалом для исследования соотношения многозначности и употребительности глаголов в речи являются все глаголы с абсолютной частотой более 30 словоупотреблений, то есть глаголы из высокочастотной и среднечастотной зон частотного словаря. Состав их определялся по Частотному словарю русского языка (1977), самому представительному из всех существующих частотных словарей русского языка как по объему выборки, так и по охвату различных функционально-речевых сфер. В словаре содержится 979 таких глаголов, для удобства подсчетов анализируется 1000 глаголов, которые мы условно называем высокочастотными, или наиболее употребительными, противопоставляя их, таким образом, в несколько раз превосходящей их группе глаголов с меньшими показателями частотности. Малые случайные выборки (по 100 глаголов) из низкочастотной зоны и зоны редких слов используются нами в качестве вспомогательного материала для установления в общем виде тенденций изменения рассматриваемых количественных признаков. Главные выводы делаются на основе анализа глаголов из зоны достоверных частот (более 35 словоупотреблений), в частотном словаре 868 таких глаголов.

При выявлении любой закономерности в вероятностных системах оперируют средними величинами для того, чтобы нейтрализовать действие случайных факторов на вид зависимости (Сачков Ю.В., 1971). Рассматриваемая нами зависимость между частотой и многозначностью является обоюдной, однако практически удобно представить количество значений слова как функцию от частоты его употребления, поэтому для выяснения вида зависимости будем вести усреднение показателей многозначности в группах слов с близкими показателями употребительности. Существует два способа получения усредненных показателей: по интер-

валу частот и по интервалу рангов. Сильные различия в частоте употребления глаголов приведут к большим колебаниям количественного состава выделяемых в частотных интервалах групп глаголов и, как следствие, к появлению большого числа случайных отклонений. Более надежным представляется последовательное разбиение частотного списка глаголов на равные по объему группы. Таким образом, в качестве количественной характеристики употребительности глагола будет выступать его номер в списке глаголов по убывающим частотам.

В лексической статистике сложилась определенная традиция «измерения» многозначности слова: в качестве количественной характеристики многозначности эксплицитно или имплицитно признается «число самостоятельных частей в толковании слова» (Арапов М.В., 1988, с.136–138). В МАС, например, такие части разделяются арабскими цифрами. М.В.Арапов, рассматривая вопрос о правомерности такого измерения, указывает на то, что иногда самостоятельные части толкования оказываются несопоставимыми у разных по употребительности слов. У наиболее употребительных, особенно служебных, словарные статьи не только состоят из больших (по сравнению с менее употребительными словами) по объему частей, но и по-иному структурно организованы. Это верно также и для глаголов (см., например, *быть*, *идти*), поэтому, на наш взгляд, более адекватной характеристикой многозначности глагола будет количество частей в его толковании без разграничения их на самостоятельные и подчиненные, как это принято П.Н.Денисовым, определяющим индекс многозначности по количеству «семантических позиций словаря» (Денисов П.Н., 1984, с.119). Показатели многозначности глаголов извлекались из МАС. В случае омонимии значения глаголов суммировались, так как в частотном словаре представлена совокупная частота употребления омонимов.

Мы не ставили перед собой задачу установления точного вида зависимости между частотой и количеством значений глаголов и ее аналитического выражения, поскольку, как отмечалось многими исследователями (Кузнецова Э.В., 1989; Ульман С., 1970; Шведова Н.Ю., 1988; Шмелев Д.Н., 1977; и др.), нет однозначных критериев для разграниче-

ния значений многозначного слова; результаты также зависят и от типа используемого словаря (Арапов М.В., 1988; Поликарпов А.А., Крюкова О.С., 1989; Тулдава Ю.А., 1987); требование использования одного достаточно представительного корпуса текстов для получения данных о частоте употребления и количестве значений слова (Андрукович П.Ф., Королев Э.И., 1977; Арапов М.В., 1988) практически невыполнимо. Для нас важно установление корреляции в общем виде с помощью распределений, которые выражают наличие внутренней упорядоченности в системе (Тулдава Ю.А., 1982, с.132).

Для выявления динамики изменения показателей многозначности глаголов с падением частоты их употребления были вычислены средние показатели многозначности для равных по объему групп глаголов в пределах первой тысячи самых частотных, были обследованы также глаголы из других частотных зон: случайным образом были отобраны по 100 глаголов (чтобы данные были сопоставимы) с частотой 10 и 1.

Таблица 1

Распределение средних показателей многозначности глаголов
в зависимости от частоты их употребления

Интервал	Интервал рангов	Средняя частота употребления глаголов в группах	Количество значений	
			общее	среднее
1	1 – 100	737,0	1354	13,5
2	101 – 200	186,4	953	9,5
3	201 – 300	113,0	773	7,7
4	301 – 400	83,0	716	7,2
5	401 – 500	64,8	711	7,1
6	501 – 600	53,8	653	6,5
7	601 – 700	45,9	553	5,6
8	701 – 800	39,6	552	5,5
9	801 – 900	35,1	603	6,0
10	901 – 1000	31,6	622	6,3
11		10	432	4,3
12		1	208	2,1

Таблица эмпирического распределения показывает наличие общей тенденции уменьшения количества значений с увеличением номера в списке по убывающим частотам в пределах первой тысячи глаголов (табл. 1). Устойчивое снижение средних показателей многозначности наблюдается с первого по восьмой ранговый интервал, в девятом и десятом некоторое повышение, что, возможно, связано с преобладанием в этих ранговых интервалах значений частоты, больших или равных 35. Это значение абсолютной частоты употребления слова обычно рассматривается как возможное пороговое значение достоверной зоны частотного словаря (Алексеев П.М., 1988; Фрумкина Р.М., 1964). Впрочем, эти колебания показателей многозначности незначительны и не оказывают существенного влияния на общий вид зависимости. Средние показатели многозначности глаголов с частотой 10 словоупотреблений и одноразовых, соответственно 4,3 и 2,1 значения, подтверждают наличие корреляции между частотностью и многозначностью в глагольной лексике.

Отдельного внимания заслуживают глаголы, которые входят в первую сотню слов частотного словаря, таких глаголов 11: *быть* (10 значений), *мочь* (5 зн.), *сказать* (9 зн.), *говорить* (12 зн.), *знать* (10 зн.), *идти* (53 зн.), *стать* (22 зн.), *видеть* (9 зн.), *хотеть* (4 зн.), *видать* (7 зн.), *думать* (6 зн.). Частотность этих глаголов очень высока – в среднем она составляет около 3000 словоупотреблений. В состав группы входит максимально многозначный глагол *идти*, однако количество значений у остальных глаголов группы не так велико, как это должно было бы быть при пропорциональной зависимости, – вероятно, именно в пределах первой сотни самых частотных слов действует ограничение Дж.Ципфа, поскольку «число значений не может расти столь же неограниченно, как и частота» (Гиндин С.И., 1982, с.26). Кроме того, известно, что на характер многозначности влияет не только частотность, но и другие факторы (семный состав, стилистическая окраска, грамматические признаки и др.). Точно так же и частотность может быть связана не столько с его многозначностью, сколько с делексикализацией – частичной или полной утратой собственного лексического значения слова: «сверхвысокая» частотность глаголов *быть* и *мочь*, например, связа-

на с их использованием в грамматической функции; глагол *стать* имеет суммированный показатель многозначности (*стать*¹ – «принять вертикальное положение», 15 значений и *стать*² – «сделаться, свершиться», 7 значений), частотность же его определяется главным образом именно менее многозначным *стать*², его употреблением в роли вспомогательного глагола; употребительность *видать*, вероятно, предопределяется функционированием *видать*² в значении вводного слова в драматургических текстах, имитирующих разговорную речь.

Вид распределения глаголов по количеству значений в зависимости от их частоты несколько отличается от соответствующего по языку в целом. Для сопоставления мы приводим данные А.А.Поликарпова (1979) о распределении средних показателей многозначности слов русского языка и наши данные о многозначности глаголов из соответствующих частотных зон (табл. 2).

Как видно из таблицы, средние показатели многозначности глаголов значительно превышают средние показатели многозначности всех слов из соответствующего интервала. Такое различие распределений определяется двумя факторами. Первый фактор, влияющий на вид распределения, – формальный, он связан с методикой определения количества значений (см. выше) и использованием различных толковых словарей для подсчета значений. Как было показано многими исследователями (Андреевская А.В., 1990; Арапов М.В., 1988; Гак В.Г., 1978; Поликарпов А.А., Крюкова О.С., 1989), результат «измерения» многозначности слова относится не только к самому слову, но и заведомо характеризует толковый словарь, из которого извлекаются данные. Словарь С.И.Ожегова и МАС различаются по объему; в соответствии с «принципом краткости и обобщенности семантических характеристик слов» (Словарь Ожегова, 1988, с.6) в словаре С.И.Ожегова многозначные слова характеризуются меньшим количеством значений, редко выделяются оттенки значений. Так, в этом словаре отмечается у глагола *выехать* 4 значения, а МАС-3 «номерных» значения и 2 оттенка; у глагола *выйти* в словаре С.И.Ожегова 10 значений, в МАС-9 «номерных» и 10 оттенков значений.

Таблица 2

**Распределение средних показателей многозначности слов
в зависимости от частоты их употребления**

Соотношение многозначности и частотности в словаре		Соотношение многозначности и частотности в глагольной лексике	
Ранговый интер- вал в ЧС рус. яз.	Среднее кол-во знач. в СОЖ	Ранговый интер- вал в ЧС рус. глаголов	Ср. кол-во знач. в МАС-2
1 – 100	8,2	1 – 11	13,4
101 – 200	5,4	12 – 34	16,2
201 – 300	4,9	35 – 59	13,0
301 – 400	4,4	60 – 80	11,6
401 – 500	4,6	81 – 100	14,0
501 – 600	4,3	101 – 124	9,1
601 – 700	3,9	125 – 143	8,5
701 – 800	4,4	144 – 167	11,6
801 – 900	3,3	168 – 186	6,8
901 – 1000	3,7	187 – 205	9,6

Второй фактор, влияющий на вид распределения количества значений глаголов в зависимости от частоты их употребления, является определяющим, он связан со свойствами рассматриваемой грамматической категории, высокой многозначностью глаголов по сравнению с другими частями речи. Наши данные показывают превышение среднего индекса глагольной многозначности даже среди одноразовых глаголов (2,1 значений, см. табл. 1) над средним индексом многозначности в целом по языку (1,41 значения (Поликарпов А.А., Крюкова О.С., 1989)).

Высокие показатели многозначности также частично объясняются и случаями омонимии: при подсчете количества значений значения омонимов суммировались, так как частотный словарь не разграничивает омонимы и представляет их совокупную частоту употребления. Омони-

мы же достаточно часто встречаются именно среди глаголов: в индексе омонимов более 40% омонимических групп глагольные (Тимофеев В.П., 1971. с.114); в перечне омографов частотного словаря приводится 69 пар омографов, 57 из них – глаголы (ЧС, 1977, с.916). В рассматриваемой нами группе отмечены следующие пары глаголов-омографов: *выходить/выходить*, *спешить/спешить*, *пахнуть/пахнуть*, *пропадать/пропадать*, *засыпать/засыпать*, *выносить/выносить*, *отрезать/отрезать*, *выводить/выводить*. Кроме того, еще 66 глаголов из списка имеют суммированные показатели многозначности – это полные омонимы, такие как, например, *уходить*¹ – «покидать какое-либо место», *уходить*² – «утомить длительной ходьбой, работой», *уходить*³ – «заботиться о ком-либо, чем-либо» (МАС, т.4, с.540) и др.

Таким образом, можно констатировать наличие закономерного соотношения между частотностью и многозначностью в сфере глагольной лексики, подобного существующему в языке в целом: несколько наиболее частотных глаголов не являются самыми многозначными, начиная со второго десятка глаголов наблюдается устойчивое уменьшение показателей многозначности с падением частоты употребления глагола. При этом средние показатели многозначности глаголов из различных частотных зон выше показателей многозначности для всех слов из соответствующих зон, что определяется спецификой данной грамматической категории.

3.2. Частотность моделей глагольной многозначности

Частотно-полисемические распределения выявляют лишь общую зависимость многозначности от частоты употребления слова, для ее уточнения необходимо обратиться к анализу распределения показателей многозначности в частотных интервалах. Особый интерес в этом отношении представляет распределение первой тысячи глаголов из частотного списка по количеству их словарных значений (табл. 3).

Данные таблицы показывают, что тысяча самых частотных глаголов русского языка могут передавать 7500 различных значений. Абсолютное большинство глаголов (937) являются многозначными, более

половины из них (498) имеют свыше пяти значений. Пик распределения приходится на пятизначные глаголы, в составе первой тысячи 127 таких глаголов. Таблица также свидетельствует и о ярко выраженной асимметрии распределения: основная масса глаголов (702) имеет значение показателя многозначности от 1 до 8, в то время как остальные глаголы (298) принимают значения от 9 до 53. Таким образом, для глаголов первой тысячи в частотном списке характерна высокая многозначность: в среднем на каждый глагол приходится по 7,5 значений. Такое отличие средней арифметической от типичных значений показателя многозначности, вокруг которых концентрируется наибольшее количество глаголов (2, 3, 4, 5 значений), объясняется наличием в составе группы глаголов с показателями многозначности, значительно превышающими среднее значение. Глаголов, имеющих более 20 значений, количественно немного – всего 46, но их показатели многозначности настолько высоки, что существенно влияют на значение средней. Как и следовало ожидать, немного в составе группы и однозначных глаголов – 63, но именно они и заслуживают более пристального внимания, так как являются нетипичными для рассматриваемой частотной зоны.

Действительно, формальный количественный подход к изучению соотношений в языковой системе (или подсистеме) позволяет выявить и наглядно представить общие тенденции, направить внимание исследователя на некоторые скрытые от простого наблюдения качественные особенности, но «при квантитативном анализе приходится иногда упрощать лингвистическую действительность» (Тулдава Ю., 1987, с. 16). Такое упрощение происходит и при квантификации многозначности – уравниваются все значения многозначного слова, хотя «слово с семантической точки зрения не есть простая сумма значений, которые одинаково зависят друг от друга или же одинаково автономны» (Шмелев Д.Н., 1977, с. 92), и значения разных слов, хотя их «семантическая ценность» также неодинакова.

Таблица 3

**Распределение первой тысячи глаголов из частотного списка
по количеству значений**

Кол-во значений	Кол-во глаголов	Общее кол-во значений	Кол-во значений	Кол-во глаголов	Общее кол-во значений
1	63	63	20	7	140
2	101	202	21	10	210
3	111	333	22	4	88
4	100	400	23	1	23
5	127	635	24	3	72
6	78	468	25	7	175
7	58	406	26	1	26
8	63	504	27	3	81
9	43	387	28	2	56
10	31	310	29	2	58
11	42	462	30	4	120
12	24	288	31	1	31
13	25	325	32	1	32
14	19	266	34	2	68
15	17	255	35	1	35
16	9	144	37	1	37
17	13	221	49	1	49
18	12	216	52	1	52
19	11	209	53	1	53
Всего:				1000	7500

Следовательно, необходим «качественный» анализ указанных групп глаголов (имеющих одно значение или более двадцати значений), который позволил бы выявить их особенности и, возможно, объяснить их попадание в разряд высокочастотных. Такой анализ мог бы также послужить улучшению лексикографической работы.

Рассмотрим сначала группу глаголов с высоким индексом многозначности, превышающим 20 значений. Ее составляют 46 глаголов (список 1).

Список 1

Высокочастотные «сверхмногозначные» глаголы

№ в ЧС глаголов	Глагол	Абсолютная частотность	Кол-во значений	Кол-во текстов
6	<i>идти</i>	1818	53	84
7	<i>стать</i>	1549	22	81
12	<i>пойти</i>	1027	52	70
13	<i>дать</i>	935	22	82
15	<i>стоять</i>	922	35	73
18	<i>смотреть</i>	818	22	72
20	<i>взять</i>	763	30	76
25	<i>уходить</i>	684	30	55
30	<i>уйти</i>	626	25	54
31	<i>давать</i>	625	27	75
40	<i>выходить</i>	506	24	66
43	<i>найти</i>	458	23	68
47	<i>брать</i>	444	27	62
52	<i>ходить</i>	415	28	58
60	<i>пройти</i>	382	32	64
65	<i>находиться</i>	347	21	57
72	<i>принять</i>	328	24	67
74	<i>играть</i>	324	21	62
82	<i>поставить</i>	297	31	73
87	<i>проходить</i>	280	37	62
95	<i>оставить</i>	266	27	56
101	<i>поднять</i>	252	29	59
144	<i>подниматься</i>	186	28	53
145	<i>принимать</i>	185	34	60
146	<i>ставить</i>	185	30	60
175	<i>подняться</i>	152	25	48

187	<i>падать</i>	146	26	50
193	<i>поднимать</i>	144	30	58
195	<i>пустить</i>	141	21	55
243	<i>находить</i>	113	25	42
265	<i>пускать</i>	105	21	45
298	<i>отойти</i>	95	21	39
314	<i>тянуть</i>	91	49	37
337	<i>оставлять</i>	84	24	40
376	<i>лезть</i>	78	21	35
422	<i>тянуться</i>	70	25	29
486	<i>отходить</i>	60	22	32
546	<i>сходить</i>	55	25	32
558	<i>расходиться</i>	53	25	26
623	<i>пропускать</i>	48	21	21
785	<i>разбирать</i>	38	21	24
797	<i>пасть</i>	37	21	18
836	<i>подымать</i>	36	29	17
837	<i>полезть</i>	36	21	20
919	<i>сбить</i>	33	24	24
946	<i>подыматься</i>	32	25	13

«Сверхмногозначные» глаголы неравномерно распределяются по выделенным частотным интервалам: 45,6% глаголов входят в первую сотню высокочастотных, а 80% – в первые 500 глаголов из частотного списка, что также является отражением общей тенденции к уменьшению многозначности с падением частоты. Наиболее отклоняются от общего вида зависимости показатели многозначности глаголов *идти* (53 значения), *пойти* (52), *тянуть* (49), *подымать* (29), *подыматься* (25).

Глаголы *подымать* и *подыматься* являются дублетами глаголов *поднимать* и *подниматься* (см. в МАС: *подымать* – несов. к *поднять*; *поднять* – то же, что *поднять*, т.3, с.232), именно у этих глаголов самые низкие значения распространенности: соответственно 17 и 13 текстов, в которых зафиксированы данные слова. Если суммировать частотные характеристики указанных пар слов, то состав исследуемой группы

и порядок расположения глаголов в ней несколько изменяется (*подниматься, подыматься*) – 218 словоупотреблений; *поднимать, подымать* – 180 словоупотреблений), что еще более увеличит концентрацию сверхмногозначных глаголов в высокочастотной зоне. Считая, таким образом, статистически доказанным существование прямой корреляции между частотностью и многозначностью в глагольной лексике, мы полагаем, что указанные 46 глаголов исчерпывают список сверхмногозначных (в нашем понимании) глаголов русского языка.

Показательно, что все перечисленные глаголы – глаголы перемещения (в своем исходном значении); к глаголам перемещения относится также половина (23 глагола) глаголов всей рассматриваемой группы, что является вполне закономерным – в литературе неоднократно отмечалась высокая многозначность глаголов данной ЛСГ. Значительное место среди сверхмногозначных занимают также глаголы владения – более 20% от общего числа глаголов (*дать, взять, найти* и др.), глаголы пространственной локализации – около 13% (*стоять, находиться, поставить* и др.). Следовательно, именно эти три лексико-семантические группы: глаголы перемещения, владения, положения в пространстве – более тяготеют к многозначности, чем остальные.

Необходимо отметить, что 12 глаголов из рассматриваемой группы – это глаголы с суммированными показателями многозначности (омонимы): *стать, уходить, выходить, найти, находиться, поставить, проходить, ставить, находить, отходить, сходить, расходиться*. Однако суммирование хотя и несколько повысило среднее значение индекса многозначности в группе, но не повлияло существенно на ее состав: один из омонимов имеет обычно показатель многозначности от 1 до 3, другой – более 20. Исключение составляют только три глагола: *стать* (15+7), *найти* (15+8), *находить* (17+8).

Все глаголы с количеством значений более 20 характеризуются широкой распространенностью: встречаются во всех четырех функционально-речевых сферах и имеют высокие показатели распространенности (от 84 текстов глагола *идти* до 18 текстов у глагола *пасть*) – в среднем 51 текст.

Резко отличается как по количественным, так и по качественным показателям от рассмотренной группа однозначных глаголов из состава первой тысячи по частотному списку. Ее составляют 63 глагола.

Однозначные глаголы характеризуются меньшей распространенностью по сравнению с остальными из первой тысячи: 25,4% из них (16 глаголов) встречаются не во всех функционально-речевых сферах. Глаголы *помолчать* (115 словоупотреблений), *усмехнуться* (67), *приезжать* (64), *надоесть* (49), *поцеловать* (44), *интересовать* (40), *усмехаться* (37), *разглядывать* (34) не зафиксированы в научных и публицистических текстах; глаголы *сердиться* (74), *ненавидеть* (36) – в газетных и журнальных текстах. Частотность глагола *здороваться* (34) определяется его употреблением в драматургических произведениях, в текстах художественной прозы он встретился всего два раза, в научно-публицистических и газетно-журнальных ни разу. Глагол *впрыгать* встретился всего лишь в трех текстах: один раз в тексте художественной прозы, 46 раз в двух текстах из научно-публицистических. Очевидно, что попадание этого глагола в высокочастотную зону обусловлено случайными факторами, а именно включением в выборку текстов специального характера. Глаголы *способствовать* (57), *проводиться* (48), *опубликовать* (43) не характерны для литературно-художественных текстов; глагол *воскликнуть* (36) не зафиксирован в драматургии.

Остальные однозначные глаголы (список 2) распространены во всех функционально-речевых сферах: количество текстов, в которых они зафиксированы, колеблется от 13 (*виднеться*) до 63 (*помнить*). В среднем их распространенность меньше, чем сверхмногозначных глаголов, и составляет примерно 27 текстов.

Список 2

Высокочастотные однозначные глаголы

№ в ЧС глаголов	Глагол	Абсолютная частота
70	<i>помнить</i>	333
73	<i>приехать</i>	326
79	<i>рассказать</i>	308

107	<i>рассказывать</i>	247
141	<i>вспомнить</i>	189
151	<i>использовать</i>	180
172	<i>пытаться</i>	157
205	<i>поговорить</i>	134
224	<i>иметься</i>	121
227	<i>вспоминать</i>	120
251	<i>уехать</i>	111
257	<i>суметь</i>	108
287	<i>засмеяться</i>	97
312	<i>захотеть</i>	91
315	<i>целовать</i>	91
323	<i>закончить</i>	88
345	<i>научиться</i>	83
364	<i>уезжать</i>	81
395	<i>закричать</i>	74
450	<i>догадаться</i>	65
483	<i>измениться</i>	61
493	<i>арестовать</i>	22
520	<i>попытаться</i>	57
531	<i>беседовать</i>	56
566	<i>посидеть</i>	52
604	<i>прекратить</i>	49
616	<i>обижаться</i>	48
643	<i>удивляться</i>	47
665	<i>поздравлять</i>	45
671	<i>удивиться</i>	45
679	<i>превратить</i>	44
699	<i>бормотать</i>	42
739	<i>заплакать</i>	40
745	<i>обрадоваться</i>	40
749	<i>понадобиться</i>	40
764	<i>посоветовать</i>	39

777	<i>превращать</i>	38
790	<i>завидовать</i>	37
801	<i>поздравить</i>	37
804	<i>рассердиться</i>	37
813	<i>возражать</i>	36
828	<i>виднеться</i>	32
942	<i>почевать</i>	32
961	<i>догадываться</i>	31
966	<i>одержать</i>	31
970	<i>пригодиться</i>	31
987	<i>закончиться</i>	30

По семантике группа однозначных глаголов также отличается от сверхмногозначных. В ее составе лишь четыре глагола перемещения, которые образуют две видовые пары: *уехать/уезжать* и *приехать/приезжать*; они характеризуются высокими частотными показателями и располагаются в верхней половине тысячного частотного списка глаголов. Среди частотных однозначных глаголов большое количество глаголов, обозначающих эмоциональное переживание и отношение, например *обижаться, удивляться, удивиться, заплакать, обрадоваться* и др.; глаголов речевой деятельности, например *рассказать, рассказывать, поговорить, беседовать* и др.; глаголов интеллектуальной деятельности: *помнить, вспомнить, вспоминать, догадаться* и др. Всего глаголов этих лексико-семантических групп, обозначающих психические процессы, более половины от общего числа частотных однозначных глаголов. В группе также есть глаголы с очень широким, абстрактным значением, такие, как глагол *иметься*, фазовые глаголы *закончить, прекратить, закончиться*, модальные – *пытаться, попытаться, суметь, захотеть*, а широкозначность несовместима с многозначностью, она свойственна слову с абстрактным и неопределенным значением (Арутюнова Н. Д., 1976; Лукин В. А., 1990; Плоткин В. Я., Гросул Л. Я., 1982).

Таким образом, в целом для наиболее употребительных глаголов русского языка характерна высокая многозначность: в среднем на каждый глагол из первой тысячи частотных приходится 7,5 значений; однозначные высокочастотные глаголы немногочисленны и в основном обозначают психические процессы.

Большинство частотных однозначных глаголов являются абстрактными в отличие от глаголов сверхмногозначных, которые в своем исходном значении относятся к числу конкретных. Высокая употребительность сверхмногозначных глаголов не удивительна, она в том числе определяется и количеством значений, высокая же употребительность однозначных глаголов может объясняться либо широтой значения (модальные, фазовые глаголы), либо распространенностью обозначаемых этими глаголами действий в окружающем мире. Действительно, большинство частотных однозначных глаголов – это глаголы мысли, речи, чувства, которые, по свидетельству Ю. Д. Апресяна, несмотря на свою немногочисленность (по сравнению с глаголами конкретно-физических действий), участвуют в огромном количестве грамматических конструкций, обслуживающих четыре «духовных» семантических системы (желания, интеллектуальная деятельность, эмоции и речь) (Апресян Ю. Д., 1995, с. 45).

Анализ групп частотных глаголов с минимальными и максимальными показателями многозначности, а также сопоставление средних показателей многозначности ЛСГ глаголов фиксированного словаря показывают, что к многозначности тяготеют глаголы перемещения в пространстве, владения, физического воздействия на объект, а для ЛСГ глаголов речевой и интеллектуальной деятельности, социальной деятельности многозначность характерна в меньшей степени, то есть в глагольной лексике наблюдается общая тенденция развития высокой многозначности у слов конкретной семантики.

Частотность и многозначность глаголов субъектного перемещения

Наличие в русской статистической лексикографии лишь частотных словарей слов, нечувствительных не только к многозначности, но к омонимии разных частей речи, в значительной мере ограничивает возможности

исследования соотношения употребительности и многозначности слов. Дальнейшее изучение функционирования глагольной лексики должно проводиться на основе дифференцированной статистики, учитывающей семантику считаемых единиц наблюдения, а это влечет за собой сужение круга исследуемых слов. Глаголы перемещения являются наиболее интересной с этой точки зрения лексико-семантической группой, так как характеризуются развитой многозначностью и высокой употребительностью в речи.

По данным Частотного словаря русского языка, в первой сотне самых употребительных глаголов 21 имеет в основном значение сему «перемещение», и только один из них (*вести*) относится к каузативным, остальные обозначают некаузирванное перемещение субъекта и не содержат указания на плоскость перемещения. Такие глаголы обозначают обычно перемещение в горизонтальной плоскости (Гордсев Ю.М., 1974) и называются иногда глаголами горизонтального движения-перемещения (Сергеева Н.Н., 1969). Список глаголов, относящихся к данной ЛСГ, был составлен на основе анализа словарных толкований в МАС и включает в себя 775 глаголов.

Для выявления частотной структуры указанной ЛСГ использованы данные частотных словарей (Частотный словарь русского языка, 1977; Штейнфельд Э.А., 1964) и результаты анализа фразового материала, собранного методом сплошной выборки из 25 произведений художественной прозы, представленные в виде частотного списка глаголов субъектного перемещения (420 глаголов).

Сравнение данных трех частотных списков показало почти полное совпадение их заглавных частей и несущественные (с точки зрения статистики) колебания в порядке следования глаголов. Это позволило нам выделить группу из 17 глаголов, частотность которых более чем в пять раз превышает среднюю (11,9 словоупотреблений) и которые на этом основании можно отнести к частотному ядру данной ЛСГ: *идти* (в скобках указывается количество значений – 53), *пойти* (52), *прийти* (13), *выйти* (19), *уйти* (25), *ходить* (28), *пройти* (32), *вернуться* (3), *приехать* (1), *подойти* (13), *выходить* (24), *войти* (10), *уходить* (30), *приходить* (13), *поехать* (3), *ехать* (4), *бежать* (14). Они составляют всего 4% словни-

ка (а по отношению к полному составу группы по МАС – 2%), в тексте же – более половины всех словоупотреблений (2608 слово-употреблений).

Обращает на себя внимание тот факт, что в этом списке нет ни одного глагола, семантическая структура которого исчерпывалась бы минимальным набором семантических признаков, а именно такие глаголы традиционно признаются ядерными в ЛСГ. Глаголы *двигаться*, *двинуться* могут быть отнесены к среднечастотным (соответственно №36 и 41 в частотном списке), а глаголы *перемещаться*, *переместиться*, *передвигаться*, *передвинуться* – к редким (в ЧС глагол *переместиться* характеризуется частотой два словоупотребления, *перемещаться* – 12, *передвинуться* – одно, *передвигаться* – шесть, а в нашей выборке все они встретились по одному разу). Единственный входящий в частотное ядро ЛСГ глагол, в значении которого не конкретизированы семы «среда» и «способ перемещения», – *вернуться*, но он содержит указание на конечную точку пути.

Все остальные глаголы имеют в своей семантике указание на способ передвижения, большинство из них (13) обозначают самостоятельное перемещение по твердой поверхности с помощью ног, то есть характеризуют также среду и средство перемещения. Многие глаголы конкретизированы также по направлятельным семам: семантический признак исходной точки присутствует в значении четырех глаголов, конечной точки пути – в значении шести глаголов. Такой состав частотного ядра рассматриваемой ЛСГ свидетельствует о предпочтительности в русской речи более содержательных глаголов субъектного перемещения, характеризующих одновременно способ, среду перемещения, а также начальную или конечную точку пути.

В частотном ядре ЛСГ глаголов субъектного перемещения преобладают глаголы с широко развитой многозначностью (более 10 значений), это глаголы, имеющие три-четыре дифференциальных семантических признака: «способ», «среда», «средство перемещения» и/или «отношение к ориентиру».

Малое количество значений наблюдается у глаголов, в основном значении которых конкретизируется один-два дифференциальных признака: *вернуться* (три значения) – дифференциальный признак «отношение к ориентиру»; *ехать* (четыре значения), *поехать* (три значения) – дифференциальный признак «способ перемещения»; *приехать*

(одно значение) – признаки «способ перемещения» и «отношение к ориентире». Минимальный набор дифференциальных семантических признаков этих глаголов препятствует развитию у них большого количества вторичных значений, несмотря на столь высокую употребительность в речи. По-видимому, оптимальным для развития многозначности у глаголов субъектного перемещения является наличие трех-четырёх дифференциальных семантических признаков в исходном значении.

В среднем на каждый из рассматриваемых глаголов приходится 19,8 значений, что значительно превышает среднюю многозначность всех глаголов субъектного перемещения из зоны достоверных частот Частотного словаря – 11,2 значения. Таким образом, частотная структура ЛСГ глаголов субъектного перемещения не соответствует ее семантической структуре, но в сопоставлении со средними показателями многозначности этих глаголов ярко демонстрирует закономерное соотношение употребительности и многозначности слова.

Высокая многозначность глаголов субъектного перемещения и наличие в их семантических структурах значений, не связанных с пространственным перемещением, не позволяет нам видеть причину употребительности этих глаголов только в распространенности обозначаемого ими явления. Анализ фразового материала, послужившего основой для составления частотного списка глаголов, показывает, что глаголы, в основных значениях принадлежащие к ЛСГ глаголов субъектного перемещения, широко используются в речи и для обозначения ситуаций, не связанных с перемещением. Некоторые из них даже более употребительны в таких значениях: *вступить, дойти, достичь (достигнуть), миновать, перейти, переходить, приближаться, подходить, следовать, являться* и др. В большей степени это характерно для глаголов неконкретизированного перемещения и самостоятельного перемещения по твердой поверхности: доля словоупотреблений, не связанных с обозначением перемещения, в этих подгруппах составляет более 30%. Только глаголы перемещения с помощью транспортных средств в 98,8% случаев используются в своих прямых значениях.

Таким образом, анализ функционирования в речи глаголов субъектного перемещения показывает, что данная ЛСГ глаголов имеет час-

тотную структуру, в которой отчетливо выделяется частотное ядро – глаголы, употребительные в любых текстах, независимо от их содержания и авторской принадлежности. В частотном ядре преобладают глаголы пешего перемещения и глаголы, конкретизирующие направленность перемещения по отношению к начальной или конечной точке пути. Глаголы, наиболее абстрактные в данной ЛСГ, в речи используются сравнительно редко.

Для большинства глаголов частотного ядра характерна высокая многозначность, с уменьшением употребительности снижаются и средние показатели многозначности.

Глаголы, в основных значениях принадлежащие к ЛСГ глаголов субъектного перемещения, широко используются в речи и для обозначения ситуаций, не связанных с перемещением. По нашим данным, доля таких словоупотреблений глаголов субъектного перемещения может составлять около 28% от всех словоупотреблений этих глаголов. Частотность употребления глаголов в значениях, выходящих за рамки данной ЛСГ, связана с тем, к какой семантической подгруппе они относятся: центробежные тенденции сильнее проявляются у глаголов неконкретизированного и пешего перемещения, глаголы же перемещения с помощью транспортных средств используются почти исключительно в своих прямых значениях. Следовательно, высокая употребительность глаголов перемещения с помощью транспортных средств определяется экстралингвистическими факторами – распространенностью данного вида перемещения в окружающей действительности и связанной с ней необходимостью его отражения в речи. Высокая употребительность остальных глаголов субъектного перемещения определяется как экстралингвистическими, так и собственно языковыми факторами – развитием многозначности и широким использованием глаголов во вторичных значениях, участием этих глаголов в составе фразеологизмов, грамматикализацией некоторых глаголов в определенных конструкциях.

Употребительность различных значений многозначного слова

Частотные характеристики отдельных лексико-семантических вариантов многозначного слова указываются в частотно-семантических

словарях (Алексеев П.М., 1975). В настоящее время известен только один словарь такого типа (на материале английского языка) – это списки И.Лорджа и И.Лорджа – Э Торндайка, где указываются номера значений каждого слова по Большому Оксфордскому словарю и приводятся доли значений в сумме общей частоты употребления слова (Алексеев П.М., 1973). Необходимость создания частотно-семантического словаря русского языка подчеркивается давно (Алексеев П.М., 1973; Андреев Н.Д., 1965; Денисов П.Н., 1972; Марчук Ю.Н., 1978; Щерба Л.В., 1974, с.310), это помогло бы решить многие проблемы методики обучения языку, лексикографии, особенно учебной и двуязычной, перевода, а также позволило бы более точно представить картину функционирования слов в речи, выявить статистические закономерности распределения частот отдельных ЛСВ слов.

Главными препятствиями к созданию частотно-семантического словаря являются, по-видимому, трудность выработки однозначных критериев разграничения ЛСВ многозначного слова и необходимость обследования огромной выборочной совокупности текстов, поскольку повторяемость ЛСВ в речи меньше, чем повторяемость слова. На наш взгляд, эти проблемы могут быть преодолены в случае обращения к словам одной ЛСГ (только работая со словами, принадлежащими одной ЛСГ, можно достичь единства в разграничении значений (Шведова Н.Ю., 1981) и выявления частот не отдельных ЛСВ этих слов, а типовых, регулярных. Это значительно уменьшит необходимый для обеспечения достоверности объем выборочной совокупности, так как в статистическом эксперименте было доказано, что «абсолютное большинство встречающихся в текстах вторичных значений [глаголов] относится к числу регулярных» – 99,5% (Чудинов А.П., 1988, с.91).

Анализ употребительности в речи глаголов субъектного перемещения позволил представить в общем виде количественные закономерности функционирования глаголов рассматриваемой ЛСГ, определить функциональную нагрузку глаголов разных семантических подгрупп для обозначения перемещения и для обозначения других ситуаций. Более детальный анализ связан с выявлением частотности употребления в речи различных ЛСВ этих глаголов. Поскольку вторичные значения глаголов

одной ЛСГ в большинстве своем являются типовыми, повторяющимися в семантических структурах разных глаголов, объяснимо обращение к изучению количественных закономерностей употребления не отдельного ЛСВ, а типового, соответствующего определенной модели регулярной многозначности.

ЛСГ глаголов перемещения стала почти хрестоматийным примером для иллюстрации регулярности семантических процессов в лексике. Описание (разной степени детализации) различных моделей многозначности глаголов перемещения приводится в работах Ю.Д.Апресяна, Н.И.Бахмутовой, Т.П.Васильковой, В.Г.Гака, Н.Д.Гариповой, Е.Л.Гинзбург, В.Л.Ибрагимовой, С.П.Лопушанской, Л.А.Новикова, А.П.Чудинова, Д.Н.Шмелева и др.

Обобщая опыт выделения моделей регулярной многозначности в кругу глаголов перемещения и собственные наблюдения, мы различаем два типа специальных моделей регулярного лексико-семантического варьирования глаголов субъектного перемещения: 1) модели многозначности с сохранением категориально-лексической семы «перемещение» и нейтрализацией основных дифференциальных признаков; 2) модели многозначности, основанные на нейтрализации категориально-лексической семы «перемещение».

В качестве меры употребительности модели многозначности мы используем относительную частоту употребления глаголов в данном вторичном значении, которая представляет собой долю (%) словоупотреблений глаголов в данном вторичном значении в общей массе словоупотреблений глаголов тех подгрупп, которые являются семантической базой модели. Для вычисления показателя употребительности мы анализируем данные сплошной выборки глаголов субъектного перемещения длиной пять тысяч словоупотреблений.

Учет употребительности той или иной модели многозначности является необходимым дополнением к характеристике ее регулярности и позволяет уточнить оценку степени ее регулярности по материалам словарей, сопоставление данных об употребительности поможет выявить наиболее коммуникативно значимые модели. Для оценки степени регулярности мы в основном опираемся на данные словаря (МАС-2), учиты-

вая при этом все факты параллелизма семантических структур глаголов, в том числе приставочных глаголов и членов видовой пары, поскольку производные значения видовых пар далеко не всегда совпадают. Однако тот факт, что в МАС часто не отражается многозначность приставочных глаголов, не позволил нам ввести численную меру, и мы используем лишь относительные оценки степени регулярности: высокая, средняя, низкая, – учитывая при этом зафиксированные в нашей выборке соответствующие вторичные значения.

Употребительность моделей многозначности, основанных на нейтрализации дифференциальных признаков

Основными дифференциальными признаками глаголов рассматриваемой ЛСГ являются: 1) общая направленность перемещения (направленные/ненаправленные); 2) отношение к ориентиру (удаление/достижение/движение мимо); 3) субъект перемещения (живое существо/предмет/воздушный или водный поток); 4) способ перемещения (с помощью транспортного средства/самостоятельно); 5) среда перемещения (твердая поверхность/жидкость/воздух).

Наиболее устойчивы в семантических структурах глаголов признаки, характеризующие направленность перемещения, – они неизменно сохраняются при употреблении глаголов во вторичных значениях для обозначения перемещения, тогда как остальные дифференциальные признаки регулярно нейтрализуются.

Мы выделяем четыре основных модели многозначности, основанных на нейтрализации дифференциальных признаков. П е р в а я модель основана на нейтрализации семы субъекта перемещения и не затрагивает других дифференциальных признаков глаголов субъектного перемещения. В соответствии с этой моделью глаголы перемещения живых существ обозначают перемещение предметов (*самолет летит*), и наоборот, глаголы перемещения предметов обозначают перемещение живых существ (*толпа катится по улице*).

В т о р а я модель основана на нейтрализации семы «способ перемещения», в этом случае глаголы самостоятельного перемещения обо-

значают перемещение с помощью транспортных средств (*плыть на теплоходе*). Третья модель многозначности основана на нейтрализации семы «среда перемещения» (*дети влетели в комнату*), а четвертая – на одновременной нейтрализации сем «способ» и «среда перемещения» (*всадники влетели во двор*).

Ввиду семантического разнообразия глаголов субъектного перемещения, наличия в их составе нескольких подгрупп, каждая модель многозначности не может представлять собой абсолютно целостное явление: модель по-разному проявляется в разных подгруппах и микрогруппах глаголов субъектного перемещения. В соответствии с этим выделяются варианты модели. Каждому варианту модели соответствует типовое изменение синтагматических свойств; для рассматриваемых моделей это прежде всего изменение в позиции субъекта действия, а для некоторых из них и открытие факультативной позиции средства передвижения. Единство вариантов обеспечивается одним и тем же семантическим преобразованием, лежащим в основе модели и затрагивающим тот или иной дифференциальный признак.

Рассматриваемые модели многозначности могут проявляться только в тех подгруппах глаголов субъектного перемещения, у которых конкретизируется хотя бы один из указанных признаков, поэтому, для того чтобы иметь возможность сопоставления моделей по их употребительности в речи, каждая модель в целом характеризуется употребительностью относительно общего количества словоупотреблений всех этих глаголов, что составляет 4250 словоупотреблений.

Модель многозначности, основанная на нейтрализации семы субъекта перемещения. При нейтрализации семы субъекта перемещения глаголы перемещения живых существ используются для обозначения перемещения предметов (деперсонификация), а глаголы перемещения предметов, водных потоков и воздушных масс – для обозначения перемещения живых существ (персонификация). Например: *человек, рыба плывет – бревно, корабль плывет; вода струится – люди струятся по улице; шары катятся – дети выкатились из комнаты.*

Деперсонификация охватывает большое количество глаголов субъектного перемещения, однако не сопровождается изменением семантических признаков «способ» и «среда перемещения» в основном в подгруппах глаголов перемещения в жидкой среде и по воздуху. В этих подгруппах рассматриваемая модель характеризуется высокой степенью регулярности и употребительности в речи. Однако значения, соответствующие модели, отражаются в МАС очень непоследовательно. Так, в словарных толкованиях глаголов *плыть* и *лететь* (*плавать* и *летать* – по отсылке на значения указанных глаголов) эти значения фиксируются как две отдельные семантические позиции: *плыть* – 1. б) Перемещаться по поверхности или в глубине воды в определенном направлении при помощи специальных приспособлений (о корабле, лодке и т.п.)... в) Двигаться, нестись по течению воды (о предметах) (МАС, т. 3, с.146–147). Как видим, в значениях этих глаголов различается перемещение транспортных средств, вызванное активной силой, и произвольное перемещение любых предметов, вызванное силой течения, восходящих потоков воздуха или потерей точки опоры.

Оба эти значения столь же характерны и для префиксальных производных от перечисленных глаголов, например: ... *большие белопалубные пароходы вьплываю т из-за мыса* (Абрамов Ф.); ... *яблоня, пыряя, показывая спутанные корни и вертясь, поплывла к оврагу* (Паустовский К.); *Когоа я вижу свой улетающ и й самолет...* (Токарева В.); ... *Денис Иванович выскочит опрометью, а вслед ему полетят лемехи и раскаленное железо* (Носов Е.). Об этом же свидетельствуют и многочисленные примеры, иллюстрирующие словарные толкования производных глаголов, однако при наличии таких примеров отдельных семантических позиций не выделяется у глаголов *вплыть*, *проплыть*, *подплыть*, *влететь*, *перелететь*, *прилететь*, *улететь*. В толкованиях некоторых глаголов перемещения по воздуху (*подлететь*, *пролететь*, *отлететь*, *порхать*) как отдельное значение отмечено перемещение предметов силой ветра, толчка: *пролететь* – 1. Пронестись в воздухе (МАС, т.3, с.499).

Несмотря на отсутствие единообразия в разработке словарных статей глаголов, непоследовательность отражения в них значений, соот-

ветствующих рассматриваемой модели, употребительность глаголов перемещения в жидкой среде и по воздуху в данном значении высока – составляет около 9% от всех словоупотреблений глаголов этих подгрупп.

Второй вариант модели – персонификация – охватывает большое количество глаголов перемещения воздушных масс и водных потоков. Соответствующие модели вторичные значения отмечены в МАС у 17 глаголов этой подгруппы: *дуть, течь, растечься, прилить, просочиться, прихлынуть* и др. Например: хлынуть – 2. Устремиться, двинуться во множестве (МАС, т. 4, с.607); течь – 4. Идти, двигаться сплошным, непрерывным потоком, массой [Там же, с.364]. В исходных значениях этих глаголов нет дифференциальных признаков «способ» и «среда перемещения», в рассматриваемом же вторичном значении они обозначают обычно самостоятельное перемещение большого количества людей по твердой поверхности.

Основой для модификации значения являются как семантические, так и ассоциативные признаки основного значения этих глаголов. В своем прямом значении глаголы обозначают одновременное движение множества частиц, тесно связанных между собой, что и образует непрерывный поток; семантические признаки «большое количество», «нерасчлененность», «непрерывность движения» актуализируются и во вторичном значении, что находит отражение в сочетаемости; обычно в позиции субъекта употребляются существительные, обозначающие множество людей, например: *Вереницы пленных... с т е к а л и с ь к Волге* (Некрасов В.); *На перекрестке двух главных улиц города, там, где беспечной вереницей т е к л и автомобили, люди, ломовики...* (Пильняк Б.).

Семантический признак интенсивности движения актуализируется при употреблении в рассматриваемом типовом значении глагола *хлынуть* и его производных: *...на целый месяц двор дома-новостройки стал проходным, неогражденным, и через двор х л ы н у л а толпа* (Анчаров М.); *И вдруг наша огромная машина. Народ от окон о т х л ы н у л – и к нам* (Ажаев В.).

Одновременно с семантическими актуализируются и яркие ассоциативные признаки глаголов. Ассоциативный признак «большая ско-

рость движения» выдвигается на первый план при использовании в типовом значении глаголов *дуть, дунуть*, например: *Не глядя друг на друга парни дома семнадцать дунули в подъезды* (Анчаров М.).

В рассматриваемом типовом значении могут употребляться не только те глаголы, у которых оно отражено в словарном толковании. В наших материалах зафиксированы случаи употребления в данном значении глаголов *дунуть, притечь, литься, вылиться*, которые едва ли можно считать окказиональными, например: *... и л с я из Европы поток арестантов, поражающий воображение* (Солженицын А.); *Подошел дачный поезд, и из него вылилась веселая, пестрая толпа людей...* (Гинзбург Е.). Такие случаи тоже свидетельствуют о высокой степени регулярности рассматриваемой модели в подгруппе глаголов перемещения воздушных и водных потоков.

Употребительность глаголов подгруппы в типовом значении, по нашим данным, составляет около 10% от всех словоупотреблений этих глаголов.

Семы «способ» и «среда перемещения» сохраняются также при употреблении глагола *катиться* и его производных для обозначения перемещения живых существ. Утрачивая дифференциальный семантический признак «вращательное движение», эти глаголы актуализируют ассоциативный в основном значении признак «большая скорость движения», что находит отражение в их словарных толкованиях: *катиться* – 3. Разг. Быстро идти, бежать (МАС, т.2, с.40) (ср. также толкования глаголов *выкатиться, подкатиться*). Другие производные глаголы, употребляясь по отношению к существительным, называющим людей и животных, также обозначают их ускоренное перемещение, например: *Кукушата, ошастливленные свободой, громко покатились к дверям и пропали* (Приставкин А.); *За зеркальным стеклом, чуть поодаль от ряда кабин, неслись, торопились, обгоняли, кто-то откатился сюда и нетерпеливо стал в очередь к кабине Иннокентия* (Солженицын А.).

Таким образом, рассматриваемая модель многозначности в основном проявляется в трех подгруппах глаголов субъектного перемещения: глаголов перемещения в жидкой среде, по воздуху, глаголов перемещения водных и воздушных потоков. Модель характеризуется в этих

подгруппах высокой степенью регулярности и употребительности. В целом употребительность модели составляет, по нашим данным, 0,8%, что связано с небольшой частотностью глаголов, характеризующихся этой моделью многозначности.

Модель многозначности, основанная на нейтрализации смы «способ перемещения» При нейтрализации во вторичном значении смы «способ перемещения» глаголы самостоятельного субъектного перемещения используются для обозначения перемещения с помощью транспортных средств, например: *Стоит Кашин на тверской земле, на речке Кашинке, час п л ы т ь по ней тихим пароходом до Волги* (Орлов В.).

Первый вариант модели обладает высокой степенью регулярности в подгруппах глаголов перемещения в жидкой среде и по воздуху, охватывая все нехарактеризованные глаголы соответствующих подгрупп, которые составляют абсолютное их большинство. Непоследовательность отражения в МАС рассматриваемого типового значения проявляется в том, что у некоторых глаголов (*плыть, лететь, улететь*) оно выделяется как отдельное значение, а у других (*уплыть, проплыть, пролететь, перелететь* и др.) слито с исходным значением, что находит отражение в формулировке значения или примерах, его иллюстрирующих. Ср.: *плыть* – 1. б) // Ехать на корабле, лодке и т.п. (МАС, т.3, с.147); *приплыть* – На судне, лодке и т.п. или вплавь достичь какого-л. места, прибыть куда-л., откуда-л. (Там же, т.3, 434); *уплыть* – 1. Удалиться плывя. *Хотелось уйти, уехать, убежать, уплыть на неизвестном пароходе в неизвестную гавань.* (Федин К.) (Там же, т.4, с.503).

По нашим данным, все префиксальные производные глаголов *плыть* и *лететь* могут использоваться в рассматриваемом типовом значении, например: *Он решил сам создать воздухоплавательный аппарат и сам п о л е т е т ь на нем* (Искандер Ф.); *Когда п о п л ы л и, кто-то плыл под лодкой, охраняя от подмосковных акул* (Крупин В.).

Частотность такого использования глаголов перемещения в жидкой среде и по воздуху очень высока – соответственно 16,4 и 15,2% от всех словоупотреблений глаголов подгруппы.

В подгруппе глаголов перемещения по твердой поверхности модель характеризуется низкой степенью регулярности. Дифференциальный признак «среда перемещения» у глаголов перемещения по твердой поверхности тесно связан с характеристикой движения («с помощью ног», «всем телом», «вращаясь» и т.д.), что препятствует его сохранению при обозначении перемещения с помощью транспортного средства, поэтому у глаголов данной подгруппы подобная модификация семантики наблюдается редко – по данным словаря, только у глаголов, обозначающих движение лошади, а во вторичных значениях – движение на лошади или в повозке, запряженной лошадьми. Это глаголы *трусить*¹, *рысить*, *прискакать*, *ускакать* и некоторые другие: *рысить* – 2. Ехать на лошади рысью (МАС, т.3, с.746); *ускакать* – 2. // Уехать вскачь (на лошади, лошадях) (Там же, т.4, с.517). В наших материалах зафиксирован единственный случай употребления в подобном значении глагола, не принадлежащего к этой узкой семантической группе, – *ковылять*: *Некульев был тут, там, мчал туда, верхом на княжеской лошади, сзади Некульева на хромом меринке ковылял Кузя...* (Пильняк Б.). Таким образом, рассматриваемая модель в подгруппе глаголов перемещения по твердой поверхности замыкается рамками очень небольшой группы глаголов, является непродуктивной и малоупотребительной.

Второй вариант модели – обозначение глаголами перемещения с помощью транспортных средств каузированного перемещения предметов, чаще всего самих транспортных средств. Например: *Карета Баранта поехала к самому началу военного спектакля* (Гроссман Л.); *Сверху лежали ракетки для бадминтона. Они поехали и упали на пол* (Токарева В.). Поскольку в исходном значении глаголов этой подгруппы не конкретизирована сема «среда перемещения», то при обозначении перемещения самих средств передвижения в типовом вторичном значении они могут использоваться по отношению к названиям как наземных, так и водных транспортных средств, например: *...лодка с мягким шуманием въехала в камыши* (Набоков В.).

МАС отражает данную модель в словарных толкованиях 12 глаголов перемещения с помощью транспортных средств либо в виде отдельных значений, либо в виде примеров, иллюстрирующих толкования.

Например: *подъехать* – 1. // Приблизиться к кому-чему-л. (о самих средствах передвижения) (МАС, т.3, с.232); *проехать* – 1. Совершить путь, проследовать куда-л., где-л., к кому-л., чему-л. и т.д. ... *Грузовик медленно проехал по широкой асфальтовой дороге* (Катаев В.) (Там же, т.3, с.484). Между тем в рассматриваемом типовом значении используются и другие префиксальные производные глагола *ехать*, например: *Приехала подвода из района с двумя представителями* (Можаев Б.); *От тротуара собиралось отъехать такси...* (Солженицын А.). Употребительность модели в подгруппе относительно низкая – 3,4% от всех словоупотреблений глаголов, несмотря на то что степень регулярности выше средней.

Таким образом, модель многозначности, основанная на нейтрализации семы «способ перемещения», характеризуется высокой регулярностью в подгруппах глаголов самостоятельного перемещения в жидкой среде, по воздуху и глаголов перемещения с помощью транспортных средств, употребительность же модели в первых двух подгруппах значительно выше. В целом употребительность рассматриваемой модели составляет 1,5% от всех словоупотреблений глаголов субъектного перемещения.

Модель многозначности, основанная на нейтрализации семы «среда перемещения». При нейтрализации дифференциального признака «среда перемещения» глаголы разных подгрупп: перемещения по твердой поверхности, в жидкой среде и в воздухе – сближаются и приобретают способность обозначать перемещение живых существ или предметов в любой среде, например глагол *ползти* обозначает медленное перемещение в воздухе: ... *в грохоте фугасок и ноющем однообразии фашистских бомбардировщиков, ползущих где-то вверху над головой* (Катаев В.).

Модель характеризуется высокой степенью регулярности во всех базовых подгруппах – МАС отмечает соответствующие модели значения у 57 глаголов перемещения по твердой поверхности, 11 глаголов перемещения в жидкой среде и 32 глаголов перемещения по воздуху. Толкования таких глаголов, как *идти, ходить, уйти, бежать, пробежать, скользить, ползти, подползти, летать, плыть, проплыть*, содержат

более одного значения, соответствующего рассматриваемой модели, например: *ползти* – 2. Очень медленно, с трудом идти, ехать, плыть ... // Медленно передвигаться, перемещаться в каком-л. направлении ... // Медленно двигаться, продвигаться, занимая собой какое-л. пространство (обычно о тучах, тумане, дыме и т.п.) (МАС, т.3, с.258); *бежать* – 2. Быстро передвигаться (о средствах передвижения) ... // Быстро перемещаться, нестись (о дыме, облаках, тени и т.п.) (Там же, т.1, с.68). Большинство глаголов имеет в своих словарных толкованиях одно значение данного типа, например: *вплыть* – // Плавно войти (Там же, т.1, с.222).

В подгруппе глаголов перемещения по твердой поверхности модель охватывает в основном глаголы, имеющие в исходном значении яркие ассоциативные семы, которые во вторичном значении выдвигаются на первый план: *ползти* (очень медленно, с трудом перемещаться), *ползать* и их префиксальные производные: *скользить*, *скользнуть* (легко, плавно перемещаться); *проскользнуть*; *бежать*, *бегать* и их производные, *выскочить*, *перемахнуть* и под. (быстро перемещаться). Глаголы перемещения по воздуху обозначают в рассматриваемом типовом значении быстрое, стремительное перемещение (*лететь*, *летать* и др.) или особо легкое перемещение (*порхать*, *порхнуть* и др.), а глаголы перемещения в жидкой среде – медленное, плавное перемещение.

Таким образом, главным ассоциативным признаком, который лежит в основе модификации значения, является «скорость движения» – в данном вторичном значении он выступает как дифференциальный, и глаголы перераспределяются по этому признаку в три группы: глаголы медленного перемещения – *плыть*, *ползти* и др.; глаголы быстрого перемещения – *лететь*, *бежать*, *проскользнуть* и др.; глаголы, нейтральные относительно скорости перемещения, – *идти*, *ходить*, *скользить* и др.

При реализации модели в первом ее варианте глаголы используются для обозначения перемещения живых существ. В этом варианте глаголы, нейтральные относительно скорости перемещения и не имеющие ярких ассоциативных признаков, используются очень редко, например: *Утки в ы ш л и из-за кривуна внезапно; держались они, хоронясь от коршуна, близко к воде, так что Живой бил по ним как бы сверху*

(Можаев Б.); ... и бабочка махаон у ш л а к солнцу (Анчаров М.); С с а м о г о д н а поднялись [сомы]. К р у г а м и п о ш л и возле лодки (Можаев Б.).

Употребительны в данном типовом значении глаголы, имеющие яркие ассоциативные признаки основного значения. Ассоциативный признак «легкость, бесшумность» выдвигается на первый план при употреблении глаголов движения «скользя»: *Адик отвел меня на место, а сам з а с к о л ь з и л в глубь зала, как конькобежец в одиночном катании* (Токарева В.); *Верди вошел, и тут же к нему бесшумно с к о л ь з н у л и двое младших слуг и приняли его плащ и берет* (Нагибин Ю.).

Наиболее употребительными в рассматриваемом типовом значении являются глаголы перемещения в жидкой среде и по воздуху. Так, глаголы перемещения в жидкой среде могут обозначать медленное, плавное перемещение живых существ в воздухе, например: *Стрижи п о д п л ы в а л и целой тучей медленно трепещущих стрел...* (Пастернак Б.). Те же ассоциативные признаки исходного значения – «медленность», «плавность движения» – актуализируются и при обозначении этими глаголами пешего перемещения, например: *Сначала спешили рабочие. Они проходили мимо мальчика деловито, не меняясь в лице. Потом служащие. Эти п л ы л и, с сумками – женщины, с портфелями – мужчины* (Битов А.).

Глаголы перемещения по воздуху используются в основном для обозначения пешего перемещения, актуализируя при этом признак «быстро, стремительно», например: *За дверью кабинета грянул страшный голос: «Курьера!» Делопроизводитель и секретарша мгновенно р а з л е т е л и с ь в разные стороны. П р и л е т е в в свою комнату, Коротков сел за стол...* (Булгаков М.).

При употреблении по данной модели глаголов микрогруппы перемещения ползком, то есть с участием всего тела, актуализируются такие ассоциативные признаки основного значения, как «малая скорость движения», «трудоемкость»: *Из второй коляски грузно в ы п о л з а л и француженка и экономка, одна вправо, другая влево* (Набоков В.). В следующем контексте актуализируется еще один яркий ассоциативный признак исходного значения – «непрерывность движения». Такая ассоциация возникает вследствие одновременного участия всех частей тела в

процессе движения ползком, и она выступает на первый план, когда глагол *ползти* обозначает перемещение большого количества людей, например: *...серые пролеты этажей дрожали под ногами процессии, которая ползла вниз по лестнице под полифоническое пение двух песен сразу...* (Анчаров М.).

Второй вариант модели связан с деперсонификацией – глаголы обозначают перемещение предметов, например: *...побежали, громко сигнала, автобусы...* (Берггольц О.); *...в высоком небе плыли редкие веселые облачка* (Распутин В.). Этот вариант модели реализуется в основном в двух типовых контекстах: в первом случае позицию субъекта замещают существительные, называющие средства передвижения, во втором – существительные, обозначающие жидкость, воздушные массы, небесные светила и т. п.

Более употребительным является обозначение перемещения транспортных средств. Одна из причин такой употребительности – использование в данном типовом значении самых частотных глаголов *идти*, *пойти* и др., нейтральных к обозначению скорости передвижения. Эти глаголы в таком употреблении синонимичны базовым идентификаторам ЛСГ – перемещаться, переместиться. Например: *Лифт мягко и точно шел вверх* (Булгаков М.); *Самолет пробил слой облачности и пошел горизонтально* (Грекова И.); *Теплоход подошел к шатким мосткам* (Крупин В.); *В сумерках особенно легко шел велосипед...* (Набоков В.).

Употребительны в данном типовом значении и глаголы, характеризующие движение как быстрое (*лететь*, *бежать* и др.) или медленное (*плыть*, *ползти* и др.). При употреблении таких глаголов актуализируются также и другие признаки из всего комплекса ассоциаций, присущих определенному виду движения. Например, у глагола *скользить* – «легко, без усилий», «бесшумно», «едва касаясь поверхности», «незаметно»: *...крелясь, в отдалении затаенно скользили серые, словно обсыпанные золою, русские заливчатские крейсера...* (Пиккуль В.). Глагол *плыть* и его производные обозначают не только медленное, но и плавное движение: *...зеленые громады возов, кольхаясь и благоухая, плыли селом,*

сквозь пятнистые тени млеющих лип (Набоков В.); *Щелкнул замок, лифт у п л ы л вверх* (Белов В.).

В отличие от первого варианта модели, для обозначения быстрого перемещения средств передвижения и других предметов используется не только глагол *лететь*, но и глаголы *бежать*, *бегать* и их префиксальные производные, например: *Ровно в шесть утра поезд в б е ж а л под купол брянского вокзала* (Булгаков М.); *Мы бездельничаем, а в миле от нас б е г а е т взад вперед могучий [ледокол] «Ермак»* (Концевий В.).

В наших материалах есть примеры употребления в рассматриваемом типовом значении не только всех префиксальных производных от глаголов *идти*, *ходить*, *бежать*, *плыть*, *ползать*, но и некоторых других глаголов, которые не имеют подобного значения в толкованиях МАС: *...п л е л и с ь груженные товарами купеческие телеги на железном ходу...* (Черкасов А.); *Поезд словно п о д к р а л с я к вокзалу, остановился внезапно и плавно* (Белов В.); *Наконец, всех позднее и в страшных попыхах, точно спрашивая у стоящих, не видали ли вагонов, не п р о б е г а л и ль, – задом-задом п о с п е ш а е т черный потный паровоз* (Пастернак Б.); *Машина через Колхозную площадь ю р к н у л а на проспект Мира* (Белов В.).

Обозначая в рассматриваемом типовом значении перемещение других предметов, глаголы актуализируют те же дифференциальные и ассоциативные признаки основного значения, что и при обозначении движения транспортных средств. Например: *По горизонту, вспыхивая и п е р е п о л з а я с места на место, бродили огни* (Грекова И.); *Редкие хлопья п р и п л ы в а л и из черной ночи. Они п о д п л ы в а л и к уличному фонарю, о п л ы в а л и его и, вильнув, пропадали из глаз* (Пастернак Б.); *Небольшая рыбка, юрко махнув хвостом, сиганула мимо его лица: от нее бисером б е ж а л и вверх блестящие пузырьки* (Грекова И.).

Особым вариантом рассматриваемой модели можно считать обозначение субъективно воспринимаемого как перемещение изменения картин в поле зрения перемещающегося субъекта, например: *По левому борту «Сунгари» п р о п л ы в а л и темные Курильские острова* (Пикуль В.). Описываемая ситуация особенна тем, что объект и субъект восприятия находятся в разных системах, одна из которых (где находится

субъект восприятия) движется относительно другой. В этом случае неизменная обстановка вокруг субъекта в движущейся системе воспринимается им как покой, а неподвижные объекты восприятия в покоящейся системе – как движущиеся. Именно поэтому к объекту восприятия и применяется глагол перемещения.

Значение этого типа фиксируется в МАС только у двух глаголов: *плыть* – 3. // Плавно проноситься, проходить (перед взором едущего в поезде, на машине и т.п.) (МАС, т.3, с.147); *убегать* – 2. //Проноситься (о предметах, мимо которых проезжают) (Там же, т.4, с.422). Однако использоваться в данном типовом значении могут и многие другие глаголы, например: *...под гору покатались быстро; торопливо и а б е г а л и торопливо же о т с т у п а л, отваливаясь на стороны, лес...* (Распутин В.); *В круглых окошках-иллюминаторах быстро мельчала у о а л я ю щ а я с я земля* (Грекова И.); *Я смотрела в окно. Мимо б е ж а л и пестрые подмосковные рощи в последних ключьях золотой осени. П л и, одна за другой, кирпично-казенные постройки полосы отчуждения, ш л и колодцы, сараи, заборы, ограды* (Грекова И.); *Как в прошлом, у л е т а л а, вернее о т л е т а л а от окна, как взмах крыла, черная линза пашни – рывком назад, потом, будто о т л е т е в вбок и описав дугу, в о з в р а щ а л а с ь на место, прежде чем плавно исчезнуть насовсем. Это крылатое пульсирование пейзажа за окном...* (Битов А.).

Употребляясь по отношению к имени неподвижного объекта восприятия, глагол характеризует перемещение субъекта восприятия с точки зрения скорости движения. Например: *...я подолгу стояла у окна... Мимо л е т е л и суровые, изможденные, отработавшие свое степи* (Грекова И.); *Сейчас она спит в вагоне, п р о м а х и в а ю т в темноте телеграфные столбы, сосны...* (Набоков В.); *А за окном [поезда] расстилалось пустое, серое, туманное поле. Обгоревшая избушка боком п р о с к о ч и л а мимо* (Берггольц О.); *...Скворцов уже ехал домой в автобусе... Огромный город м ч а л с я мимо, отражаясь в зеркальцах машин* (Грекова И.); *...впереди хрипло свистнул паровоз, исчез застекленный гигантский купол, и мимо окон п о б е ж а л и трубы, вагоны, поздний апрельский снег* (Булгаков М.). В этих контекстах ис-

пользование глаголов *лететь, промахивать, проскочить, мчаться, бежать* указывает на быструю смену картин перед взором едущего в поезде, автобусе субъекта восприятия и на большую скорость его перемещения. И наоборот, движение субъекта восприятия с небольшой скоростью передается глаголами *уходить, плыть, уплыть, отплывать*: ... [за окном кареты] особенно грустно у х о д и л и одна за другой в серую муть горящие рябины... (Набоков В.); ... автобус тронулся. Мимо п о п л ы л и дома, вывески, солнце в витринах (Набоков В.); ... Карцев включил первую передачу, и зеленый щит, на котором было написано, что до Москвы осталось всего 65 километров, стал у п л ы в а т ь назад... (Кунин В.); «Игнат» [пароход] ... вышел в 6 ч. 30 мин. ... Феодосия стала о т - п л ы в а т ь назад и развернулась всей своей белизной (Булгаков М.).

Таким образом, рассматриваемая модель многозначности, имея базой три подгруппы глаголов самостоятельного перемещения по твердой поверхности, в жидкой среде и по воздуху, характеризуется высокой степенью регулярности во всех этих подгруппах. Употребительность же модели выше в подгруппах глаголов в жидкой среде и по воздуху – около 11.5% всех словоупотреблений глаголов в подгруппе; в подгруппе глаголов перемещения по твердой поверхности доля употреблений глаголов в соответствии с моделью составляет 2.8%.

Все варианты данной модели опираются на актуализацию ассоциативного в основном значении глаголов признака «скорость движения» и переход его в разряд дифференциальных; закономерно, что употребительность модели выше в тех подгруппах, глаголы которых имеют наиболее яркие ассоциативные признаки, связанные со скоростью, а также другими характеристиками движения. Значимость ассоциативного признака «скорость движения» для глаголов перемещения настолько велика, что некоторые исследователи рассматривают его в качестве дифференциального (Пастухова Л.Б., 1983) и все без исключения отмечают его роль в образовании переносных значений глаголов движения (см. Бахмутова Н.И., 1984; Гак В.Г., 1977; Чудинов А.П., 1988; Шмелев Д.Н., 1973; и мн. др.). А.П. Чудиновым подобные вторичные значения квалифицируются как проявления в ЛСГ глаголов движения частной

модели многозначности, охватывающей большое количество глаголов разных ЛСГ. – актуализации признаков интенсивности или экстенсивности действия.

В целом употребительность рассматриваемой модели составляет около 3% от общего количества словоупотреблений глаголов субъектного перемещения.

Модель многозначности, основанная на одновременной нейтрализации сем «способ» и «среда перемещения». В соответствии с данной моделью глаголы самостоятельного перемещения обозначают перемещение с помощью транспортного средства безотносительно к среде, например: *К а т а л и с ь на лодке, на велосипедах, по вечерам всей компанией сидели в Новом парке на душистом сене* (Нагибин Ю.).

В МАС как отдельное значение эта модель зафиксирована только в словарных толкованиях глаголов *ходить, идти, уйти и кататься*, у других же данное вторичное значение не отграничивается от обозначения перемещения самих транспортных средств, например у глаголов *по-дойти, пройти*. Ср.: *уйти* – 1. //Уехать по воде, по воздуху (на каком-л. транспортном средстве) (МАС, т.4, с.477), но *пройти* – 3. Проехать, проплыть, пролететь (о средствах передвижения или на каком-л. из средств передвижения) (Там же, т.3, с.491). В толкованиях глаголов *ползти, вылететь, пролететь, подлететь* рассматриваемое значение представлено только примерами, например: *пролететь* – 2. Быстро проехать, промчаться ... *Купец Белобрюхов п р о л е т е л на тысячном рысаке, запряженном в одноколку*. (Салтыков-Щедрин М.Е.) (Там же, т.3, с.499).

Между тем вторичные значения, образованные по данной модели, наблюдаются не только у этих глаголов или образованных от них, например: *И как же глупо п л у т а т ь на такси и брать шофера в свидетели* (Солженицын А.); *В ы с к о ч и л и [на мотоцикле] на холм, миновали последнюю городскую бензоколонку* (Астафьев В.).

Ассоциативный признак основного значения «большая скорость движения» выдвигается на первый план при употреблении в данном значении глаголов перемещения по воздуху, например: *... оттуда с разбойным свистом и гиканьем в ы л е т е л Прохор Урваев. На гремучей*

немазаной телеге, в которую был запряжен Громобой, единственный живой конь в Пижме (Абрамов Ф.). Противоположный признак «малая скорость движения» актуализируется у глагола *ползти*: *Туман стал гуще, зарокотало железо: мы медленно п о л з л и [на поезде] по железному мосту (Берггольц О.)*.

Могут актуализироваться также и другие ассоциативные признаки, например «плавно, без резких движений» у глаголов перемещения в жидкой среде: – *Так вот, я говорил: мы молча вошли сюда [в лифт], еще не зная друг друга, молча п о п л ы л и вверх и вдруг – стоп (Набоков В.)*.

Одновременная нейтрализация сем «способ» и «среда перемещения» наблюдается при употреблении глагола *лавировать* в значении «двигаться не прямо, зигзагами, обходя препятствия» (МАС, т.2, с.158), например: *Проводив папу, все, в том числе и монахи, заговорили о чем-то своем, житейском и, весело л а в и р у я среди машин, шумным потоком ринулись на прямую широкую виа Кончилационе (Некрасов В.)*.

Второй вариант модели – обозначение перемещения различных почтовых отправок. Такой вариант отражается в МАС как отдельное значение у девяти глаголов пешего перемещения по твердой поверхности (*идти, пойти, уйти, прийти* и др.), а также у глагола *прибыть*, хотя в этом случае скорее отражается наиболее частотная сочетаемость данного глагола, так как семный состав значения остается неизменным.

Глаголы самостоятельного перемещения по твердой поверхности, обозначая перемещение почтовых отправок и грузов, утрачивают не только семы «способ» и «среда перемещения», но и сему субъекта «живое существо», в результате чего их значения в значительной мере обобщаются. Например: *П р и ш л а «сверху» бумага, где объяснялось, что мы на особом режиме... (Приставкин А.)*; *Не понимаю, как можно отправить назад п р и ш е д ш и е на твой адрес лекарства... (Некрасов В.)*. В этих контекстах глагол *прийти* обозначает прибытие в общем виде.

Другие глаголы, в том числе и других подгрупп, также способны употребляться в соответствии с данным вариантом модели – при этом на первый план выдвигаются дифференциальные и ассоциативные семы основного значения этих глаголов: «в большом количестве», «непрерывно», «быстро», «с трудом». Например: *Сюда со всех концов ки-*

тежской земли с т е к а ю т с я вести в проштампованных конвертах (Тендряков В.); П о л е т е л и срочные донесения в Петербург (Паустовский К.); Шевченко ликовал, а приказ об освобождении медленно п е р е п о л з а л из одной канцелярии в другую ... и путь в три тысячи верст приказ ш е л почти три месяца (Паустовский К.).

Наиболее употребительными в значении, соответствующем этому варианту модели, являются глаголы *прийти, прийти*.

Таким образом, рассматриваемая модель многозначности, реализуясь в двух вариантах, характеризуется разной степенью регулярности и употребительности в различных подгруппах глаголов субъектного перемещения. Высокая степень регулярности модели отмечается в подгруппе глаголов перемещения по твердой поверхности, употребительность составляет около 1,3% от всех словоупотреблений глаголов в подгруппе. В семантических структурах глаголов перемещения в жидкой среде и по воздуху модель реализуется с меньшей степенью регулярности и характеризуется низкой употребительностью.

В целом употребительность рассматриваемой модели составляет 1,3% от общего количества словоупотреблений глаголов перемещения.

Таким образом, подводя итог рассмотрению моделей регулярного лексико-семантического варьирования в пределах ЛСГ глаголов перемещения, можно отметить, что эти модели являются результатом взаимодействия различных типов моделей глагольной многозначности: общих, основанных на изменении семы субъекта действия; частных, основанных на актуализации признаков интенсивности или экстенсивности действия; специальных, основанных на нейтрализации специфических для данной ЛСГ дифференциальных признаков «способ» и «среда перемещения». Наибольшее количество рассматриваемых регулярных вторичных значений наблюдается в подгруппах глаголов самостоятельного перемещения в определенной среде.

Последовательный анализ моделей позволил определить употребительность в речи каждой из них. Наиболее коммуникативно значимой является модель, основанная на нейтрализации семы «среда перемещения», ее употребительность составляет в среднем по подгруппам 3%. При нейтрализации семы «среда перемещения» ассоциативный в основном значении гла-

голов признак «скорость движения» выдвигается на первый план и приобретает статус дифференциального.

В целом употребительность моделей многозначности, основанных на нейтрализации дифференциальных признаков, составляет незначительную часть всех глагольных словоупотреблений – всего 6,6%, однако в отдельных подгруппах глаголов она значительно выше. Например, в подгруппах глаголов перемещения в жидкой среде и по воздуху употребительность в регулярных вторичных значениях, не выходящих за пределы ЛСГ «перемещение», составляет, по нашим данным, более 36% от всех словоупотреблений глаголов этих подгрупп.

Употребительность моделей многозначности, основанных на нейтрализации категориально-лексической семы «перемещение»

Глаголы субъектного перемещения различными своими значениями ориентированы на самые разные понятийные сферы, в определенных контекстах они могут использоваться для передачи психических процессов – восприятия, интеллектуальной деятельности, эмоционального состояния человека, его социальной деятельности, межличностных отношений, а также бытийного состояния явлений неживой природы, осуществления событий.

Изменение категориально-лексической семантики глаголов перемещения происходит в условиях того или иного конкретного лексического окружения, обычно в сочетании со словами, не содержащими в своей семантике признака «перемещение», что и приводит в соответствии с законом семантического согласования (Гак В.Г., 1977) к утрате глаголом категориально-лексической семы. При этом может иметь место обобщение категориальной семантики или замещение семы «перемещение» другой категориально-лексической семой. В первом случае глаголы субъектного перемещения обозначают процесс как таковой – протекание (времени, события); во втором – распространение (звуков, света, запаха), положение предмета в пространстве или существование (в основном мыслей,

намерений, чувств). Таковы наиболее регулярные модели многозначности глаголов субъектного перемещения, основанные на нейтрализации категориально-лексической семы.

Разумеется, перечисленные четыре модели далеко не исчерпывают всех случаев развития однотипных вторичных значений, выходящих за пределы ЛСГ «перемещение». Остальные модели охватывают меньшее количество глаголов и являются малоупотребительными: употребительность каждой, по нашим данным, не превышает 0,5% от всех словоупотреблений глаголов субъектного перемещения.

Рассматриваемые модели многозначности проявляются во всех подгруппах, за исключением подгруппы перемещения с помощью транспортных средств, поэтому, определяя употребительность каждой модели, мы вычисляем долю от общего количества словоупотреблений глаголов пяти подгрупп, что составляет 4504 словоупотребления.

Модель многозначности, основанная на обобщении категориально-лексической семы. В рассматриваемом типовом вторичном значении глаголы субъектного перемещения сочетаются с существительными, обозначающими время, событие, действие, в позиции субъекта действия, например: *время и д е т, операция п р о ш л а успешно*. Такие существительные обозначают процесс, то есть «нечто, протекающее во времени», – это протекание и обозначается в таких контекстах глаголами субъектного перемещения. Ф.С.Бацевич определяет протекание как такой тип глагольного действия, для которого «характерно представление бытийного состояния как односторонне направленного (прошедшее → настоящее → будущее) движения в виде самопроизвольного выражения сущности референта имени субъекта» (Бацевич Ф.С., 1990, с.56). Рассматриваемое типовое значение имеют только глаголы направленного перемещения.

Модель охватывает все подгруппы глаголов субъектного перемещения, наибольшей степенью регулярности характеризуется в подгруппах глаголов неконкретизированного перемещения и перемещения по твердой поверхности – соответственно 19 и 25 глаголов этих подгрупп

имеют в МАС соответствующие модели значения (общее количество таких глаголов в пяти подгруппах – 60). Толкования в МАС различаются степенью подробности при отражении данного типового значения: от шести семантических позиций в толковании глагола *идти* до одной семантической позиции с указанием на ограниченную сочетаемость в толковании глагола *ползти*. Ср.: *идти* – 11. Лить, падать (об осадках) ... 12. Протекать, проходить ... 13. Длиться, продолжаться ... 14. Иметь место, происходить, совершаться ... //Ставиться, показываться (о пьесе, спектакле и т.п.) ... //(обычно с обстоятельственными словами) Иметь течение, ход. (МАС, т.1, с.632); *ползти* – 4. Медленно идти, протекать (о времени) (там же, т.3, с.258). Большинство глаголов имеет толкование такого типа: *промчаться* – 2. Быстро, незаметно пройти, миновать (о времени, событии) (Там же, с.504).

В соответствии с типами имен субъектов действия можно выделить три варианта модели: 1) течение времени; 2) осуществление события, действия; 3) выпадение осадков (варианты перечислены в порядке употребительности).

При замещении позиции субъекта действия существительным *время* и другими, обозначающими промежуток времени, категориально-лексическая сема у глаголов субъектного перемещения предельно обобщается и они обозначают процесс последовательной смены временных отрезков – «течение» времени, например: *Но время шло – день за днем, неделя за неделей* (Одоевцева И.); *Воскресенье это прошло у меня через пень-колоду* (Петрушевская Л.).

Субъективно течение времени может восприниматься как более или менее быстрое: *Удивительная вещь – время. Мы думаем, что оно течет равномерно, мера всему, а оно идет неровно. Поэтому почти неподвижно (тоже на вытязении), видишь каждую подробность, как в лупу, то вдруг скачет во весь опор мимо подробностей* (Грекова И.); поэтому у глаголов в рассматриваемом значении часто актуализируется признак интенсивности/экстенсивности действия.

Семантический признак основного значения «большая скорость движения» сохраняется при употреблении во вторичном значении у гла-

голов мчаться, промчаться, нестись, пронестись, промелькнуть, проскочить, например: *Лето промчалось вместе с ворчливыми и почему-то слишком частыми в тот год грозами...* (Белов В.); *Дни в Нице проносятся легко, быстро и приятно* (Одоевцева И.); *Известно: первые десять дней мая -- безалаберные, перескакивают с праздника на праздник...* (Орлов В.).

Ассоциативный в основном значении некоторых глаголов перемещения признак «скорость движения» выдвигается на первый план и приобретает статус дифференциального в данном типовом значении, что наглядно демонстрируется следующими контекстами, где указанный признак является основой для противопоставления: *Каждый отдельный день тянулся невыносимо, но недели, а особенно месяцы летели залпом* (Гинзбург Е.); *Эта неделя не шла, а вязла, застревала, цеплялась всеми своими подробностями* (Грекова И.). Ср. также: *Минуты сегодня летели, часы бежали* (Белов В.); *Идут минуты, ползут окающие, каждая, как целая жизнь...* (Грекова И.).

Течение времени, не прерываемое какими-либо выдающимися событиями, потрясениями, обозначается обычно глаголами перемещения водных потоков, например: *А жизнь, наша жизнь, потекла в своем обычном русле, в заботах о дне насущном...* (Приставкин А.); *Время льется, как масло, слишком бесшумно* – так описывает В.Тендряков жизнь тихого провинциального городка, небогатую событиями.

Размеренность течения времени подчеркивается использованием глагола *шествовать*: *И как подобает природе вещей, весна сменялась летом, лето осенью. Зимой заматали снега. Так шествовали годы* (Пильняк Б.).

Употребление глаголов, не имеющих в основном значении дифференциальных признаков «скорость движения» или «непрерывность» и ярких ассоциативных признаков, связано в большинстве случаев с обозначением начала и конца определенного промежутка времени: *Ночь минула тяжкая, судная* (Черкасов А.); *Весна в тот год подошла рано...* (Пастернак Б.); *Это шаги старости ... к разным людям она приходит по-разному* (Искандер Ф.). Дифференциальный признак «отношение к ориентиру» видоизменяется и, выражая в соответст-

вии с моделью отношение к некоей точке отсчета на временной оси, указывает на приближение во времени к данной точке и соответственно начало нового периода (глаголы достижения) или удаление от нее и окончание связанного с ней периода времени (глаголы удаления и перемещения относительно промежуточного пункта).

Безусловным лидером по частотности в рассматриваемом типовом значении является глагол *пройти* – 40% от всех словоупотреблений глаголов субъектного перемещения в этом значении.

Второй вариант модели – обозначение глаголами субъектного перемещения осуществления события. Глаголы, не имеющие в основном значении дополнительных семантических признаков, характеризующих перемещение с точки зрения интенсивности, особенностей самого движения или пути, и не обладающие ярким ассоциативным ореолом, – *идти, пройти, проходить, прийти* и подобные – указывают лишь на сам факт осуществления действия и события и его фазу. Например: *Теперь мучительная тревога терзала и его. Уже шли аресты* (Гинзбург Е.); *Летом, в хорошую погоду, политзанятия проходили обычно не в помещении, а на опушке небольшой рощицы...* (Войнович В.); *Подойдет базар – пойду я, куплю себе корову...* (Можаев Б.); *Настоящее озверение произошло в 1937 году; но тогда оно коснулась всех одинаково* (Искандер Ф.).

Поскольку в этом случае глаголы обозначают лишь процесс как таковой, то есть семантически опустошаются, в предложении они чаще всего сопровождаются словами, характеризующими этот процесс с какой-либо стороны: *Он просидел все утро в монтажной, дело не ладилось, шло через пень-колоду...* (Эдлис Ю.); *В Тригорском и в монастыре экскурсия прошла благополучно* (Довлатов С.); *...испытания его [махолета] проходила под неизменным надзором милиции* (Искандер Ф.).

Указанные глаголы – *идти, пройти, проходить* – чаще других употребляются в рассматриваемом типовом значении, что находит отражение в структуре их словарных статей: у глагола *идти*, например, МАС выделяет три оттенка значения данного типа, у глагола *пройти* – два, а гла-

гол *проходить*¹ имеет, кроме ссылки на все значения глагола *пройти*, отдельное значение «иметь место, происходить где-либо» (МАС, т.3, с.542).

При употреблении в данном типовом значении глаголов, обладающих дополнительными семантическими и ассоциативными признаками, происходит их актуализация. Например, у глаголов *следовать*, *последовать* сохраняется признак «вслед за чем-либо», который в рассматриваемом значении указывает на то, что действие или событие происходит сразу после другого события: *Попов ворвался в камеру ... и срывающимся от гнева голосом произнес короткую речь ... Однако карцеров, лишений прогулки или библиотеки не п о с л е д о в а л о* (Гинзбург Е.). Противоположный признак актуализируется при употреблении глагола *предшествовать*: *События официального плана, п р е д ш е с т в о в а в ш и е близкому знакомству между Мариной и Зубовым, были вот какого рода...* (Петрушевская Л.).

Семантический признак интенсивности действия актуализируется у глаголов *нестись*, *понестись*, например: *С этого момента события не с л и с ь с головокружительной быстротой* (Гинзбург Е.); *С пожара все началось, рухнуло, н о не с л о с ь в безудержном вихре кружения и гибели. Удары и беды сыпались непрерывно* (Одоевцева И.).

Реализация третьего варианта модели связана с замещением позиции субъекта действия существительным, называющим атмосферные осадки, например: *Наступили сумерки, и редкий мокрый снег п о ш е л с неба* (Булгаков М.). Такие существительные – *дождь*, *ливень*, *снег*, *град* – совмещают в себе предметную (вещественную) и процессуальную семантику, что предопределяет обозначение глаголом перемещения как собственно процесса, осуществления данного события, так и движения вещества – дождевой влаги, снежных кристаллов, града.

Особенно ярко это проявляется при употреблении глаголов *течь*, *струиться*, *цедиться*, *сочиться*, *хлынуть* (о дожде), так как они в основном значении обозначают перемещение потоков воды – эти семы остаются актуальными наряду с доминирующей в таком употреблении семой «бытийное состояние». Актуализация семы «перемещение» происходит также при употреблении глаголов *лететь*, *порхать* (о снеге), что связано как с дифференциальной семой «среда перемещения», так и ас-

социативной семьей легкости данного вида перемещения. Ср.: ... *с утра пошел мокрый снег вперемешку с дождем* (Можаяев Б.) и ... *тонко дует ветер, снежок летит над черным льдом* ... (Петрушевская Л.). Сохраняется сема «перемещение» и у глагола *валить*², который в данном типовом значении характеризует процесс как интенсивный, например: *За окном снег валит так густо, что казалось, будто одни и те же крупные, неспешные снежинки пляшут, не опускаясь на землю* ... (Эдлис Ю.).

Однако употребительными в рассматриваемом значении являются глаголы, при использовании которых наблюдается полная утрата семы «перемещение», – *идти, пройти, пойти, миновать*, передаются лишь грамматические значения времени, наклонения, фазисности. Ср.: *Дождь идет дождь; Снег пошел = Снег начался; Дождь прошел, миновал = Дождь прекратился*.

В работе В.Д. Дмитриевой (1986) приводятся примеры метафорического употребления многих других глаголов субъектного перемещения – *бродить, бежать, мчаться, нестись, скакать, прыгать, красться, догонять* и др. – в поэтической речи, что свидетельствует о продуктивности модели, однако эти примеры относятся к поэтическим, «нестершимся» метафорам и связаны с олицетворением природного явления.

Таким образом, рассматриваемая модель многозначности реализуется в трех вариантах. Первый вариант – течение времени – опирается на актуализацию признака интенсивности / экстенсивности действия и широко охватывает характеризованные глаголы субъектного перемещения, он наиболее употребителен. Для обозначения осуществления события и выпадения осадков (второй и третий варианты) характеризованные глаголы используются гораздо реже, наиболее важным в этих случаях оказывается значение фазисности. При использовании наиболее общих глаголов пешего перемещения *идти, пойти, пройти* в рассматриваемом типовом значении наблюдается их десемантизация.

В целом употребительность рассматриваемой модели составляет 4% от общего количества словоупотреблений глаголов субъектного перемещения.

Модель многозначности, основанная на замещении категориально-лексической семы семей «распространение». В соответствии с рассматриваемой моделью глаголы субъектного перемещения обозначают распространение звуков, запахов и других субстанций, которые, достигая соответствующих органов чувств человека, вызывают определенные ощущения, например зрительные или слуховые. Соответствующее модели значение реализуется глаголом *долетать* в следующих контекстах: *Издалека до л е т а л и мощные, густые, ликующие звуки пасхальных колоколов Нотр-Дам и Сакре-Кёр...* (Катаев В.); *Запах все еще холодной воды до л е т а л от Москвы-реки вместе с теплыми вздохами ветра...* (Белов В.).

Распространение в окружающей среде и способность вызывать ощущение являются сущностными свойствами таких субстанций, как звук, свет, запах, поэтому глаголы субъектного перемещения в данном типовом значении содержат две категориально-лексические семы: «движение» (распространение) и «восприятие». Дифференциальный признак основного значения «отношение к ориентиру» также видоизменяется – он принимает только два значения: глаголы удаления указывают на местоположение источника звука, света и т.п., а глаголы достижения на местоположение воспринимающего субъекта.

Рассматриваемая модель многозначности характеризуется широтой охвата глаголов субъектного перемещения и высокой степенью регулярности – у 52 глаголов всех подгрупп МАС фиксирует значение данного типа, например: *промчатся* – 1. // Прозвучать, быстро разносясь (МАС, т.3, с.504); *плыть* – 2. // Распространяясь, слышаться (о звуках, запахах) (Там же, т.3, с.147). В большинстве своем это глаголы достижения – *принестись, влиться, долететь, добежать, докатиться* и т.п. Такие глаголы чаще других используются в рассматриваемом типовом значении, и содержащееся в них указание на местоположение воспринимающего субъекта значительно усиливает сему «восприятие», почти вытесняя сему «движение». Толкование глагола *литься* содержит две семантические позиции, отражающие данную модель: 1. // Распространяться, струиться (о свете, запахе)... // Раздаваться, нестись (о размерен-

ных, плавных звуках чего-л.) (МАС, т.2, с.189), а у глагола *хлынуть* модель отмечается лишь как особое употребление.

Наиболее частотно употреблены глаголы перемещения для обозначения распространения звуков. Использование в этом значении преимущественно глаголов неконкретизированного перемещения, имеющих в своей семантике указание на высокую скорость движения, и глаголов перемещения в воздухе, ассоциирующегося также со скоростью, связано с представлением о высокой скорости распространения звуков и привычной средой их распространения. Например: ... *через дачную веранду или, может, через окно в ы л е т а л и в летнюю ночь, рассыпались и таяли в темноте невыразимо прекрасные звуки* (Белов В.); ... *все бледнели и по камере л е т е л и шелестящие, произносимые пересошими губами слова...* (Гинзбург Е.); ... *все было полно исступленно-веселого звона и гудения, а надо всем этим н е с с я серебряный, чуть грустный голос фанфар...* (Берггольц О.).

При употреблении глаголов других подгрупп в данном значении актуализируются дифференциальные и ассоциативные признаки этих глаголов, которые в этом случае в основном характеризуют особенности самих звуков. Так, напевность мелодии, непрерывность звучания, богатство музыкальных звуков тонами и обертонами ассоциируются с движением водного потока (одновременного и непрерывного перемещения множества частиц): ... *опять изо всех окошек трактира ... тягуче в ы т е к л о уже хорошо знакомое: «Все птички-канарейки / Так жалобно поют...»* (Пикуль В.); *По рядам р а з л и в а л о с ь глухое и щиплющее сердце пение...* (Булгаков М.); ... *приемник, из которого т е к л а перебегающая фортепьянная музыка* (Солженицын А.).

Характерные особенности фортепьянной музыки с ее отрывистыми звуками передаются с помощью причастий *перебегающая, бегущая*: *Освобожденная бегущая мелодия семнадцатой сонаты п о л и л а с ь в чистоте...* (Солженицын А.). Ср. также: *А с дальнего притока... исподволь н а б е г а л а заборная скоропалка динамо-машины* (Пастернак Б.).

Распространение звуков низкого тона, часто и небольшой интенсивности, передается обычно с помощью глаголов перемещения, имеющих в

основном значении признаки «небольшая скорость» или «трудоемкость движения». Так, толкование глагола *ползти* в рассматриваемом значении содержит уточнение – «о негромких, нерезких звуках» (МАС, т.3, с.258); указанные признаки актуализируются также и при употреблении глаголов *плыть, проплывать* в следующих контекстах: ... так как человек, пробега в тесноте храма, задел плечом бронзовый гонг, то в воздухе волнами п л ы л приглушенный гул... (Катаев В.); ...напряглась, натянулась, вслушиваясь, собирая в одно слабые п р о п л ы в а ю щ и е мимо звуки (Распутин В.).

Глагол *катиться* и его производные специализированы для обозначения распространения гулких, грохочущих звуков переменной интенсивности, что отражается в словарных толкованиях МАС, например: *прокатиться* – 2. // Прозвучать (о раскатистых звуках) (МАС, т.3, с.493). Ассоциативный признак основного значения «интенсивность действия» проявляется у этих глаголов в рассматриваемом типовом значении как «громкость звучания»: ...тогда по степи прокатились далекие огромные дроги грома; разорвалось небо молнией, – грома не д о к а т и л о с ь (Пильняк Б.).

Признак «интенсивность действия» может также проявляться как «большая скорость распространения», например: *Но вода все-таки чуть колыхалась. И шорох время от времени п р о к а т ы в а л с я* вдоль берега (Конечкий В.). Глагол интенсивного действия может одновременно характеризовать и силу звука, и скорость его распространения, например: *Не один, а множество криков и стонов истязаемых людей в о р в а л и с ь сразу в открытые окна камеры* (Гинзбург Е.); *Гулко п р о к а т и л а с ь по плацу напряженно-мелкая дробь двенадцати барабанов* (Гроссман Л.). И наоборот, глаголы, обозначающие медленное, затрудненное перемещение, используются для характеристики слабых, медленно распространяющихся звуков: *Шум поездов, особенно ясно слышный по ту сторону коридора, д о б и р а л с я и сюда...* (Набоков В.); *На меня надвигается какая-то темнота. Голос чтеца сквозь эту тьму п р о с а ч и в а е т с я ко мне, как далекий мутный поток* (Гинзбург Е.).

Обозначение распространения звуков нехарактеризованными глаголами перемещения встречается редко. например: *По толпе прошел шум* (Войнович В.); *Скрежет шел от трамваев, они звякали внизу* (Булгаков М.).

Использование в рассматриваемом типовом значении глаголов ненаправленного перемещения также встречается редко, в основном применительно к существительному *эхо*, которое характеризует повторяющиеся звуки, обозначая явление отражения звуковых волн от предметов, например: *И, подхватив крик, эхо долго блуждало в глубине мертвого, застывшего в морозах каньона* (Пикуль В.).

В соответствии с рассматриваемой моделью глаголы перемещения обозначают также распространение света, запаха и (редко) тепла. Например: *Сошнин повернул руку с часами к свету, тускло сочащемся из давно не мытого окна...* (Астафьев В.); *...вонь взмывает, разносится по всему городу, заползает в каждое окошко, дверь, щель...* (Нагибин Ю.); *Там было тепло, от нагретой за день стены шел жар* (Казаков Ю.). Чаще других встречается использование в подобном значении глаголов перемещения водных потоков *литься, течь, сочиться, хлынуть* и др., при этом актуализируются признаки «непрерывность», «большая или меньшая интенсивность», например: *И розоватый свет льется через огромные окна в новую просторную школу* (Булгаков М.); *Какой ликующий поток света струится из дверного окошечка!* (Гинзбург Е.).

Употребительны в рассматриваемом значении также глаголы, которые нейтральны к обозначению интенсивности, но содержат указание на источник или воспринимающего субъекта, – *идти, исходить, дойти, доходить*: *...из щелей от заслонов шел красный свет* (Пильняк Б.); *От деревьев исходил сладкий, пряный запах...* (Домбровский Ю.); *Комната была длинной, окна и дверь были в разных концах, и до двери свет окна, и так слабый, еле уже доходил...* (Битов А.).

Вариантом рассматриваемой модели можно считать и обозначение глаголами перемещения распространения известий, слухов и т.п., которое предполагает не только физическое восприятие, но и осознание

полученной информации. Этот вариант модели характеризуется средней регулярностью и отражается в МАС по-разному: в некоторых случаях, например у глаголов *достичь*, *ползти*, распространение звуков, слухов и т.п. рассматривается как одно значение, в других, например *идти*, *пройти*, *нестись*, – как разные. Всего 25 глаголов имеют соответствующее значение в МАС, среди них нет глаголов перемещения в жидкой среде.

В основном для обозначения распространения слухов используются глаголы пешего перемещения, например: *Оттуда, из нового совхозного поселка, доходи и ли новости одна чудней другой* (Распутин В.); *Просто он знал много такого, что могло к нему прийти лишь из вторых-третьих рук...* (Нагибин Ю.); *...весть о приезде гусара... очень скоро разошлась по офицерским квартирам...* (Пильняк Б.); *Пошли разговорчики под газетный шелест, город начинал бродить, словно котел с хмельным пивом* (Тендряков В.).

Употребление глаголов *нестись*, *лететь*, *катиться*, *бежать*, *ползти* в данном типовом значении связано с актуализацией признака интенсивности/экстенсивности действия, например: *...где-то, за ним следом, и все обгоняя его, бежал слух и все уже чуть ли не вскакивали, когда он входил* (Битов А.); *...человеческий слух, пролетевший по Москве, о каких-то змеях...* (Булгаков М.); *По лагерям ползли и грозные слухи о скорых этапах на север* (Солженицын А.).

Отличительной особенностью данного варианта модели является более частое употребление ненаправленных глаголов перемещения (*носиться*, *бродить*, *ходить*, *гулять*), например: *Ведь у нас в Америке о Камчатке ходят легенды, будто здесь лисицами и соболями выстланы мостовые* (Пикуль В.); *Кроме «Спиро Хешовича» по судну бродит и еще одна данная ему кличка: «Разин»* (Конешкий В.); *К вечеру того дня история эта гуляла втихую из дома в дом* (Шукшин В.).

Таким образом, реализация рассматриваемой модели предполагает совмещение в значении глагола двух категориально-лексических сем: «движение» и «восприятие». Модель охватывает все подгруппы глаголов субъектного перемещения и характеризуется высокой регулярностью. При использовании глаголов в соответствующем модели значении наблюдается актуализация признака интенсивности или экстенсив-

ности действия, который проявляется либо как «скорость распространения», либо как «интенсивность звука, запаха, света».

Употребительность рассматриваемой модели многозначности составляет 1,8% от всех словоупотреблений глаголов субъектного перемещения.

Модель многозначности, основанная на замещении категориально-лексической семы семей «положение предмета в пространстве». В соответствии с рассматриваемой моделью глаголы субъектного перемещения обозначают расположение предметов в пространстве, например: *От Алма-Аты до Ташкента п р о х о д и т* большая дорога... (Домбровский Ю.); *...ш л и* по земле деревянные желоба водостока... (Набоков Ю.).

Некоторые глаголы субъектного перемещения совмещают в своей семантике два категориально-лексических признака: «перемещение» и «положение в пространстве», – занимая промежуточное положение между разными ЛСГ глаголов, однако сохраняя при этом типовую сочетаемость глаголов перемещения (*в о й т и* в комнату, *в ы й т и* из дома), поэтому обычно рассматриваются в составе ЛСГ глаголов перемещения. В.Л.Ибрагимова относит их к глаголам статической локализации одних объектов относительно других на том основании, что «сема перемещения низводится в их семной иерархии на уровень периферийной» (Ибрагимова В.Л., 1992, с.73). Варьирование семантики указанных глаголов, связанное с актуализацией той или иной категориальной семы, не рассматривается нами, так как не выходит за пределы одного значения.

Говоря о замещении категориальной семы, мы имеем в виду полную утрату глаголом семы «перемещение» при обозначении расположения в пространстве предметов, в большинстве своем жестко закрепленных за определенным местом, например дороги, леса, дома и т.п. Поскольку обычно глаголами перемещения обозначается положение в пространстве предметов, характеризующихся протяженностью и соответственно направленных в какую-либо сторону, дифференциальный признак «отношение к ориентире» сохраняет свою релевантность и указывает на расположение по одну сторону от пространственного ориенти-

ра (глаголы удаления и достижения) или по обе стороны (глаголы перемещения относительно промежуточного пункта). Например: *Нотр-Дам... (‘вооы у х о д я т к небесам, и где-то там, на недостижимой высоте, кирпично переплетаются... (Некрасов В.); Д о й д я до столовой, коридор сворачивал под прямым углом направо... (Набоков В.); ...косой конус озаренной пыли п р о х о д и л через угол письменного стола... (Набоков В.).*

Рассматриваемая модель многозначности охватывает две подгруппы глаголов субъектного перемещения: неконкретизированного перемещения и перемещения по твердой поверхности. Степень регулярности в последней группе выше – у 25 глаголов этой подгруппы МАС отмечает данное типовое значение, например: *бежать* – 5. Тянуться, простираться в каком-л. направлении (о дороге, тропинке и т.п.) (МАС, т.1, с.68), см. также толкования глаголов *идти, прийти, пройти, ползти, выступить, выступать* и др. В подгруппе глаголов неконкретизированного перемещения рассматриваемое значение имеют глаголы *следовать, предшествовать, достигать, выдвинуться, выдвигаться, раздвинуться, раздвигаться*.

Употребление в подобном значении глаголов других подгрупп встречается редко, например: *Вдаль убегал изрытый гусеницами большак, обсаженный пыльными деревьями. К нему т е к л и с полей и от деревень хилые тропинки и бугристые дороги (Астафьев В.); Отсюда, с горы, стало как бы светлей, и высокие, крытые шифером крыши домов с т р у и л и с ь с улицы на улицу живыми спокойными волнами (Распутин В.).* Такое употребление воспринимается как образная, «нестершаяся» метафора.

Глаголы *ползти, ползать*, употребляясь в данном значении, также воссоздают образ ползущей змеи: *...[узкоколейка] гаденькой каемкой п о л з л а по краям срывчатой низины... (Пастернак Б.); Теперь он [орнамент] занимал уже не только горлышко сосуда, но и весь сосуд целиком, з а п о л з а л вниз, устремлялся вверх, извивался змеей... (Домбровский Ю.).*

Семантический признак сложности траектории движения сохраняется при использовании в рассматриваемом значении глагола *петлять*, например: *Дорога стала петлять лесом, оврагами* (Казаков Ю.).

Глаголы субъектного перемещения, имеющие в основном значении дополнительные семантические признаки, редко используются для обозначения положения предметов в пространстве. Исключение составляет глагол *бежать* и его производные, которые обозначают расположение тропинок, небольших, узких дорог, например: *Он знал самый путь, то узкий, утрамбованный, бегущий вдоль опасной канавы, то мощный булыжниками...* (Набоков В.); *Кузница стояла у обочины полевого проселка, стороной обегавшего Малые Серпилки* (Носов Е.).

Наиболее частотны в рассматриваемом типовом значении нехарактеризованные глаголы субъектного перемещения по твердой поверхности *идти, уходить, выходить, проходить, пройти*, которые сочетаются с существительными, называющими самые разные предметы, а не только специально предназначенные для перемещения (дороги, туннели, проходы и т.п.). Наряду с такими существительными позицию субъекта при глаголе часто занимают названия любых длинных объектов, например: *Головной торец укладывается на узенькую, в обе ладони, скамью, которая идет по периметру камеры* (Конеский В.); *...ласковые морщинки отходили от ясных, умных глаз* (Набоков В.); *В окно проходил телефонный провод* (Пильняк Б.); *Внутрь уходил трос, подвязанный к корневичу* (Ажаев В.).

Несколько реже глаголами перемещения обозначается расположение ряда объектов, например: *Цепями огней светились бульварные кольца, и радиусы огней уходили к краям Москвы* (Булгаков М.); *Вокруг бюста шла надпись...* (Домбровский Ю.); *...большой лист, на котором шли столбцы наименований...* (Солженицын А.).

Глаголы перемещения, ориентированного относительно начальной или конечной точки пути, могут обозначать положение в пространстве любых объектов относительно других: *...на островах Шумшу и Парамушир, которые вплотную подходят к берегам Камчатки...* (Пикуль В.); *Нос Подмоги выдается в Ангару и чуть заходит за Матеру...* (Распутин В.); *...нигде в мире ... дикая природа не подходит*

д и т так близко к большому городу, как в Алма-Ате (Домбровский Ю.); ...в новом здании Большой Лубянки, в ы х о д я щ е м на Фуркасовский (Солженицын А.); Весь дачный участок... у х о д и л от веранды слегка под уклон (Белов В.).

Несмотря на то, что модель охватывает всего две подгруппы глаголов субъектного перемещения, употребительность ее составляет 1.6% от общего количества словоупотреблений глаголов субъектного перемещения.

Модель многозначности, основанная на замещении категориально-лексической семы семой «существование». В соответствии с рассматриваемой моделью глаголы субъектного перемещения обозначают существование каких-либо предметов, явлений, качеств, наблюдаемое или ненаблюдаемое. Например: *...на лице его... п р ы г а л а короткая жесткая улыбка (Распутин В.)* – наблюдаемое явление; *...с первых же слов п р и ш л а уверенность, что слова не совпадут с сутью (Нагибин Ю.)* – внутреннее ощущение, недоступное наблюдению. В основе переноса лежит внутренняя семантическая соотносительность (Гак В.Г., 1977, с.152) значения движения со значениями пребывания, возникновения, исчезновения: пришел, вошел – появился в поле зрения, ушел – исчез из поля зрения, прошел мимо – был в поле зрения некоторое время.

Модель охватывает все подгруппы глаголов субъектного перемещения и характеризуется высокой регулярностью в подгруппах глаголов неконкретизированного перемещения, перемещения по твердой поверхности и перемещения водных потоков. Всего 69 глаголов имеют в своих толкованиях соответствующие модели значения.

Анализ данных толкового словаря выявил отличия в формулировках значений рассматриваемого типа у разных глаголов перемещения. Во-первых, в толкованиях отражаются различия, обусловленные разницей в основных значениях глаголов. Так, глаголы достижения обычно обозначают начало бытия или появления для воспринимающего, а глаголы удаления – конец бытия или исчезновения для воспринимающего. Ср.: *прийти* – 4. Возникнуть, появиться где-л. или у кого-л., для кого-л.

(МАС, т. 3, с.412); *уплыть* – 2. // Медленно исчезнуть (Там же, т.4, с.503); *схлынуть* – // Сразу, мгновенно ослабеть, исчезнуть (Там же, т.4, с.317). Разница в толкованиях последних двух глаголов обусловлена разными дифференциальными и ассоциативными признаками их основных значений. Во-вторых, наблюдаются различия и в степени подробности описания значений, соответствующих рассматриваемой модели. Например, у глагола *явиться* выделяется четыре семантических позиции, связанных с описанием данного типового значения: *явиться* – 2. Предстать, показаться перед чьими-л. глазами... // Предстать в чьем-л. сознании, воображении ...//Появиться на свет, родиться... 3. Возникнуть, появиться (МАС, т.4, с.777), – тогда как у глагола *прийти*, сопоставимого по широте сочетаемости, только одно значение (см. выше). Более одного значения, соответствующего модели, имеют в своих толкованиях также глаголы *пройти*, *промелькнуть* (три значения), *уйти*, *унестись* (два значения). Толкования большинства глаголов содержат лишь одно значение данного типа и указание на ограниченную сочетаемость глагола в этом значении: *пронестись* – 1. // Быстро сменяя друг друга, пройти в сознании, в памяти (*о мыслях, воспоминаниях и т.п.*) (Там же, т.3, с.505); *прокрасться* – // Незаметно возникнуть, появиться (*о чувствах, мыслях*); *закрасться* (Там же, т.3, с.496); *вернуться* – 1. // перен.; обычно к кому вновь появиться, восстановиться (*о сознании, о настроениях, чувствах и т.п.*) (Там же, т.1, с.151).

Анализ словарных толкований, примеров, их иллюстрирующих, и фразового материала позволяет утверждать, что, несмотря на различия в формулировках словарных определений рассматриваемого типового значения, модель является высокорегулярной, продуктивной и употребительной лишь в трех типовых контекстах: 1) о мыслях, воспоминаниях, намерениях; 2) о чувствах, ощущениях, настроениях; 3) о внешних проявлениях чувств, ощущений.

Первый, наиболее употребительный вариант модели связан с обозначением глаголами перемещения динамики мыслительного процесса. Возникновение в сознании или исчезновение определенных мыслей, образов передается чаще глаголами с достаточно общим основным значением: *явиться, подступить, прийти, приходиться, войти и уйти, ухо-*

дить, выходить, покидать. Например: По нынешним временам, стало быть, дорогая вещь - только такое летучее соображение прежде и являлось (Орлов В.); Мысль о Лерке не угасала, наоборот, наоборот, по-д-ст упала ближе (Астафьев В.); Так вошло в мое сознание: Булгаков – писатель, радующий людей (Искрасов В.); Господи! Может ли прийти в голову мысль, хоть одна, которой я еще не думал. Я ими всеми уже думал... (Битов А.); Строки стихов – чужих и своих – вскипали и ухотили, и они были о разном, о многом... (Берггольц О.).

Употребление в рассматриваемом типовом значении характеризованных глаголов перемещения связано с актуализацией дополнительных семантических и ассоциативных признаков основного значения, например: *Мысли закрутились в голове Короткова метелью, и выпрыгнула одна новая: «Трамвай!» (Булгаков М.); Пораженная этой неожиданной новостью, которую надо было знать давно, но которая где-то потерялась и выскользнула из воспоминаний только теперь... (Распутин В.); Сидел у этой импровизированной елочки, заговорил что-то о своем блиндаже на плацдарме северней Пултуска, и вот – фронт! нахлынул фронт! и так живо, так сладко... (Солженицын А.).*

Для обозначения собственно мыслительного процесса, а не его фазы используются только характеризованные глаголы субъектного перемещения, эти глаголы с помощью дифференциальных и ассоциативных признаков основного значения создают образную картину мыслительного процесса, который обычно ассоциируется в нашем сознании со стремительностью, непрерывностью, невозможностью его остановить. Это обуславливает высокую употребительность в данном значении глаголов, имеющих в основном значении дифференциальный признак «большая скорость перемещения», – *нестись, носиться, понестись, пронестись, проноситься* и глаголов, имеющих соответствующий ассоциативный признак – *бежать, скользить, скользнуть, лететь*. Например: *Примерно так, наступая друг на друга, повторяясь, неслись мысли (Берггольц О.); И мысли так: вспыхивали, бежали, гасли (Грекова И.); Но эта мысль скользнула и ушла – она*

была не по адресу: у него ведь был сын (Битов А.); И целый день он переходил из садика в садик, из кафе в кафе, и его воспоминанье непрерывно летело вперед... (Набоков В.).

Непрерывность мыслительного процесса передается с помощью глаголов перемещения водных потоков, например: *Думы лились, как вода по камням. Прозрачные, бегучие* (Черкасов А.); *Так и мысль свою он увидел ... Вот же она! опять утонула* (Битов А.).

Употребление глаголов *ползти, ползать* связано с актуализацией ассоциативного признака основного значения «малая скорость движения»: *Сидя одна, без дела, я думала тоже как осенняя муха. Еле-еле ползали мысли* (Грекова И.); *Ничто не украшало его бесцветной тоски, мысли ползли без связи, сердце билось тихо, белое докучливо липло к телу* (Набоков В.).

Второй вариант модели – обозначение глаголами субъектного перемещения наличия чувства, настроения, ощущения. Для обозначения возникновения или исчезновения чувства также используются в основном глаголы перемещения с наиболее общими значениями; например: *Она не любила ребенка заранее. Эта любовь явилась к ней после рождения дочери* (Белов В.); *Ее уже не покидало недоброе чувство, что кто-то с самого начала подсматривает за ней...* (Распутин В.); *Но стоит отвлечься хотя бы на один день от земных забот, как сейчас же к нам возвращается чувство принадлежности ко вселенной, или, другими словами, чувство вечной свежести и новизны* (Катаев В.); *Настоящий предсмертный ужас пришел ко мне позднее; уже в Москве, в Лефортовской тюрьме* (Гинзбург Е.); *И тогда тошнота, безотчетное отчаяние подступают – и он снова смотрит в окно...* (Битов А.).

В отличие от первого варианта модели, для обозначения исчезновения чувства, ощущения часто используются глаголы *пройти, проходить*: *Темные предчувствия тогда овладели мной, но быстро прошли* (Булгаков М.); *Он уже принял нитроглицерин, но стеснение в груди не проходило...* (Грекова И.).

Употребление характеризованных глаголов субъектного перемещения в рассматриваемом типовом значении связано с актуализацией

признака интенсивности/экстенсивности действия, который в соответствии с моделью модифицируется и обычно указывает на силу охватившего чувства, например: *Пятерых из них охлынуло горько-сладкое ощущение родины...* (Солженицын А.); *И вдруг радость пропала, и нахлынул на него мутный и тяжкий ужас* (Набоков В.); *Где-то на дальних подступах ко мне подкрадывалась тоска холостяцкой жизни* (Белов В.); *... бессмысленная нежность, печальная теплота, оставшаяся там, где очень мимолетно скользнула когда-то любовь...* (Набоков В.).

Особенностью этого варианта модели является то, что глаголы перемещения приобретают значение фазисности и обозначают почти всегда возникновение или исчезновение чувства, настроения и т.п. Глагол *скользнуть* совмещает в себе значения появления и исчезновения, обозначая кратковременное и потому слабое чувство (см. пример выше). Случаи обозначения собственно наличия чувства единичны, например: *Но под спудом таких рассуждений – и это Иванов подсознательно ощущал – тихо струилась недоуменная горечь, может быть, даже жалость к Медведеву* (Белов В.).

Наличие различных внешних проявлений чувства, доступных непосредственному наблюдению, также может передаваться с помощью глаголов субъектного перемещения. Например: *Руська вздохнул, и вместе с выдохом с его лица ушло то напряжение и та беспокойная мысль* (Солженицын А.); *... едва заметной улыбкой, блуждающей по лицу...* (Астафьев В.). Наиболее частотно употребление в подобном значении глаголов *пройти, проходить, пробежать, пробегать, скользнуть, проскользнуть*, которые в этом случае обозначают кратковременное проявление чувства, указывая одновременно и на возникновение, и на исчезновение его. Например: *... судорожная улыбка прошла по его губам* (Набоков В.); *Нетерпеливое движение проскользнуло по розовым губам Сологдина* (Солженицын А.); *... по лицу ее скользнуло короткое, тут же улетучившееся облачко печали* (Эдлис Ю.); *... судороги пробежали по его побелевшему лицу с трясущейся бородкой и страшными глазами* (Катаев В.). Глаголы, характеризующие действие как интенсивное, – *пробежать, скользнуть* – противопостав-

ляются в этом значении нехарактеризованным глаголам *пройти*, *проходить*, так как обозначают более кратковременное, мимолетное, а потому малозаметное мимическое движение.

Таким образом, ассоциативный в исходном значении большинства глаголов признак интенсивности/экстенсивности действия регулярно актуализируется при использовании глаголов субъектного перемещения в рассматриваемом типовом значении. Употребительность данной модели многозначности составляет 3,1% от общего количества словоупотреблений глаголов субъектного перемещения.

Итак, рассмотренные нами модели многозначности, основанные на нейтрализации категориально-лексической семы «перемещение», являются результатом взаимодействия различных типов моделей глагольной многозначности: общих – деперсонификации и абстрактизации; частных, основанных на актуализации сем интенсивности или экстенсивности действия; специальных, основанных на замещении категориально-лексической семы «перемещение» другой семой. Наибольшей регулярностью все рассмотренные нами модели многозначности характеризуются в подгруппах глаголов неконкретизированного перемещения и глаголов самостоятельного перемещения по твердой поверхности.

Нейтрализация категориально-лексической семы «перемещение» характерна в большей степени для глаголов, не содержащих в исходном значении основных дифференциальных признаков, конкретизирующих категориально-лексическую сему, – «способ» и «среда перемещения», а также для глагола *идти* и его производных – именно эти глаголы охватываются всеми рассмотренными моделями и чаще других глаголов употребляются в соответствующих значениях.

Признак интенсивности/экстенсивности действия, ассоциативный для большинства глаголов субъектного перемещения в основном значении, регулярно актуализируется при использовании этих глаголов в типовых вторичных значениях и переходит в разряд дифференциальных.

Последовательный анализ моделей позволил определить употребительность в речи каждой из них. Наиболее употребительной является модель, связанная с предельным обобщением категориально-лексической семы, в соответствии с которой глаголы субъектного перемещения обо-

значают течение времени, осуществление действия, события, – ее употребительность составляет 4%. При использовании по этой модели глаголов пешего перемещения *идти, пойти, пройти* наблюдается их десемантизация, обозначение ими процесса в общем виде и его фазы; доля таких словоупотреблений в общем количестве словоупотреблений этих глаголов составляет более 11%. Этот факт, наряду с грамматикализацией этих же глаголов в определенных контекстах, позволяет объяснить попадание таких глаголов в состав самых частотных слов русского языка, которые в большинстве своем относятся к максимально абстрактной лексике.

Наименьшей употребительностью характеризуется модель многозначности, основанная на актуализации семы «положение в пространстве», – 1,6% от общего количества словоупотреблений, она же является и менее широкой по сравнению с другими моделями. Другие модели приблизительно одинаковы по широте охвата, по степени регулярности в подгруппе глаголов перемещения по твердой поверхности (эта подгруппа обеспечивает основной «вклад» в употребительность модели), но различаются по употребительности: существование (обычно мыслей, чувств) – 3,1%, распространение (звуков, слухов) – 1,8%. В целом употребительность моделей многозначности, основанных на нейтрализации категориально-лексической семы, составляет 10,5%.

Глава 4. Зоны многозначности

Внутренняя форма термина «многозначное слово» не вполне точно отражает сущность понятия: многозначным считается и слово, имеющее несколько десятков значений, и слово, имеющее два значения. Слово «много» в МАС-2 определяется как «в большом количестве, в значительной степени, не мало». Едва ли в русском языковом сознании «два» соответствует указанному толкованию слова «много».

Сказанное вовсе не означает призыва отказаться от термина «многозначное слово», заменив его термином «неоднозначное слово», внутренняя форма которого более точно соответствует сущности понятия, или употреблять термин «многозначное слово» только по отношению к лексическим единицам, у которых действительно «много» значений: как известно, внутренняя форма термина далеко не всегда соответствует его понятийному содержанию (Белова А.Ю., 1993; Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю., 1987; Комарова З.И., 1991, 1996). Речь идет только о том, что термин «многозначное слово» охватывает очень широкий круг разнообразных по своим свойствам лексем, а поэтому могло бы стать полезным автономное исследование многозначных слов с минимальным, средним и максимальным количеством значений.

Дифференциация на основе количества значений зон слабо развитой, развитой и широко развитой многозначности и специальное исследование полисемии в выделенных таким образом зонах позволяет более глубоко исследовать специфику системных связей в лексике, выделить лексические, лексико-семантические, грамматические и иные классы (группы, разряды, поля) слов, «тяготеющих» к той или иной зоне полисемии.

Проведение таких исследований сдерживает тот факт, что до настоящего времени не существует единого мнения о количестве зон (и подзон) многозначности, не сформированы общепризнанные критерии их выделения и дифференциации. Трудности в определении указанных критериев связаны, в частности, с дискуссионностью ряда общих проблем теории многозначности: отнесение того или иного конкретного слова

к определенной зоне многозначности нередко зависит от того, как исследователь решает вопрос о соотношении многозначности и омонимии, о соотношении отмеченного специальным номером значения и оттенка значения (а также других лексикографических обособлений), признает ли исследователь «лексическими» значения служебных слов, какими лексикографическими источниками пользуется исследователь и др. Иначе говоря, прежде чем приступить к конкретному анализу той или иной зоны многозначности, нужно определить критерии выделения этой зоны и ее лексический состав.

4.1. Критерии дифференциации зон многозначности

Проблема определения количества значений у слова

Как отмечалось многими исследователями (Кузнецова Э.В., 1989; Сулименко Н.Е., 1983; Ульманн С., 1970; Шведова Н.Ю., 1988; Шмелев Д.Н., 1973; и др.), едва ли можно выделить единые строгие критерии для разграничения значений многозначного слова, для дифференциации лексико-семантического и семного варьирования словесной семантики (Гак В.Г., 1977; Никитин М.В., 1988; Стернин И.А., 1985; Чудинов А.П., 1988; и др.). Показателен уже тот факт, что количество значений одного и того же слова в различных словарях (в том числе примерно одинакового объема) часто не совпадает. В настоящем исследовании не ставится задача уточнять количество значений, имеющих у того или иного слова, или рубрикацию этих значений: материалы толкового словаря принимаются как некая объективная данность, не подлежащая в процессе исследования пересмотру.

Но даже при таком подходе возникают серьезные проблемы. При сопоставлении публикаций различных авторов нередко оказывается, что для одно и того же слова со ссылкой на один и тот же словарь указывается разное количество значений. Например, в статье А.А.Поликарпова (1987) говорится, что у глагола *идти* в МАС зафиксировано 27 значений, а в статье С.В.Плотниковой (1994) – что этот глагол имеет 53 значения. Подобные примеры можно продолжить. В результате оказы-

вается очень трудно сопоставлять статистические данные, имеющиеся в различных публикациях: речь идет не только о количестве значений у того или иного конкретного слова, но и о подсчетах коэффициентов многозначности у различных разрядов слов, количественном составе зон многозначности и т.п. Поэтому прежде чем анализировать зоны многозначности, необходимо определить, что именно выделяется как отдельное значение слова, то есть придается ли статус отдельного значения оттенкам значения и другим лексикографическим обособлениям.

Одни языковеды при подсчете количества значений у слова учитывают только значения, выделенные особым номером, подчеркивая при этом, что только такая форма лексикографического обособления является показателем полной самостоятельности значения (см. публикации М.В.Арапова, 1988, Б.Н.Есимкулова, 1993, А.А.Кретьева, 1994, 1996, А.А.Поликарпова, 1987, Л.М.Попковой, 1995, В.К.Харченко, 1990 и др. Многие языковеды считают, что тип лексикографического обособления (номерное значение, оттенок значения, употребление) – это в известной степени формальность, а поэтому необходимо учитывать все реально выделенные в словаре лексико-семантические варианты слова (это характерно для публикаций Н.А.Боровиковой, 1986; Л.М.Васильева, 1971; Э.В.Кузнецовой, 1989; С.В.Плотниковой, 1996; А.П.Чудинова, 1988; Д.Н.Шмелева, 1973 и ряда других ученых).

Совершенно особую позицию занимает П.Н.Денисов (1984), который, с одной стороны, учитывает при подсчетах самые разнообразные семантические обособления (по его терминологии, «семантические позиции словаря»), а с другой – при выделении зоны самых многозначных слов русского языка считает границей высокой многозначности семь номерных значений или восемь «семантических позиций словаря». Таким образом, оказывается, что оттенки значений и оттенки оттенков хотя и выделяются как особые значения, но учитываются как значения менее важные, чем номерные значения. Получается, что одно номерное значение по своему весу приравнивается к двум оттенкам значения. С такой дифференциацией трудно согласиться в полной мере.

Как показывает специальное исследование К.С.Горбачевича и Ф.П.Сорокалетова, «оттенок значения» – это, скорее, не лексико-

семантический, а лексикографический термин, поскольку не удалось обнаружить каких-либо стабильно учитываемых и в теоретической семасиологии, и в лексикографии критериев дифференциации значения и оттенка значения; нередко однотипные семантические обособления у семантически близких слов в одном случае представлены в словаре как особые номерные значения, а в другом – как оттенки значения. В этой же публикации показано, что не существует отчетливых границ и между оттенком значения (выделяется в МАС при помощи двух параллельных вертикальных линий) и оттенком оттенка (употреблением), который выделяется в МАС при помощи одной вертикальной линии (Горбачевич К.С., Сорокалетов Ф.П., 1975).

Вместе с тем в данной публикации и особенно в более поздних работах выделен ряд специфических признаков, которые лексикографы в той или иной мере учитывают (далеко не всегда последовательно) при представлении соответствующего лексико-семантического варианта либо в виде номерного значения, либо в виде семантического обособления иного типа. Например, в статье Т.А.Корованенко (1995) отмечается, что изменение денотата, варьирование состава дифференциальных признаков, как правило, подается как номерное значение; с другой стороны, в книге Г.Н.Скляревской указывается, что «метафорические переосмысления» (типичный случай изменения денотата и семного состава) очень часто «представлены в словаре в виде оттенков» (Скляревская Г.Н., 1988, с.34–35). Подобные факты еще раз подтверждают непоследовательность лексикографов, а следовательно, нецелесообразность отказа от учета оттенков при исследовании многозначности.

В исследовании П.Н.Денисова (1984) предлагается дифференцировать многозначность диффузную (значения связаны между собой особенно тесно, что отражается в словаре в виде оттенков) и дискретную (значения более автономны, их легче дифференцировать; в словаре такие отношения между значениями отражаются при помощи присвоения каждому значению отдельного номера). Развивая эту мысль, можно высказать предположение о том, что противопоставление в словаре пронумерованных и пронумерованных лексико-семантических вариантов призвано прежде всего отразить различные типы связи между значениями

ми, различные типы значений, а не разграничить «полноправные» и «неполноправные» значения. Поэтому все отраженные в словарях лексико-семантические варианты слова должны учитываться при исследовании закономерностей многозначности, причем в процессе такого исследования на определенных этапах важно проанализировать специфику многозначности, отражаемую в словарях при помощи дифференциации пронумерованных и пронумерованных лексико-семантических вариантов слова.

Совершенно иной, чем оттенки значения, характер имеют приводящиеся в некоторых словарных статьях устойчивые сочетания слов, представляющие собой широкоупотребительные составные названия и термины (*железная дорога, магнитное поле* и т.п.). Слово в составе таких сочетаний теряет полноточность, превращаясь в часть комплексного наименования, близкого к фразеологизму, и уже едва ли может считаться лексико-семантическим вариантом заглавной лексемы. Поэтому при подсчетах количества значений мы учитываем любые лексико-семантические варианты, так или иначе выделенные в словарной статье, кроме тех, которые входят в состав приводимых в словарной статье фразеологизмов или близких к ним составных названий и терминов.

Окончательные данные о количестве значений у ряда слов могут быть представлены только после решения вопроса о том, должны ли эти данные учитывать омонимы, особенно омонимы, возникшие в процессе распада семантической структуры многозначного слова. Ответ на этот, казалось бы, простой вопрос далеко не очевиден.

Во-первых, в целом ряде исследований по статистике многозначности лексическая многозначность и омонимия не разграничиваются, то есть при подсчетах количества значений у слова включаются и значения слова-омонима. Это объясняется, с одной стороны, недостаточной теоретической и практической разработкой проблем дифференциации омонимии и многозначности, а с другой – особенностями компьютерных программ для анализа словарей и текстов (Алексеев П.М., 1975; Вишнякова С.М., 1976; и др.).

Во-вторых, современные академические словари обычно не отражают межчастеречную омонимию, точнее, отражают такую омонимию

в виде многозначности. Рассмотрим, например, словарную статью МАС-2, в которой описывается система значений слова *правда*.

1. То, что соответствует действительности; истина.

// То, что представляется кому-л. правильным, верным с точки зрения морали, этики, то, чем должен руководствоваться человек в своих поступках.

// Реалистическое изображение жизненных явлений в художественном произведении, на сцене и т.п.

2. То, что исполнено истины; правдивость.

// Разг. Правильность суждений или поступков, правота.

3. Справедливость, порядок, основанный на справедливости.

4. Истор. В составе средневековых названий сводов законов.

5. В знач. нареч. Верно, справедливо, в самом деле.

// В знач. сказ. Употребляется для подтверждения слов собеседника, означает: действительно, в самом деле так / В вопросе, требующем подтверждения.

6. В знач. вводного слова. Действительно, в самом деле.

7. В знач. уступительного союза. Хотя.

С точки зрения теоретической грамматики и лексикологии включение в описание семантики существительного *правда* несубстантивных значений (пятого, шестого и седьмого) не вполне правомерно, так как это не особые значения существительного, а омонимичные рассматриваемому существительному слова других частей речи. Такой подход вполне соответствует концепции Л.А.Новикова, который специально отмечает, что «критерии омонимичности» могут быть «лексико-грамматическими (для слов одной части речи) и категориально-грамматическими (для слов разных частей речи)» (Новиков Л.А., 1995, с.41), то есть рассмотренные выше лексико-семантические варианты слова *правда*, относящиеся к разным частям речи, – это омонимы. К несомненной омонимии Л.А.Новиков относит и словообразовательные омонимы – производные от одного и того же корня (ср. *финка* – женщина финской национальности и *финка* – особая разновидность ножа).

Однако рассмотренная выше словарная статья на слово *правда* вовсе не является исключением: в практической лексикографии «при

колебании между многозначностью и омонимией вопрос решается в пользу многозначности» (некоторое исключение – словарь С.И.Ожегова); учитывая эти традиции, Т.А.Корованенко (1995) предлагает и в новом большом академическом словаре представлять указанные виды омонимии в одной словарной статье, но с особой пометой.

Следует остановиться на проблеме многозначности служебных слов. С формальной точки зрения в зону широко развитой многозначности должны быть включены многие союзы (*а, и, но, да* и др.) и предлоги (*в, на, за, по, с* и др.), у которых в МАС-2 указано достаточно много значений. Например, *в* словаре указано для предлога *за* 17 значений и шесть оттенков при употреблении с винительным падежом, а также 16 значений и пять оттенков при употреблении с творительным падежом, то есть в целом выделено 41 лексикографическое обособление, что, казалось бы, позволяет отнести рассматриваемое слово к числу наиболее многозначных русских лексем. Однако следует согласиться с тем, что природа многозначности у служебных слов иная, чем у полнозначных. Существует вполне обоснованное мнение, что служебные слова имеют только грамматическое значение и не имеют значения лексического.

Показательно, что при описании многозначности служебных слов в МАС-2 применяется совершенно особая структура словарной статьи: вводится нумерация при помощи римских цифр, а традиционная нумерация при помощи арабских цифр используется только на втором этапе классификации (например, при толковании предлога *за* под римской цифрой I приведены значения при употреблении с винительным падежом; а под римской цифрой II приведены значения при употреблении с творительным падежом. Поэтому в настоящем исследовании вслед за П.Н.Денисовым (1984) служебные слова выводятся за пределы рассматриваемых материалов.

Сложнее обстоит дело в тех случаях, когда в МАС-2 в словарной статье на полнозначное слово приводятся такие значения, которые характерны для служебных слов. Например, уже рассматривавшееся слово *правда* может использоваться в функции союза с противительным, уступительным или противительно-возместительным значением (Баудер А.Я., 1982; Деханова Е.Х., Стеклова Т.И., 1992). Ср.: *Столовой у него,*

впрочем, не было, потому что у него всего по-настоящему было две комнаты, правда гораздо обширнейшие и удобнейшие, чем у старца (Достоевский Ф.). Строго говоря, подобные семантические обособления следовало бы рассматривать как проявление грамматической омонимии, а не проявление многозначности. Но поскольку подобные случаи представляются в МАС-2 так же, как и «классические» случаи лексической многозначности, служебные значения полнозначных слов мы учитываем при определении количества значений полнозначного слова. Основной аргумент для такого подхода – необходимость последовательности: если отказываться от коррекции материалов словаря, то едва ли имеет смысл делать какие-либо исключения при дифференциации многозначности и омонимии.

Вопрос о базовом лексикографическом источнике

Результаты всякого статистического исследования, посвященного многозначности и основанного на лексикографическом материале, зависят прежде всего от типа используемого словаря (Арапов М.В., 1988; Шведова Н.Ю., 1988; Тулдава Ю., 1979; и др.). Например, сопоставление словаря С.И.Ожегова (1995) с МАС-2 и БАС показывает, что в МАС, как правило, представлено больше значений, чем в словаре С.И.Ожегова, но меньше, чем в БАС. Например, в БАС-2 у глагола *видеть* зафиксировано семь значений, три оттенка и восемь иных лексикографических обособлений; в МАС-2 у этого глагола зафиксировано четыре значения и пять оттенков; а в словаре С.И.Ожегова словарная статья на глагол *видеть* содержит пять значений и один оттенок.

В указанных словарях нередко по-разному квалифицируются и отношения между значениями слова, их оттенками, а также не всегда совпадает граница между значениями многозначного слова и омонимами, поэтому всякое статистическое исследование многозначности должно начинаться с определения базового словаря (базовых словарей).

К числу наиболее авторитетных толковых словарей современного русского литературного языка справедливо относят одготомный словарь С.И.Ожегова (1995), а также словарь С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой

(1995), четырехтомный словарь под редакцией Д.Н.Ушакова (1935 – 1940), четырехтомный «Словарь русского языка» (2 изд., 1981–1984) и семнадцатитомный «Словарь современного русского литературного языка» (1948 –1965, второе издание не закончено).

Указанные лексикографические издания различаются не только по объему, но по ряду других признаков. По классификации С.И.Ожегова семнадцатитомный словарь относится к числу «больших» словарей, представляющих «современный русский язык в широкой исторической перспективе» (Ожегов С.И., 1974, с.165), оба четырехтомных словаря относятся к числу «средних» словарей «с детальной разработкой исторически оправданного стилистического многообразия современного литературного языка» (Там же, с.165 –166), а указанные одготомные словари относятся к числу «кратких» изданий популярного типа, ориентированных «на нормализацию современной литературной речи» (Там же, с.166).

Основной базой для исследования полисемии может послужить любой из названных словарей: например, подсчеты Е.К.Матюшевой (1995) основаны на материалах словаря Д.Н.Ушакова, специалисты по методике преподавания часто ограничиваются данными одготомных словарей. Вместе с тем показательно, что абсолютное большинство исследований по зонам многозначности (П.Н.Денисов, Б.Н.Есимкулов, Л.М.Попкова и др.) выполнено на материале четырехтомного «Словаря русского языка» (1981–1984). Если же исследование выполняется на базе нескольких словарей, то указанный четырехтомный словарь обязательно включается в число источников (М.В.Арапов, А.А.Кретов, А.А.Поликарпов и др.).

Столь заметное предпочтение материалам МАС-2 можно объяснить тем, что всегда существуют сомнения в том, насколько полно отражена полисемия в одготомном словаре С.И.Ожегова (специальные исследования показывают, что, действительно, в этом лексикографическом источнике представлено меньше значений, чем в других словарях), а поэтому названный словарь при исследовании многозначности обычно используется лишь для сопоставления с другими. Словарь Д.Н.Ушакова в настоящее время все больше воспринимается не как словарь совре-

менного языка, а как отражение лексики определенной эпохи; не случайно С.И.Ожегов еще в начале пятидесятых годов отмечал, что этот словарь «создавался на «протяжении 30-х годов и отразил в себе все колебания в лексике, свойственные той эпохе» (Ожегов С.И., 1974, с.164).

Как отражающее несколько устаревшие сведения о лексике начнаст восприниматься и первое издание Большого академического словаря; кроме того, при исследовании лексики именно современного русского языка отмеченная С.И.Ожеговым как свойство «большого» словаря «широкая историческая перспектива» в определенной степени искажает реальное положение дел: в большом словаре отражаются и такие значения, которые не характерны для русского языка второй половины XX века. Таким образом оказывается, что четырехтомный «Словарь русского языка» (МАС-2) является самым современным из многотомных словарей, наиболее подходящим для глубокого изучения лексикографического отражения полисемии.

Использование МАС-2 – словаря среднего размера – в качестве основной базы исследования объясняется также высоким научным авторитетом данного словаря, большим объемом его картотеки, использованием при его составлении лучших достижений современной теории лексикографии. Как отмечает Г.Н.Склярская, в МАС-2 полисемия отражена оптимальным образом, а поэтому материалы указанного словаря наиболее показательны при исследовании регулярной языковой метафоры (Склярская Г.Н., 1993, с.28). Именно МАС стал базовым источником сведений о закономерностях русской полисемии в исследованиях П.Н.Денисова (1984), В.К.Харченко (1989) и ряда других исследователей. По наблюдениям Ю.В.Казарина, проводившего сопоставление словарных статей в БАС, МАС-2 и СО, «словарные дефиниции в МАС имеют оптимальный объем», словник МАС «наиболее объективно отражает состав лексикона современного русского языка», а маркировка лексико-семантических вариантов, предложенная МАС, «более точно отражает стилистическую дифференциацию русской лексики» (Казарин Ю.В., 1986, с.36). К аналогичным выводам приходят А.А.Поликарпов и О.С.Крюкова (1989) в исследовании, посвященном сопоставлению разных типов толковых словарей русского языка.

Разумеется, отдельные словарные статьи МАС (как и любого другого словаря) могут быть подвергнуты критике (в том числе и с точки зрения дифференциации значений), однако в целом материалы указанного словаря способны служить достаточно объективным источником для исследования закономерностей многозначности русских слов.

Количество значений как показатель принадлежности слова к зоне многозначности

По сложившейся в отечественном языкознании традиции выделяется три зоны многозначности, однако не существует ни единого термина для обозначения каждой из этих зон, ни единого мнения о количестве значений, определяющем границы зон. Так, в докторской диссертации И.Г.Ольшанского (1991) на материале немецкого языка выделяется три зоны полисемии: активная (2–3 значения), продуктивная (4–10 значений) и насыщенная (более 10 значений). В кандидатской диссертации Л.М.Попковой (1993) выделяются зоны малой глубины полисемии (2 значения), средней глубины (от 3 до 7 значений) и большой глубины полисемии (более 7 значений). Эта же классификация зон используется в кандидатском исследовании Б.Н.Есимкулова (1995). В работе А.А.Кретова (1987) анализируется только широко развитая многозначность, показателем принадлежности к этой зоне автор считает наличие семи значений, аналогичная точка зрения представлена в диссертациях В.К.Харченко (1990) и Е.А.Чудиновой (1998). Совершенно особую позицию занимает П.Н.Денисов, который относит к числу самых многозначных слов русского языка лексемы, у которых зафиксировано в словаре семь и более «номерных» значений или же восемь и более значений при учете всех возможных лексикографических обособлений (то есть не только «номерных» значений, но и оттенков значений или иных лексикографических обособлений).

Активная дискуссия о «количественных рубежах» зон многозначности, с одной стороны, показывает на объективную необходимость выделения этих зон, наличие существенных особенностей в полисемии слов, относящихся к различным зонам, а с другой – свидетельствует

об известной условности рубежей между выделяемыми зонами, об отсутствии научно обоснованных критериев выделения зон многозначности.

Нетрудно заметить, что рубежами чаще всего считаются три, семь и десять значений (с вариантами «ровно три», «больше трех», «меньше трех», «ровно семь», «больше семи», «ровно десять», «больше десяти»). Эти границы в значительной степени условны, и возникли они, скорее всего, не без влияния «магического ореола» цифр 3, 7, 10. Как показал Дж.Миллер (1964), число «семь плюс-минус два» – это типовой объем оперативной памяти человека, который предопределяет совершенно особое место указанного числа в человеческой психике, что ярко отражается в современных психолингвистических исследованиях (Овчинникова И.Г., 1994, с. 25). С другой стороны, слово *семь* (*седьмой*) – это устойчивый количественный определитель (наряду со словами *три* и *третий*, *девять* и *девятый*, *сорок* и *сороковой*) предметов и действий в русском фольклоре и в русской фразеологии, то есть число, притягательное для русского национального менталитета. Показательно, что число семь занимает совершенно особое место и в русской поэзии (Ревзина О.Г., 1995), на большое значение указанного числа для постижения языкового сознания указывает Н.В.Черемисина (1989). Цифра 10 – это прежде всего основа традиционной для русского сознания десятичной системы счета, а поэтому переход через рубеж десятка обычно воспринимается как особенно значимый (это, кстати, очень часто отражается в русской фразеологии, где слова *десять* и *десятый* часто символизируют переход через определенную границу).

Для объективного определения рубежей между зонами многозначности необходимо не априорное установление числового показателя (хотя бы и с использованием цифр, обладающих «магическим ореолом»), а исследование конкретного языкового материала как базы для любой классификации. Если объективные критерии грамматического, лексико-грамматического, лексико-семантического или иного характера будут обнаружены на рубеже трех, семи, десяти или какого-то иного количества значений, то это может служить лучшим аргументом для определения границ рассматриваемых зон многозначности по установленному рубежу.

В настоящее время в нашем распоряжении имеются надежные статистические материалы (они будут представлены ниже) только по зоне широко развитой многозначности. Эти материалы свидетельствуют, что категориально-грамматические, лексико-грамматические, лексико-семантические и стилистические признаки слов, имеющих по 7–9 значений, во многом аналогичны признакам слов, имеющих по десять и более значений, и значительно отличаются от свойств слов, имеющих по шесть и менее значений. Это позволяет сделать вывод, что граница между зонами развитой и широко развитой многозначности – это именно наличие семи значений.

При определении границы зоны слабо развитой многозначности (как уже было сказано, одни специалисты относят к ней слова, имеющие по 2–3 значения, а другие – только слова, имеющие по два значения) были использованы только материалы по отдельным лексико-грамматическим и лексико-семантическим группам: сюда относятся глаголы проявления признака, глаголы месторасположения и передвижения, отзоонимные прилагательные, существительные, обозначающие отношения родства, и вещественные существительные. Наблюдения над указанными группами слов позволяют сделать предварительный вывод о том, что слова, у которых зафиксировано по три значения, целесообразно отнести к зоне слабо развитой многозначности. В результате оказывается, что к зоне развитой многозначности относятся слова, имеющие от четырех до шести значений.

Важно подчеркнуть, что при выделении той или иной зоны многозначности особое внимание уделяется поиску характерных для слов соответствующей зоны признаков: категориально-грамматических (представленность слов определенных частей речи), лексико-грамматических (представленность слов определенных лексико-грамматических разрядов), лексико-семантических (представленность слов определенных лексико-семантических и тематических полей и групп), лексико-стилистических (представленность слов с определенными стилистическими свойствами), деривационных (словообразовательные потенции слов зоны), принадлежность слов зоны к числу высокочастотных, среднечастотных и малочастотных и т.п.

Нередко обнаруживается «тяготение» определенных объединений лексики (грамматических, лексико-семантических, стилистических и др.) к той или иной зоне и нехарактерность соответствующих слов для иных зон. Например, выявлено, что русские отзоонимные прилагательные приблизительно поровну распределяются между зоной однозначности и зоной слабо развитой многозначности, к этим же зонам относится абсолютное большинство существительных со значением родства и безличных глаголов со значением становления признака. Обнаружено, что глаголы передвижения и месторасположения чаще всего относятся к зонам средне развитой и широко развитой многозначности, тогда как лексика с некоторыми видами коннотативной окраски совершенно не характерна для зоны широко развитой многозначности и мало характерна для зоны средне развитой многозначности. Подобные факты представляют значительный интерес как для описания закономерностей многозначности в соответствующих зонах, так и для общей теории многозначности, для выявления факторов, способствующих и препятствующих развитию многозначности в русской лексике.

4.2. Зона широко развитой многозначности

В отечественной лингвистической литературе еще в прошлом веке отмечалась совершенно особая роль слов с широко развитой многозначностью, подчеркивалось, что такие слова позволяют лучше понять «душу народа», историю развития лексической системы (Ф.И.Буслаев, М.М.Покровский, А.А.Потебня и др.). Слова с широко развитой многозначностью постоянно привлекают внимание языковедов, которые стремятся выявить специфику семантической структуры таких слов, определить пути образования отдельных значений и условия, способствующие формированию многозначности: см., в частности, описание Л.В.Щербой полисемии слова *игла* (1974), описание Д.Н.Шмелевым полисемии слова *земля* (1973), подготовленный Ю.Д.Апресяном «лексикографический портрет» слова *быть* (1992), блестящие этюды о словах В.В.Виноградова (1972) и др.

Показательно, что наиболее многозначные слова последовательно отмечаются в публикациях, посвященных лексико-семантической классификации лексики, нередко в подобных работах анализ наиболее многозначных лексем представлен как своего рода образец, схема типичных для группы направлений развития многозначности (Васильев Л.М., 1990; Гайсина Р.М., 1981; Кузнецова Э.В., 1979; Шрамм А.Н., 1979; и др.). Возможно, отчасти справедлива мысль о том, что «полисемия как характерное явление, как особый семантический комплекс начинается от слов с несколькими десятками семантических позиций и кончается словами с числом семантических позиций не меньше восьми» (Денисов П.Н., 1984, с.153), во всяком случае очевидно, что наиболее многозначные слова представляют особый интерес для лексической семантики.

Даже предварительные наблюдения над зоной широко развитой многозначности позволяют выдвинуть гипотезу, что эта зона не вполне однородна по своему составу, что здесь вполне можно выделить подзоны. что у этих подзон, возможно, существуют какие-то специфические свойства. Первая из этих подзон может быть названа *п р и г р а н и ч н о й*, легко предположить, что именно здесь чаще всего встречаются слова, нетипичные для зоны широко развитой многозначности, возможно, именно из-за наличия этой «переходной» подзоны граница зоны широко развитой многозначности в различных исследованиях то поднимается до десяти значений, то опускается до семи значений.

Наиболее ярко заметны особенности максимально многозначных русских слов, у которых в словаре выделяется более полутора десятков значений (названная граница, разумеется, требует уточнения): это объединение слов может быть названо подзоной *у н и к а л ь н о р а з в и т о й м н о г о з н а ч н о с т и*. Наконец, остающийся после выделения приграничной подзоны и подзоны уникально развитой многозначности корпус слов может быть обозначен как *ц е н т р а л ь н а я* подзона.

Для определения реальности существования названных подзон и границ между ними необходимы специальные наблюдения. Можно предположить, что между подзонами должны быть реальные различия грамматического, лексико-семантического и иного характера, хотя эти

различия, видимо, имеют менее отчетливый характер, чем различия между зонами многозначности. При дальнейшем исследовании материала корпус слов каждой подзоны будет рассматриваться автономно: такие наблюдения позволят либо опровергнуть, либо подтвердить указанную выше гипотезу.

Прежде чем приступить к исследованию грамматических, лексико-семантических и иных свойств слов в зоне широко развитой многозначности, необходимо составить общий список слов, соответствующих по количеству значений критериям изучаемой зоны, и выяснить, сколько именно слов имеют то или иное количество значений.

Проведенные подсчеты показали, что в русском языке, по данным МАС-2, имеется 1128 слов с семью и более значениями. Количество слов, имеющих то или иное число значений, указано в следующей таблице, в которую для сопоставления включены и данные о том, какое количество слов имеет соответствующее число «номерных» значений: эта графа заполнена по материалам А.А.Поликарпова (1987).

Таблица 4

Количественный состав приграничной зоны широко развитой многозначности (с учетом и без учета «безномерных» ЛСВ)

Количество значений	Число слов, с соответствующим кол-вом значений (с учетом оттенков)	Число слов с соответствующим кол-вом значений (без учета оттенков)
7	343	282
8	223	191
9	145	97
10	105	79
11	76	40
12	55	25
13	39	17
14	26	11
15	19	9
16	20	11
17	12	3
18	15	2
19	8	1
20	11	2

21	8	–
22	3	–
23	3	1
24	2	1
25	3	3
26 – 30	7	1
31 – 53	5	–
ИТОГО по всей зоне	1128	776

Материалы таблицы показывают, что отказ от учета оттенков приводит к сокращению зоны широко развитой многозначности на 352 слова, то есть почти в полтора раза. Представляется, что исследование (при учете оттенков) более объемного корпуса слов позволит получить более объективные результаты; этот факт может служить еще одним аргументом в пользу широкого подхода к выделению зоны широко развитой многозначности.

Как показано в табл. 4, в диапазоне от 7 до 15 значений (с учетом оттенков) полисемия в целом соответствует пропорции: чем больше значений, тем меньше слов, имеющих такое количество значений, причем сокращение количества слов происходит относительно ровно: количество слов в каждой последующей графе составляет от 61 до 82% по отношению к предыдущей графе. Таким образом, сокращение происходит несколько медленнее, чем предполагает формула Ф.Паппа, в соответствии с которой

$$Y_x = \frac{V}{2^x},$$

где Y_x – доля слов с X значениями, X – количество значений у слова, а V – это объем словаря (в соответствии с этой формулой количество слов в каждой последующей графе должно сокращаться наполовину).

Как показывают специальные исследования (Ольшанский И.Г., 1991; Тулдава Ю., 1979; и др.), абсолютно точно формула Ф.Паппа не выдерживается ни в одном языке, что вполне понятно: язык не таблица ло-

гарифмов, а формула Ф.Паппа – это не руководство к точному вычислению, а только некий ориентир. Реально формула Ф.Паппа отражает только тот факт, что в самых разных языках с увеличением количества значений происходит относительно равномерное сокращение количества слов, имеющих такое количество значений.

Относительно равномерное сокращение количества слов в рассматриваемой таблице прекращается между 15 и 16 значениями, именно после этого рубежа вместо равномерного сокращения (60–80%) начинаются скачки: 105–60–125–53–138%. Все это позволяет предположить, что именно в указанной точке находится рубеж, после которого следует совершенно новая подзона, которая может быть названа подзоной уникальной развитой многозначности.

Показательно, что аналогичная закономерность наблюдается и при анализе последней графы таблицы, где приводятся данные только по номерным значениям. Здесь также с увеличением числа значений относительно равномерно уменьшается число слов, имеющих соответствующее число значений, и точно так же на рубеже 15 и 16 значений начинаются скачки. Это в определенной мере подтверждает вывод о границе подзон на рубеже 15 и 16 значений.

Разумеется, такая дифференциация может пока рассматриваться только как гипотеза: для ее подтверждения (или опровержения) необходим не только количественный, но и качественный (грамматический, лексико-семантический и др.) анализ словарного материала.

С другой стороны, квантитативный анализ лексики не позволил обнаружить каких-либо серьезных различий между полисемией в диапазоне 7–10 значений и полисемией в диапазоне 11–15 значений: и том и в другом случае происходит относительно равномерное сокращение количества слов, имеющих соответствующее число значений.

Вопрос о выделении подзон в той или иной зоне многозначности до настоящего времени специально не рассматривался, однако при исследовании наиболее многозначных слов некоторые ученые так или иначе указывают на различный статус слов, находящихся у противоположных границ зоны. Так, П.Н.Денисов (1984), отмечая, что для заимствованных слов широко развитая многозначность нехарактерна, го-

ворит о том, что оказавшиеся в рассматриваемой зоне заимствованные слова «находятся вблизи нижней границы» зоны, то есть имплицитно указывает на особый характер приграничной подзоны. С другой стороны, П.Н.Денисов указывает на особый характер слов, имеющих «максимальное число семантических позиций»: к этой подзоне, по его данным, относятся глаголы *идти; пройти, поднять, тянуть, стоять, тянуться*, прилагательные *чистый и тяжелый*, существительное *дело*. Наиболее многозначные русские слова последовательно отмечаются в публикациях М.В.Арапова (1988), А.А.Кротова (1996), С.В.Плотниковой (1994) и др.

4.3. Грамматические свойства слов с широко развитой многозначностью

Категориально-грамматические свойства слов с широко развитой многозначностью

Зафиксированные в МАС-2 1128 однозначных слов с широко развитой многозначностью составляют лишь 1,35% процента по отношению ко всему словнику однозначных слов. На первый взгляд, это не столь уж объемный класс лексики, но следует согласиться с П.Н.Денисовым в том, что «число самых многозначных слов не дает верного представления об их семантическом весе в словарном составе языка» (Денисов П.Н., 1984, с.151). Слова с широко развитой многозначностью, как правило, относятся к числу высокочастотных (Кротов А.А., 1987; Плотникова С.В., 1997; Поликарпов А.А., 1987; и др.), они обладают высоким «словообразовательным потенциалом» (Попова Т.В., 1996), а поэтому их «удельный вес» в речи, намного больше, чем в словаре.

Слова ряда знаменательных частей речи представлены в зоне широко развитой многозначности единичными примерами: в выборке оказалось только одно междометие (*спасибо* – семь значений, причем среди них широко представлена межчастеречная омонимия), только

одно местоимение (*свой* – десять значений, причем большинство из них относятся к сфере имени прилагательного), два числительных. Очевидно, что столь ограниченный материал не дает оснований для сколько-нибудь серьезных выводов о закономерностях широко развитой многозначности в указанных частях речи, это, скорее, материал для исследований по межчастеречной омонимии, проблеме взаимодействия частей речи. Несколько более объемна в рассматриваемой зоне группа наречий (17 слов), но, во-первых, и это количество не дает оснований для серьезных обобщений, во-вторых, у абсолютного большинства этих наречий в качестве многозначности в словаре представлена межчастеречная омонимия.

Безусловным лидером по представленности в рассматриваемой зоне является глагол (619 слов, что составляет 54,9% от общего числа слов в составе зоны), значительно отстают от него имя существительное (254 слова, что составляет 22,5%) и имя прилагательное (234 слова, – 20,7%), 21 слово иных частей речи – это менее 2% от общего количества наиболее многозначных слов. Показательно, что по данным П.Н.Денисова (1984), исследовавшего первое издание МАС и использовавшего несколько иную систему подсчетов, среди 275 наиболее многозначных русских слов насчитывается 147 глаголов (53,5%), 80 существительных (29,1%), 47 прилагательных (17,1%) и только одно наречие.

Лидерство глагола не только очевидно, но и вполне закономерно: по словам В.В.Виноградова, «семантическая структура глагола более емка и гибка, чем всех других частей речи» (Виноградов В.В., 1972, с.339). Это, по-видимому, можно объяснить тем, что глагольная семантика более абстрактна, чем семантика других частей речи (Языковая номинация. Общие вопросы, 1977, с.318 – 324), а по наблюдениям Т.З.Черданцевой, «многозначность вообще чаще свойственна словам, не обладающим референтной (денотативной) соотносительностью, поскольку именно они не могут однозначно восприниматься языковым коллективом» (Черданцева Т.З., 1984, с.132).

Следует подчеркнуть, что широко развитая многозначность проявляет именно лексико-грамматические свойства глагола как части речи. Можно было бы предположить, что развитая многозначность гла-

голов обусловлена высокой частотностью слов этой части речи, но статистические подсчеты, проведенные разными лингвистами (Головин Б.Н., 1974; Клочкова З.А., 1968; Марков Х.А., 1964; Тошович Б., 1994; и др.), показывают, что на долю глаголов приходится 18–21% от общего количества слов в русских художественных текстах (и еще меньше в других функциональных стилях), тогда как доля существительных в художественных текстах приблизительно в полтора раза выше. Иначе говоря, средняя частотность существительных выше средней частотности глаголов, но широко развитая многозначность более распространена именно в глагольной лексике.

Специальные наблюдения показывают, что представленность имен существительных, имен прилагательных и глаголов в целом по зоне широко развитой многозначности не вполне совпадает с представленностью имен и глаголов в отдельных подзонах: например, легко заметить повышение удельного веса глаголов и снижение доли имен существительных в подзоне уникально развитой многозначности. Разумеется, указанные различия обязательно должны быть учтены при детальном описании закономерностей распределения имен и глаголов в рассматриваемой зоне.

Максимально полное представление о соотношении широко развитой многозначности у глаголов, имен существительных и имен прилагательных в различных подзонах дает следующая таблица.

Таблица 5

Соотношение многозначных глаголов, существительных
и прилагательных в различных подзонах

Подзона	Число слов, имеющих соответствующее количество значений			
	глагол	имя существит.	имя прилагат.	всего
Приграничная	424 (53,3%)	198(24,8%)	173(21,8%)	795
Центральная	129 (60,3%)	43(20,1%)	42(19,6%)	214
Уникальная	66 (67,3%)	13(13,3%)	19(19,4%)	98
Итого	619	254	234	1107

Материалы рассматриваемой таблицы свидетельствуют, что в подзоне уникально развитой многозначности увеличивается удельный вес глаголов (66 слов, то есть 67,3% по сравнению с 60,3% в центральной подзоне и 53,3% в приграничной подзоне).

Имена прилагательные в рассматриваемой подзоне в отличие от других подзон количественно опережают имена существительные: соответственно 19 и 13 слов, то есть 19,4 и 13,3%. В целом наблюдения над именами свидетельствуют, что удельный вес прилагательных в уникальной подзоне практически такой же, как и в центральной подзоне, а удельный вес существительных в подзоне уникально развитой многозначности в 1,5 раза меньше, чем в центральной подзоне, и почти в два раза меньше, чем приграничной подзоне.

Интересны данные о соотношении существительных и прилагательных в рассматриваемых подзонах. Если брать зону в целом, то число существительных заметно превышает число прилагательных, но несомненное лидерство существительных удерживают только в приграничной подзоне (соответственно 198 и 173 слова), в центральной подзоне число существительных и прилагательных приблизительно одинаково (соответственно 43 и 42), а в подзоне уникально развитой многозначности количество существительных заметно уступает количеству прилагательных (соответственно 13 и 19), причем максимальное число значений у прилагательных также значительно больше, чем у существительных (соответственно 34 и 23). Доля имен существительных последовательно снижается по направлению от приграничной подзоны к подзоне уникально развитой многозначности, в несколько меньшей степени эта закономерность проявляется и в сфере имен прилагательных.

Показательно, что доля глаголов среди слов с широко развитой многозначностью последовательно увеличивается по направлению от приграничной подзоны к подзоне уникально развитой многозначности, где он достигает более двух третей от общего количества лексем.

Глаголы лидируют в зоне широко развитой многозначности не только по количеству единиц (619 слов): именно у глаголов отмечено в МАС-2 максимальное количество значений. Самые многозначные рус-

ские слова – это глаголы *тянуть* (53 значения), *идти* (52 значения), *стоять* (37 значений). Более 30 значений имеют также глаголы *принять* (34 значения), *пройти* (33 значения). От 20 до 30 значений имеют глаголы *поднять* (30), *оставить* (28), *ходить* (27), *ставить* и *уйти* (по 26), *брать*, *подняться* и *тянуться* (по 25), *смотреть* (24), *дать* (23), *разойтись* и *сбить* (по 22), глаголы *играть*, *падать*, *пустить*, *свести*, *ударить* (по 21), *держать*, *отойти*, *лезть*, *перенести*, *показать*, *пропустить*, *разобрать*, *спустить*, *хватить* (по 20). Еще несколько десятков русских глаголов имеют от 16 до 19 значений.

В подзону уникально развитой многозначности входит 19 имен прилагательных. Самые многозначные русские прилагательные – это лексемы *чистый* (34 значения), *тяжелый* (30 значений), *свободный* (26 значений). Более двадцати значений имеют прилагательные *тонкий* и *хороший* (по 23 значения), *холодный* (22 значения), *легкий* и *черный* (по 21 значению). В подзону уникально развитой многозначности входят также прилагательные *слабый* (20 значений), *первый* и *старый* (по 19 значений), *живой* и *свежий* (по 18 значений), *глубокий* и *светлый* (по 17 значений), *добрый*, *мягкий* и *прямой* (по 16 значений).

К рассматриваемой подзоне относятся также 13 существительных. Самые многозначные из них – это слова *дело* (23 значения), *сила* (21 значение), *линия*, *порядок* и *ход* (по 18 значений). Далее следуют существительные *фигура* и *форма* (по 17 значений), *класс*, *место*, *мир*, *рука*, *ряд*, *связь* (по 16 значений).

В представленных выше материалах описание зоны широко развитой многозначности и ее подзон проводится без учета различий между номерными и неномерными лексико-семантическими вариантами. На следующем этапе исследования целесообразно учесть реально существующие различия между указанными типами лексико-семантических вариантов, что позволит более полно определить специфику глагольной и именной многозначности в рассматриваемой зоне.

В соответствии с концепцией П.Н.Денисова (1984), целесообразно разграничивать дискретную и диффузную полисемантическую. В первом случае все значения в словаре представлены как номерные, в словарной статье не представлены оттенки и *оттенки оттенков*, что предполагает

значительную самостоятельность лексико-семантических вариантов, наличие отчетливых границ между ними.

Диффузную полисемантическую отличает большое количество представленных в словарной статье оттенков и оттенков оттенков (их число равно количеству номерных значений или даже превышает его). Такая полисемантическая предполагает более тесную связь между лексико-семантическими вариантами, менее отчетливые границы между ними, наличие «не вполне самостоятельных» значений, которые можно рассматривать как варианты других значений. Видимо, в некоторых случаях представление того или иного употребления в виде оттенка отражает сомнения лексикографов в целесообразности «полновесного» отражения соответствующего типа словоупотребления в словаре.

П.Н.Денисов не предложил термина для промежуточного типа полисемантической, при котором в соответствующей словарной статье оттенки представлены, но их число меньше, чем число номерных значений. Поскольку подобные словарные статьи составляют в МАС-2 большинство, подобный тип многозначности можно называть *д и с к р е т н о - д и ф ф у з н ы м*.

Количество слов с дискретной полисемантической относительно невелико: П.Н.Денисов в первом издании МАС выявил всего 16 таких слов. В МАС-2, по нашим наблюдениям, представлены следующие слова с дискретной полисемантической: два прилагательных (*исторический, третий*), девять существительных (*гребень, крыло, пирамида, розетка, сетка, станок, статья, требование, эволюция*), пять глаголов (*катать, морить, наколотить, подумать, стлаться*).

Перечисленные лексемы составляют менее 1,5 % от общего количества наиболее многозначных русских слов. Все рассмотренные слова с дискретной многозначностью относятся к приграничной подзоне (абсолютное большинство из них имеют только по семь значений). Это показывает, что дискретная полисемантическая – нетипичное явление для рассматриваемой зоны.

Только по одному оттенку значений зафиксировано в семантической структуре трех прилагательных (*экономический, ненавистный, третий*), 31 существительного (*история, точка, картина, посадка,*

сетка, разрыв и др.) и 27 глаголов (*биться, обнажиться, перетянуть, представиться* и др.). Показательно, что абсолютное большинство этих слов (все прилагательные, почти 97% существительных, более 96% глаголов) относится к приграничной подзоне, что свидетельствует о том, что и такой тип семантической структуры мало характерен для зоны широко развитой многозначности.

К числу слов с наиболее ярко выраженной диффузной многозначностью относятся глаголы *впиться, встретиться, опуститься, навалиться, прокатиться, прорваться* и т.п., существительные *борьба, класс, команда, кольцо, позиция, тур, система* и т.п., прилагательные *добрый, первый, свободный, свежий, холодный* и др. Удельный вес слов с диффузной многозначностью особенно высок в подзоне уникально развитой многозначности.

Специальный анализ показывает, что абсолютное большинство лексем зоны широко развитой многозначности относится к дискретно-диффузному (741 слово – 67,2%) и диффузному (346 слов – 31,3%) типам полисемантической; к дискретному типу относится всего 16 слов (менее 1,5%). Однако удельный вес указанных типов полисемии в трех выделенных подзонах заметно варьируется, что и отражает следующая таблица.

Таблица 6

Распределение типов многозначности по подзонам

Подзона	Типы многозначности			Всёго слов
	дискретная	диффузная	дискретно-диффузная	
Приграничная	16 (2,0%)	244 (30,7%)	535 (67,3%)	795
Центральная	0	59 (27,6%)	155 (72,4%)	214
Уникальная	0	44 (44,9%)	54 (55,1%)	98
Всего	16 (1,45%)	347 (31,3%)	744 (67,2%)	1107

Таблица показывает, что если в приграничной и центральной подзонах слова с дискретно-диффузной многозначностью составляют более двух третей от общего числа слов в указанных подзонах, то в подзоне

уникально развитой многозначности количество слов с дискретно-диффузной многозначностью составляет лишь немногим более половины; в этой подзоне значительно повышается удельный вес диффузной многозначности.

Существенные различия обнаруживаются при анализе зоны широко развитой многозначности с точки зрения типов полисемантической у слов различных частей речи. Как уже было показано выше, наиболее распространена в рассматриваемой зоне дискретно-диффузная многозначность, но среди имен существительных указанный тип распространен значительно шире, чем по зоне в целом. С другой стороны, диффузная многозначность встречается у имен прилагательных почти в полтора раза чаще, чем в целом по зоне.

Более подробные сведения о соотношении между глаголами, существительными и прилагательными с дискретной, диффузной и дискретно-диффузной многозначностью содержит табл. 7.

Таблица 7

Распределение типов многозначности по частям речи

Часть речи	Типы многозначности			Всего слов
	дискретная	диффузная	дискретно-диффузная	
Глагол	5 (0,8%)	203 (32,8%)	411 (66,4%)	619
Существительные	9 (3,5%)	40 (15,7%)	205 (80,8%)	254
Прилагательные	2 (0,9%)	104 (44,4%)	128 (54,7%)	234
Всего	16 (1,5%)	347 (31,3%)	744 (67,2%)	1107

Материалы табл. 7 свидетельствуют, что диффузная многозначность среди имен прилагательных встречается значительно чаще, чем среди глаголов, и почти в три раза чаще, чем среди имен существительных. Для имен существительных наиболее характерна дискретно-диффузная многозначность (более 80%); у имен существительных чаще, чем у слов иных частей речи, наблюдается и дискретная многозначность. Таблица показывает, что при исследовании с позиций распро-

страненности типов многозначности глагол занимает промежуточное положение между именами: диффузная многозначность среди глаголов наблюдается реже, чем среди прилагательных, но чаще, чем среди существительных, а дискретно-диффузная многозначность среди глаголов встречается реже, чем среди имен существительных, но чаще, чем среди имен прилагательных.

Следует подчеркнуть, что многие закономерности, характерные для всей зоны широко развитой многозначности, особенно ярко проявляются в подзоне уникально развитой многозначности.

Лексико-грамматические свойства слов с широко развитой многозначностью

Лексико-грамматические признаки слов – это область взаимодействия лексики и грамматики, где нередко сложно дифференцировать лексические и грамматические семы, что существенно осложняет процесс выявления факторов, воздействующих на формирование широко развитой многозначности. Основным прием исследования в настоящем разделе – это классификация слов с широко развитой многозначностью по лексико-грамматическим разрядам, которые понимаются как «подклассы слов данной части речи, которые обладают общим семантическим признаком, влияющим на способность слов выражать те или иные грамматические значения или вступать в противопоставления в пределах морфологических категорий» (Русская грамматика, 1980, т. 1, с. 459). От лексико-грамматических разрядов следует отличать морфологические разряды слов, то есть «объединения морфологических форм слов на основе общности их морфологических значений, а также тех формальных средств, с помощью которых эти значения выделяются» (Там же) и тематические (лексико-семантические) группы слов, не имеющих сколько-нибудь существенных однотипных грамматических признаков (Шмелев Д.Н., 1973; Лексико-семантические группы слов, 1989; и др.).

В современной русистике существует немало различных точек зрения на принципы выделения и классификацию лексико-семантиче-

ских разрядов (Бондарко А.В., 1986; Виноградов В.В., 1972; Грамматика русского языка, 1952; Грамматика современного русского литературного языка, 1970; Пешковский А.М., 1959; Шарандин А.Л., 1990; и др.). В настоящем исследовании за основу берется концепция, изложенная в «Русской грамматике» (1980), то есть в сфере прилагательных выделяются лексико-грамматические разряды качественных и относительных (включая подразряды порядковых и притяжательных прилагательных), в сфере существительных выделяются лексико-грамматические разряды одушевленных и неодушевленных, собственных и нарицательных, а также отвлеченных, конкретных, вещественных и собирательных существительных.

Как известно, во многих исследованиях дифференцируются и другие классы существительных, например часто подчеркивается особая значимость выделения существительных личных (обозначающих людей), бестиальных (обозначающих животных), существительных, обозначающих растения как часть мира живой природы в противоположность предметному миру (Ганжа Р.С., 1967; Морковкин В.В., 1979; Степанов Ю.С., 1979; Шарандин А.Л., 1990; и др.). Однако указанные классы слов не имеют в русском языке (в отличие от некоторых других языков) существенных грамматических признаков, и поэтому в настоящей работе рассматриваемые классы имен существительных исследуются как лексико-семантические, а не лексико-грамматические объединения.

Наиболее дискуссионной считается проблема выделения лексико-грамматических разрядов глаголов. Некоторые языковеды к числу таких разрядов относят противопоставление глаголов действия, состояния и отношения, глаголов предельных и непредельных, глаголов намеренного и непроизвольного действия и т.п. (Афанасьева Р.П., 1980; Булыгина Т.В., 1986; Гайсина Р.М., 1982; Кильдибекова Т.А., 1983; Шарандин А.Л., 1990; и др.).

В настоящем исследовании в соответствии с концепцией «Русской грамматики» (1980, с.582–583) среди лексико-грамматических разрядов глаголов рассматривается противопоставление глаголов по способам глагольного действия, по переходности и непереходности, по воз-

вратности и невозвратности, а также противопоставление личных и безличных глаголов.

Уже предварительный анализ лексико-грамматических признаков существительных, относящихся к зоне широко развитой многозначности, свидетельствует о возможности выделить яркие, особенно характерные для существительных этой зоны признаки и признаки более слабые, своего рода статистические закономерности.

К числу особенно ярких признаков относится абсолютное преобладание в зоне нарицательных существительных. Единственным исключением (причем в рамках приграничной подзоны) оказалось имя собственное *Земля* как наименование третьей от Солнца большой планеты. Показательно, что все другие значения этого слова относятся к числу нарицательных: блестящий анализ взаимосвязи этих значений слова *Земля* предлагает Д.Н.Шмелев (1977).

Среди 254 существительных, относящихся к зоне широко развитой многозначности, оказалось всего 10 слов с грамматическими признаками одушевленности: это слова *господин, мать, молодец, одиночка, отец, субъект, сын, хозяин, товарищ, человек*. Интересно, что шесть из этих десяти слов имеют по семь значений (то есть находятся на рубеже между зонами широко развитой и средней многозначности) и только два слова из указанного списка (*хозяин* и *товарищ*) имеют более десяти значений и относятся к центральной подзоне. Абсолютное большинство в рассматриваемом списке занимают исконно русские высокочастотные слова с длительной традицией многозначности.

В рассматриваемой зоне оказалось всего одно имя существительное, которое имеет некоторые признаки собирательности, – слово *снаряд*. Указанное слово толкуется в МАС-2 следующим образом: 1. Собир. Устар. Совокупность инструментов, орудий, приспособлений для какого-либо занятия, ремесла; снасть. Рассматриваемое значение может быть отнесено к числу собирательных (об этом говорит и помета «собир.» в словаре), хотя здесь нет всех типовых признаков собирательности. В «Русской грамматике» (1980) о таких словах сказано следующее: «К существительным с собирательным значением как к лексико-грамматическому (но не словообразовательному) разряду при широ-

ком понимании собирательности могут быть отнесены также слова, называющие совокупность предметов: "ботва", "мелюзга", "хлам", "мебель". Все такие слова выражают собирательность лексически, но не словообразовательно» (с. 461–462). Очевидно, что подобные примеры только подтверждают общее правило: для собирательных существительных нехарактерна широко развитая многозначность.

Нехарактерны для зоны широко развитой многозначности и вещественные существительные: в нашем списке оказались только слова *вода, кровь, серебро, хлеб*. Сюда же следует отнести существительное *огонь*, первое значение которого в МАС-2 определяется следующим образом: раскаленные светящиеся газы вокруг горящего предмета, пламя. Все эти слова имеют менее десяти значений, что еще раз показывает, что приграничная подзона (от 7 до 10 значений) действительно обладает некоторыми свойствами переходной подзоны: здесь эпизодически появляются слова с такими признаками, которые в целом нехарактерны для зоны широко развитой многозначности.

Остальные 249 имен существительных в рассматриваемой зоне относятся к числу конкретных и отвлеченных, причем существительных конкретных здесь значительно больше, чем отвлеченных (соответственно 168 и 81 слово).

Исследование типов многозначности (дискретная, диффузная, дискретно-диффузная) во всей рассматриваемой зоне позволило также обнаружить некоторые закономерности. Среди имен существительных с широко развитой многозначностью наиболее распространена дискретно-диффузная полисемантичность. Этот тип характерен для всех рассмотренных лексико-грамматических разрядов и охватывает более 80% существительных зоны, причем среди отвлеченных существительных рассматриваемой зоны указанный тип полисемантичности распространен несколько больше, чем среди конкретных существительных. В сфере отвлеченных существительных очень редко встречается дискретная многозначность и отмечено лишь десять случаев диффузной многозначности.

Определенные закономерности выявляются и при анализе соотношения типов многозначности с подзонами. Так, все отмеченные де-

вать случаев дискретной многозначности относятся к приграничной подзоне. Диффузная многозначность в подзоне уникально развитой многозначности встречается только у трех конкретных существительных и совершенно не отмечается у существительных отвлеченных. Все это показывает, что «лидерство» диффузно-дискретной многозначности, отмеченное уже при описании зоны в целом, особенно ярко проявляется в подзоне уникально развитой многозначности.

Лексико-грамматическая классификация имен прилагательных – одна из наиболее дискуссионных проблем русской морфологии (Виноградов В.В., 1972; Грамматика русского языка, 1952; Грамматика современного русского литературного языка, 1970; Пешковский А.М., 1958; Русская грамматика, 1980; Сидорова М.Ю., 1994; Шахматов А.А., 1927; и др.). В настоящем исследовании в соответствии с концепцией «Русской грамматики» (1980) среди имен прилагательных выделяются по характеру обозначения признака лексико-грамматические разряды качественных и относительных прилагательных, а в последнем разряде выделяются группы (подразряды) прилагательных собственно относительных, притяжательных, порядковых и местоименных (с.540). Рассмотрим количественные характеристики указанных разрядов и подразрядов в зоне широко развитой многозначности.

Среди 234 прилагательных, принадлежащих к рассматриваемой зоне, качественными является 181 прилагательное, а относительными – только 53. Если учесть, что в русском языке качественных прилагательных намного меньше, чем относительных, которые могут быть образованы от абсолютного большинства существительных (см.: Виноградов В.В., 1972, с.152), то общая закономерность прослеживается достаточно определенно: несомненно повышенная «предрасположенность» качественных прилагательных к широко развитой многозначности.

При более детальной классификации относительных прилагательных выясняется, что абсолютное большинство в этом лексико-грамматическом разряде составляют собственно относительные прилагательные. В рассматриваемой зоне зафиксировано только три порядковых прилагательных (*первый, второй и третий*), всего два местоименных

прилагательных (*весь и целый*) и не зафиксировано ни одного притяжательного прилагательного.

Исследование типов многозначности в рассматриваемой зоне позволило определить, что дискретная многозначность не наблюдается среди качественных прилагательных и очень редко (только у прилагательных *третий* и *исторический*) встречается среди относительных прилагательных рассматриваемой зоны. Несвелики и различия между относительными и качественными прилагательными с точки зрения распространности дискретно-диффузной и диффузной многозначности: и среди качественных, и среди относительных прилагательных диффузно-дискретная многозначность встречается чаще, чем диффузная. Однако в подзоне уникально развитой многозначности складывается совершенно иная картина: здесь диффузная многозначность наблюдается у 79% прилагательных.

Итак, в целом наблюдения показывают, что широко развитая многозначность для качественных прилагательных характерна в большей степени, чем для относительных. Это особенно относится к подзоне уникально развитой многозначности, в которой качественные прилагательные составляют абсолютное большинство. Среди относительных прилагательных рассматриваемой зоны абсолютное большинство составляют собственно относительные, поскольку здесь зафиксировано только три порядковых и два местоименных прилагательных и не отмечено ни одного притяжательного прилагательного. И для качественных, и для относительных прилагательных наиболее характерны дискретно-диффузный и диффузный типы многозначности, но в подзоне уникально развитой многозначности резко возрастает количество прилагательных с диффузным типом многозначности.

В «Русской грамматике» (1980) к числу лексико-грамматических разрядов глаголов отнесено противопоставление глаголов переходных и непереходных, возвратных (с их подгруппами) и невозвратных, личных и безличных, а также противопоставление глаголов по способам глагольного действия. Эта концепция нередко вызывает возражения на том основании, что указанные противопоставления имеют иной характер, чем противопоставление качественных и относительных прилагательных

или одушевленных и неодушевленных существительных, либо на том основании, что возвратные и невозвратные глаголы могут считаться формами одного слова, что противоречит самому определению лексико-грамматического разряда (см., в частности: Шарандин А.Л., 1990).

Представляется, что вопрос о лексико-грамматических разрядах глаголов еще долго будет оставаться дискуссионным, однако в настоящей работе в качестве основной вполне может быть использована концепция, представленная в «Русской грамматике» (1980).

При анализе с точки зрения принадлежности к указанным в «Русской грамматике» лексико-грамматическим разрядам свойства глаголов зоны широко развитой многозначности в целом ряде случаев проявляются достаточно ярко.

Прежде всего необходимо отметить, что в рассматриваемой зоне нет безличных глаголов, возможно только безличное употребление отдельных глаголов с полной парадигмой (*свежеть, хватать, яснеть* и т.п.). Типичный глагол рассматриваемой зоны имеет полную парадигму, неполнота парадигмы – это, как правило, признак отдельного значения глагола рассматриваемой зоны, но не всей лексемы.

Второй яркий признак зоны широко развитой многозначности – это то, что входящие в нее глаголы очень редко охарактеризованы по способам глагольного действия. В частности, в подзоне уникально развитой многозначности нет глаголов, охарактеризованных по способам глагольного действия; в центральной подзоне (от 11 до 15 значений) таких глаголов только два.

Подсчеты показывают, что из 619 глаголов, входящих в зону широко развитой многозначности, только 18 относятся к тем или иным способам глагольного действия, что чрезвычайно мало (около 3%), если учесть богатые потенции русского внутриглагольного словообразования.

В целом наблюдения над наиболее многозначными русскими глаголами подтверждают вывод Т.В.Поповой о том, что «непроизводные лексемы всегда более многозначны, чем их дериваты» (Попова Т.В., 1996, с.40).

Анализ глагольных лексико-грамматических свойств, связанных с категорией залога (переходность и возвратность), может быть, не столь ярко

демонстрирует специфику рассматриваемой зоны, как анализ способов глагольного действия, но и в «залоговых» лексико-грамматических свойствах обнаруживаются интересные закономерности. Статистический анализ распределения глаголов по «залоговым» лексико-грамматическим разрядам позволил составить следующие таблицы.

Таблица 8

Распределение переходных и непереходных глаголов по подзонам

Лексико-грам. разряд глаголов	Подзоны многозначности			Всего по зоне
	пригранич- ная	центральная	уникальной многозначн.	
Переходные	24 (57,1%)	95 (73,6%)	45 (65,2%)	382(61,7%)
Непереходные	182 (42,9%)	34 (26,4%)	21 (34,8%)	239(38,3%)
Итого	424	129	66	619

В табл. 8 показано, что в зоне широко развитой многозначности переходных глаголов более чем в полтора раза больше, чем непереходных, причем в центральной подзоне переходных глаголов почти в три раза больше, чем непереходных, тогда как в приграничной подзоне доля переходных глаголов заметно снижается. Обращает на себя внимание тот факт, что в подзоне уникально развитой многозначности доля переходных глаголов хотя и выше, чем в целом по зоне, но ниже, чем в центральной подзоне. Это можно объяснить тем, что в этой подзоне очень много глаголов перемещения, которые чаще всего относятся к числу непереходных.

Еще более показательны данные сопоставления удельного веса возвратных и невозвратных глаголов в составе рассматриваемой зоны (табл. 9).

Таблица 9

**Распределение возвратных и невозвратных глаголов
по подзонам**

Лексико-грам. разряд глаголов	Подзоны многозначности			Всего по зоне
	пригранич- ная	центральная	уникальная	
Возвратные глаголы	100 (23,6%)	16 (12,4%)	5 (7,6%)	121(19,5%)
Нсвозвратные глаголы	324 (76,4%)	113 (87,6%)	61 (92,4%)	498(80,5%)
Итого	424	129	66	619

Данные табл. 9 показывают, что в зоне широко развитой многозначности число невозвратных глаголов в четыре с лишним раза больше, чем число возвратных (соответственно более 80 и менее 20%), причем в подзоне уникально развитой многозначности количество невозвратных глаголов превышает 92%. Показательно, что и в центральной подзоне доля невозвратных глаголов больше, чем в целом по зоне, и только в приграничной подзоне доля невозвратных глаголов существенно снижается.

В целом наблюдения над глагольной лексикой показывают, что в зоне широко развитой многозначности отсутствуют безличные глаголы (хотя в словарных толкованиях эпизодически отмечается возможность безличного употребления); в этой зоне очень мало встречается глаголов, охарактеризованных по способам глагольного действия; для рассматриваемой зоны невозвратные глаголы характерны в значительно большей степени, чем возвратные, а переходные глаголы встречаются значительно чаще, чем непереходные. Показательно, что среди непереходных глаголов доля диффузной многозначности несколько выше, чем среди переходных глаголов.

Закономерности, отмеченные в зоне широко развитой многозначности, в целом особенно ярко проявляются в подзоне уникально развитой многозначности. а практически все возможные нарушения обнаруженных статистических закономерностей сосредоточены в приграничной подзоне.

Проанализированный материал свидетельствует, что существуют вполне объективные лексико-грамматические критерии как для выделения зоны широко развитой многозначности в целом, так и для дифференциации в составе указанной зоны трех подзон: приграничной, центральной и подзоны уникально развитой многозначности.

4.4. Лексико-семантическая систематизация слов с широко развитой многозначностью

Рассмотрим соотношение зоны широко развитой многозначности (в том числе трех ее подзон) и лексико-семантических объединений (полей, подполей, групп и т.п.). Как справедливо отмечает Э.В.Кузнецова, «парадигмы классов и парадигмы вариантов связаны между собой определенными отношениями, главное из которых – зависимость вариантных парадигм от того, в какие классы входят соответствующие единицы языка» (Кузнецова Э.В., 1979, с.33).

Настоящее исследование призвано выявить, в каких именно лексико-семантических объединениях (парадигмах классов, по Э.В.Кузнецовой) чаще всего встречаются слова с большим количеством значений (с широкой парадигмой вариантов, по Э.В.Кузнецовой) и для каких лексико-семантических объединений слова с широко развитой многозначностью нехарактерны. Поскольку абсолютное большинство существующих лексико-семантических классификаций имеет частеречный характер, учитывает слова только одной части речи (см., например, словарь-справочник «Лексико-семантические группы русских глаголов», классификации, представленные в публикациях Л.М.Васильева, Р.М. Гайсиной, В.Л.Ибрагимовой, Т.А.Кильдибсковой, Э.В.Кузнецовой, Ж.П. Соколовской, А.Л.Шарандина, Н.Ю.Шведовой, А.Н.Шрамма и других лингвистов), то вполне закономерно, что в данном случае авто-

номно исследуются лексико-семантические свойства существительных, прилагательных и глаголов.

Как известно, в современной русистике существует несколько лексико-семантических классификаций глаголов (Ганжа Р.С., 1970; Кузнецова Э.В., 1979; Семантические типы предикатов, 1982; Шведова Н.Ю., 1982; Шарандин А.Л., 1990; и др.). Очевидно, что каждая из существующих классификаций обладает определенными достоинствами, некоторые из этих классификаций вполне могли бы послужить основой и для настоящего раздела. Однако наиболее соответствующей задачам и материалу настоящего исследования оказалась классификация, представленная в словаре-справочнике «Лексико-семантические группы русских глаголов» (1988).

На первом этапе лексико-семантической классификации сверхмногозначных глаголов была определена их принадлежность к лексико-семантическим полям. Было выявлено, что из 619 принадлежащих к зоне широко развитой многозначности глаголов 470 относится к полю «действие», 95 глаголов относится к полю «состояние» и 54 глагола относится к полю «отношение». Не менее показательным оказалось распределение глаголов указанных лексико-семантических полей по подзонам многозначности (табл. 10).

Таблица 10

Распределение глаголов действия, состояния и отношения
по подзонам многозначности

Подзоны	Глаголы			Всего
	действия	состояния	отношения	
Прирапичная	310(73,1%)	70 (16,5%)	44 (10,4%)	424
Центральная	98 (76,0%)	22 (17,0%)	9 (7,0%)	129
Уникальная	62 (94,0%)	3 (4,5%)	1 (1,5%)	66
Итого	470 (75,9%)	95 (15,4%)	54 (8,7%)	619

Из табл. 10 видно, что широко развитая многозначность и особенно уникально развитая многозначность более характерны для глаголов действия, чем для глаголов состояния и отношения. В целом по

зоне глаголов действия в четыре раза больше, чем глаголов двух других полей, а в уникальной подзоне подавляющее число глаголов относится к полю действия. Второе место по количеству во всех подзонах и по зоне в целом занимают глаголы состояния, третье – глаголы отношения.

При исследовании распределения глаголов трех лексико-семантических полей по подполям было выяснено, что среди глаголов действия чаще всего широко развитая многозначность отмечается в подполях «перемещение» (168 глаголов), «физическое воздействие» (134 глагола), «помещение» (74 глагола). Значительно реже к числу сверхмногозначных относятся глаголы со значением созидательной деятельности (28), интеллектуальной деятельности (30), социальной деятельности (19), речевой деятельности (10), звучания (10) и физиологических действий (3). Показательно, что три ведущих подполя в составе поля глаголов действия включают в свой состав больше глаголов, чем все поле отношения.

Среди лексико-семантических групп глаголов в поле действия особенно выделяются по количеству глаголов с широко развитой многозначностью группы со значением перемещения в пространстве (63 глагола, то есть больше, чем во всем поле отношения), помещения объекта (45 глаголов), вертикального перемещения (33 глагола), перемещения, ориентированного относительно конечного пункта (31 глагол). Таким образом, можно сделать вывод, что широко развитая многозначность особенно характерна для глаголов с категориально-лексической семой «движение».

При анализе закономерностей широко развитой многозначности глаголов в поле состояния было выявлено, что наиболее часто по семь и более значений имеют глаголы в подполях бытия (44 глагола), качественного состояния (23 глагола) и функционального состояния (17 глаголов). В остальных подполях количество глаголов с широко развитой многозначностью не превышает пяти.

Среди лексико-семантических групп, для которых в поле состояния наиболее присуща широко развитая многозначность, следует выделить группы глаголов существования (29 глаголов), прекращения бытия (13 глаголов) и изменения функционального состояния (13 глаголов). Показательно, что многие лексико-семантические группы в поле глаго-

лов состояния не включают ни одного глагола с широко развитой многозначностью.

При анализе наиболее многозначных глаголов в поле отношения выяснилось, что абсолютное большинство из них (37) относится к подполю владения (во всем поле отношения только 54 сверхмногозначных глагола).

Среди лексико-семантических групп глаголов в поле отношения по количеству глаголов с широко развитой многозначностью выделяются группы со значением приобретения (22 глагола) и передачи объекта (8 глаголов). Все другие лексико-семантические группы рассматриваемого поля включают не более пяти глаголов, имеющих по семь и более значений.

В целом сверхмногозначные глаголы неравномерно распределены по лексико-семантическим полям, подполям и группам, а следовательно, степень развития семантической структуры глагола в значительной степени зависит от категориально-лексических признаков глагола, определяющих его принадлежность к соответствующему лексико-семантическому объединению.

Дифференциация рассматриваемых глаголов по подзонам показывает, что абсолютное большинство в подзоне уникально развитой многозначности составляют глаголы, включающие сему «перемещение», именно глаголы подобной семантики имеют в русском языке больше всего значений (*тянуть, идти, пройти, поднять* и т.п.). В центральной подзоне, помимо уже отмеченных слов с семой «перемещение», нередко встречаются слова со значением физического воздействия, существования, интеллектуальной деятельности. В приграничной подзоне представленность лексико-семантических подполей и групп становится еще более разнообразной, причем глаголы лексико-семантических объединений, для которых мало характерна широко развитая многозначность, встречаются преимущественно именно в этой подзоне, но их нет в подзоне уникально развитой многозначности.

Показательно также, что почти все глаголы с уникально развитой многозначностью относятся в первичных значениях к числу конкретных, то есть обозначают простое, воспринимаемое органами чувств действие (см.: Кузнецова Э.В., 1989; Потапова Н.П., 1982; Каза-

рин Ю.В., 1996; и др.). Указанные глаголы заметно преобладают и во всей зоне широко развитой многозначности, хотя в приграничной подзоне количество глаголов с исходным абстрактным значением заметно возрастает.

Итак, все проанализированные факты свидетельствуют, что лексико-семантические свойства глагола существенно влияют на степень развитости его семантической структуры.

При классификации качественных прилагательных принята концепция А.Н.Шрамма (1979) как наиболее детальная и отвечающая задачам данного исследования. В связи с этим на первом этапе дифференцируются эмпирийные и рациональные прилагательные: первые из них обозначают «признаки, воспринимаемые органами чувств и осознанные человеком в результате одноступенчатой мыслительной операции сопоставления с эталоном» (Шрамм А.Н., 1979, с.21). Рациональные прилагательные, по мнению названного ученого, обозначают «признаки, не воспринимаемые органами чувств, а возникающие на основе воспринятых органами чувств в результате анализа, сопоставления, умозаключений» (Там же, с.22). Далее автор отмечает, что эмпирийные прилагательные имеют более конкретную семантику, а рациональные – более абстрактную.

Рациональные прилагательные, по мнению А.Н.Шрамма, подразделяются на четыре рода: Б1 – признаки человека. Б2 – признаки животных. Б3 – признаки человека и животных. Б4 – признаки предметов. Далее выделяются виды и подвиды в зависимости от характера признаков: физические признаки в их разновидностях, физиологические, психические, социальные и иные группы признаков.

Уже на первом этапе классификации было выяснено, что к числу эмпирийных принадлежит 68 прилагательных рассматриваемой зоны, а к числу рациональных – 111 прилагательных. Более полные сведения о соотношении указанных лексико-семантических объединений имен прилагательных содержит табл. 11

**Распределение эмпирических и рациональных
прилагательных по подзонам многозначности**

Подзоны	Прилагательные		Всего
	эмпирические	рациональные	
Приграничная	47 (37,6%)	78 (62,4%)	125
Центральная	13 (35,1%)	24 (64,9%)	37
Уникальная	8 (47,1%)	9 (52,9%)	17
Итого	68 (38,0%)	111 (62,0%)	179

Наиболее заметно лидерство рациональных прилагательных в центральной подзоне, а в наименьшей степени это лидерство обнаруживается в подзоне уникально развитой многозначности, где количество эмпирических и рациональных прилагательных почти одинаково.

Можно было бы предполагать, что существует определенная корреляция между лексико-семантическими классами прилагательных (принадлежностью прилагательных к числу рациональных или эмпирических) и типами многозначности. Однако в данной области принципиально значимых результатов не получено: как уже было сказано выше, дискретная многозначность для качественных прилагательных вообще нехарактерна, а соотношение диффузной и дискретно-диффузной многозначности в классах эмпирических и рациональных прилагательных варьируется несущественно (у рациональных – 43,8% / 56,2% , у эмпирических – 45,8% / 54,2%).

Значительно больший интерес представляет распределение эмпирических и рациональных прилагательных по родам.

Среди эмпирических прилагательных абсолютно преобладают прилагательные, обозначающие признаки, воспринимаемые органами зрения: это 43 прилагательных из 68 имеющих в составе зоны. Второе место (с очень значительным отставанием) занимают прилагательные, обозначающие признаки, воспринимаемые осязанием (17). Всего по три прилагательных с широко развитой многозначностью обнаружено в составе родов А2 (признаки, воспринимаемые слухом) и родом А4 (признаки, воспринимаемые на вкус). Обращает на себя внимание отсутствие среди сверхмногозначных прилагательных таких, которые обо-

значают признаки, воспринимаемые органами обоняния, и признаки, воспринимаемые одновременно несколькими органами чувств.

Среди видов, к которым чаще всего относятся сверхмногозначные прилагательные, особенно выделяются 14 прилагательных со значением света и цвета, 5 прилагательных, обозначающих зрительно воспринимаемые особенности поверхности, 11 прилагательных, обозначающих размеры, 10 прилагательных, обозначающих расположение в пространстве. Показательно, что многие виды совершенно не представлены в зоне широко развитой многозначности.

Аналогичная неравномерность по родам и видам обнаруживается при анализе рациональных прилагательных. Из 111 рациональных прилагательных, входящих в зону широко развитой многозначности, 54 слова обозначают качества человека, 26 прилагательных обозначают оценку (в том числе человека), еще 25 прилагательных обозначают признаки предметов и всего три прилагательных обозначают признаки животных, причем все эти прилагательные имеют только по семь значений, то есть находятся на самом рубеже зоны. Налицо явная антропоцентрическая ориентированность зоны широко развитой многозначности. Столь же неравномерно прилагательные с широко развитой многозначностью распределяются по видам.

Среди относительных прилагательных абсолютное большинство относится к подразряду собственно относительных, поскольку сверхмногозначных слов нет среди притяжательных прилагательных и очень мало среди местоименных и порядковых прилагательных (по три). Обращение к собственно относительным прилагательным позволило обнаружить «тяготение» рассматриваемых слов к следующим группам: отношение к науке и искусству – шесть, отношение к человеку – семь, отношение к животным – три, отношение к природным объектам конкретного характера – шесть, отношение к природным объектам вещественного характера – десять, отношение к действию – шесть, отношение к событию – четыре.

В целом лексико-семантический анализ прилагательных с широко развитой многозначностью показал, что среди качественных прилагательных указанной зоны большинство составляют рациональные (111), эмпирических прилагательных значительно меньше (68). Среди родов рациональных прилагательных рассматриваемого типа преоб-

ладает группа слов, обозначающих качества человека (а внутри этого рода – прилагательные, обозначающие физические качества, характер и эмоции). Среди родов эмпирических прилагательных с широко развитой многозначностью особое место занимают слова, обозначающие воспринимаемые органами зрения признаки, а внутри этого рода – прилагательные

В качестве исходной базы для классификации существительных избраны данные подготовленного под руководством В.В.Морковкина словаря «Лексическая основа русского языка» (1984): сначала существительные делятся на два суперкласса («абстрактные отношения и формы существования материи» и «материальный мир»), внутри этих суперклассов выделяются соответственно 11 и 18 классов («пространство», «форма», «время», «качество» и т.п.), далее эти классы делятся на 254 разряда.

В суперклассе «абстрактные отношения и формы существования материи» оказалось 61 существительное. Указанные существительные распределены по классам следующим образом: пространство – 15 слов; форма – шесть слов; время – пять слов; изменение – одно слово; движение – пять слов; количество – 14 слов; качество – одно слово; отношения – пять слов; порядок – девять слов.

Эти данные свидетельствуют, что наибольшее количество сверхмногозначных существительных в рассматриваемом суперклассе относится к классам «пространство» и «количество», но совершенно отсутствуют указанные существительные в классах «существование, бытие» и «причинность»; очень мало таких существительных в классах «изменение» и «качество».

К суперклассу «материальный мир» принадлежит 193 слова, которые следующим образом распределены по идеографическим классам: материальный мир, общие понятия – пять слов; неорганический мир – 13 слов; органический мир – два слова; растительный мир – пять слов; животный мир – 13 слов; человек, общие понятия – одно слово; человек как живое существо – 24 слова; человек как разумное существо, общие понятия – одно слово; ощущения и восприятия – десять слов; чувства и эмоции – шесть слов; воля – одно слово; интеллектуальная деятельность – 12 слов; душевный склад человека – два слова; деятельность человека – 14 слов; человек как общественное существо – 11 слов; коммуникация

– 14 слов; человек как общественное существо – 11 слов; коммуникация мыслей и чувств – 19 слов; отношения в обществе – 11 слов; трудовая деятельность – 20 слов; социальная организация общества – 18 слов.

Как показывают приведенные подсчеты, больше всего существительных оказалось в антропонимных классах, то есть широко развитая многозначность характерна прежде всего для существительных, характеризующих человека.

При дальнейшей классификации были выявлены разряды, к которым чаще всего относятся наиболее многозначные существительные. С этой точки зрения наиболее выделяются разряды «организм животных» – 13 слов (*голова, корпус, кровь, крыло, перо, раковина, рог, розжок, сероце, ухо, хвост, шишка, язык*), «организм человека» – десять слов (7 слов. общих с предшествующим разрядом, а также слова *лицо, рука, колено*), «средства труда» (12 слов), «искусство» (11 слов). Заметно отстают по количеству наиболее многозначных слов разряды «материальный мир, общие понятия» (6 слов), «строение растений» (5 слов), «действие, деятельность, общие понятия» (5 слов).

Представленные материалы подтверждают «предрасположенность» к широко развитой многозначности антропонимных существительных. Выявленные исключения легко объяснимы: в разряде «организм животных» лишь шесть слов не относятся одновременно и к разряду «организм человека»; а предметы, обозначаемые многозначными словами из разряда «строение растений» (*корень, лист, семя, ствол, ядро*), постоянно используются человеком. Показательно, что абсолютное большинство рассматриваемых существительных обозначают конкретные, воспринимаемые органами чувств предметы, тогда как абстрактных существительных в рассматриваемой зоне мало.

Значительный интерес представляет вопрос о том, как распределяются существительные выделенных суперклассов по подзонам многозначности. (табл. 12).

**Распределение по подзонам многозначности
существительных, относящихся к суперклассам**

Подзоны	Суперкласс		Всего
	«материальный мир»	«абстрактные отношения...»	
Приграничная	147 (74,2%)	51 (25,8%)	198
Центральная	35 (81,4%)	8 (18,6%)	43
Уникальная	11 (84,6%)	2 (15,4%)	13
Итого	193 (76,0%)	61 (24,0%)	254

Нетрудно заметить, что абсолютное преобладание существительных суперкласса «материальный мир» наиболее ярко проявляется в подзоне уникально развитой многозначности; соответственно удельный вес суперкласса «абстрактные отношения и формы существования материи» несколько превосходит средний по зоне уровень лишь в приграничной подзоне. Это свидетельствует о наличии определенной взаимосвязи между семантическими свойствами слова и вероятностью его принадлежности к определенным подзонам. В целом наблюдения над распределением существительных из зоны широко развитой многозначности по семантическим (идеографическим) классам и разрядам показывают, что в суперклассе «материальный мир» в три раза больше сверхмногозначных существительных, чем в суперклассе «абстрактные отношения и формы существования материи», что рассматриваемых существительных больше всего в классах и разрядах, включающих существительные конкретной семантики и антропонимной семантики (эти признаки часто совмещаются); соответственно значительно реже встречаются сверхмногозначные существительные с абстрактной семантикой. Показательно, что наиболее ярко отмеченные закономерности проявляются в подзоне уникально развитой многозначности, а наиболее слабо – в приграничной подзоне.

Все это еще раз подтверждает сделанный при анализе глаголов и прилагательных вывод о том, что степень развития многозначности

(принадлежность к зоне широко развитой многозначности и ее отдельным подзонам) в значительной степени зависит от лексико-семантических свойств слова, в том числе от его принадлежности к определенным лексико-семантическим объединениям. При исследовании всех частей речи обнаруживается также взаимосвязь между конкретностью/абстрактностью слова и степенью развития его многозначности, а также между многозначностью и принадлежностью слова к антропонимной сфере.

4.5. Стилистическая и социолингвистическая систематизация слов с широко развитой многозначностью

В специальных исследованиях постоянно отмечается, что ограниченность сферы употребления слова, принадлежность его к области заимствованной или устаревшей лексики, к числу неологизмов, наличие у слова эмоциональной окраски, а также иных коннотативных свойств сдерживают развитие многозначности (Кузнецова Э.В., 1989; Матюшева Е.К., 1995; Муране С.Н., 1977; Ольшанский И.Г., 1991; и др.), тогда как развитая многозначность характерна для общепотребительных стилистически нейтральных слов с длительной традицией употребления (Денисов П.Н., 1984; Лещева Л.М., 1997; Ульманн С., 1970; Харченко В.К., 1990; Шанский Н.М., 1972; и др.). Эти выводы, разумеется, в той или иной мере отражают реальные закономерности, однако для более полной характеристики зоны широко развитой многозначности необходимо специальное исследование.

Основная задача настоящего раздела – определить, насколько жестко действует указанная закономерность, то есть проанализировать имеющиеся в зоне широко развитой многозначности слова с точки зрения происхождения, стилистических свойств, хронологической динамики словарного состава и т.п.

Как известно, в современной русистике существует множество классификаций лексики по стилистическим и социолингвистическим

свойствам (см. публикации Ю.Д.Апресяна, М.Н.Кожинной, Э.В.Кузнецовой, Н.А.Лукьяновой, А.К.Панфилова, И.А.Стернина, В.И.Шаховского, Д.Н.Шмелева и др.). Каждая из этих классификаций обладает определенными достоинствами, многие из них вполне могли бы быть использованы при описании зоны широко развитой многозначности. Но поскольку материалом для настоящей работы является словарь (МАС-2), то в данном случае за основу классификации берется принятая в рассматриваемом словаре система помет. Вполне возможно, что как сама эта система помет, так и стилистическая или социолингвистическая характеристика некоторых лексем в МАС-2 могут вызывать те или иные сомнения, мы относимся к словарным статьям не как к предмету критики, а как к материалу для исследования, то есть анализируем имеющиеся словарные материалы как объективную реальность.

При анализе материалов МАС-2 можно обнаружить четыре группы стилистических и социолингвистических помет. В первую группу входят пометы «обл.» (областное), «прост.» (просторечное) и «груб. прост.» (грубо-просторечное), указывающие на принадлежность слова «к тем пластам лексики, которые находятся за пределами русского языка или стоят на его границе» (МАС-2, т.1, с.9). Сразу отметим, что слов с такими пометами и даже слов с такими пометами к первому значению в зоне широко развитой многозначности не обнаружено.

Во вторую группу входят пометы «разг.» (разговорное), «книжн.» (книжное), «офиц.» (официальное) и «офиц.-дел.» (официально-деловое). «высок.» (высокое), «трад.-поэт.» (традиционно-поэтическое), «народно-поэт.» (народно-поэтическое), «спец.» (специальное). К специальной лексике в словаре относятся и слова с пометами, указывающими на использование слова только или преимущественно «в определенной сфере науки, техники, искусства, ремесла и т.д.» (Там же, с.10): «физ.», «хим.», «филос.», «религ.», «воен.», «спорт.» и т.п.

К третьей группе относятся слова с пометой «устар.», которая свидетельствует, что такое слово (или соответствующее значение) «употребляется в современном языке крайне редко и воспринимается как архаизм» (Там же, с.10), а также очень редкая в зоне широко развитой многозначности помета «истор.». К этой же группе можно отнести тра-

диционно-поэтическую и народно-поэтическую лексику (которая вместе с тем относится и ко второй группе).

К четвертой группе относятся слова с пометами, указывающими на эмоциональную окраску: «бран.» (бранное), «ирон.» (ироническое), «шутл.» (шутливое), «презр.» (презрительное), «неодобр.» (неодобрительное) и «почтит.» (почтительное).

Следует подчеркнуть, что в современной лингвистике термины «стилистическая систематизация» и «социолингвистическая систематизация» не всегда различаются. Так, Э.В.Кузнецова выделяет четыре аспекта социолингвистической систематизации слов: с точки зрения происхождения (исконная и заимствованная лексика), с точки зрения динамики развития словарного состава языка (архаизмы и неологизмы), с точки зрения употребительности слов в социальном пространстве (литературная лексика, областные слова, просторечные слова) и с точки зрения стилистической маркированности (Кузнецова Э.В., 1989, с.135–193). При таком подходе стилистическая систематизация оказывается частным случаем социолингвистической систематизации.

Иной точки зрения придерживаются составители МАС-2 (см.: т.1, с.10), которые к числу стилистических относят и пометы социо-лингвистического характера («устар.», «обл.», «прост.», «груб. прост.»). При таком подходе социолингвистическая систематизация лексики оказывается частным случаем стилистической систематизации.

В настоящей монографии разграничивается систематизация собственно стилистическая (она представлена в первом разделе данной главы) и систематизация собственно социолингвистическая (она представлена во втором разделе данной главы).

Стилистическая систематизация лексики в зоне широко развитой многозначности

Стилистические пометы в МАС-2 указывают либо на эмоциональную окраску слова (значения), либо на функциональную (в широком смысле) сферу его использования.

Уже предварительный анализ показывает, что в зоне широко развитой многозначности не выявлено ни одного случая, когда помета

указывала бы на эмоциональную окраску лексемы в целом или хотя бы ее первого значения. Таким образом, полностью подтверждается положение о том, что эмоциональная окраска основного значения значительно осложняет развитие обширной системы вторичных значений.

В зоне широко развитой многозначности редко встречаются и слова, у которых отмечена эмоциональная окраска вторичных значений. Так, при обследовании прилагательных зафиксировано лишь два таких значения:

Сытый – 3. перен. *Разг, пренебр.* Живущий в достатке, богатый.

Хороший – 8. <...> // *Разг., ирон.* Сильный, значительный по интенсивности, по степени проявления: изрядный. [*Тлущ*] попытался ущипнуть Валу за подбородок. Но получил хороший удар в зубы.

При обследовании существительных обнаружено три значения с пометами «пренебр.», одно – с пометой «неодобр.», три – с пометой «ироничн.», два – с пометой «шутл.». При анализе глаголов выявлено одно значение с пометой «шутл.» и одно значение – с пометой «презр.». Эти данные свидетельствуют, что указанный тип стилистической окраски мало характерен и для вторичных значений слов, отличающихся широко развитой многозначностью.

Совершенно иначе дело обстоит с пометами второй группы. В процессе сплошной выборки в МАС-2 обнаружено 58 относящихся к зоне широко развитой многозначности слов с функционально-стилистическими пометами, которые характеризуют все слово или его основное значение (пометы, относящиеся ко вторичным значениям, будут проанализированы ниже). Сюда же, по-видимому, можно отнести и два слова, у которых указания на сферу употребления включены непосредственно в толкование. Ср.:

Стихия. 1. У древнегреческих философов-материалистов: один из основных элементов природы (огонь, вода, воздух, земля), лежащих в основе всех вещей.

Элемент. 1. У древнегреческих философов-материалистов: одно из первоначал, одна из составных частей природы (огонь, вода, воздух, земля), лежащих в основе всех вещей, явлений; стихия.

Стилистически окрашенные слова из зоны широко развитой многозначности следующим образом распределены по частям речи: 33 глагола (около 5,3% от общего количества глаголов в зоне), 21 имя существительное (более 8,3% от общего количества существительных в зоне) и шесть имен прилагательных (примерно 2,6% от общего количества прилагательных в зоне). Всего стилистически окрашенные слова составляют приблизительно 6,6% от общего количества слов, расположенных в зоне широко развитой многозначности. Это показывает, что стилистическая окраска действительно мало характерна для слов, относящихся к рассматриваемой зоне, однако наличие такого рода помет вовсе не является для слов зоны каким-либо исключением. Одновременно важно подчеркнуть, что рассматриваемые пометы у имен существительных встречаются значительно чаще, чем у прилагательных и глаголов. Показательно, что у всех рассмотренных слов пометы относятся не к слову в целом, а только к его первому значению.

Специальный анализ показывает, что у слов различных частей речи преобладают неодинаковые функционально-стилистические пометы. У глаголов чаще всего встречается помета «разг.»: *драть, засесть, нажечь, перевалить, припереть, пробрать, приворотить, своротить, сказаться, совать, соваться, считаться, тыкать, ухнуть, хватить* (15 слов), такую же помету имеет одно существительное (*россыпь*). Для существительных более характерны пометы, указывающие на специальные сферы использования слова: *пирамида* (мат.), *россыпь* (спец.), *смерть* (биол.), *стихия* (филос.), *субъект* (филос.), *тело* (физ.), *тепло* (физ.), *тон* (муз., физ.), *угол* (мат.), *хор* (истор.), *центр* (мат., физ.), *цирк* (истор.), *элемент* (филос.). Помимо 13 указанных существительных соответствующие пометы имеют пять прилагательных: *святой* (религ.), *священный* (религ.), *телесный* (физ.), *ходовой* (спец.), *экономический* (экон.). Не встречаются в рассматриваемой зоне слова с пометами «народн.-поэт.», «трад.-поэт.», «книжн.», «офиц.», «офиц.-дсл.».

Показательно распределение стилистически окрашенных слов по подзонам. Среди существительных абсолютное большинство относится к приграничной подзоне (от 7 до 10 значений), в центральной подзоне находятся только слова *хор* (11 значений), *центр* (11 значений), *тон* (13 значений) и *угол* (13 значений), а в подзоне уникально развитой многозначности таких существительных нет совсем. Аналогичная картина наблюдается среди стилистически окрашенных прилагательных: абсо-

лютнос большинство таких прилагательных относится к приграничной подзоне, к центральной подзоне относятся только два прилагательных (*святой* и *хобовой*), а в подзоне уникально развитой многозначности такие прилагательные не зафиксированы. Несколько иная картина наблюдается среди глаголов: здесь зафиксировано стилистически окрашенное слово, относящееся к подзоне уникально развитой многозначности (*хватить*, 20 значений); еще один глагол (*драть*, 13 значений) относится к центральной подзоне, а все остальные – к приграничной подзоне.

Интересные результаты может дать сопоставление распространённости стилистической окраски рассматриваемого типа в сфере основных и вторичных значений у слов различных частей речи (см. табл. 13).

Таблица 13

Количество слов и значений с функционально-стилистической окраской основных и вторичных значений имен и глаголов

Помета	Часть речи					
	глагол		существительное		прилагательное	
	осн. знач.	втор. знач.	осн. знач.	втор. знач.	осн. знач.	втор. знач.
Спец.	18	146 (106 слов)	20	233 (118 слов)	6	60 (39 слов)
Разг.	15	803 (376 слов)	1	126 (86 слов)	–	86 (125 слов)
Книжн.	–	4 (4 слова)	–	5 (5 слов)	–	1 (1 слово)
Офиц.-дел.	–	1 (1 слово)	–	–	–	–
Трад.-поэт.	–	1 (1 слово)	–	3 (3 слова)	–	1 (1 слово)
Народ.-поэт.	–	1 (1 слово)	–	3 (3 слова)	–	2 (2 слова)
Высок.	–	–	–	2 (2 слова)	–	1 (1 слово)

Примечание. Поскольку одно слово может иметь несколько стилистически окрашенных значений, в таблицу включены сведения и о количестве стилистически окрашенных значений и о количестве слов со стилистически окрашенными значениями.

Табл. 13 свидетельствует, что количество стилистически окрашенных первичных и вторичных значений в различных частях речи определенным образом взаимосвязано. Например, помета «спец.» особенно характерна для существительных (20 первичных значений и 233 вторичных значения у 118 слов), на втором месте по числу и первичных и вторичных значений находятся глаголы (18 первичных значений и 146 вторичных значений у 106 слов), на третьем месте по числу и первичных и вторичных значений находятся прилагательные. Соответственно если глагол лидирует по количеству основных значений с разговорной окраской, то это лидерство сохраняется и при анализе вторичных значений. В тех случаях, когда в рассматриваемой зоне нет слов с соответствующими пометами к основному значению или лексеме в целом («офиц.-дел.», «высок.» и др.), то количество вторичных значений с соответствующей окраской очень невелико.

Итак, проведенный анализ показывает, что стилистические признаки действительно мало характерны для лексем (или их основных значений), относящихся к зоне широко развитой многозначности: в этой зоне совсем нет слов с эмоциональной окраской, некоторым исключением из общего правила являются только существительные, первое значение которых относится к специальной сфере употребления (физической, математической, религиозной и др.), и глаголы разговорной сферы употребления, причем указанная стилистическая окраска всегда относится не к слову в целом, а только к его первому значению.

Стилистически окрашенные слова (или стилистически окрашенные первые значения) чаще всего встречаются в приграничной подзоне, такие слова лишь эпизодически отмечаются в центральной подзоне и нехарактерны (обнаружено лишь одно исключение) для подзоны уникально развитой многозначности.

Вместе с тем вывод о нехарактерности для рассматриваемой зоны стилистически окрашенных слов не должен толковаться расширительно:

кированных вторичных значений (прежде всего, специальных и разговорных).

Социолингвистическая систематизация лексики в зоне широко развитой многозначности

В МАС-2 представлена социолингвистическая информация о трех разрядах лексики: об устаревших словах (систематизация с точки зрения динамики словарного состава русского языка), об иноязычных по происхождению словах (систематизация с точки зрения происхождения), об областных и просторечных словах (систематизация с точки зрения употребительности в социальном пространстве).

В исследуемом словаре социолингвистическая информация о лексических единицах представлена двумя способами. Сведения о том, что слово (отдельное значение) относится к числу устаревших, просторечных или областных, представлены в виде пометы перед толкованием. При иноязычных по происхождению словах информация о языках-источниках дается в виде этимологической справки в конце словарной статьи.

Рассмотрим представленность в зоне широко развитой многозначности трех отмеченных выше разрядов слов, в словарных статьях на которые имеется социолингвистическая информация.

Прежде всего необходимо отметить, что в рассматриваемой зоне совсем нет слов, у которых пометы «обл.», «прост.», «груб. прост.» относились бы ко всей лексеме, и даже слов, у которых такие пометы относятся к первому значению. Это подтверждает положение о том, что наиболее многозначные русские лексемы относятся к числу общеупотребительных.

Вместе с тем достаточно часто в зоне широко развитой многозначности встречаются слова, в семантической структуре которых отмечаются вторичные значения. Нередко встречаются и лексемы, имеющие по два, три, четыре и даже пять лексико-семантических вариантов с такими пометами. Например, прилагательное *здоровый* имеет следующие маркированные лексико-семантические варианты:

3. Прост. Крепкого сложения, сильный, могучий.

// Прост. Значительно превышающий обычную для данного предмета величину, объем и т.п.: большой.

// Обл. Крепкий, очень прочный, исправный (о предметах).

4. В значении сказуемого, с несопр. формой или на что. Прост. Неутомим, ловок, искусен делать что-либо.

5. Прост. Значительный по размерам, силе и степени своего проявления.

Специальные подсчеты показывают, что в рассматриваемой зоне помету «обл.» имеют вторичные значения семи глаголов (8 значений), пяти существительных (5 значений) и двух прилагательных (2 значения). Соответственно помету «прост.» имеют вторичные значения 189 глаголов (278 значений), 32 существительных (42 значения) и 21 прилагательного (27 значений), помету «груб. прост.» имеют вторичные значения шести глаголов (7 значений) и ни одного существительного или прилагательного. Эти данные свидетельствуют, что положение о том, что для наиболее многозначных русских слов рассматриваемые признаки нехарактерны, не относится к вторичным значениям рассматриваемых слов. Более того, вторичные просторечные значения имен и особенно глаголов широко распространены в исследуемой зоне.

Рассмотрим лексику зоны широко развитой многозначности с точки зрения динамики словарного состава. При исследовании было обнаружено, что в анализируемой зоне совсем нет слов, у которых помета «устар.» относится ко всей лексеме, и всего девять слов с такой пометой к первому значению: шесть существительных (*венец, натура, снаряд, собрание, толк, урок*), два глагола (*обратиться* и *произать*) и одно прилагательное (*пламенный*). Показательно, что абсолютное большинство вторичных значений указанных слов диахронически не маркировано.

Значительно чаще рассматриваемая помета характеризует вторичные значения слов рассматриваемой зоны: такая помета отмечена у 83 глаголов (102 значения), 76 существительных (93 значения) и 43 прилагательных (57 значений). Показательно, что у некоторых слов указанная помета относится к нескольким лексико-семантическим вариантам. Примером может служить прилагательное *красный*. Ср.:

4. Устар. Радостный, счастливый.

6. Только полная форма. Устар. Парадный, почетный.

К сфере архаичных можно отнести еще два значения этого прилагательного:

3. Трад.-поэт. Красивый, прекрасный.

5. Народн.-поэт. Ясный, яркий, светлый.

Представленный материал показывает, что вывод о том, что архаизмы мало характерны для зоны широко развитой многозначности, относится только к сфере основных значений, тогда как вторичные значения слов рассматриваемой зоны достаточно часто относятся к числу устаревших.

При исследовании лексики зоны широко развитой многозначности с точки зрения происхождения обнаружились существенные различия в количестве заимствований. Если не учитывать слова церковнославянского происхождения (а разграничить исконно русские и церковнославянские слова не всегда возможно), то в глагольной лексике рассматриваемой зоны можно отметить всего три заимствованных слова (*сформировать, танцевать, фиксировать*), причем все они относятся к приграничной подзоне, так как имеют по семь-восемь значений.

Среди имен прилагательных обнаружено 16 слов (около 7% от общего количества прилагательных в составе зоны) с заимствованными корнями: *исторический, классический, нейтральный, партийный, революционный, розовый, технический, трагический, фальшивый, фантастический, фигурный, физический, фронтовой, центральный, экономический, элементарный*.

Интересно, что все эти слова относятся к приграничной подзоне, то есть имеют по семь-восемь значений.

Основные языки-источники заимствования – это древнегреческий (7 слов), латынь (4 слова) и французский (3 слова).

Совершенно иная картина наблюдается среди имен существительных зоны широко развитой многозначности: здесь зафиксировано 56 заимствований из европейских языков, что составляет более 22% от общего числа существительных в рассматриваемой зоне.

Показательно, что четыре существительных (*класс, линия, форма, фигура*) относятся к подзоне уникально развитой многозначности (в этой подзоне совсем нет заимствованных прилагательных и глаголов). Еще девять слов (*команда, партия, позиция, программа, товарищ, тон, фронт, центр, хор*) относятся к центральной подзоне, где также совсем нет прилагательных и глаголов.

К приграничной подзоне относятся следующие 42 имени существительных с широко развитой многозначностью: *галерея, горизонт, история, кабинет, карта, картина, колонна, контакт, корона, культура, курс, лента, маска, масса, машина, модель, музыка, натура, номер, операция, патрон, пирамида, план, пластика, премия, район, решетка, стихия, сфера, сцена, теория, тип, титул, тур, характер, цирк, шабаш, школа, штука, эволюция, элемент, этап*.

Основные языки-источники для подзоны уникально развитой многозначности – это латынь (31 слово), древнегреческий (13 слов), французский (11 слов).

Представленные данные свидетельствуют, что иноязычное происхождение не препятствует развитию многозначности у существительных, а высказывания о нехарактерности широко развитой многозначности для заимствованной лексики в действительности относятся только к глаголам и – в значительно меньшей степени – к именам прилагательным.

В качестве языков-источников для заимствования чаще всего отмечаются латынь, древнегреческий и – в меньшей степени – французский. Для этой зоны нехарактерны заимствования из английского, голландского, западнославянских и тюркских языков, которые достаточно распространены в других зонах. Показательно, что все иноязычные по происхождению слова рассматриваемой зоны имеют в русском языке длительную историю употребления, то есть заимствованы до XX века.

В целом лексико-семантическая, лексико-стилистическая и социолингвистическая систематизация лексики в зоне широко развитой многозначности позволяет сделать следующие выводы.

1. Наиболее многозначные русские слова неравномерно распределены по лексико-семантическим объединениям.

Абсолютное большинство глаголов из зоны широко развитой многозначности относится (в основном значении) к полю действия, а в его составе – к подполям горизонтального и вертикального перемещения, помещения объекта. Глаголы рассматриваемой зоны значительно реже относятся к полям состояния и отношения, в составе целого ряда подполей и лексико-семантических групп совсем нет глаголов рассматриваемого типа.

Большинство наиболее многозначных русских прилагательных обозначают качества человека, особенно часто – его характер, физические качества и эмоции, а также признаки, воспринимаемые органами чувств человека (особенно зрением и слухом). Для прилагательных зоны широко развитой многозначности мало характерно обозначение отношения к абстрактным понятиям.

Существительные зоны широко развитой многозначности относятся к суперклассу «материальный мир» в три раза чаще, чем к суперклассу «абстрактные отношения и формы существования материи». Преобладающая часть существительных рассматриваемой зоны обозначает конкретные, воспринимаемые органами чувств предметы (человек как живое существо, животные, части тела человека и животных, части растений, средства труда и т.п.), тогда как эмоциональная, волевая и социальная сферы представлены в зоне широко развитой многозначности значительно слабее.

2. Лексические единицы из зоны широко развитой многозначности преимущественно относятся к числу общепотребительных. Показательно, что в словарные статьи на эти слова относительно редко включаются пометы, указывающие на стилистические свойства лексемы в целом или хотя бы ее первого значения (сказанное не относится ко вторичным значениям рассматриваемых слов).

Однако указанная закономерность неодинаково проявляется в различных грамматических и семантических объединениях слов. Так, среди глаголов особенно распространены слова с разговорной окраской основного значения, а среди существительных – слова, ориентированные на использование в специальных сферах (с пометами «спец.», «мат.»).

«биол.», «восн.» и т.п.). Эпизодически в составе зоны отмечаются слова, первые значения которых маркированы как устаревшие.

Следует отметить, что общее положение о том, что в зоне широко развитой многозначности используется преимущественно общепотребительная лексика, не относится к сфере вторичных значений рассматриваемых слов.

3. В зоне широко развитой многозначности широко представлены слова, заимствованные из других (преимущественно классических) языков, однако эти слова очень неравномерно распределены по частям речи. Наиболее полно в рассматриваемой зоне представлены иноязычные по происхождению имена существительные (56 слов, 22% от общего количества существительных в составе зоны). В три с половиной раза реже встречаются в рассматриваемой зоне заимствованные имена прилагательные (16 слов, чуть более 6% от общего количества прилагательных в составе зоны). Крайне редко (всего 3 слова) в состав зоны входят заимствованные глаголы.

4. Лексико-стилистическая и социолингвистическая систематизация словарного состава зоны широко развитой многозначности подтверждает гипотезу о реальности границы между зонами многозначности на рубеже в семь значений. Одновременно исследование подтверждает гипотезу о наличии в зоне широко развитой многозначности трех подзон: приграничной (7–10 значений), центральной (11–15 значений) и подзоны уникально развитой многозначности (16 и более значений).

Наиболее ярко все отмеченные для зоны закономерности проявляются в подзоне уникально развитой многозначности, тогда как большинство всевозможных исключений относится к приграничной подзоне.

Глава 5. Семантическое варьирование слова в тексте

5. 1. Метафорическое моделирование в агитационно-политических текстах

Метафора с точки зрения семантики, как известно, двуплановое образование. Она содержит в себе образный элемент, который несет информацию о конкретных объектах и сущностях. Концентрируя в себе существенные черты обозначаемого, метафора как образное средство становится инструментом познания объектов действительности, дает дополнительную информацию по сравнению с прямым наименованием. В этом смысле можно говорить о *моделирующей* функции метафоры. Сущность метафорического моделирования состоит в раскрытии имплицитных параллельных значений, дополнительных к эксплицитно выраженному смыслу метафорических высказываний. Восстанавливая связи и закономерности ассоциирования концептов в процессе метафоризации, мы строим модель, когнитивный коррелят данного фрагмента действительности.

Для изучения образной информации необходимо «погружение» в тезаурус. О принципах изучения такой информации говорит Ю. Н. Караулов: «Всякий образ можно перевести на семантический уровень, можно вербализовать, раскрыть его суть, его когнитивное содержание (...), но происхождением своим образ обязан только знаниям, появляющимся, когда мы покидаем поверхностно-ассоциативный уровень и погружаемся в тезаурус» (Караулов Ю.Н., 1987, с.49). Исследователь называет в качестве основного принципа построения тезауруса иерархически-координативный, имеющий тенденцию к логико-понятийной упорядоченности. Эта упорядоченность стремится к тому, чтобы стать непосредственным отражением, характеристикой самой действительности. При этом связи явлений реальности определяют взаимозависимость элементов тезаурусной системы. На основе установления таких обуславливаю-

щих друг друга единиц можно выделить метафорические модели, своего рода аналоги семантических полей лексики.

Метафорическая модель (ММ) предстает в концепции Ю.Н. Караулова и А. Н. Баранова как когнитивный аналог реальных связей сущностей объективного мира, их взаимодействий и зависимостей, который (аналог) создается на основе классификационных связей метафорических единиц.

Итак, следуя за Ю. Н. Карауловым и А. Н. Барановым, авторами словаря «Русская политическая метафора», мы избираем в структуризации метафор подход, ориентированный, скорее, на методологию когнитивной лингвистики. А. Н. Баранов замечает в этой связи: «С когнитивной точки зрения процессы метафоризации – это специфические операции над знаниями, часто приводящие к изменению онтологического статуса знания» (Баранов А.Н., Караулов Ю.Н., 1991, с.186). В одном случае метафора может разрушить старую категориальную сетку и изменить стандартное представление о фрагменте действительности. В другом случае метафора выполняет концептуальную функцию, структурируя новое и/или абстрактное понятие.

Организация моделей осуществляется на основе установления специфических отношений метафор на сигнификативном, денотативном и экспрессивном уровнях. Сигнификативное измерение означает установление связей метафор на понятийном уровне. Денотативное измерение демонстрирует область объектов метафорического осмысления. Для экспрессивного измерения важным является установление связей метафор с одним и тем же набором условий речевого общения. Такой комплексный подход к анализу метафор позволит сделать выводы о продуктивности их функционирования, выявить закономерности взаимодействия метафорических моделей, установить способы осмысления тех или иных реалий, определить зависимость между степенью экспрессивности метафор и контекстуальными условиями их употребления, следовательно, осуществить прагматическую интерпретацию этого языкового феномена.

Анализ метафорических моделей можно представить посредством метаязыка фреймов. По определению А. Н. Баранова, «фрейм – это описание типизированной ситуации, состоящее из слотов. Каждый слот

представляет собой некоторый тип информации, релевантый "для данного фрагмента действительности"» (Там же, с.188). Метафорическая модель в соответствии с этой концепцией включает два фрейма. Первый фрейм, по А. Н. Баранову, фрейм источника, соответствует сигнификативному дескриптору данной группы метафорических выражений, а второй – фрейм цели – денотативному дескриптору. Источниковый фрейм дает название ММ. Среди критериев выбора имени для ММ можно назвать следующие:

оно должно «иметь в виду» какой-то денотат, то есть допускать пространственную или временную локализацию;

оно должно обладать ассоциативной «прозрачностью», то есть давать возможность видеть за ним состав данной модели;

оно должно задавать ориентацию разворачиванию ММ;

оно должно обладать более широким значением, чем имя в исходном значении.

Основными свойствами ММ являются их способности к разворачиванию, взаимодействию с членами других моделей, системный характер, целостность и выделяемость, открытость и незавершенность.

Метафоры, входящие в модель, связаны между собой понятийно-логическими отношениями. Они также могут вступать в парадигматические связи, образуя лексико-семантические группы внутри модели (например, виды болезней, механизмов, оружия). Целостность и выделяемость модели обусловлены взаимоопределяемостью ее составляющих, возможностью установить ассоциативные связи между лексемами-прообразами метафор, а также наличием в ряде случаев общности компонентов в структуре их значений.

Способность к разворачиванию ММ может найти воплощение в словесном тексте, эксплицирующем метафорические понятия.

Способность моделей отражать бесконечное количество реально существующих связей между предметами и явлениями объективной действительности обеспечивает открытость и незавершенность этих систем.

Определив степень структурированности, развернутости тезауруса модели, мы сможем сделать вывод о ее продуктивности и установить «моделирующий потенциал» той или иной метафоры.

5.1.1. Основные метафорические модели

Анализируя конкретный языковой материал – агитационно-политические тексты 90-х годов нашего столетия, – мы выделили ряд наиболее продуктивных моделей политических метафор с точки зрения их структурированности и их процентного содержания в общем массиве метафорических единиц. Ряд метафорических моделей можно отнести к числу «потенциальных», учитывая, с одной стороны, их концептуальный характер, развернутость в контексте, богатство смыслового содержания, а с другой – их относительную редкость и слабую структурированность. Наконец, существует и ряд метафор, не включенных в ММ. Метафоры этой группы относительно редко встречаются в исследуемых текстах, а поэтому такие метафорические модели не всегда можно описать по полной схеме с указанием всех фреймов и слотов.

Рассмотрим некоторые наиболее частотные метафорические модели, используемые в русском политическом дискурсе, начиная с самых продуктивных.

Метафорическая модель

«общество – это биологический организм»

В количественном составе всего материала метафоры модели «общество – это биологический организм» занимают 10,3 %. Метафоры, образованные по этой модели, представляют собой структурное образование, члены которого содержат смысловые компоненты, максимально усиливающие чувственное восприятие реалий, на которые направлены их значения.

Модель «общество – это организм» содержит ряд фреймов источника.

1. Фрейм «Части организма».

Слоты:

1.1. Лицо: *лицо партии, лицо города, человеческое лицо России* и т. д.

1.2. Кровеносная система: *финансы – кровь России и Екатеринбурга.*

1.3. Позвоночник: *Россия – хребет СССР.*

1.4. Другие части: *Новая рабочая организация должна стать для российского народа его «мозгом, глазами и мощными кулаками».* С метафорической группой «Кровеносная система» связана окказиональная метафора: *русский народ – донор для других республик – общим компонентом значения «кровь».*

2. Фрейм «Состояние организма».

2.1. «Здоровье организма».

В основе лежит концептуальная метафора «Здоровое общество». Представлен рядом языковых метафор – структурно однотипных конструкций «прилагательное + существительное»: *здоровое общество, здоровые силы, здоровая конкуренция, здоровая власть* и т.д.

2.2. «Болезнь/повреждение организма».

В основе лежит концептуальная метафора «больное общество». Этот слот детально структурирован. Здесь можно выделить лексико-семантическую группу «Виды болезни»: *красно-коричневая чума, гепатинный шок возвращения старого прошлого, законодательный понос, опасная слепота народа, кровавые раны народа, занозы в нашей жизни.* Окказиональная метафора *Военно-промышленный комплекс прочно сидел на уральской алюминиевой игле* ассоциативно связана с понятием о наркотической зависимости как своего рода болезни.

2.3. «Стадии болезни»: *развитие через кризисные потрясения – не лучший путь выздоровления общества, агонизирующая советская империя.*

2.4. «Лечение болезни».

Представлен лозунговыми призывами «оздоровить» (жизнь, финансовую систему, экономику и т.д.). Кроме того, предлагаются такие способы лечения, как *шоковая терапия экономических реформ, укалывание по болевым точкам* и т.д.

2.5. «Смерть».

Основан на концептуальной метафоре «политическая смерть», встречающейся в разных контекстах, где речь идет о персоналиях. Очень

распространены и глагольные конструкции: *агропромышленный комплекс умрет, не дадим умереть студенческому спорту и т.д.*

2.6. «Разложение»: *духовное разложение, разложение нравственности и т.д.*

2.7. «Похороны»: *могильщики народа, кладбище духовных отцов и т.д.*

Вне смысловой оппозиции в определении состояния организма как больного или здорового выделяется окказиональная метафора *Россия-девственница*, присоединяемая к ММ «организм» на основе общего смыслового компонента, входящего в периферийную часть денотативного значения слова *девственный*. – организм.

Денотативная область функционирования ММ «организм» включает в себя широкий спектр объектов: финансы, экономика, общество (народ), органы политического управления, законодательство, партии и движения, политические деятели, Россия (СССР), СМИ, репрезентированные в материале ситуации выборов, путча, референдум.

Анализируя связи членов ММ со сферой денотатов, можно сделать ряд выводов.

Самыми «больными» объектами политической реальности представляются экономика, общество как духовное сообщество людей, законодательство, государственное устройство России: *Паралич законов губит многие наши благие начинания; Это был законодательный понос. Они [депутаты Верховного Совета России] не могли остановиться; Миллионы людей больны болезнью гражданской войны; Идея Б. Федорова о том, что государство во время мирного выхода из кризиса не будет иметь дефицит бюджета, -- кретинизм чистой воды.*

Финансовая система осмысливается как важнейшая составляющая функционирования всего общественного организма: *Хунта легко могла бы удушить российскую экономику; Не постигни товарища Павлова гипертонический криз, взвод солдат остановил бы всю кровеносную систему экономики – денежное обращение – за 20 минут. Ряд политических реалий и персонажей, уходящие или уже сошедшие с политиче-*

ской арены, осмысляются как «умершие»: *Первым, еще до танковых залпов по Белому дому, скончался миф о всевластном съезде; В недавнем интервью на ЦТ Горбачев сказал: «Если случится насилие – это будет моя политическая смерть». Думаю, он оказался очень близок к собственному прогнозу.*

Деятельность политических партий, движений и их лидеров зачастую осмысляется как угрожающая, несущая болезнь и даже смерть: *могильщики народа, красно-коричневая чума.*

На динамику функционирования ММ «организм» влияет целый ряд факторов, важнейший из которых – зависимость от целеустановок коммуникантов. В ситуации выборов, например, установка на рекламу того или иного лидера реализуется с помощью метафор, рисующих картины больного общества и как средство спасения – образ политика, предлагающего радикальные меры лечения: *Для оздоровления финансовой системы сократить вовсе разросшийся государственный аппарат; Больного человека спасет только здоровая медицина. Вылечим наше здравоохранение!* Такое представление образа политика как врача является стереотипным.

Заметно повлияла на характер метафор поляризация политических сил в обществе, отраженная в парадигме социальных ролей коммуникантов. В 1994 г. один из кандидатов на выборах в городское собрание представителей, О. Мазур, заявил: *Мне кажется, что различные партии и движения у нас еще не оформились, у них нет лица.* В 1995–1996 гг. коммуниканты резко усиливают оценочность своих высказываний в адрес политических противников: *дебильный принц, паразиты на теле ослабленного государства* и т.д.

Динамика соотношения социальных ролей коммуникантов ведет к увеличению эмоциональной «заряженности» текстов, а следовательно, к изменению их тональности. В текстах начала 90-х гг. авторами используются метафоры с широкой денотативной сферой: *здоровые силы, ослабленный, больной центр, агонизирующая империя*, – что придает текстам оттенок патетичности, возвышенности. В 1995–1996 гг. более выражена авторская ориентация на актуализацию с помощью метафор определенного эмоционального компонента, который становится домини-

нирующим и воспринимается как олицетворение эмоциональной тональности текста в целом. Так, метафоры ММ «организм» могут становиться своеобразным центром авторских интенций, разворачиваясь в подзаголовках статьи на предвыборную тему: «Комсомольцы ходят побольшему», «Поверхностный анализ», «Анализ желчи», «Анализ шлаков», «Общий анализ», «Диагноз». Подобный прием реализует тональность грубой иронии и уничижительности в адрес политических противников. Таким образом, можно сделать вывод о высокой продуктивности и детальной структурированности ММ «организм», благодаря чему общественно-политическая сфера нашей жизни приобретает признаки живого мира. Стереотипным представлением можно считать образ глубоко больного общества, требующего лечения. Политики рисуются в качестве врачей, имеющих свои методы воздействия на организм. Неизвестно, насколько глубоко осмысляются истоки болезни, а, как известно, без выяснения первопричины лечение окажется неэффективным.

Ряд метафор, входящих в состав ММ «организм», взаимодействуют с единицами ММ «война» благодаря общим смысловым компонентам «насилие», «кровь», «повреждение». Ср.: *Мы все страдаем от кровавых ран нашей жизни. Рана – повреждение в тканях тела от внешнего воздействия, повреждения* (МАС, 1985). *Россия – хребет СССР. По хребту и бьют. Бить*² – наносить удары, побои; избивать (МАС, 1985).

Итак, рассматриваемый материал позволяет выделить основные фреймы исследованной модели («Части организма», «Состояние организма» и т.д.), слоты, составляющие фреймы (болезнь и ее стадии, ее виды, лечение, смерть и т.д.). Анализ даст представление о ведущей денотативной области рассматриваемой метафорической модели (СССР, Россия, народ, экономика, система управления, партии, политические деятели).

Метафорическая модель «политические отношения – это война»

В общем составе всего материала метафоры модели «политические отношения – это война» занимают 10 %. В основе данной модели лежит ряд концептуальных метафор, содержащих номинацию «война» и ее стилистико-экспрессивные синонимы: *война законов, война властей, перестроечные батальи, трибунно-мегафонные ристалища* и т.д.

Данная модель содержит следующий ряд фреймов источника.

1. Фрейм «Воснные действия».

1.1. Слоты: «информационная блокада», «метод мозговой атаки», «торпедировать Союзный договор», «телерадио-пальба» и т.д.

2. Фрейм «Участники военного конфликта».

Слоты:

2.1. «Агрессоры»: *бойцы за счастье народное, политики первого призыва, гражданские солдаты общества, стратег ельцинских реформ* и т.д.

2.2. «Жертвы»: *заложники ельцинских реформ.*

3. Фрейм «Вооружение»: *переизбыток президентской власти мина замедленного действия, щит народного доверия, отливать пули в предвыборной борьбе, выборы сыграли роль детонатора* и т.д.

4. Фрейм «Воснные ритуалы»: *парад законов, парад суверенитетов, парад президентов* и т.д.

Метафоры модели «война» отражают существующую в традиционных представлениях связь с другим миром насилия – миром уголовным. Политики начинают использовать не только номинации уголовных преступлений, но и специфическую лексику воровского аргота. Ср.: *Все кандидаты очень даже могут изнасиловать парламент; В 1993 г. большевики и меньшевики провели разборку. Тысячи погибли, а паханы снова в правительстве; Нет, я не вырезал никакую команду, никого не «кончал», потому что понимал: профессионал это огромное богатство, и его надо привлечь на свою сторону.*

Если проанализировать денотативную область функционирования ММ «война», то можно заметить, что она несколько сужена по сравнению с моделью «организм» и не включает в себя такие предметные сферы, как экономика и финансы. Главными объектами метафорической номинации здесь являются, прежде всего, политические феномены и характер их «бытия» в ситуативном контексте. В терминах войны осмысляются ситуации выборов в различные органы управления: *В обкоме КПСС не торопились выходить в атаку; Всем хорош «Наш дом – наш город», одно плохо – воюют с Росселем; Разгорелись избирательные бои.*

Особенно ярко «военные» метафоры проявляют себя в ситуации путча (как в 1991 г., так и в 1993 г.), что вполне оправдано характером самого события. Ср.: *Путчисты намеревались торпедировать Союзный договор; Бой становился все более ожесточенным. Но уже не у телецентра – в наших душах; Здание Верховного Совета осталось последним плацдармом свободы.*

Соответственно субъекты политической деятельности, представляющие разнонаправленные силы общества, идеологические ценности и приоритеты, также попадают в сферу метафор войны: *политики первого призыва; кандидаты в депутаты – гражданские солдаты общества; в политику идут эшелоны различных деятелей и т.д.* Ср.: *Законодательный орган любого уровня должен быть штабом, где решаются все местные проблемы; Его [Олега Долганова] имидж буквально «взорвал» стереотипы общественного сознания.*

Особое значение в милитаризованном общественном диалоге приобретают средства массовой информации, грозное «информационное оружие», способное самостоятельно вести боевые действия, устанавливая «информационную блокаду» или устраивая «телерадиопальбу».

Как отмечают авторы словаря «Русская политическая метафора», милитаризация мышления оказывается основой тоталитарного сознания. Фактическое разрушение прежней государственной системы направило это сознание на поиски врагов не вовне, а внутри общества, чему способствует и усложнение социальной ролевой матрицы. Богатый военный опыт находит свое воплощение в метафорах, функционирующих в разных ситуациях и в разные периоды, превращая их в универсальное

и доступное средство осмысления политических реалий. Это явление сформировавшегося стереотипа общественного сознания, которое способно ограничивать поиск альтернатив социального развития и сужает поле принятия решений. Другой стереотип навязывает конфронтационные представления, отношения военного противостояния между различными общественными силами. Метафоры, входящие в ММ, взаимодействуют с рядом единиц ММ «политическая деятельность – это игра» благодаря общему смысловому компоненту «борьба, состязание»: «гонка вооружений», «милитаристские игры», «безумные игрища» (о попытке военного переворота в августе 1991 г.).

Таким образом, рассмотренные материалы позволили выделить основные фреймы данной модели: «военные действия», «участники военного конфликта» и как слоты – «агрессоры», «жертвы», фрейм «вооружение», его виды и т.д. Модель войны, как следует из анализа, функционирует в основном в ситуативном контексте – это ситуации выборов, путча, референдума.

Метафорическая модель «политика – это игра»

Метафоры модели «политика – это игра» составляют 10, 2 % от общего материала.

Данная модель основана на концептуальной метафоре «политическая игра», содержащей вспомогательный компонент, который дает широкую основу для вычленения и осмысления важных сторон вербализованного понятия благодаря своей многозначности и богатству ассоциаций, направленных на языковые значения, связанные с понятием «игра».

Слово *игра* имеет семь значений, основой метафорического переноса являются второе, шестое и седьмое:

игра 2 – занятие, обусловленное совокупностью определенных правил, приемов и служащее для заполнения досуга, для развлечения, являющееся видом спорта и т.д.;

игра 6 – исполнение сценической роли;

игра 7 – преднамеренный ряд действий, преследующий определенную цель; интриги, тайные замыслы (МАС, 1985).

Метафорическая модель «политика – это игра» включает в себя следующие фреймы.

1. Фрейм «игра» (без конкретизации вида игры): *Все шло к тому, что еще несколько дней тихого противостояния и игра будет проиграна – регионы заставят Ельцина пойти на попятный; Хасбулатов до последнего, буквально до последнего играл на Ельцина. И если он вдруг взбрыкивал, то это была не больше, чем поза, не более чем игра; И я вам скажу, обратите внимание: как только средства массовой информации начинают кого-то выталкивать, насторожитесь! Вот когда начинается игра!*

2. Фрейм «спортивная игра».

Слоты:

2.1. «Виды спортивных игр»: *предвыборная гонка, избирательный марафон, перетягивание каната и т.д.*

2.2. «Спортивные снаряды и сооружения»: *Мы перепрыгнули 30 % барьер спада производства почти в 2 раза; Визит Ельцина в регион, где традиционно сильны позиции коммунистов, свидетельствует о серьезном намерении поиграть на чужом поле.*

2.3. «Участники спортивных состязаний»: *социальные аутсайдеры, кремлевская команда, команда президента, правительственная команда и т.д.*

3. Фрейм «карточная игра».

Слоты:

3.1 «Карты и их расклад»: *Человек в погонах никогда больше не может быть использован как козырная карта в политической игре; Колоду политических лидеров нужно менять; «Немецкая карта» успешно была разыграна в Совете Федерации России.*

4. Фрейм «интеллектуальные игры».

Слоты:

4.1. «Шахматы»: *Политика в строгом смысле этого слова, т.е. передвижение на доске политических фигур, меня абсолютно не интересует.*

4.2. «Шарады»: *Я не могу и не хочу разрешать свои сомнения игрой в политические шарады, ждать и ридить, кто и как воспользуется моим голосом.*

4.3. «Домино»: *Расчет (путчистов) был на то, что ...сыграет «эффект домино»: одно учреждение за другим будут переходить в руки заговорщиков.*

Этот ряд можно продолжить, он остается открытым и пополняется все новыми единицами, отражающими индивидуальность представлений автора.

Рассматривая денотативную область функционирования метафор модели «игра», можно сделать вывод о преимущественном «бытии» этих метафор в сфере политической. Предметные области экономики и финансов обладают свойствами, ограничивающими возможность применения номинаций, связанных с игрой: экономика является основой общественного устройства, финансы – тем, что поддерживает это устройство, а значит, и то и другое не может и не должно иметь отношение к досугу, развлечению, лицедейству, интригам, азарту – всему тому, что характеризует сферу личностных проявлений.

В терминах игры преимущественно осмысливается детальность органов политического управления, партий и движений: *Вверху – политические игры, внизу шумное недовольство; Восемь высокопоставленных коммунистов, затеявших безумные политические игрыца, подписали партии приговор.* Политическая игра (или политические игры) – это метафорическое наименование политического маневрирования, интриг, закулисных сговоров, сделок, скрытых замыслов за фасадом безупречных политических отношений. Как отмечает энциклопедический словарь «Политология», не следует смешивать политическую игру и применение теории игр для моделирования политических процессов и событий. Понятие политической игры не имеет с такой теорией и ее математическим аппаратом ничего общего, кроме обозначения (в переносном смысле слова) самого процесса скрытой или явной борьбы (Политология: Энциклопедический словарь. М. 1993, с.263).

В политическом языке политику отождествляют с игрой в более широком смысле, чем понятие «политическая игра». Такое отождест-

вление требует обозначения границ метафоры. Переносный, метафорический смысл понятия «политическая игра» состоит в достаточно тонком, хотя и точном различии между политикой (политическим действием и творчеством) и игрой. Суть этого различия состоит в самом понятии игры. Строго говоря, игра является имитацией деятельности, а не самой деятельностью, которую она в определенной (игровой) форме воспроизводит. Так, детские игры имитируют занятия взрослых, военные игры – боевые операции, спортивные игры – реальный физический или умственный труд, азартные игры воспроизводят борьбу, закономерности и случайности в жизни человека, удачу и судьбу и т.д. Цели таких игр – упражнение, тренировка, эмоциональное напряжение, наслаждение, отдых с полезным эффектом деятельности (которая имитируется игрой). Эти цели имеют лишь то общее, что они готовят его к получению результата. В политике нет аналогичных ситуаций: игровой имитации, тренировки, подготовки к реальной деятельности и т.п. Помимо того, игровая деятельность, как и любая другая, подчинена правилам, часто очень строгим, включающим ограничение игрового пространства и времени игры. Общее понятие политической игры не знает правил такого рода. Это игра без правил, единственные регламентирующие правила в ней – нормы морали, формальные или негласные конвенции, чувство меры и т.п.

Слишком буквальное отождествление политики с игрой имеет своим следствием то, что авторы начинают сетовать на отсутствие четких критериев в политической деятельности. Ср.: *Основная проблема на стороне государственной власти, которая неспособна создать такие правила игры в государстве, чтобы преступники шли в тюрьму, а честные граждане чувствовали себя хотя бы в относительной безопасности; Поражает же как недостаточная продуманность решений местного парламента, так и непрописанность правил игры.*

При всем различии политики и игры основания совмещать их, тем не менее, есть. Это структура присущих им отношений, в которой сосредоточен сам смысл игры и политики. Эти отношения проявляются прежде всего в метафорах фреймов спортивной, карточной игры, шарад, домино, шахмат, лотереи и т.д. Эти виды игровой деятельности и явления политической действительности сближаются по наличию целого ряда

элементов. Это наличие двух или нескольких состязающихся сторон, чередование успехов и неудач, выигрышей и проигрышей, погоня за выигрышами и выгодами, отбор сильных и слабых. Например, ситуация выборов видится как спортивное состязание, чаще всего – легкоатлетическое: *Каждый шестой бывший российский нардеп снова участвует в предвыборном марафоне – точнее, забеге на спринтерскую дистанцию. Шансы пересечь ленточку первыми у некоторых есть.* Такой характер понимания общественной акции свидетельствует о возросшем динамизме политической жизни и появлении жестокой конкуренции между субъектами политики: *И сам президент, и его команда прекрасно понимают: избирательный марафон – дистанция практически для двоих. Другие соперники не могут надеяться на призы, финиш у кремлевского порога им не грозит.*

С формированием различных политических партий участники коммуникации приобрели ролевой статус «игроков команды», что выдвинуло на первый план умение политиков учитывать корпоративные интересы, а следовательно, соблюдать коллективные нормы, ведя «свою игру», ср. метафорические конструкции «команда какая-либо», «команда кого-либо». Для метафор других фреймов наиболее актуальны такие компоненты, присущие источникам, как увлечение и азарт в расчете на выигрыш, динамизм, импровизация, культура блефа, обманных маневров, возможность скрывать подлинные намерения и вводить противника в заблуждение. Такой вид игры, как, например, карточная, связан с азартом и возможностью махинаций. Предвыборная аргументация в терминах этой игры предстает в виде той или иной карты, чаще всего козырной. Субъекты политической деятельности могут выступать или в роли активных игроков, манипуляторов, или в качестве пассивном, как составляющие карточную колоду: *Карелова не разыгрывает карту «мученицы» и жертвы президентского указа; Идет перетряска колоды политических лидеров.* Использование карточной терминологии может входить в предвыборную агитацию, как, скажем, элемент перифрастичного описания ситуации, присутствует элемент интриги, что продиктовано стремлением вскрыть подлинную, с точки зрения автора, картину. Например, статья, где рисуются образы членов «команды Зюганова»,

членов КПРФ, носит название «Эта шестерка побьет туза», второй смысл которого эксплицируется в подзаголовке, построенном на языковой игре с однокоренными словами: *Говорят, короля играет свита. Бывает, она же его и обыгрывает.* Здесь взаимодействуют два значения: лексемы *играть*, то есть «представлять», и прямое значение слова *обыгрывать*, что порождает эффект каламбура. Осознание игровой природы политической деятельности ведет к требованию установления общепринятых и «честных» конвенций, то есть «правил игры»: *Сейчас мы взялись за наведение порядка и введение правил игры. Определить правила игры это основная задача законодательного собрания.*

Чем мельче политика, тем больше в ней мелких игр, тем больше они связаны с личными симпатиями и антипатиями, всевозможными предрассудками, интригами и честолюбивыми амбициями. И тем больше фигурирует в ней метафор модели игры.

Итак, исследование модели «политика – это игра» позволяет описать ее структуру как состоящую из фреймов «игра» и игры в их разновидностях: «спортивная игра», «карточная игра», «шарады» и т.д. Предметные области функционирования этой модели ограничиваются в основном деятельностью органов политического управления, партий и движений.

Метафорическая модель «политика – это театр»

Метафорическая модель «политика – это театр» охватывает 1,2 % рассмотренных нами метафор. Эта модель имеет тесную смысловую связь с моделью игры, основанную на взаимосвязи несловесных значений и их взаимозависимости от основного значения лексемы *игра*, а также обусловленную общей имитационной природой игровой и театральной деятельности.

Модель театра включает следующие фреймы:

1. Фрейм «драматические действия»: *Жизнь на экране выглядела карнавалом, где смешивались трагедия, комедия, драма; Перестроечный фарс приближается к своей кульминации; Вспомните пом-*

пезные съезды наших генсеков -- разве не шоу на самом высоком уровне?

2. Фрейм «актеры и их персонажи»: *Идут ли в областном законодательном собрании заседают безликие персонажи или эти места займут персоны, то есть личности?; Из крови и хаоса проступает уже без лицемерных масок лик новой диктатуры; Жириновский -- это всегда канкан.*

3. Фрейм «зрители»: *Зритель, то есть мы, аплодирует, хохочет, плачется. И с изумлением передает друг другу фразы и словечки, звучащие из уст актеров.*

Номинации сферы «театра» основаны на концептуальных метафорах «политическая сцена» и «политическая арена», вычленяющих в обозначенной сущности наличие таких смысловых компонентов, как публичность, зрелищность, артистичность, некоторая искусственность. «Театральные» метафоры начинают активно функционировать с начала 90-х гг., увеличивая со временем свою продуктивность. Как «фарс» оценивался процесс так называемой «перестройки», та же номинация фигурирует в материалах о попытках государственного переворота 1991 и 1993 гг.: «театр абсурда», «кровавый фарс», «странный карнавал». Эти метафоры подчеркивают неестественный, противоречивый характер этих ситуаций, с одной стороны, и их трагическую окраску -- с другой.

Политическая жизнь в обществе приобретает все большую яркость, картинность и зрелищность, что вполне соответствует современным тенденциям коммуникации, отмеченным М.В.Китайгородской и Н.Н.Розановой (см.: Русский язык в школе, 1994, № 2). Основная тенденция -- к карнавализации городской жизни -- находит свое отражение в политике, особенно в ситуации выборов: *Десять дней до выборов. Предвыборный спектакль в полном разгаре. Продолжается детство, жанр которого трудно поддается определению: комедия, трагедия, драма, фарс, трагикомедия -- все смешалось на сцене нашего дома.* Затрудняясь четко определить сущность происходящего, авторы все чаще прибегают к метафорической номинации «шоу», включающей в новое значение такие компоненты, как «яркость», «эстрадность», и сопутст-

вующие коннотации, основанные на тривиальных значениях: «нерусское, шумное, легковесное представление».

Метафоры модели театра чаще всего используются для номинации зрелищного аспекта политики, например ее ритуальных форм. Политика в принципе ритуальна, состоит из последовательности обязательных символических действий, событий и демонстраций, которыми она закреплена в обществе (сессии парламента, заседания руководства высших органов государственной, партийной и другой власти, дискуссии и т.п.).

Ритуал служит эстетизации политики, приданию ей известной одухотворенности и определенного стиля. Бессодержательная политика может быть сведена к ряду ритуальных актов – принятию постановлений, которые никто не выполняет, проведению формальных заседаний и т.п., ср.: *пустые игры*. Ритуал, придающий политической жизни ритм, устанавливающий последовательность событий, символизирует порядок, неизбежность событий, придаст им форму, превращает заурядное в особенное, необычное. Например, выборы как ритуальное действие требуют серии подготовок, ср.: *МДПП и «Яблоко»... рассматривают выборы в областное законодательное собрание как репетицию президентских выборов*. Ритуал может служить и служит также фасадом подлинных политических событий, скрывает неприглядность тех или иных политических действий; ср.: *В том, что Чернецкий не годится на роль персонажа «бумажной драмы» с интригами, которым можно манипулировать, мы имели возможность убедиться*.

Широкий круг устойчивых ассоциаций, связанных с понятием «политическая игра», берущих свое начало со средних веков и имеющих в основе идеи, высказанные еще Н.Макиавелли (трактат «О государстве»), формирует целый ряд стереотипов общественного сознания. Политическая деятельность осмысливается как манипулятивная, рассчитанная на зрителя, в чем-то неискренняя, имеющая своих авторов и режиссеров, а значит, и закулисную подоплеку. Поэтому политические «спектакли» зачастую имеют непредсказуемые финалы, что порождает настроение неуверенности в реальности происходящего, а следовательно, определяет позицию недоверия к «актерам», играющим на «политической сцене».

Таким образом, метафорическая модель «политика – это театр» включает в себя следующие фреймы: «драматические действия», «актеры и их персонажи», «зрители». Денотативная сфера функционирования данной модели задана присущими метафорам театра свойствами зрелищности, искусственности, вследствие чего единицы этой модели используются для номинации зрелищного аспекта политики, таких событий, как выборы, путч.

Метафорическая модель «политические процессы – это дорога»

В структуре всего материала метафоры модели «политические процессы – это дорога» составляют 5,3 %. Ключевым, базисным для этой группы является понятие «дорога / путь» – важнейшая составляющая мифопоэтической и религиозной моделей мира, образ связи между отмеченными точками пространства. Метафорическая модель, основанная на данном культурном концепте, максимально отражает прихотливую динамику общественных процессов. Особое значение понятие дороги (пути) получает благодаря тому, что, являясь основой образного строя метафор, в контексте политической реальности оно закладывает фундамент понимания направления и связанной с ним целесообразности общественного движения. Ср. основное и те вторичные значения, которые чаще всего оказываются реализованными в текстах: *дорога* 2, перен. – доступ куда-либо, возможность проникнуть куда-либо (МАС, 1985); *дорога* 4, перен. – направление деятельности, путь развития (Там же).

Фреймовая структура модели отражает компоненты значения, основного и вторичного, слова-источника.

1. Фрейм «маршрут движения», содержащий глагольные конструкции со значением движения и с указанием направления этого движения, сочетания отглагольных существительных с теми же указателями. Сюда относится и метафоризируемое существительное *поворот*, включающее в свою семантику общее указание на отклонение в движении. *Происходит нарастание общего кризиса и сползание страны к катастрофе; Начатая по инициативе М. С. Горбачева политика реформ в*

силу рюа причин зашла в тупик; Только союзный договор может спасти всех нас от дрейфа к унитарной империи; Зададимся вопросом: в состоянии ли Россия выдержать новый крутой поворот? Многие метафоры, включенные в этот фрейм, не только акцентируют в своем значении указание направленности к конечному объекту, но и содержат семы, выполняющие функцию характеристики самого процесса движения – скольжение, сползание, падение, шаги/шажки и т.д.

2. Фрейм «локальные определители». Метафоры этой группы актуализируют в своем значении семы, дифференцирующие те или иные особенности пути движения: *Необходим учредительный орган, который введет Россию в законное, конституционное русло; Сейчас сельское хозяйство на распутье – то ли в фермерский путь отправиться, то ли в привычный совхозно-колхозный; Полянно, что едем не по асфальтовой дороге, а по ухабистому проселку. И все-таки с улыбкой ехать легче.*

Денотативная область функционирования метафорической модели пути/дороги охватывает концепты политики и экономики, отражая смену общественных приоритетов, определяя характер социальных событий. Так, в 1991 г. в ситуации референдума метафоры данной модели в полной мере отразили разное понимание сути происходящего. Ролесвые участники, ратующие за сохранение СССР, так называемые центристы, выдвинули стереотипное представление об отрицательных последствиях «развала Союза»: *Сохранить Союз – значит спасти народы нашей страны от окончательного сползания в пропасть экономического хаоса, нищеты и безработицы.* Другая сторона, играющая роль «левых радикалов», представляет полярное решение вопроса: *Суверенитет свят... Свят, потому как не вымостить другого пути в будущее.*

Разнонаправленными представляются и позиции ролесвых участников дискурса в период референдума 1993 г. Для сторонников Б.Н.Ельцина отход от «пути реформ» – это попытка *столкнуть Россию с пути к мировой цивилизации, к демократии и прогрессу и установить свой советско-коммунистический режим, снова загнать людей в стойло тоталитарной идеологии.* Для их оппонентов политика президента РФ осмысливается следующим образом: *Не может быть пути в будущее у общества, реформы которого загнали 90 процентов населения в ни-*

щенский ГУЛАГ, превратили людей в эков с зарплатой, рассчитанной только на еду.

Однотипные по структуре метафорические конструкции моделируют противоположные представления о путях и итогах развития страны. Метафоры пути могут являться концептуальной основой текстов, осмысляющих ту или иную сторону политической реальности. Так, статья О. Юланова «Шаги из круга инфернальности» посвящена размышлениям о путях выхода из порочного круга, в который, по его мнению, вошла страна в советское время, и о попытках возвращения общества в цивилизованный мир в годы так называемой «перестройки»: *Прошло шесть лет, а мы, кажется, оказались еще дальше от цели. Шли в противоположном направлении?* Проанализировав разные стороны постсоветской действительности и предложив ряд решений ее проблем, автор заканчивает свои размышления развернутой окказиональной метафорой, перекликающейся с определением сути тоталитарного общества как инфернального, данного в романе И.Ефремова «Час быка»: *Сегодняшняя задача - разорвать круг инфернальности, воспроизводящий сам себя с роковой неизбежностью, выйти из этого замкнутого круга на дорожку трудных, но необходимых преобразований... Прошу вас, люди, задумайтесь. И это будет ваш первый шаг из круга инфернальности.*

Если в 1991–1993 гг. объектами метафорической номинации являлись в основном концепты политики, то в 1994–1996 гг. сюда начинают активно входить денотаты сферы экономики. Это объясняется, с нашей точки зрения, тем, что в первый анализируемый период в основном проводились политические реформы, завершившиеся принятием конституции и окончательным оформлением политических структур власти (октябрь 1993 г.), а затем активно и целенаправленно начали проводиться экономические акции. Наиболее частотными в этот период являются языковые метафоры – «локальные определители»: *экономический путь, рыночный путь, экономические шаги, рыночные рельсы* и т.д. Однако метафоры пути сохраняют активность и в концептуальной сфере политики. В ряде случаев они служат скрытой основой для номинаций политических партий («Вперед, Россия»). Иронически это название осмысляется в статье политического противника движения «Вперед, Рос-

сия», члена ЛДПР, А. Виноградова. Энергичный призыв к движению вперед пародийно снижен в названии заметки «Кто там крадется?». Суть концепции лидеров движения, в частности Б. Федорова, при помощи цитирования метафорических выражений, сопоставленных в контексте, доводится оппонентом до абсурда: *Что касается планов реформаторов в отношении России, то их откровенно сформулировал сам Б. Федоров: «Нам говорят: "Россия на краю пропасти". Мы решительно отвечаем: "Хватит топтаться на месте. Вперед, Россия"»*. Несмотря на метафорическую структуру, метафорическая модель дороги/пути, безусловно, является очень продуктивной на протяжении многих лет. В советское время базисной для идеологической доктрины была языковая метафора «путь к социализму/коммунизму»: «Коммунистическая Партия Советского Союза... прошла исторический путь, равного которому не знает никакая другая политическая партия в мире... Советский народ... проложил всему миру *столбовую дорогу к социализму*. По ней идут многие народы, и рано или поздно пойдут все народы мира» (История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1973. с.12– 14) (курсив мой. – Ю.Ф.).

В постсоветское время конструкции, включающие идеологические концепты «коммунизм/социализм», уступили место другим мифологемам: «путь построения свободного (демократического, справедливого, цивилизованного и т.д.) общества», «путь к демократии и прогрессу» и т.д. Неопределенность значения этих метафорических выражений обусловлена абстрактностью лексико-грамматического значения существительных, обозначающих конечный пункт движения. Такая неконкретность связана, на наш взгляд, с особенностью русского национально-го сознания, туманно представляющего себе пути своего развития и постоянно находящегося в его поиске, что отмечал Н. Бердяев: «Россия – страна бесконечной свободы и духовных далей, страна странников, скитальцев и искателей... Русская душа ушиблена ширью, она не видит границ... Русский человек, человек земли, чувствует себя беспомощным овладеть этим пространством и организовать его» (Бердяев Н.А., 1990, с.63).

В мифопоэтической и религиозной моделях мира, в значительной степени усвоенных современной эпохой, постоянным и неотъемлемым свойством пути являлась его трудность. Конец пути – цель движения, где

находятся высшие сакральные ценности мира либо то препятствие (опасность, угроза), которое, будучи преодолено или устранено, открывает доступ к этим ценностям. Ср.: *преодолеть болото застоя, выкарабкаться из пропасти экономического кризиса, выйти [из теснины] на простор экономических преобразований. Зачастую путь полон неопределенностей: стоять на распутье, развилка, перекресток мнений. Весь путь в экстремальной ситуации как бы сжимается в ничтожный по протяженности, но важнейший по значению участок – мост, в языке политики чаще всего – между прошлым и будущим: Прошедший 1990 год разрушил все наши иллюзии, взорвал воздушные замки и сжег мосты.*

Путь как образ связи объединяет и нейтрализует противопоставления «свой– чужой», «близкий– далекий», «внутренний– внешний». Пресечение пути ведет к нарушению и разрушению этой связи: *Жирная черта, проведенная Невзоровым не только через Прибалтику, но и через всю страну, четко разделила нас на два противоборствующих лагеря.*

Образ пути актуализирует оппозицию «левый– правый». В свое время эти локальные определители обозначили идеологический раскол общественных сил в мировом масштабе. Эти «ориентационные» (по Дж. Лакоффу и М. Джонсон) метафоры послужили языковой основой маркировки политических движений и целых государственных систем, обозначив направление их развития. Такие метафоры можно интерпретировать как знаки-прагмемы (по Ю.Н. Караулову), актуализирующие в общественном сознании целый пласт культурной памяти, возбуждающие определенные чувства и эмоции. Метафоры дороги/пути не только указывают на направление развития общества, но и являются источником устойчивых стереотипов: отражая динамику политических процессов, они все время «обещают» достижение некоего рубежа, а сам текущий момент бытия воспринимается как переходное состояние, в котором не все может быть благополучным. Имея в виду перспективу, такие метафоры вселяют надежду на светлое будущее, а там, где есть надежда, есть и терпение.

Итак, наш анализ показал, что метафорическая модель «политический процесс – это дорога» включает в себя два фрейма: «маршрут движения» и «локальные определители». Денотативная область

функционирования единиц этой модели отражает основные направления общественного движения.

Метафорическая модель «государство и общество – это дом»

Количественный показатель модели «государство и общество – это дом» – 6,8 % от общего числа рассмотренных метафор. Метафоры этой группы, объединенные вокруг культурного концепта «дом», организуют некоторое мифологическое пространство, ориентированное на архетипическую модель мира. Такая модель, наряду с метафорической моделью «организм», наиболее полно соответствует основному принципу создания и функционирования метафоры в языке – принципу антропометричности, устанавливая соотнесенность событий космического порядка с основными аспектами жизни человека.

Концептуальной основой этой метафорической модели могут служить метафоры «здание общества», «фундамент общества» и т.д. В данной модели можно выделить следующий ряд фреймов:

1. Фрейм «планировка дома».

1.1. Слот «Внешнее устройство дома»: *Фундамент общества возрождение крестьянства; Веками Россия была стеной для Запада. [Журналист Минкин] вычищает до блеска правительственный фасад демократов; Заоумайтесь, какую крышу нам обещает Черномыродин?* (Речь идет о политическом движении «Наш дом – Россия»).

1.2. Слот «Внутреннее устройство дома»: *Правительство установило и поддерживает валютный коридор; Я, набив синяки в коридорах власти, знаю, что и как нужно делать; Коррупция так пронизала все исполнительные структуры, что стоит потянуть веревочку и рухнут все верхние этажи президентской власти.*

На смысловом пересечении единиц этих слотов находятся метафоры, «открывающие» замкнутый мир дома. Ср.: *К экономическому краху и обнищанию населения мы пришли из-за раскрытых настелей границ. Разве можно говорить о порядке в доме, если нет в доме ове-*

рей, нет замков?; Международный аэропорт, свободная таможенная зона – окно в мир.

2. Фрейм «строительство и ремонт дома»: *Для строительства здания нашего общества необходима свобода предпринимательства; Надо голосовать против Ельцина... против спешно подчищаемого и подмазываемого проекта «новой конституции»; «Нет» россияне попытке провести косметический ремонт унитарного Союза встретит благоприятный отклик в других республиках.*

3. Фрейм «разрушение дома»: *Страшновато все-таки родиться в Союзе, выжить в Союзе... и умереть на его обломках; Мы имеем дело с изощренным популистом, способным наводить глянец даже на развалины [о Б.Н. Ельцине]; Если вместо дома будут узкие клетки – страна будет разваливаться.*

4. Фрейм «дом как сфера обитания»: *Не для того мы преодолели тоталитаризм, чтобы современные домоуправцы из «нашего дома» по-прежнему нами помыкали, как бомжами в ихнем доме; Безразлично заявлять «Наш дом – Россия», записывая тем самым всех в бомжи.*

Денотативная сфера функционирования метафорической модели «дом» включает в себя прежде всего определение понятия «государство», акцентируя разные представления о его организации. Ситуативная обусловленность подобных представлений находит яркое отражение в метафорических номинациях, используемых в политическом дискурсе периода первого общегосударственного референдума. Рольевые участники общественного диалога, посвященного проблеме сохранения/разрушения Союза ССР, в полной мере использовали заложенную в концепте «дом» идею общности, противопоставив ее понятиям единичности, отъединенности и отчужденности, содержащимся в лексеме *квартира*, которая выступает в данном случае контекстуальным антонимом слову *дом*. Ср.: *Теперь находятся национальные лидеры, которые хотят начать историю с чистого листа, отказаться от нерасторжимых связей, замкнуться в своих национальных квартирах, очиститься от проживающих вместе с ними представителей других народов; Как разделить по национальным квартирам ракетно-ядерный потенциал Вооруженных Сил СССР?*

Такое вербальное противопоставление опирается на одну из универсальных семиотических оппозиций, с помощью которых кодируется архетипическая модель мира. – пространственную оппозицию «внутренний–внешний». В архетипической модели понятие о внутреннем, замкнутом мире дома ассоциируется с гарантией защиты от опасностей, связанных с открытым пространством (Цивьян Т.В., 1985, с.158). Эта оппозиция в содержательном плане смыкается с другой – «свой-чужой», более широкой по смыслу. Идея дома, формально объединяющая эти оппозиции, получает дальнейшее развитие: то, что находится внутри дома, осознается как свое, что снаружи – как чужое. Подобное понимание демонстрируют метафоры модели дома в период 1995–1996 гг. В предвыборной платформе движения «Наш дом – Россия» и его региональных представителей («Наш дом – наш город» в Екатеринбурге) выдвинута главным образом идея сплочения нации вокруг центра (Москвы). Политические противники критически отмечают в этой программе подспудное влияние на сознание человека мифологического представления об общем Доме, имеющего безусловную ценность, что позволяет приписать те же свойства объекту метафорической номинации – данному политическому движению.

Так, сторонники уральского регионального движения «Преобразование Урала» в период борьбы за пост губернатора Свердловской области (август 1996 г.) в качестве аргумента использовали прием развернутой мотивации образа Дома, созданного их оппонентами, разрушая таким способом традиционный миф: *Программа А. Страхова вытекает из поддержки объединения «Наш дом – Россия». Но этот «Дом» – для руководителей всех уровней, коммерческих структур и банковских деятелей. Это программа продолжения реформ, которые ничего, кроме разрухи, нам не дали* (Обращение областного комитета ветеранов ко всем ветеранам области, 1996, август). Разрушая мифы, сторонники Э. Росселя, однако, не упускают возможности использовать мощный воздействующий потенциал образа Дома, меняя акценты в его мотивировке: *Не для того мы преодолели тоталитаризм, чтобы современные домоуправцы из «Нашего дома – России» по-прежнему нами помыкали, как божьими в ихнем доме... За Э. Росселем – желание на-*

чать переустройство России с собственного дома, с земли уральской, за ним стремление объединить Россию снизу в единое, крепкое, федеративное и правовое государство (Гайда А. Уралу не быть на коленях! (или Что будет, если победит Э. Россель?). 1996, август).

Важной деталью дома, обладающей особой символической нагрузкой, является окно и функциональный его заместитель – дверь. Они реализуют противопоставление открытости – укрытости и соответственно опасности (риска) – безопасности (надежности). Пример такой реализации мы находим в рассуждениях В.В. Жириновского: *К экономическому краху и обнищанию населения мы пришли из-за раскрытых настежь границ. Разве можно говорить о порядке в доме, если нет в доме дверей, нет замков? Начать нужно с государственных границ, с установления строгого таможенного режима.*

Традиционная символика окна как глаза дома, его «неусыпающего ока» связана с тем, что окно обеспечивает просматриваемость прилегающей территории. Отсюда интерпретация образа окна как воплощения света, ясности, которые позволяют установить связь внутреннего мира с внешним: *Международный аэропорт, свободная таможенная зона, группа технопарков и зон экспортного производства – окно в мир, путь к международной экономической интеграции.*

Особое значение в структуре метафорической модели «дом» имеет фрейм «строительство», сближающийся по смысловому наполнению с фреймом «маршрут движения». Метафорические единицы этих блоков используются как обозначения активной роли действующего лица политических процессов и как средство осмысления направления развития данных процессов.

Так, автор уже указанной статьи «Шаги из круга inferнальности», О. Юланов, предпринимает попытку осмыслить пути преобразования в обществе, включая концепт дома в контекст интенсификации этих перемен и общего процесса, представляя данный образ как элемент культурной модели мира: *Если человеческую культуру представить себе как некий дом для жизни человека, то фундаментом этого дома будет, несомненно, культура сельского хозяйства. Кирпичи для дома – средства производства, а все вместе это связывает, словно*

*совывают негодные строительные материалы, а самому их добыть и во-
все не дают.*

Метафоры модели дома, в особенности «строительные», не теряют своей продуктивности на протяжении многих лет, меняя область денотатов: от строительства социализма и коммунизма – к строительству отдельных партий и России в целом. При этом образ государства как общего дома активизируется в самых критических ситуациях социального выбора, начиная функционировать в качестве средства создания мифологизированного общественного пространства. По мнению Т.В. Цивьян, в этом случае сознание людей «освобождается от колебаний "культурной" модели мира, где любое правило должно быть апробировано опытом, статистикой, наукой, заменяющими абсолютное добро/зло сиюминутной пользой/вредом. Такого рода подход содержит в себе потенциальную неустойчивость, хаотичные возможности перемен. В противоположность этому архетипический человек веряет себя вечному и неизменному миру», который представлен в данном случае в образе дома (Цивьян Т.В., 1985, с. 171).

Итак, метафорическая модель «государство – это дом» включает в себя целый ряд фреймов: «планировка дома», «строительство и ремонт дома», «дом как сфера обитания» и т.д., а также их составляющие (внешнее и внутреннее устройство дома). Наиболее активны единицы этой модели в денотативной сфере государства и его организации. Метафоры, организованные вокруг концепта «дом», ориентированы на архетипическую модель мира.

Метафорическая модель «политика – это кухня»

Общее количество метафор, созданных по модели «политика – это кухня», не превышает 5 %.

Данная модель на общественном и понятийном уровне тесно взаимосвязана с метафорической моделью «государство – это дом», что поддерживается наличием значительного объема социальных фоновых знаний, отражающих фрагменты опыта из жизни советской действитель-

ности – сосуществования многих поколений людей в коммунальных квартирах, где центром всех событий является кухня. Ср.: *Мир маленький, и в этом сообществе квартир мы должны жить в мире и не гадить друг другу в кастрюли; Даже «Известия» выразили недоумение кухонно-коммунальными методами воздействия на депутатов.*

Метафоры этой модели, отражающие «вкусовые» ощущения мира политики, являются достаточно популярными, что иллюстрирует наличие на местном ТВ одноименной передачи, а в ряде газет – рубрик под таким же названием.

Метафорическая модель «кухня» содержит ряд фреймов:

1. Фрейм «пища»: *Начинается борьба за дележ большого финансового пирога; Властные структуры производят очередное распределение бюджетного пирога и все нажраться не могут; Не успевает пенсионер обрадоваться прибавке к пенсии, как рост цен съедает эту прибавку; Власть переицла к способным оторвать кусок от общенародного пирога. А всей 90 % массе бросили обглоданную кость демократии.*

2. Фрейм «продукты и процесс приготовления пищи»: *Ваши дети гибнут, чтобы могла вариться московская политическая кухня; На «хлебных дрожжах» буйно пошли в рост уральские криминальные группировки; Слухи бродят один страшнее другого, и не просто бродят а кипят на жарком костре, куда невидимая рука щедро подбрасывает полешки; Сегодня предлагается вполне стандартный прием разогрева экономики: жилищное строительство с использованием сил и средств граждан; Я думаю, что наши предвыборные программы, наше назначение на какие-то должности должны проходить через какое-то сито и профессиональное, и нравственное.*

Денотатом метафор модели «кухня» в период 1991–1992 гг. является определение социального фона, создаваемого как неясный и взрывоопасный, что находит отражение в семантике языковых метафор: *Вокруг вопроса референдума уже сегодня кипят страсти, раздаются угрозы и закипания; Конечно, уже после вместе с потомками мы разберемся в этой каше, что заварилась сегодня. Ср.: кипеть, першен – проявляться с силой, бурно, стремительно (о чувствах, мыслях, переживани-*

ях): каша 3, перен. – беспорядочное смешение чего-либо, путаница (МАС, 1985).

С течением времени политические процессы приобретают все более динамичный и открытый для общества характер. Метафоры модели кухни актуализируют семантический признак процессуальности, содержащийся в структуре значения лексемы *кухня*. Ср.: *кухня 2* – приготовление пищи, стряпня (МАС, 1985). Так, Г. Явлинский в «Независимой газете» от 8 декабря 1993 г. замечает: *Сегодня все общество видит, как делается политика. Вся кухня на глазах, все приемы, все нюансы*. Одновременно начинает осознаваться иллюзорный характер этой открытости, отраженный в переносном значении слова: *кухня 2*, перен. – скрытая закулисная сторона какой-либо деятельности (МАС, 1985). Стремление вскрыть подоплеку тех или иных политических акций заставляет журналистов, освещающих эти события под рубрикой «Политическая кухня», собирать мелкие факты, порой частного характера, придавая им, таким образом, ореол значительности. Ср.: газета АиФ (1997. № 18), описывая парадный обед в честь китайского лидера, дает информацию о меню, о том, как гости расселись, кто с кем говорил, какое выражение лица при этом было, и даже сообщает тот факт, что и русские, и китайцы на торжественном обеде курили.

Денотативная область функционирования метафор модели «кухня» достаточно широка. Чаще всего метафоризируются такие понятия экономики, как «общегосударственная собственность», «бюджет», «пакеты акций» и т.д., представая в образе жирного или сладкого пирога, куска хлеба с маслом – словом, калорийной и вкусной пищи, традиционно связываемой в русском сознании с ощущением праздника, богатства и благополучия. Ср.: *Начинается борьба. Не за то, кто кому будет подчиняться, а за дележ «большого финансового пирога»; Сегодня налицо бесконтрольное хозяйничанье в пироге государственной собственности; Благодаря тому, что губернатор А. И. Страхов добился в Госкомимущество передачи в управление области государственного пакета акций СУБРа, свердловчане получили свою долю пирога. Насколько она велика, эта доля?*

Таким образом, образ пищи может выступать мерилom состоятельности. Метафоры фрейма «пища» обозначают понятия, которые находятся в фокусе общественных интересов и могут служить тем проблемным камнем, относительно которого выстраивается целая типология политических группировок. Так, в избирательном этюде «Былое и думы» (ЛДПР, 1995, № 19) некто, скрывающийся под многозначительным псевдонимом «простой российский обыватель», как бы стремясь помочь «богоизбранному району» разобраться в предвыборной мешанине партий-блоков, рисует следующую расстановку сил вокруг «куска с маслом»: *Власть имущие это «черномырощицы-домушники». те, кто схватил кусок с маслом и которым все, что есть, очень нравится. Остальные же кандидаты во власть (в Думу) предстают в образе голодных и алчущих заманчивого куса: Это «гайдары-явлинские-демократы», которые хотят до куса с маслом добраться и стать «черномырощицами-домушниками»... Это «рыжковцы-зюгановцы-коммунисты», которые, добравшись до куса с маслом, тут же соберут весь интернационал и быстро все слопают, оставив пустые полки. В качестве альтернативы этой голодной и жадной стае выдвигается образ нашего простого, своего, понятного Владимира Вольфовича [лидера ЛДПР], который сам как-нибудь перебьется водкой «Жириновский» и хочет, чтобы кусок с маслом ели мы, дорогие граждане избиратели.*

Таким образом, способность поделиться пищей с другими может выступать одной из главных добродетелей политика. Это объясняется тем почти сакральным значением, которое приписывается еще с времен тотемистического периода: «В акте еды... совершалось приобщение человека к тотему, роду и микрокосму к макрокосму, их отождествление и слияние, восстанавливающие некую недостачу и присвоение к новой гармонии и единству» (Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1997. Т. 1).

В основе образования метафор фрейма «пища» лежат вкусовые ощущения, участвующие в категоризации пищи, образование оппозиций «чужой–свой», «здешний–нездешний». Так, определение пищи как «гнилой» накладывает на ее употребление запрет, что переносится и в метафоризируемое значение, ср.: *Хватит кормить нас гнилыми байками о демократии!*

Противопоставление «острая-неострая» пища может коррелировать с оппозицией «здешний-нездешний». Так, в период президентских выборов 1996 г., описывая экономическое положение Киргизии и отношение ее лидера к коммунистам, автор статьи «Киргизы приказали коммунизму долго жить» (Не дай бог! 1996, № 5, 19 мая) использует сравнение этого положения с действием на организм экзотического острого дунганского блюда ашлям-фу: *Надо прямо сказать, что удар по организму при помощи ашлям-фу довольно точно передает состояние экономики Киргизии, вышедшей вместе с другими азиатскими соседями из состава СССР. Жизнь здесь теперь не бублик с маком, а скорее лапша пополам с перцем... Но за что киргизы ценят ашлям-фу никак не меньше бублика? За то, что ашлям-фу в течение нескольких минут протрезвляет любой, даже самый затуманенный, мозг.* Разворачивая модель, автор говорит о весьма драматичном положении хозяйства республики как о болезненном состоянии организма. В качестве радикального средства лечения острого отравления используются те же пищевые ингредиенты. *Такое ашлям-фу для маленькой страны могло оказаться смертельно острым. И президент Акаев решил лечить подобное подобным, добавив в блюдо побольше перца.* Таким образом, взаимодействуя, модели пищи и организма создают яркую картину политической реальности с учетом национального колорита, придавая этой картине острый и экзотический вкус.

Накаленная атмосфера в обществе нашла свое отражение в повышенных «градусах» метафор, основанных на температурных ощущениях. Политическая жизнь осознается как кипящая, полная страстей, взрывоопасная. Так, говоря о тяжелом положении в АОЗТ «Сысертский фарфоровый завод» в контексте предвыборной ситуации (1995 г.), автор подытоживает: *Поднеси спичку – зажжется.* Политические органы и их действия осознаются как кипящая кухня или котел. Ср.: *Ваши дети гибнут, чтобы могла вариться московская политическая кухня. Поварившись в котле местного самоуправления последние несколько лет, я понял, что нужны кардинальные изменения на уровне областного законодательства.*

«Температурные» метафоры могут стать основой политической программы, выливаясь в форму житейского афоризма: *Жизнь хорошо*

варится в том обществе, где кипучая безоглядная энергия молодых уравновешивается холодным рассудочным разумом пожилых.

Итак, метафорическая модель «политика – это кухня», как показало наше исследование, включает в себя ряд фреймов: «пища», «продукты», «процесс приготовления». Метафоры модели «политическая кухня» обозначают фрагменты политической реальности, придавая ей особую убедительность и наглядность за счет использования номинаций вкусовых и температурных ощущений. Особой притягательностью для политиков обладает область финансов и собственности. Характерно, что при этом население кормят в основном обещаниями, версиями, картинками светлого будущего (и прошлого): *Сейчас вас опять кормят очередной версией российской истории, согласно которой до 1917 г. все было чудесно.*

Таким образом, в терминах метафор модели кухни политические реалии, в частности власть, предстают как пища. Еда – центральный акт в жизни общества – осмысливается как некий культ, имеющий своих жрецов и посвященных. Однако тайна приготовления пищи и порядка ее распределения остается недоступной для большинства.

Метафорическая модель «политика – это стихии»

Метафоры, входящие в состав модели «политика – это стихии», составляют 7,8% от общего количества материала. По мнению Ю.Н. Караулова и А.Н. Баранова, это крайняя по отношению к другим моделям «метафорическая ипостась» концептов политики, абсолютно выскользнувших в таком понимании человека и социуму.

Метафорическая модель «политика – это стихии» содержит следующие фреймы:

1. Фрейм «воздушная стихия»: *Помните, как 5 лет назад подул свежий ветер перемен, когда мы впервые стали демократично выбирать; Наши [рекламные] частушки – это глоток свежего воздуха.*

2. Фрейм «водная стихия».

2.1. Слот «вода и ее движение»: *Сегодня никто не согласится на утечку бюджета в песок; Следующая волна инфляции просто сни-*

мает средства и проявит реальный прирост; Необходимо стимулировать перелив капитала в сферу обслуживания населения.

2.2. Слот «источники воды и водосмы»: *Идите к нам, и мы не оодим иссохнуть родникам народной жизни; В штормовом море реальной политики [партийный] функционер беспомощен; Потребовалось окунуться в тягучее болото прошлого, чтобы окончательно осознать, что возврата к нему нет; Национальная революция выдвинет из моря народного естественную иерархию новых российских лидеров.*

2.3. Слот «плавание». *Спикер должен уметь плавать, лавировать между рифами, вовремя скрыться от приближающейся акулы.*

Денотативная область метафорической модели «политика – это стихии» широка, разнообразна и подвержена изменениям. Если, по свидетельству авторов словаря «Русская политическая метафора», в годы перестройки в политике бушевали в основном стихии огня, земли и воздуха, то в постперестроечное время политическое пространство заливают вода. В период, когда происходило радикальное переустройство общественной системы, социальные процессы и локальные ситуации представлялись как «землетрясение», «вулкан», «ураган», «гроза» и т.д.. Широко использовалась метафора «ветер перемен» для номинации процессов реформ. В более поздний период эта метафора встречается уже в контексте воспоминаний: *Помните, как 5 лет назад подул свежий ветер перемен...* А в 1995 г. с ощущением свежести и новизны связывается необычная по форме и содержанию предвыборная агитация. Так, в период выборов местной Думы (1995 г.) с образом «свежего ветра» был связан имидж А. Калетина. Как «глоток свежего воздуха» интерпретировались частушки в поддержку партии экономической свободы К. Борового. В частушках, о которых идет речь, широко использовалась ненормативная лексика.

Метафоры фрейма «водная стихия» функционируют в основном в денотативных сферах экономики, финансов, идеологии и собственно политических акций. Само государство и российский народ предстают как источники чистой воды: *Запад ощущает свою «выработанность» при всем внешнем блеске. Но он глухо завидует и недальновидно пытается обить возможный источник своего спасения от духовной жажды*

ды, его душащей; Верим в светлый разум россиян, который не заму-тит истеричными криками корыстно или инерционно мыслящих сто-ронников имперского способа правления. Такое представление о России остается неизменным на протяжении всего рассматриваемого периода.

Социальная обстановка в стране также находит отражение в «водных» метафорах, зачастую приобретающих характер штампа. Так, в дискурсе августовского путча 1991 г. и в обращении членов ГКЧП, и в выступлении их политического противника Б.Н. Ельцина проблемная ситуация находит отражение в одной и той же метафоре, формирующей, однако, в контекстных условиях диаметрально противоположные взгля-ды на нее: *Преступность быстро растет, организуется и политизиру-ется. Страна погружается в пучину насилия и беззакония* (ГКЧП); *Попытка круто изменить направление развития нашей страны, вернуть ее в пучину насилия и произвола провалилась* (Б.Н. Ельцин). В дан-ном случае и первичное значение лексемы *пучина* – водная глубь, морская бездна и вторичное переносное – средоточие, скопление являются основой для создания образа океана, выступающего как стихия и как некий умозри-тельный принцип. Следуя архаичным концепциям, океанская (морская) пу-чина предстает здесь воплощением хаоса, источником катаклизмов.

Нестабильная социальная обстановка в стране, подвижность поли-тических процессов находятся в смысловом противопоставлении с «прежними» временами, получившими название «застойный период» и синонимичную метафорическую номинацию «болото». Ср.: *Потребова-лось окунуться в тягучее болото прошлого, чтобы окончательно осоз-нать, что возврата к нему нет. Болото 1* – топкое место со стоячей водой (МАС, 1985).

В контексте постперестроечного времени многие социальные реал-ии приобретают свойства текучести, изменчивости, способности пропи-тывать что-либо и испаряться. Заметное место среди этих реалий зани-мает информация. Способности информации в образной форме приобре-тать свойства воды отражены в базовых метафорах «информационные потоки», «текущая информация». Ср.: *Исполкомы были разогнаны, бюджет исчез, информационные потоки прекратились – мы не имели текущей информации* (об участниках событий октября 1993 г. вокруг

Белого дома). В политических текстах информация квалифицируется чаще всего как ложная. Ср.: *За считанные часы страну залило море лжи, начиная от мнимой болезни президента... и кончая тем, что народ приветствует чрезвычайное положение. Нам надоела та ложь, которая лилась с телевиденья, радио, из подавляющего большинства газет.*

В образе информации как водного потока заложена способность к уничтожению чего-либо (правды) этой лавиной: *Референдум по Конституции пройдет в условиях жесткого диктата и массированного промывания мозгов.* Информация, правдивая, ложная ли, является важнейшим средством в деле управления политическими акциями, которые, в свою очередь, также приобретают метафорические образы водной стихии: *В Центризбиркоме готовятся к наводнению. А как еще назвать осядаемый поток подписей за 78 потенциальных кандидатов в президенты?; Трехлетний опыт работы предыдущего парламента убедительно показал: политики, всплывающие на волне борьбы в условиях поляризованного общества начала 90-х гг., к реальным решениям оказались не готовы; В штормовом море реальной политики, когда требуется живость ума, воображение, инициатива, функционер беспомощен.*

Развернутая модель водной стихии в предвыборной борьбе может стать основой текста, построенного на прямых аналогиях в форме своеобразного логического силлогизма: *Страшно, когда вода застаивается. Она просто тухнет. Партия власти – это страшно. Партии должны меняться. Это и есть свежая струя.*

Некоторые факты, уже ставшие достоянием политической истории, с трудом поддаются однозначной интерпретации и сближаются в своих свойствах с образом замутненной воды. В подобных метафорах передается ощущение целенаправленного и тайного вмешательства в ситуацию, которая не поддается детальному анализу. Подобной ситуацией является, например, «перестройка», интерпретируемая в середине 90-х гг. как «мутная вода», в которой легко ловится «рыба»: *Уволенный в 1986 г. из правоохранительных органов по причине неблагоприятных поступков и из-за несоответствия занимаемой должности, Владимир Александрович Щукин сумел выловить в мутной воде «перестройки»*

колоссальное состояние. Парафраз известной поговорки, иронично отсылающей к говорящей «хищной» фамилии «героя», дает однозначную характеристику этому «рыбаку».

В соответствии с представлением о политике как о штормовом море, наделенном свойствами безграничности, неупорядочности, опасности, субъектам политики приписывается в качестве добродетели умение хорошо плавать и чувствовать себя в этом пространстве как рыба в воде: *Спикер должен уметь плавать, лавировать между рифами, вовремя скрываться от приближающейся акулы.*

С 1994 г. актуализируется образ моря в денотативной области экономики. Большая активность движения денежных средств нашла свое отражение в метафорах «воды». Главными свойствами денег оказываются их текучесть и неуловимость. Способности испаряться, переливаться и уходить в песок находят свое воплощение в основном в метафорах фрейма «вода и ее движение». Ср.: *Исключить неразбериху с бюджетными средствами, сократить число всевозможных финансовых ручейков-ответвлений в системе вращения денег. Стимулировать перелив капитала в сферу обслуживания населения. Сегодня никто не согласится на утеkanie бюджета в песок.*

В семантике всех лексем-источников метафор присутствует сема «движение», что подчеркивает динамичный характер финансовых средств. Этому характеру противопоставлен тот же «застой», воплощенный в метафоре «болото»: *Чтобы сдвинуть тяжелый воз здравоохранения с места и вытащить его из болота финансового кризиса, необходимы такие люди, как С.А. Акулов.*

Образное представление экономических реформ как морской стихии тесно связано с образом транспорта. В основе этой связи лежат тривиальные знания о средствах перемещения по водному пространству. Корабль, воплощающий идею государства, управляется командой, каждому члену которой предписана своя роль. Описание этих ролей и наделение их ценностными характеристиками может стать элементом предвыборной рекламы: *Почему знания и опыт такого зоркого вперёдсмотрящего [как В. Фролов] не используются в нашем опасном плавании по разбушевавшемуся штормовому морю российской экономики? Так ведь*

и впрямь потонуть можно... Да и то понятно, что на нашем корабле в почете кормчие, а не впередсмотрящие.

Таким образом, структуризация модели «стихий» дает представление о концептах политики как об изменчивых, неустойчивых, практически независимых от воли человека. «Подводные течения» в политике могут определять то русло, в которое войдет корабль государства, при этом они (течения) остаются невидимыми. Представление об общественной жизни как о буре или как о бушующем море предписывает человеку определенный образ поведения: от бури нужно спастись, ей можно сопротивляться, но влиять на нее невозможно. Сложным при таком моделировании оказывается представление об управлении финансами: деньги приобретают свойства испаряться и утекать. Этим процессам препятствовать также очень трудно. Такое представление дает возможность скрывать истинное положение вещей, приписывая тем или иным концептам свойства неуправляемости.

Стереотипным является представление об общественной информации как о море лжи, заливающим страну. Этот образ позволяет интерпретировать масс-медиа-каналы распространения сведений как источник загрязнения социума, так как ложь традиционно связывается в сознании с грязью. Неизменно чистым источником и резервуаром духовности, в противовес представлению о «грязном» море политики, остается Россия и ее народ.

Итак, метафорическая модель «политика – это стихии» включает в себя фреймы «воздушная стихия» и «водная стихия». Более структурированным является второй фрейм, состоящий из слотов «вода и ее движение», «источники и водоемы». Денотативная область данной модели широка и разнообразна: Россия, средства массовой информации, те или иные общественные события.

Метафорическая модель «политические реалии – это растения»

Количественный показатель метафор модели «политические реалии – это растения» в общей массе используемого материала 4,5%. В

основе рассматриваемой модели лежат базовые метафоры – генитивные конструкции «плоды чего-либо», «корни чего-либо», «зерна чего-либо» и т.д., тесно связанные с архетипическим восприятием мира. Основным свойством данных метафор является перенесение качеств мира растительного на «невидимый» мир идей.

В структуре метафорической модели растения можно выделить следующие фреймы.

1. Фрейм «место произрастания». В основе лежит концептуальная метафора «поле деятельности». *Теперь нужны свежие идеи, люди, способные их реализовать, должны заполнить вакуум в законодательном поле области; Это (старая советская конституция) будет возврат на правовое поле; Борьба с преступностью путем освобождения Урала от непосильного груза исправительно-трудовых учреждений – рассадников преступных группировок.*

2. Фрейм «жизненный цикл растения».

2.1. Слот «посев и уборка»: *Где лежат зерна гражданской войны? В каких пластах?; Президент своими руками посеял семена ее [партийно-советской номенклатуры] будущего мятежа; Посеяли и начали пожинать иллюзию о том, что можно каким-то иным путем, кроме труда, улучшить собственную жизнь.*

2.2. Слот «процессы роста и плодоношения»: *Элементы рыночной экономики прорастают как через асфальт; Проект [Конституции] выросал трудно; Организаторские способности компартии, пожухнувшие осенью 1991 г., снова дали зеленые всходы.*

3. Фрейм «строение растения»: *У социализма в России глубокие корни, уходящие не только в советскую эпоху, но и глубже – в седую даль веков, к соборности, обязанности, коллективизму; Не белых и красных мы хороним, а россиян. Возможно, после этого на могилах убитых начнет вырастать древо будущего национального согласия; Налицо объединение двух ветвей власти, представительной и исполнительной.*

Денотативная область метафорической модели «растение» включает в себя широкий спектр концептов политики, отражая в основном динамический аспект их «бытия». Это такие понятия, как демократия,

партии, органы управления, законодательство, народ, Россия, политические акции. Метафоры, входящие в состав модели, носят большей частью языковой характер и относятся к так называемым «общенародным метафорам», включенным в сферу новых тем, которые требуют своего образного выражения (Бессарабова Н.Д., 1979, с.42). Образное представление о политике моделируется в данном случае в опоре на культурный символ растения, имеющий давние традиции. Роль растения в языке политики сопоставима с его значением в мифопоэтических представлениях и определяется прежде всего наличием особого («вегетативного») кода, с чем связано участие растения в своеобразной классификации политических реалий. Устойчивость данного кода определяет достаточно однородный состав материала и слабую зависимость употребления метафорических единиц от социального контекста той или иной политической ситуации. Так, на протяжении всего периода активно функционирует метафора «поле чего-либо или какое-либо», обозначающая не «предметное, физическое пространство», а «непредметные пространства», такие как «поле деятельности», «законодательное поле», «правовое поле» и т.д. Ср.: *Лучшие всего знают и чувствуют людские проблемы территориальные власти, чье поле деятельности нынче сжимается «благодаря» бюджету и областному своду законов, как шагреновая кожа.*

В отличие от мифологической символики зерен и семян, воплощающих идеи плодородия, процветания, богатства, новой жизни, в политическом пространстве эти понятия несут с собой представления о зарождающихся общественных катаклизмах: *Война властей щедро посеяла семена раздоров в обществе; ...Предусматривается ликвидация антиконституционных, бесконтрольных, а по существу преступных военных формирований, сеющих моральный и физический террор в ряде регионов СССР.* Метафорическое переосмысление лексемы *сеять* и расширение ее семантики по сравнению с номинативным значением ведет к тому, что данное слово втягивает в свою орбиту непредметные имена существительные, а образованные таким образом словосочетания с развитием новых значений приближаются к фразеологизмам.

Метафорические номинации процессов роста подчеркивают идею непрерывности развития жизни и плодородия. Денотатами метафор при

этом чаще всего оказываются объекты активной и целенаправленной деятельности политиков, например рыночные структуры, партии, проекты законов и т.д., ср.: *врастание рынка, ростки демократии, конституция выросла* и т.д.. Например: *Кем был Геннадий Зюганов в осенний день 1991 г.? Смешным функционером, пытающимся убедить, что сквозь пепел, оставшийся от КПСС, прорастает что-то живое.* Источником метафоризации становится и сам «продукт» роста – растение и его плоды. Главная ипостась растения – возвышенный мифопоэтический образ дерева – один из вариантов «дерева мирового», воплощающего универсальную концепцию мира: *Не белых и красных мы хороним, а россиян. Возможно, после этого на могилах убитых начнет вырастать древо будущего национального согласия.*

Образ дерева играет организующую роль по отношению к политической системе, определяя ее внутреннюю структуру. При членении дерева по вертикали можно выделить нижнюю (корни) и верхнюю (ветви) части, обнаруживающие семантическое противопоставление верха и низа. Зона верха – это сфера функционирования представлений о власти. Одна из наиболее часто используемых в политическом дискурсе последних лет метафора «ветви власти» актуализируется в период обостренных конфликтов между законодательными и исполнительными органами (например, 1992 – 1993 гг.).

Зона «низа» ассоциативно связана с представлением о глубине, потаенности, сокрытости причин, истоков тех или иных явлений. Особую активность проявляет языковая метафора «корни чего-либо», имеющая широкую сочетаемость. Например, в период путча 1991 г. и подобной акции 1993 г. речь шла о «корнях заговора»: *Эти 8 человек [ГКЧП] даже не вершина айсберга. Есть корни заговора. Они кроются в структурах партийного и государственного аппарата самого высшего ранга. Уходят они в армию и в структуры КГБ, МВД.* В данном случае актуализируется семантический компонент значения «подземная часть растения». В других примерах «корневая» метафора может вызывать представление прежде всего о жизненной необходимости этого органа растения как источника питания: *Российскому народу нужна... снизу, от корней на-*

родных образованная всероссийская организация. Вечно живой корень России – провинция. Наше движение идет оттуда.

Характерно, что при членении на «верх» и «низ» из схемы строения дерева выпадает среднее звено – ствол как образ связи между верхней и нижней частью политического общества, что может свидетельствовать об ощущении большого расстояния между ними, следовательно, отчужденности. Источником метафоры могут выступать не только дерево и его части, но и трава. В мифологическом сознании трава имеет символическое значение покорности, подчиненности, неприметности, но также и полезности, а шире – выступает как символ простых людей. Именно такую интерпретацию можно дать размышлениям Э. Росселя об основах демократического общества, в которых увязываются воедино обе части вертикальной структуры: *Народовластие – выборы всех трех ветвей власти. Это демократия на уровне корней трав.*

Таким образом, растительные метафоры языка политики широко используются как средство воплощения представления об иерархично организованном целом. Это имеет давние традиции. Достаточно вспомнить генеалогические (родословные) деревья и схемы, используемые в лингвистике, химии, экономике, социологии и т.д., то есть там, где рассматриваются процессы «ветвления» из некоего единого центра.

По своим внутренним особенностям метафорическая модель растения сближается с моделью организма, прежде всего в том, что политические реалии осознаются как живые. Культурное растение требует знания агротехники: нужно знать, как подготовить почву для посева, растение нужно поливать, потом собрать урожай и т.д. Но оно не допускает вмешательства в свою внутреннюю структуру, живет по своим законам. Такое моделирование политического пространства задает ряд ограничений для деятельности субъектов и диктует им свои законы.

Итак, метафорическая модель «политические реалии – это растение» состоит из трех фреймов: «место произрастания», «жизненный цикл растения», «строение растения». Наиболее структурированным является представление о жизни растения. Денотативная область данной модели включает в себя такие понятия, как демократия, партии, органы управления, народ, Россия и т.д.

Метафорическая модель «субъекты политики – представители животного мира»

Доля метафор модели «Животный мир» составляет в общем количестве материала около 3,6 %. Эта модель, воплощающая анимальный компонент, всегда была актуальна для человеческого коллектива. Она имеет в своих истоках ту стадию развития общества, когда человек не отделял себя от мира зверей и в онтологическом плане представлял животное как особую свою ипостась.

В нашем материале представлены следующие фреймы.

1. Фрейм «виды животных»: *Миллионы людей требуют принятия мер против спрута преступности и вопиющей безнравственности; Э.Росселю надо разогнать банду московских пиявок, которые сосут денежки из нашего кармана; Увы, бедный телевизор ни в коей мере не несет ответственности за тех попугаев, которые в нем сидят.*

2. Фрейм «поведение животных»: *Люди! Опомнитесь от зимней спячки – приходите на референдум 25 апреля! Облаивать оппонентов привычное занятие для депутатов; ...«Субъекты» [федерации], как птицы, клюют с их [московских чиновников] рук, причем столько, сколько они отсыплют; Многим... скорее всего вновь придется отказываться от самих себя и еще раз «менять кожу».*

Использование зооморфных метафор в языке политики продолжает мифологическую традицию, где животные выступают как один из вариантов мифологического кода, отдельные компоненты которого имеют постоянно закреплённые за ними значения. Так, метафора «волчьи законы чего-либо» несет с собой ряд культурных коннотаций, содержащих представление о превращении человека в волка, выступающего в роли хищника (убийцы, преследователя), что нашло отражение во многих мифах о волке и даже послужило основанием для изучения психологического комплекса «человека-волка», выделенного З. Фрейдом.

Выбор имен и область объектов номинации взаимообуславливают друг друга, определяя денотативную сферу в рамках личностно-психологических характеристик политиков и их действий. Примечатель-

но, что для этих характеристик используются в основном имена животных «нижнего» звена этого мира. Так, одним из самых распространенных прообразов является спрут – обиходное название крупного осьминога. В контекстах чаще всего актуализируются ассоциативные семы «хищный», «жадный», «всеохватывающий» и «всепроникающий», основанные на представлении о большом количестве щупалец у этого животного, служащих орудием защиты и нападения. Денотатами в данном случае будут являться разветвленные сети каких-либо организаций, например преступные группировки, члены ГКЧП или московские власти в представлении периферийных политиков. Ср.: *Миллионы людей требуют принятия мер против спрута преступности. Москва – спрут. Свора чиновников, привыкших заниматься распределением. Путчисты это малая часть головы огромного спрута, опутавшего наше общество. Сейчас этот спрут изворачивается, пытаясь себя спасти. Надо уничтожить весь этот спрут, все его щупальца, иначе янаевщина может возникнуть вновь.* Источником этой метафоры служит представление о способности осьминога высасывать кровь у жертвы, являющееся в данном случае ошибочным. В других случаях стереотип основывается на реальных знаниях о чертах поведения животных, например стереотипное представление о способности пиявок паразитировать на чужой крови. Ср.: *Россию надо разогнать банду московских и местных пиявок, которые сосут денежки из нашего кармана.*

Такие же «паразитические» свойства приписываются детенышам животных, в частности, в метафоре В.В. Жириновского, которую можно рассматривать как своеобразную модификацию модели СССР как семьи, где в роли «старшего брата» или «матери» традиционно выступала Россия. [В Советском Союзе] *14 в основном нежизнеспособных республик, 14 поросят сосали одну добрую матку-Россию, отнимая у нее лучшие соки.*

В политическом дискурсе чаще используются узуализированные метафоры. Замысел придать более экспрессивный характер высказыванию может привести к ложной мотивировке образа. Ср.: *Собравшихся в Белом доме называли «подонками», «извращенцами», «воночками» и даже «тарантулами, отгрызающими свой хвост».* Ср.: *тарантул –*

крупный ядовитый паук, живущий в земле (МАС, 1985). Следовательно, хвоста не имеющий. Очевидно, произошла интерференция образов гадюки и скорпиона из-за плохого знания экзотической реалии.

Среди метафор фрейма «поведение животных» особое место занимает представление политических событий через образное описание собаки: ее взаимоотношений с хозяином, голоса и т. д., что связано с особой близостью этого животного к человеку. Образ пса в языке политики сплетается с образом волка, имеющего, как уже было сказано, мифологическую основу. Таким образом, домашнее животное принимает на себя все характеристики хищника. Этим и объясняется то, что признаки, формирующие данные зооморфные метафоры, не только не осознаются сегодня как существенные для исходного понятия, но и вообще не входят в его смысловую характеристику: *Самый легкий способ обеспечить себе долгий путь правления – сидеть на поводке у Москвы; Тогда же, 28 сентября, на безоружных людей был спущен ОМОН* (пересмысление фразеологизма *спустить собак* за счет замены правого компонента); *На лай отвечаю делом!* В данном случае метафоризируется существительное, обозначающее выступления политических противников. В общественном диалоге реплики оппонентов чаще всего осмысляются как резкие, неприятные, навязчивые голоса, обладателями которых традиционно считаются сороки, вороны, лягушки и т.д. Ср.: [Московские чиновники] *загаддели, закаркали сразу* (о реакции на областной проект Уральской республики 1995 г.). [Д. Якубович, находившийся под следствием]: *Я подожду, пока в Думе заквакают*. Такое представление о политическом дискурсе обыгрывается в реплике журналистов, создающих ироничную мотивировку образа «птичьего языка», в ответ на замечание вице-премьера Б. Немцова (О чем в Белом доме щебечут птички // АиФ. 1997. № 18). Б. Немцов: *Я иногда сам не понимаю этот птичий язык в Белом доме*. Комментарий журналистов: *Странное дело. Лебедя в Белом доме нет, Грачева нет, Куликов не всегда залетает. А язык птичий остается*. В комментарии используется семантика «говорящих» фамилий политиков, устанавливающая прозрачную параллель между их обладателями и общим представлением о легковесности обещаний и малопонятности речей политиков (ср.: очень распространена

в текстах разных периодов метафора *политическая трескотня*, обозначающая то же явление).

Таким образом, метафоры модели животного мира представляют собой один из типов регулярных метафорических переносов в языке в целом и в языке политики в частности. Г.Н. Скляревская отмечает: «Обычно такие наименования-характеристики направлены на дискредитацию, резкое снижение предмета и обладают яркой пейоративной окраской» (Скляревская Г.Н., 1993, с.91). Эти особенности определяют сферу функционирования зооморфных метафор в языке политики и объясняют их достаточно высокую продуктивность на протяжении всего исследуемого периода. Традиционные советские штампы типа *стервятники Пентагона* и *акулы империализма* перескочивали в политический дискурс постсоветского периода, трансформировались в *налоговых акул*, *плавающих в стихии нашего дикого рынка*, продолжая служить для оценки негативных, с точки зрения политиков, сторон общественной жизни.

Итак, метафорическая модель «субъекты политики – представители животного мира», как показало исследование, содержит фреймы «виды животных» и «поведение животных». Само название модели определяет денотативную область функционирования ее единиц: это преимущественно номинации личностно-психологических особенностей политиков и их действий.

Малопродуктивные модели

Как уже отмечалось, ряд метафорических единиц условно можно отнести к слабо моделирующим в силу ряда причин. С одной стороны, метафоры, входящие в подобные модели, связаны между собой понятийно-логическими отношениями, взаимопределяют друг друга, обладают общими компонентами в структуре значений и поэтому могут быть названы моделирующими. С другой стороны, количество этих метафор, представленных в нашем материале, невелико. Предметная область номинации сравнительно узкая и специфичная для каждой группы подобных единиц. Эти, условно говоря, модели практически не структурированы, то есть не имеют подчиненных слотов, и знания о тех или иных

явлениях политики не организованы в стройную и последовательную фреймовую структуру, повторяющую структуру слотов источникового фрейма. Метафоры-прообразы в данной модели содержат сравнительно ограниченный объем информации, дающий возможность взглянуть на объект номинации под четко заданным углом зрения.

Так, весьма распространенным является метафорическое представление о стране как о концлагере, продуктивное на разных этапах общественной жизни у субъектов политики. Модель концлагеря вызывает ряд стереотипных реакций, источником которых являются обширные социальные фоновые знания о недавнем прошлом страны. Представление о местах заключения неразрывно связано в сознании людей с наличием колочей проволоки, жесткого режима, ощущением насилия и несвободы и т.д. Чаще всего стремление превратить страну в концлагерь приписывается политическим противникам, однако подобный образ встречается и в уникальном контексте – при описании осажденного правительственными войсками Белого дома (1993 г.): *Я прибыл на совещание с той стороны – из концлагеря, где продолжает работу съезд [Верховного Совета России]. И как бы ни пытались гайдары, чубайсы и прочие, кто ненавидит все русское, советское, народное, загнать нас в ширпотребовский, интеллектуально-бытовой концлагерь, у них ничего не выйдет; За что будем голосовать? За депутатов – возврат в социалистический концлагерь с гарантированной пайкой?; Лидеры «агрогулага» не забыли пообещать поддержку фермерству.*

Другим достаточно продуктивным и типичным для языка политики является представление о противниках и некоторых общественных событиях в образах, рисующих злобных и враждебных человеку мифических существ: *Мы никогда не простим и проклинаем ту бесовскую шайку, которая своей жирной задницей села на шею России; Не следует пугать население монстром теневой экономики; Национальная революция призвана очистить российское экономическое пространство от преступных спекулянтов-бизнесменов, вампиров, присосавшихся к телу больного народа...* В подобной ипостаси политические деятели сопоставимы со злыми духами-сеятелями дурных внушений, болезней, всяческой скверны и порчи, разрушителями социальных связей, носите-

лями каннибальских устремлений. В метафорах этой группы силен мотив оборотничества, ср.: *На выборах появилось много оборотней – в этом их суть. Сдерните с них [демократов] ханжескую маску – за ней скрывается дьявольский лик.* Мотив оборотничества осмысливается как противопоставление истинного ложному, а именно сокрытие подлинной сути под ложной формой, что является характерной чертой политической реальности вообще.

Своеобразным представлением о недавнем советском прошлом страны можно считать модель очереди. Очередь – неперменный атрибут того времени – становится символом всего СССР. Эта модель приписывает государству не традиционные признаки общего дома или семьи, а разворачивает сниженный образ бесконечной очереди. Модель уникальна и тесно связана с контекстом ситуации (подведение итогов Первого Всесоюзного референдума, когда большинство граждан страны высказалось за сохранение СССР): *Разъясняли-разъясняли, митинговали-митинговали, но оказалось, что лучше всю жизнь стоять в общую очередь, чем без очереди у разных прилавков, встречаясь лишь на выходе из магазина.*

Другой столь же уникальной моделью можно считать представление о политике как о Солнечной системе, которое (представление) определяет ценностные приоритеты общества в зависимости от выбора центра этой системы. В данном случае речь идет о моделировании целой программы кандидата в областную Думу, что позволяет выделить гуманистическую направленность программы: *Так Человека затюкали, превращая его то в фактор, то в резерв, то в ресурс, и столько лет заставляли вращаться вокруг политиков, экономистов, депутатов, что заставили вольно или невольно людей убедиться – так и должно быть... А может, пора вернуться к исходной точке: человек – то Солнце, вокруг которого должна вращаться вся вышеназванная масса.*

Модели мифологических персонажей, очереди или Солнечной системы имеют своим источником достаточно структурированные фреймы, содержащие общеизвестные знания и дающие за счет этого яркие образы. Однако источником метафорической модели могут служить и малоизвестные для большинства коммуникантов области знаний, обла-

дающих поэтому малым «когнитивным притяжением» (А.Н. Баранов). Это влечет за собой слабую структуризацию фреймов модели и стертую образность. Примерами этому могут служить модели, условно названные «финансовая система» и «технологические процессы».

В денежном эквиваленте измеряется, как правило, авторитет политика: *Капитал Доверия* зарабатывается всей жизнью; *Проголосуйте за умных и честных кандидатов, не сделавших для себя личного капитала, кроме политического; Такой-то не сулящей немедленных политических дивидендов работой и занимается изо дня в день губернатор Страхов; Рано или поздно количество жертв кровавого пришествия Ельцина к власти будет предано гласности, и тогда народ узнает истинную цену этого «президента».* Покупаются или тратятся голоса избирателей, человеческие жизни, приравненные к деньгам: *Я не собираюсь покупать поддержку своих избирателей, Шариковы-Грачевы... тратят человеческие жизни направо и налево; Определенная часть депутатов на любом уровне, надо отдавать в этом отчет, покупается.*

Модель финансов взаимодействует с моделью организма через фрейм «кровеносная система». Кровь, а также человеческие жизни осмысляются в языке политики как средство платы за те или иные политические акции: *Суверенитет уже оплачен в ряде мест и кровью. Положение в стране нормализуется. Но за это заплачена слишком высокая цена.*

Таким образом, в терминах денежных средств может быть интерпретирован не только концепт времени, как в широко известном примере Дж.Лакоффа и М.Джонсон, но и реалии политические. Можно предположить, что с развитием и стабилизацией финансовой системы в стране эта модель будет развиваться как источник новых метафор.

Такое утверждение вряд ли будет справедливым по отношению к метафорам, чьим источником являются понятия физических, химических и иных процессов, связанных со способами и методами обработки материалов. Эта область специальных знаний послужила основой для создания метафорических единиц, активно функционирующих в контексте ситуации 1-го Всесоюзного референдума. Дискурс этого периода строился вокруг оппозиции двух штампов: *расцвет СССР*, связываемый с его

сохранением, и *развал СССР*, синоним которого – *распад СССР*. Это представление о распаде СССР как о неуправляемой ядерной реакции со всеми ее ужасными последствиями. Ср.: *Мы должны понимать, что распад Союза вызовет цепную реакцию и в России. Под угрозой будет поставлена ее судьба. Что дало толчок цепной реакции распада, которая неминуемо грозит взрывом? Я бы предложил поразмышлять: если пойдет цепная реакция выхода из Союза, то неизбежно будут нарастать миграционные потоки.*

Политические процессы, представленные как технологические, могут получать ускорение за счет действия катализаторов: *Корпоративные интересы партийно-государственных структур стали катализатором (августовского путча 1991 г.). Свободная и открытая торговая система... стала катализатором процесса, который в результате с 1950 года увеличил торговый оборот на 500%.*

И наконец, к этой группе метафор можно отнести номинации, возникшие из представления о вакууме как о безвоздушном космическом пространстве со всеми сопутствующими ассоциациями: невозможность дышать и свободно действовать. Денотатами подобных метафор являются законодательная и политическая системы страны, а точнее, те или иные их стороны, которые коммуниканты считают неразработанными. Нужно отметить, что семантика слова-прообраза метафоры не содержит тот смысловой компонент, который формирует ее реальное психологическое значение: Ср. *вакуум физ.* – состояние заключенного в сосуд газа, имеющего давление значительно ниже атмосферного (МАС, 1985). В психологическом же значении отражены и ходячие представления о классе реалий, которые, по мнению Н.Д. Арутюновой, не принадлежат языковой семантике, а входят в сумму знаний о мире (Арутюнова Н.Д., 1979, с.172). Ср.: *Особенно незащищенными в первоначальном правовом вакууме после распада СССР в 1991 г. оказались этнические русские; Отсутствие в стране реальной демократической оппозиции... этот вакуум чреват весьма серьезными последствиями для каждого из нас.*

Совершенно абстрактным образованием можно считать источник метафор, называемый «пространство», основным атрибутом которого является наличие пустот, дыр, прорех: *В последнее время образовалось*

дырявое экономическое пространство. Подобные метафоры прилагаются к разнообразным концептам политики, находящимся, с точки зрения автора, в неудовлетворительном состоянии. Косвенно, по ассоциативным признакам, эту группу можно объединить под названием «ткань» и считать ее основой языковую метафору «ткань чего-либо». Ср.: *Абсолютно недопустимы любые действия, направленные на разрыв единой исторической ткани нашего прошлого.* Некоторые политические акции предстают через призму подобных метафор как попытки устранить те или иные негативные моменты в общественной жизни. Ср.: *Вот в этих-то условиях [неодобрения народом национальной политики] и возникают в конце прошлого года отчаянные попытки заткнуть прореху наспех составленным Союзным договором.*

Наиболее уязвимой в своей прочности оказывается «ткань» финансов. Ср.: *Налоги в бюджет не платятся – образуются дыры: [областью] будут, как грязной промасленной ветошью, затыкать российские финансовые дыры. Правительству нужно заштопать срочные дыры, даже в ущерб социальным нуждам населения, селам, промышленности.* Подобная практика «починки» признается порочной, и альтернативные варианты могут выдвигаться в качестве аргументов в предвыборной борьбе: *Валерий Александрович вообще склонен к решениям не по «мелочам», а к глобальным, не к латанию дыр, а к перекраиванию.*

Итак, наше исследование показало, что среди метафорических моделей можно выделить малопродуктивные, такие как «финансовая система», «технологические процессы», «концлагерь», «очередь» и т.д. Предметная область использования единиц этих моделей сравнительно узкая и специфичная. Эти модели практически не структурированы, не образуют стройную, последовательную структуру. Ряд таких моделей можно называть «потенциальными» в силу богатства заложенных в них образов.

5.2. Модели функционирования темпоральных существительных в поэтическом тексте

Функционирование слова в поэтическом тексте представляет особый интерес ввиду многообразия контекстуальных условий, порою специально конструируемых автором для выражения индивидуального образного смысла, для достижения экспрессивности (Григорьев В.П., 1983; Чернухина И.Я., 1982; Некрасова Е.А., 1982; Некрасова Е.А., Бакина М.А., 1982). Ради этого намеренно нарушается лексическая сочетаемость слов, и «случаи изменения или расширения... сочетаемости... являются источником разнообразных стилистических эффектов» (Виноградова В.Н., 1984, с.176). «Так называемая игра грамматических сем в большей степени, чем лексических, ведет к деавтоматизации языкового кода, так как в этом случае нарушаются рамки самых категоричных нормативных предписаний», и здесь можно ожидать наибольшего эффекта воздействия (Пестова Н.В., 1989, с.120).

Назначение всех этих «эффектов», как и узуальных употреблений единиц языка в художественном тексте, – создание системы образов, индивидуальной картины мира. С точки зрения единого художественного смысла (замысла, «идеи» произведения) важно, чтобы в тексте присутствовали соответствующие замыслу элементы семантики в соответствующих взаимосвязях. Поэтому центром нашего внимания стали не семное варьирование, не лексико-семантические варианты (ЛВС), а текстовые функции темпоральных существительных (ТС). Под текстовой функцией здесь понимается роль дискретной единицы языка с ее семантикой в заполнении художественного смыслового пространства, обладающего континуальностью, непрерывностью. Казалось бы, богатый опыт описания функционирования глаголов должен подсказывать путь систематизации лексико-семантических вариантов. Однако семантическое варьирование глагола во многом обусловлено его организующей ролью в предложении, наличием актантных мест, замещаемых соответствующими лексемами (Плотникова Е.И., 1987; Руженцева Н.Б., 1987; Чудинов А.П., 1988). Сочетаемость глагола обусловлена устойчивыми связями системно-языкового характера, поэтому и функционирование глагола изучается как процесс реализации возможных актантных связей, замещение или незамещение которых манифестирует тот или иной ЛСВ.

Существительные же в отношении устойчивых связей делятся на два типа: имена предметов и лиц, осмысливаемых как «самостоятельные качественно определенные субстанции», и имена, квалифицирующие предметы и лица «в качестве участников тех или иных ситуаций» (Апресян Ю.Д., 1974, с.131; Гайсина Р.М., 1987, с.125). ТС относятся к первому типу. В художественном тексте они способны не только указывать на временные отношения, но и обозначать предмет, ситуацию, событие, персонаж, характеристику персонажа, его состояние. Такую универсальность нельзя рассматривать как заданную языковым ЛЗ, то есть в рамках понятия ЛСВ. В поэтическом функционировании темпоральных существительных ЛСВ имеют место, но как одно из промежуточных звеньев, как строительный материал для текстовых функций.

Здесь рассматривается функционирование одной ЛСГ – единицы времени, а также слов *время*, *миг* (*мгновение*) и *вечность* (о структуре их языкового лексического значения см.: Капленко В.Н., 1991, с.64 – 73).

Функция ТС в поэтическом тексте

Понятие и семантическая структура текстовой функции

Функция ТС в поэтическом тексте, или роль ТС в формировании образной системы, есть единство семантических компонентов, заложенных в языковом ЛЗ слова, синтаксическом и лексическом контексте, в макроконтексте и культурном, историческом и литературном сверткxте и актуализирующихся с разной степенью яркости на предметно-ситуативном, образном и концептуальном, или идейном, уровнях художественного смысла. (Ко второму уровню относится также оценочность: смысл подразделяется на образно-изобразительный и образно-оценочный, см.: Купина Н.А., 1983, с.106); нам представляется целесообразным отнести оценочность к третьему уровню. Отступления от этого принципа возможны там, где оценка имеет локальный, а не концептуальный характер). На каждом уровне актуализируется своя, языковая или окказиональная, семема. Значит, в художественном употреблении лексем

могут одновременно актуализироваться не только два – первичное и вторичное – значения, но три, по количеству уровней смысла.

Функции на предметно-ситуативном и образном уровнях связаны с отображением действительности и ее художественным видением, они создают образную систему стихотворения – мир, отчасти воспроизводящий внеязыковую действительность и наделенный ее атрибутами, существенными для реализации авторского замысла. Эти атрибуты выражаются в текстовых категориях, или универсальных смыслах (Чернухина И.Я., 1987, с.7–11): «время», «пространство», «человек», «событие». Текстовые функции, формируя образную систему, выступают как слагаемые одного из перечисленных смыслов. Хотя все описываемые существительные принадлежат к языковому ЛСП темпоральности и в текстах так или иначе выражают смысл «время», существуют зоны взаимодействия смысловых полей текста, когда ТС включаются в формирование отдельных участков смысла «пространство», или «человек», или «событие».

Мы ставим задачу проанализировать семные перестройки, связанные с поэтическим употреблением ТС, и выявить условия, способствующие достижению эстетического эффекта.

Типы текстовых функций ТС.

Функции в смысловой области «время»

Темпоральная организация образной системы, расстановка событий, явлений, состояний в воображаемом времени – первичная функция ТС в тексте, прямо связанная с их ЛЗ. Однако для лирики хронологическая точность не играет существенной роли: «В лирике мы имеем дело с изображением самостоятельных изолированных переживаний» (Тимофеев Л.И., 1976, с.368). Поэтому даже употребление ТС в роли темпоративов и дименсивов всегда направлено и на выражение той или иной грани лирического переживания.

Темпоральные дименсивы, то есть обстоятельства меры, различаются по степени определенности указания. Определенность выражается формой ед. ч. ТС или числительным: *Дед работал век* (Твардовский А.); *...мой род за тысячу веков / Очистился едва ль наполовину...* (Марьев Б.); *...Сутки сплошь грешившей пурги* (Пастернак Б.). В случае метонимии *век* – «всю жизнь» сема «определенное количество» нейтрализуется или приобретает тавтологический смысл: «столько, сколько прожил». От общего смысла зависит характер оценки: здесь имплицирована положительная оценка персонажа (ср. позицию объекта расходования, где оценка только количественная: *Там, где пичужки поют высоко, / Крапенький век проживая бескрышно* (Мориц Ю.); *Не уделяй мне много времени* (Ахмадулина Б.). В других случаях срок оценивается как достаточно большой для предизируемого действия, количественная оценка сопровождается морально-этической: *раскаяньем, грешившей; Очистился едва ль наполовину / От собственных теней и сорняков*, эмоциональной: *Ах, погоди минуту, проводник! / Как коротка заветная стоянка! / Лишь сердце захолонуло на миг...* (Марьев Б.) – либо оценкой степени достоверности: *То ли впрямь он два года не пил...* (Он же). Модель функционирования ТС в роли определенного дименсива такова: 1) прямое или переносное языковое значение с «округленной» точностью; 2) образный смысл совпадает с предметным; 3) оценка персонажа, или его действий, или достоверности срока. Близок к дименсиву дистрибутив – различие лишь в количестве субъектов: *И мир пригож, и все на свете живы, / И проживут теперь уж лет по сто!* (Мориц Ю.). Альтернативные указатели длительности задают верхний и нижний пределы: *Мне жалко воздуха, которым / Он год иль месяц здесь дышал; Все Загорье готово / Час и два простоять* (Твардовский А.). Аналогичны функции субъектных употреблений со стандартными предикатами движения, означающими «истечение срока»: *Два только года – или двести / Жестоких, нищих лет прошло...* (Он же). Контексты насыщены лексикой, выражающей оценку, чувства, эмоции; темпоральные слова

За основу обозначения синтаксических позиций взята терминология «Синтаксического словаря» Г.А.Золотовой (1988).

альтернативного ряда тоже втянуты в выражение оценки: «все равно сколько (количество не влияет на содержание оценки)» или (см. последний пример) «невероятная степень варварства, пропорциональная верхнему пределу».

Сроки протекания процессов могут быть гиперболизированы: *Жил на свете дед Данила / Сто годов да пять. /.../ Если б совесть позволяла, / Жил бы двести лет* (Твардовский А.). Подобные случаи дают возрастную характеристику персонажа и в то же время, преувеличивая длительность, являются средством сюжетообразования: данный отрывок представляет собой завязку сюжета.

Количественная неопределенность выражается формой мн.ч. ТС, иногда со словами *много, мало* или с другими количественными словами во мн.ч.: *...Что волопасам известно веками* (Мориц Ю.); *За сотни лет здесь выходил народ / Так поголовно только в памятные годы; Повеет деревом согретым, / Прокопченным за много лет* (Твардовский А.); *Все как будто с прощального мига / Не прошли невозвратно года* (Ахматова А.); *И пусть надо мной... / Проходят... века!* (Марьев Б.). Синтаксические средства – либо темпоральный дименсив, либо «стандартный» субъект движения. ТС употреблены в прямом ЛЗ, но неопределенное количество единиц позволяет лишь предположить приблизительные масштабы длительности. По уровням смысл распределяется так: 1) приблизительная длительность действия; 2) косвенная оценка события как важного, или характеристика предмета, или оценка срока как значительного; 3) дименсивные употребления локальны и не сказываются прямо на концептуальном смысле; субъектные же способны отображать взаимодействие между объективным и субъективным временем (ср.: *как будто... не прошли... года*), придавать временным отношениям парадоксальный характер (ср.: *Пусть ноги босые щекочет трава, / И пусть... проходят века!*).

Дименсив может не соответствовать объективной длительности действия: *Как ты [снег], жива на миг, а верю, / Что жар весны превозмогу* (Ахмадулина Б.); ср. также пример с пассивным субъектом – семантическим объектом наделения: *Пусть секунда мне суждена, / Живому гному...* (Марьев Б.). Такие преуменьшительные

употребления выполняют экспрессивную функцию, как и преувеличительные: *Тучи... / Брели не час, не век* (Пастернак Б.). В конструкции с не минимальные границы длительности отрицаются, а максимальные не указаны. Они могут быть равны жизни, веку, эпохе, бесконечности: *Он сам повествовал о плене/ Вещей, вводимых не на час* (Он же). Возможно отрицание максимальных границ длительности: *Ведь не век, не сряду лето бьет ключом* (он же), но при этом контекст включает ТС, обозначающее меньшую длительность, – *лето*.

Если указываемая длительность соизмерима с реальной продолжительностью действия, структура смысла такова: 1) приблизительная темпоральная характеристика действия; 2) – (отсутствие отчетливого смысла на данном уровне), 3) оценка вытекающая из контекста (плен – отрицательная оценка; *не век... лето бьет ключом* – сожаление); в другом случае, то есть при наличии литоты или гиперболы: 1) наблюдается конфликт между реальной (вероятной) длительностью и указанной мерой; 2) субъективной мере длительности придается видимость объективности; 3) субъективное видение замещает собой объективные свойства вещей.

Другой способ расстановки событий во времени – указание начала или конца действия, либо момента, соответствующего событию, в рамках отрезка, либо временного расстояния между событиями. Средства выражения таких смыслов – темпоратив: *До двух/ Несметного неба мигали богатства; С того большого часа* (Пастернак Б.); *В этот голодный год, / грифельломав, профессор/ Замертво упадет; ...сквозь годы выюг: /.../ я осознаю вдруг* (Лобанцев Ю.); *Я любовь припоминаю/ через три десятка лет* (Ахмадулина Б.); *За неделю до войны...* (Никулина М.); *Пятый год задыхается страсть* (Марьев Б.); субъект фазового действия: *То час настал для исполненья гнева; Застиг и нас тяжёлый час* (Твардовский А.); *Но час настал – и ты ушла из дому* (Блок А.); субъект бытия: *Четвертый год войны!* (Твардовский А.).

Функцию идентификации отрезка выполняют ТС в позиции бытийного субъекта: *Какое, милые, у нас / Тысячелетье на дворе?* (Пастернак Б.); *Теперь такое время ночи / Теперь луны такое время...* (Мориц Ю.). Идентификаторами, соотносящими называемый

отрезок со «здесь» и «сейчас», выступают указатели *теперь*, *у нас*. Структура смысла: 1) качественно или календарно определенный период; 2) при качественной конкретизации «качественные» семы контекста служат основой для изображаемой картины; 3) при качественной конкретизации: «период, отмеченный реалиями особого рода», см. продолжение приведенного выше текста Ю.Мориц: ... *Что станет мощною трухою / Научная картина мира*.

Текстовые функции темпоративов подразделяются на темпорально-динамическую, дающую действие в развитии, выражаемую указаниями начала или конца действия или срединной его фазы и глаголами несовершенного вида, и темпорально-статическую, устанавливающую временное расстояние между событиями и выражаемую соответствующими темпоративами с глаголами совершенного вида. Возможно совмещение динамического и статического аспектов: *Я любовь припоминаю* (нес. вид, развертывающееся действие) / *через три десятка лет* (временное расстояние); *За неделю до войны* (временное расстояние) / *братик мой белоголовый / неумелый зубик свой / погремущкой точит пресной* (нес. вид).

ЛЗ во всех этих случаях реализуется по-разному. С числительными, обозначающими меру длительности, или с формой ед. ч. – *за неделю до...*, – или с определениями: *сквозь годы вьюг* – актуализируется сема «отрезок». Смысловая структура функции такова: 1) соотношение события с моментом настоящего или с другим событием; 2) возможна характеристика интервала как заполненного некоторыми явлениями (*годы вьюг*), или же интервал остается «пустым»; 3) оценка интервала или события либо создание эмоционально-оценочного фона: *за неделю до войны* – «тревога, трагизм».

В конструкциях, обозначающих начало или конец действия, актуализируется сема «момент», а количественная сема затухает: *Ты взял над всякой спесью верх / С того большого часа, / Как истуканов нисповерг / И вечностью запасся* (Пастернак Б.). Так же функционирует и лексикализованное сочетание *от века* – «от начала времен».

Подобным образом разграничиваются субъектные употребления: бытийная конструкция с порядковым числительным *Четвертый*

год войны! Выполняет темпорально-динамическую функцию (числительное и сущ. *война* привносят оценочность «долго» и «плохо», но это особенность данного текста, ср.: *Какое ... / Тысячелетие на дворе?*). Структура смысла для этих употреблений: 1) соотношение лирического времени с календарным или историческим; 2) – ; 3) время как определенное состояние общественной жизни, качественное содержание эпохи. Конструкция с количественным числительным *два только года... прошло* выполняет темпорально-статистическую функцию.

Для субъекта фазового действия, представленного в основном лексемой *час*, актуально значение «момент», и особую роль играет контекст, дающий характеристику момента – это либо определения: *для исполнения гнева, тяжелый*, либо соседнее предложение: *и ты ушла из дому*, либо более широкий контекст: *Застиг и нас тяжелый час, / Пришел и наш черед. / В подбитом танке трое нас...* (Твардовский А.). Итак, ТС с глаголами фазового действия выражают смысл «наступление или завершение какой-либо ситуации». При образных употреблениях глаголов возможно привнесение качественной характеристики: *Отгрохотали эти годы* (Он же). Функциональный смысл фазовых субъектов и темпоративов таков: 1) момент, начала или окончания некоторых ситуаций; 2) возможны субъективация (*застиг*) или окачествление момента либо отрезка (*тяжелый, отгрохотали*); 3) время как ситуация, которая при этом всегда подвергается оценке, вербализованной или имплицитной.

Оценка может становиться главным содержанием сообщения. ТС при этом выражает метонимический смысл «события, переживания, явления, заполняющие отрезок» и находится в позиции субъекта при качественно-оценочном предикате: *Этот месяц был страшен* (Твардовский А.); *...год хлебов / Был годом клубней, землю рвущих, / И годом ягод и грибов* (Он же). Существенны те особенности, которые отличают данный интервал от других, то есть контекст наводит сему «качественная определенность».

Сходным образом функционируют темпоративы и атрибутивы, имеющие качественные и/или оценочные определения: *Рожденные в года глухие / Пути не помнят своего. / Мы, дети страшных лет Рос-*

сии, / *Забуть не в силах ничего* (Блок А.); *Дети шумного века...* (Марьев Б.).

Качественная или событийная семантика окказионального характера подчеркивается сравнительными оборотами, содержащими ТС в грамматических формах темпоративов: *Только ты меня уж на рассвете / Не буди, как восемь лет назад* (Есенин С.); *...и письма приходят с оказией, / как в давешние времена* (Никулина М.). Функцию таких оборотов охарактеризуем как с с ы л о ч н о - и з о б р а з и т е л ь н у ю, автор ссылается на известную ему или читателю ситуацию из прошлого: 1) указывается давность прецедентного события; 2) устанавливается сходство/различие данного события с прецедентным; 3) сходство событий может оцениваться как желательное или нежелательное.

Функция, при которой главная нагрузка ложится на концептуальный уровень художественного смысла, – м о д е л и р о в а н и е м и р о з д а н и я. Автор исходит из некой дефиниции понятия времени, не всегда общепринятой, приписывая времени, пространству, вселенной какие-либо свойства или просто констатируя их. Такая функция много чаще приходится на лексику *время*, чем на другие ТС. Синтаксические способы ее реализации – сравнительный оборот *как время*, приписывающий времени или акцентирующий свойства, характеризующие субъект: *...и, как время, / Смеясь, убиваешь за всех, перед всеми* (Пастернак Б.); *...город... / гудел, как время, свыше и извне* (Никулина М.); Субъект активного действия: *Время, время, как ветер, / Шапку рвет с головы* (Твардовский А.); субъект отсутствия: *где нет времен – нет смены состояний* (Мориц Ю.); объект активного действия: *...вернуться, и время вернуть, / и двери закрыть на засов* (Никулина М.). Структура функционального смысла: 1) атрибут действительности, обладающий определенным (акцентируемым) свойством; 2) факультативно усматривается сходство времени с человеком, веществом либо предметом по этому свойству; 3) развитие событий предопределяется этим свойством или подтверждает его наличие, предсказывается или планируется исходя из него.

Функция «модель мироздания» проявляется и на пересечении со смыслами «человек (персонаж)» и «пространство».

Функции, связанные со смыслом «пространство»

Е.С.Яковлева отмечает в языковом мышлении аналогию времени с пространством, которая «задает семантику активности, преодоления событий жизни» (Яковлева Е.С., 1994, с.80). «Восприятие времени под знаком события позволяет осмыслить повторение одних и тех же событий как *в о з в р а т* во времени...» (там же, с.96). Эта аналогия дает возможность как для создания непредсказуемых «пространственных» образов на основе темпоральных понятий, так и для выражения пространственных смыслов с помощью темпоральных слов.

ТС выступают как обозначение *р е а л ь н о г о* предмета, имеющего определенное пространственное расположение: *Если б не звездное расстояние / От роговицы до вечности млечной* (Мориц Ю.); *И не все ль равно, / Какою метой вечность сверху мечена* (Твардовский А.). Предметный смысл существительного *вечность* обеспечивается контекстом: синтаксическим – позиция пассивного субъекта, либо объекта (см. ниже), либо атрибутива при существительном (*расстояние до...*); лексическим – определение *млечной* указывает на Млечный путь (он и есть «предмет»); наречие *сверху*, широкий контекст, изображающий ситуацию; важно, что в контексте есть пространственная лексика. При ее отсутствии пространственный компонент смысла ослаблен и предмет не столь конкретен. Ср.: *...истуканов нисповерг и вечностью запасся* (Пастернак Б.) – «вечными ценностями, идеями и т.п.». Нестандартная сочетаемость подчеркивает наличие у денотата предметных признаков, в том числе пространственной локализации. Структура функционального смысла: 1) чувственно воспринимаемый предмет; 2) предмет исключительный по своим свойствам; 3) сущность, скрытая за предметом. Тип тропа – метонимия.

ТС служат средством *х а р а к т е р и с т и к и* предмета или *я в л е н и я*: *Со свалки времени былого/ возвращены и спасены, / они [плафоны]... / глядят на-спешку новизны* (Ахмадулина Б.); *Разбужен чудным перечнем / Тех прозвищ и времен...* (Пастернак Б.). Синтаксическая особенность приведенных примеров – позиция опреде-

ления при предметном существительном (а в первом случае – включенность в полупредикативную определительную конструкцию, опорное слово которой *возвращены* только и позволяет судить о прямом ЛЗ существительного *свалка*). Присутствие ТС *время* в обоих случаях не обязательно: в первом видовое понятие выражено прилагательным *былого*; во втором ТС художественно «случайно» и, относясь к существительному *перечень*, участвует в характеристике пространства как «заполненного звуками»; задействованность ЛЗ существительного *время* в этой функции близка к нулю.

Поэтическая практика богата примерами, в которых темпоральное понятие представлено как условный пространственный объект. Эта функция имеет множество разновидностей, исчерпываемых, вероятно, количеством типов пространственных объектов в поэзии. Например:

– условный предмет (целью – сделать абстрактное понятие наглядным и тем проявить гипотетическую модель мироздания, в которой время обладает неожиданными, неочевидными признаками): *...дыханье песочных часов. / В сухой горловине застрянут года* (Никулина М.) – позиция субъекта движения; 1) меняющийся вплоть до остановки темп событий; 2) песчинки – рассеянные в пространстве, не связанные жесткой последовательностью единицы общего потока; 3) субъективная, фантастическая модель времени; *...где нет времени, / А есть лишь вечность в образе кристалла, / Где гаснет жизнь и вспыхивает вновь* (Мориц Ю.) – позиция субъекта существования (местонахождения); 1) неизменное состояние; 2) жесткое, пространственно не меняющееся образование; 3) субъективная модель вечности. Ср. *И были в ней [капле] все времена...* (Мориц Ю.), также см. позицию объекта пространственного расположения или перемещения: *одни жизнеспособные глаголы / поддерживают время на весу* (Никулина М.); *Чужое мгновенье себе я взяла и снесла* (Ахмадулина Б.). Условия контекста: вещественные, пространственные свойства приписываются темпоральному понятию путем создания тропа – сравнения: *в образе кристалла*, метафоры: *застрянут года* – или метонимии: *все времена* – «зримые признаки эпох»; предикаты обозначают

местонахождение или движение; присутствуют локативы или прилагательные места;

– условный ландшафт (или интерьер, или их деталь), иллюстрирующий соотношение абстрактных понятий: *...и я знаю: как мокрые пожни / От века положены году в подножье...* (Пастернак Б.). Определение при локативном существительном: *...Со дна мучительных веков, / Как бы на лестнице спиральной / Великих видит двойников; Помылите над безднами вечности / У моих озаренных мостов* (Марьев Б.); *...Закат лесничим / В лесу часов* (Пастернак Б.). Возможна локативная (транзитивная, директивная) позиция ТС: *Дальше, дальше далека / Заведем живые взоры – / За высокие века, / За нездешние просторы* (Мориц Ю.). Основные средства формирования пространственной картины – локативное ЛЗ существительных микроконтекста и семантика синтаксической конструкции. ТС утрачивает количественные смыл, обозначает эпоху или ситуацию, а языковые средства ФСП локативности навязывают ему (ТС) свои семантические компоненты, формируя подобие зримой пространственной структуры. Дополнительные локативные средства – сравнения (*как бы на лестнице спиральной*), члены однородного ряда (*у... мостов, за... просторы*) – придают выражениям с ТС изобразительность. Пространственную картину формирует и ТС в позиции субъекта перемещения, местонахождения, положения в пространстве: *Как жизнь одна, встают века и годы* (Твардовский А.); *...и судный час/ стоит во все окно* (Никулина М.). Разные варианты синтаксического оформления описываемой функции могут обозначить элементы единой картины: *...катясь в ту начальную рань,/ Стоят времена, исчезая за краешком /Мгновенья...* (Пастернак Б.);

– условное вместилище событий и явлений: *У Сталинграда вещей битвы жар/ Простерся в вечность заревом кровавым* (Твардовский А.); *А песня канет в век* (Есенин С.). Средства выражения директив «конечный пункт» при глаголе движения, но смысл несколько отличает данные примеры от предыдущих: там условное пространство входит в континуум изображаемого мира, здесь же события и явления изымаются из континуума и помещаются как бы в хранилище исторической, культурной памяти – ближе всего это к «пространству ино-

бытия», свободному «от связи с физическим пространством» (Яковлева Е. С., 1994, с.55, 62), изображается как раз момент «перетекания» события в это новое пространство.

– условное преодолеваемое пространство: *смотрят сквозь время во все времена...* (Никулина М.); *Идет... / сквозь долгое время, которое есть, / в такое, которое будет* (Лобанцев Ю.), ср. у В.Маяковского: *Мне бы жить и жить, сквозь годы мчась*. Синтаксические средства – локативные указатели со значениями «преодолеваемый локум» и «конечный пункт» при глаголах, обладающих пространственной семой «направление».

В тексте могут соединяться функции, на первый взгляд, несовместимые – обозначение реального предмета, условного предмета и условного вместилища: *Как нам еще все равно, / кто там за стенами плачет, / знаки заветные прячет / в темную скриню, на дно / времени, в самую рань...* (Никулина М.). Здесь одинаково сильны компоненты контекста, выражающие идею предметности (*стены, знаки, скриня*), пространственности (*там, прячет в..., на дно*), темпоральности (*времени, рань*) и оценочности (*плачет, заветные, самую*).

Структура смысла для названных функций такова: 1) условия, ситуация или эпоха как фон или вместилище для действия/события/явления/предмета; 2) пространственная структура, иногда характеризующаяся через свою часть или общий вид; 3) наглядная модель познания, события, закономерности и т.п.

ТС, обозначающие движущуюся часть пейзажа, кроме функции темпоральной организации выполняют и пейзажно-изобразительную, главным образом за счет локативного и изобразительного контекста, и роль этой функции по преимуществу локальная. Употребление лексемы *время* в подобной функции приобретает «мировоззренческий» оттенок: *Смотри, смотри, как просто сбилось с круга / простое время нашего заката, / и люди, обернувшись друг на друга, / узнали всех, что умерли когда-то* (Никулина М.) – на концептуальном уровне смысла время уподоблено предмету, движущемуся по кругу, и в эти моменты «сбоев» происходит контакт нашего мира с другим, вневременным; *деталь картины, обладающая свойствами подвижно-*

сти и статальности: *Река времен у всех перед глазами, / Но лишь поэты в ней стоят по грудь* (Мориц Ю.) – «время подобно реке, и поэты должны чувствовать его течение»; *статальная деталь: ...так с тобой говорит тишина / из такой глубины беспробудной, / что никто не считал времена* (Никулина М.) – «времена подобны слоям геологических отложений». Синтаксические позиции – субъект движения, определение при предметном существительном, объект счета – подчеркивают предметные свойства времени, а лексический контекст приписывает ему пространственные особенности: трассу движения, местоположение, глубину, дискретность/перманентность. В каждом случае в основе изображаемой пространственной картины лежит определенная модель (презумпция, или пресуппозиция, если ее содержание уже известно адресату, и импликация, если она выводится получателем из содержания текста, см.: Федосюк М.Ю., 1988, с.19, 21) мироздания, из которой следуют особенности образа времени. Образное средство – метафора.

Итак, наблюдается два типа взаимодействия между темпоральными и локативными значениями: пространственный объект, обозначенный с помощью ТС и таким образом наделенный темпоральными свойствами; время или вечность, представленные в виде пространственного образа.

Еще один вид взаимодействия пространственно-предметных сем с темпоральными осуществляется в функциях «мир, представленный деталью», и «деталь, репрезентирующая целое».

Мир, или целое, есть пространственно организованный комплекс явлений, ограниченных во времени и придающих этому времени качественную определенность. Сема «длительность» перемещается на уровень ассоциативных признаков: *Есть в сумерках блаженная свобода / от явных чисел века, года, дня. /.../ ни в деревьях, исполненных любви, / нет доказательств этого столетия – / бери себе другое – и живи* (Ахмадулина Б.). Роль деталей или признаков исполняют существительные *чисел и доказательств*, роль целого – ТС в позиции определений. Столетью контекст приписывает свойства помещения, места для жилья. Смысловая структура: 1) отрезок времени со свойственными ему признаками и реалиями; 2) пространство, заполненное признаками и реалиями,

свойственными названному отрезку; 3) время как мир, существующий в рамках определенной длительности. Тип тропа – метонимия.

Функция «деталь, репрезентирующая целое» может выражаться позицией локатива: *И в этой секунде, / Что минет, / что канет, – / Восторг открovenья, что жизни дороже* (Марьев Б.). Существенно, что оценочная сема «мало» поддерживается контекстом, а событийное содержание *секунды* по своей значимости «не вмещается» в нее, что тоже подчеркнуто контекстом: *жизни дороже*. Смысл структурируется так: 1) малый отрезок времени, соответствующий пику переживаний; 2) малое пространство, вмещающее нечто значительное; 3) частное явление, демонстрирующее сущность большего – театра. Убедительный пример «детали, представляющей целое» – строка Р.Рождественского: *Из крохотных мгновений соткан дождь*.

Функции, связанные со смыслом «человек» («персонаж»)

В зоне сопряжений универсальных смыслов «время» и «человек» один из двух смыслов окажется господствующим. Поэтому выделим два типа функций: а) характеристика персонажа-человека с какой-либо стороны; б) условный образ-персонаж, которому приписываются признаки человека.

Характеристика персонажа:

– в о з р а с т н а я характеристика оформляется следующими синтаксическими средствами: субъект-предикат в назывном предложении, где семантический субъект выражен формой Д.п.: *Пришла. Стоит. Ей восемнадцать лет.* / – *Вам сколько лет ? – Ответила: – Осьмнадцать* (Ахмадулина Б.); предикатив в форме Р.п.: *Лет десяти-двенадцати. Бедовый...* (Твардовский А.); дименсив: *Жил на свете дед Данила / Сто годов да пять*; субъект фазового действия: *Видит, сто шестой ударил, – / Время помирать* (Он же). ТС *год / лет* употребляется в прямом ЛЗ; числительные подчеркивают сему «точное количество». Характеристика дополняется вторичными функциями: устаревший вариант числительного *осьмнадцать* выдает литературные пристрастия героини; приблизительно указанное количество (*лет десяти-двенад-*

цати) говорит о том, что рассказчик опирается на впечатление от внешности; указание *сто годов да пять* превышает обычную продолжительность жизни, и далее персонаж характеризуется как необычайно трудолюбивый и жизнелюбивый: гипербола – одно из средств этой характеристики. Обе стороны смысла – возраст и возможная дополнительная характеристика персонажа или ситуации – относятся только к предметно-ситуативному уровню.

Если количество лет не названо, вступают в силу ассоциативные признаки: «опыт», «стиль поведения», «заслуги», «реальные и потенциальные возможности» и др. Синтаксические средства – объект интеллектуальных действий: *Я с неудачниками пил, / Не понимал ни лиц, ни лет /.../ А я – считал свои года...* (Марьев Б.); субъект отношения: *Года обязывают строже, / О прежних вспышках не жалею* (Твардовский А.); ср. у А.С.Пушкина: *Года к суровой прозе клонят* – по существу, здесь выражено значение субъекта-каузатора; субъект активного действия: *Я утих. Годы сделали дело* (Есенин С.), то есть «послужили причиной». Структура смысла: 1) намек на возраст; 2) выдвижение ассоциативных сем на первый план; 3) возраст как причина, условие для определенного поведения;

– п с и х о л о г и ч е с к а я характеристика персонажа и душевная/духовная жизнь персонажа. Синтаксические средства разнообразны, как и содержание внутренней жизни героя. Определение именного предиката при субъекте квалификации: *Ты – совесть века* (Марьев Б.), дименсив при модальном предикате: *Все Загорье готово / Час и два простоять* (Твардовский А.); объект-субъект отсутствия в безличном предложении: *Можно подумать, что нет / Ни этих фрицев на свете, / Ни расстояний, ни лет* (Он же); дименсив-дистрибутив в модальной рамке «желательность»: *...и все на свете живы / И проживут теперь уж лет по сто!* (Мориц Ю.); объект передачи: *Думал – Трои б век ей, / Горьких губ изгиб целую* (Пастернак Б.), объект переживания: *Сколько раз / Пережил я заране / Этот день, этот час* (Твардовский А.). Семантический потенциал ТС также реализуется по-разному: слово *век* означает «эпоха», метонимически – «общество, его жизнь» и актуализирует сему «своеобразие»; *час* выступает то как мера длительности, то как обозначение события, *лет* – как временное расстояние

и как мера продолжительности жизни. Перечисленные смыслы относятся к предметно-ситуативному уровню. Концептуальный смысл можно выделить лишь в некоторых случаях: имплицитно представляются о взаимосвязи, взаимодействии между человеком, обществом, временем и т.д.: *Трои б век ей* – «есть эпохи, подходящие или не подходящие для данной личности»; в словах *Ты – совесть века* прямо сформулировано представление о роли поэта в обществе;

– экстериоризация внутренней жизни персонажа, то есть представление его переживания в виде внешней по отношению к нему картины, может осуществляться по-разному. В частности, пример из стихотворения Б.Пастернака «Петербург» содержит непредсказуемую для этой функции синтаксическую позицию объекта поглощения: *...Века пожирая, стояли / Шпалеры бессонниц...* Чем более развернута метафорическая картина (а названный текст весь построен на совмещении образов Петра I и Петербурга), тем менее предсказуемы языковые формы выражения текстовой функции. Выражение *пожирать века* семантически сводимо к смыслу «требовать большого количества времени», но количество, многократно перекрывающее сроки человеческой жизни, и экспрессивный оттенок у глагола *пожирать*, и метафорическое изображение бессонниц как строя гайдуков создают неповторимое стечение условий контекста. Функция экстериоризации внутренней жизни персонажа, однако, имеет и специальные языковые средства реализации, например субъект содержания, если объект выражает семантику переживания, ощущения и т.п.: *Соловьиная ночь полна / И пронзительности, и света* (Сорокин В.) – субъект пассивной конструкции с семантикой «воздействие на живое существо»: *Ведь на земле закат встречать нелепо, / Когда убиты горем вечера* (Он же); определение, с объектно-изъяснительными отношениями при синсемантическом существительном, обозначающем психологическое состояние: *Предчувствием зимы звенят в ночи восходы* (Он же). Общие для приведенных случаев условия контекста – названия переживаний, приписываемых темпоральной единице, при отсутствии в микроконтексте подлинного их субъекта и при том условии, что ТС не становится обозначением условного персонажа. Семантическая модель функции: 1) персонаж переживает нечто;

2) переживание разлито во внешнем окружении персонажа; 3) трансцендентность, внесубъектность переживания;

– с о с т о я н и е персонажа. Имеются в виду те случаи, когда «состояние» выражено непосредственно темпоральными существительными. Употребление ТС при этом противоречит объективной картине мира, здравому смыслу: необычное состояние души заставляет персонажей воспринимать мир как бы в иных измерениях: *Изведав жар такой работы, / Когда часы быстрее минут; Можно подумать, что нет /.../ Ни расстояний, ни лет* (Твардовский А.); *Пусть ноги босые щекочет трава, / И пусть надо мной, как в зарю облака, / Проходят, проходят, века...* (Марьев Б.); *тучи... / Брели не час, не век* (Пастернак Б.). Нарушение количественных соотношений между единицами времени или между единицей и вероятной длительностью действия объясняется субъективным состоянием героя, которое (или причина которого) может быть вербализовано (*жар такой работы; можно подумать что*), – а может подразумеваться;

– оценка состояния как экстраординарного: *И в этой секунде ... / Восторг откровенья, что жизни дороже* (Марьев Б.); *На миг застыло вдохновенье / на клавише карандаша; Я помню: был рискованным финал. / Миг тишины... / Ужасное мгновение!* (Лобанцев Ю.). На этом противоречии между краткостью интервала и чрезвычайной важностью происходящего основана оценочность, подкрепленная лексически: *откровение* – «знание, к которому невозможно прийти логическим путем», *жизни дороже* – прямая оценка; *застыло... на клавише* – «момент неустойчивого равновесия перед началом творческого акта».

Время как персонаж

ТС *век* представлено в синтаксических позициях субъекта активного действия: *Ее теснит XX век то льготами, то карами* (Марьев Б.); *Век вещает со всех орбит* (Лобанцев Ю.) – и обращения: *Знаешь, век, не хочу я жить / на секреты твои ротица* (он же). Веку при-

писываются человеческое поведение, воля, образ мыслей и действий, типичный для эпохи, диктуемый ее господствующей тенденцией. Таким образом, метонимия *столетие --> эпоха* осложняется метафорой-олицетворением *эпоха --> персонаж*, с которым (в случае обращения) ЛГ пытается найти общий язык. Возможна позиция субъекта речи, мысли: *Что ты [век] скрыл от меня, скажи? / Мы подумаем сообща* (Лобанцев Ю.), желания: *Но век желает пировать!* (Ахмадулина Б.), любого другого действия, могущего исходить от человека или животного (ср. у О.Мандельштама: *Мне на плечи бросается век-волкодав*). Структура функционального смысла такова: 1) типичные для эпохи явления жизни, поведение людей, господствующие тенденции и др.; 2) условный персонаж, реализующий перечисленное в пункте (1); 3) эпоха как фактор явлений жизни, человеческих действий.

Существительное *время* в той же функции обозначает более короткие периоды «общественного» времени: *Время спешить велело* (Лобанцев Ю.); *Но время поднимает вече / Твоим пудовым языком* (Марьев Б.). 1-й и 3-й уровни смысла модифицируются так: 1) ситуация, требующая определенного поведения; 3) объективная власть общественной ситуации, каузация поступков персонажей.

Лексема *время*, обозначающая персонаж, но употребленная вне общественно-исторической тематики, актуализирует «философский» ЛСВ «свойство мироздания». Времени придаются субъективность и субъектность, свойства характера, иногда – пристрастное отношение к человеку-персонажу: *...но время поднимает парус черный/ в любой дали, куда ни обернусь; и время выгнет легкую дорогу* (Никулина М.). Приписывание *времени* действий, не вытекающих из реальных свойств объективного времени, позволяет автору создать образ, подобный мифологическому персонажу, вмешивающе-муща в жизнь ЛГ. Если при слове *время* появляются определения, время приобретает историческую конкретность: *Расстрелянное время* [период Великой Отечественной войны] *распрямилось, / вдохнуло смерть и выдохнуло нас* (Никулина М.). Структура смысла: 1) ситуация или эпоха; 2) персонаж с человеческими и сверхчеловеческими свойствами; 3) обладающий сознательной волей каузатор событий, явлений, условий человеческой жизни.

Образ персонажа, полученный с помощью нестандартного расширения стандартных сочетаний с предикатами движения, отличается меньшей степенью вмешательства в жизнь ЛГ: *Но время шло и старилось, и гложло / ...трещал и таял кресел шелк* (Пастернак Б.); *Время твое отошло и ждет./ Имя иссякло и опустело...* (Никулина М.). Стандартный компонент оставляет за временем смысл «свойство мироздания», нестандартный придает ему оттенок «персонажности»; характер персонажа задается нестандартным предикатным словом и может уточняться посттекстом – этот характер и есть содержание концептуального уровня смысла, индивидуальное для каждого употребления.

Функции, связанные со смыслом «событие»

Материал, в котором прослеживается универсальный смысл «событие», был уже рассмотрен выше. Казалось бы, расставляя события во времени, ТС должны выполнять лишь скромную функцию темпоральной организации. Но мы уже наблюдали, как ТС становятся метонимическими обозначением события: *...Сколько раз/ Пережил я заране / Этот день, этот час* (Твардовский А.) или ситуации: *и судный час / стоит во все окно* (Никулина М.); *Застиг и нас тяжелый час* (Твардовский А.); многих событий, объединенных общим качеством: *Этот месяц был страшен* (он же); *дети страшныс лет России, Испепеляющи годы!* (Блок А.); *После – сквозь годы выюг: / «Нету на свете брата!» – / Я осознаю вдруг* (Лобанцев Ю.). Для этой функции существенно наличие слов, выражающих отношение к действию или ситуации как крайне важному моменту в жизни героя, то есть с о б ы т и ю. Синтаксически это оформляется с помощью определений или предикатов, называющих качество, которое подразумевает интенсивную, оценку события.

Когда ТС – главное средство выражения оценки, «событие» выносятся в соседнюю предикативную единицу; ТС выступает как временная веха, придающая событию важность. Синтаксические средства – субъект фазового действия либо фазовый темпоратив, смысл которых раскрывается в соседнем предложении: *Но час настал – и ты ушла из дому* (Блок А.);

*Ты взял над всякой спесью верх /С того большого часа, / Как истуканов
нисповерг / И вечностью запаса (Пастернак Б.).*

Функции обозначения и оценки события могут сливаться: *То час
настал для исполненья гнева; Все в мире сущие народы, / Благословите
светлый час (Твардовский А.); Все как будто с прощального мига / Не
прошли невозвратно года (Ахматова А.).* Здесь присутствуют и определения,
и семантический компонент фазовости, а «событие» и «веха» представлены в
рамках одной предикативной единицы.

Иной способ обозначить важность события – характеризовать
реакцию персонажа на событие. ТС в позиции темпоратива или
дименсива используются для такой темпоральной характеристики
действий персонажа, которая выявляет его отношение к событию:
*...Все Загорье готово /Час и два простоять; За сотни лет здесь выходил
народ / Так поголовно только в памятные годы (Твардовский А.).*
Психологические смыслы «не жалея времени» и «по особо важным случаям»
подразумеваются из обыденного опыта, из соображений здравого смысла,
общих для автора и читателя.

Функции, не связанные с определенной областью смысла

Функции, не относящиеся к изобразительно-выразительным, темпорально- или локативно-организующим, характеристическим и моделирующим мироздание, связаны с композиционным строением текста. К ним относится *анафорическая*, состоящая в отсылке к предыдущей части текста «при отсутствии непосредств. синтаксич. связи между этими выражениями» (ЛЭС, 1990, с.32): *Вперед – за час прощальный
тот...* (Твардовский А.) – ТС *час* вместе с указательным местоимением служит средством формирования единого смыслового континуума. Анафорическое употребление ТС – пример смыслового подхвата. Возможен подхват корневой: *...прописаться.../На вечную квартиру коммунальную [«могила»]. /.../ Какою метой вечность сверху мечена (он же).* Простой повтор ТС является приемом лексико-синтаксическим, а не композиционным, но повтор приема, в частности повтор повтора, влечет за собой и повтор текстовой функции: *Детство, детство! / Музыка и топот. / Эше-*

лоны... / Годы, годы! (Марьев Б.) – если в первом случае эксплицирован ряд картин прошлого, то во втором они имплицитуются.

Наблюдения позволяют сказать, что в поэтических текстах даже такое узко вычлененное явление, как употребление существительных определенной ЛСГ, к тому же не столь богатой дифференциальной и ассоциативной семантикой, как, например, названия месяцев, времен года или суток (см.: Капленко В.Н., 1997, с.9–10), покрывает, однако, все те области художественного смысла, на основе которых складывается образная система стихотворения. Это говорит о глубине семантических взаимодействий между единицами языка в художественной речи, а с другой стороны, о семантической универсальности, приобретаемой в поэтических текстах лексическими единицами, принадлежащими в языке к строго специализированной понятийной области.

5. 3. Семантическое варьирование местоимений в литературно-критическом эссе XX века

Жанр эссе как некая обобщенная модель, образ мира генетически связан со своей типовой субъектной организацией – «соотнесенностью всех отрывков речи, образующих данное произведение, с субъектами речи – теми, кому приписан текст (формально-субъектная организация), и субъектами сознания – теми, чье сознание выражено в тексте (содержательно-субъектная организация)» (Корман Б., 1977). Временем расцвета русской эссеистики явилось начало XX века; эссе этого периода – это прежде всего произведения, созданные поэтами-символистами И. Анненским, М. Волошиным, А. Блоком, А. Белым, К. Бальмонтом и др., отсюда влияние теории и практики символистов на субъектную организацию текстов этого жанра. Смена культурных эпох – аристотелевской («подражающей», миметической) и неклассической (антимиметической) повлекла за собой изменение философских взглядов и представлений: «Философия Греции – жизнь души рассуждающей... философия нашего времени – философия самосознающей души... Есть известное соответствие между стилем построения мысли и стилем здания философских систем» (Белый А., 1994). Отсюда проистекает обост-

ренное внимание к личности человека, к его «я» – главному предмету художественного освоения эссеистов.

Прагматическая ситуация текстопорождения эссе включает такие компоненты, как субъект, адресат, цель (интенция, функция), субъектно-адресатные отношения и объект (текст эссе, результат коммуникативной деятельности). Субъект в письменной коммуникации имеет сложную структуру, поэтому для номинации субъекта, порождающего текст, мы используем разные термины: «субъект» (тот, кто осуществляет коммуникативную деятельность), «пишущий» (тот, кто закрепляет высказывание графически), автор (создатель текста и одновременно субъект сознания, опосредованным выражением которого является целостный текст). Для обозначения субъекта, воспринимающего текст, используются термины «адресат», «читатель».

Субъект речи понимается нами не только как конкретная, персонафицированная личность, не только как автор биографический – «субъект речи – это может быть нечто, чего не слышно и не видно, нечто, имя чего неизвестно и даже не предполагается, но все же реально присутствующее в той действительности, в которой протекает данный акт речи» (Винокур Г. О., 1990). Текст эссе можно рассматривать как структуру с прямым и косвенным предъявлением субъекта. Прямое предъявление связано прежде всего с самоназванием пишущего, косвенное – с его коммуникативными ролями, функциями, результатами деятельности по текстопорождению, а также с идиостилевой спецификой текста, которая характеризует субъекта по принципам отбора и изображения жизненного материала, по эмоциональной окраске высказывания, по особому углу освещения действительности. Предметом данного исследования является прямое предъявление субъекта в тексте, так как экстралингвистические факторы текстообразования начала XX века (эпоха, ее эстетика и философия, литературные течения и направления, профессиональная среда, к которой принадлежали авторы эссе, и т.д.) обусловили особую значимость субъектных самоназваний, что во многом предопределило дальнейшее развитие русской литературно-критической эссеистики.

Среди различных средств, которыми располагают различные языки для обозначения в речи субъекта и адресата, «самое важное место

принадлежит, во-первых, словам, которые самым своим предметным значением указывают на того, кто говорит, и того, к кому говорящий обращается, и, во-вторых, словам, обладающим формами лица, изменяющимся по лицам» (Винокур Г.О., 1990). К первым в русском языке принадлежат личные и притяжательные местоимения, а ко вторым – глагольные формы. Наиболее важными для текстообразования эссе являются местоимения, что объясняется рядом внелингвистических обстоятельств.

В начале XX века сформировалась осознанная необходимость выйти к многообразию жизни из замкнутого круга одинокого «я». Кризисность личности породила ряд следствий: во-первых, «сознание становится антидогматичным, свободным от стереотипов, раскованным и динамичным», во-вторых, возникло понимание «комплексности, многосоставности "Я", его внутренней полифоничности» (Барковская Н.В., 1996), ср. высказывание А. Белого: «Мое индивидуальное "я" будет все более и более переживать совершенно свою связь с другим коллективом, ибо мое "я" есть не только "я" – оно есть организованный коллектив; оно есть многообразие в потенции» (Белый А., 1990). Мысль о том, что «я» включает в себя также и коллектив, и всякое «мы», и всякое отдельное субъективное «я» (Там. же) нашла отражение и в литературно-критической эссеистике конца XX века (Б. Бродский, В. Ерофеев, А. Терц-Синявский и др.). Значимость местоименных форм для организации текстов этого класса определяется прежде всего сменой типов сознания в начале и в конце столетия. Роль местоимений не ограничивается самоназванием пишущего – отражение полифоничности авторского «я» потребовало текстового варьирования местоименных значений. Авторское сознание расширяется, включая в себя отдельные субъективные «я». Отсюда личные местоимения *я, мой, свой* употребляются для обозначения индивидуального субъекта примерно в 25 % случаев от общего числа наименований и реализуют по преимуществу одно значение – служат для названия биографического автора, чьи мнения, оценки и пристрастия могут быть и нетождественны мнениям, оценкам и пристрастиям адресата эссе: *Мне кажется, что самый естественный путь в каждом разборе типа начинать с разбора своих впечатлений, по возможности их*

углубив. Я много раз читал Обломова, и чем больше вглядывался в него, тем Обломов становился мне симпатичнее (Анненский И.); У меня звучит в ушах последняя книга стихов Марины Цветаевой, так непохожая на ее первые полудетские книги. Но я, к сожалению, не могу сослаться на нее, так как она еще не вышла (Волошин М.); Литература – один из лучших источников пошлости; я не говорю о том, что зовут макулатурой, а в России «желтой прессой» (Набоков В.).

В отличие от научной статьи или монографии автор эссе редко именуется посредством местоимения *мы* с целью передачи оттенков «авторская скромность», «авторское достоинство». Субъективность мнения, оценки, выраженной биографическим автором, часто поддерживается вводными конструкциями и глаголами интеллектуальной и речевой деятельности, например: *Право, мне кажется, что я понимаю, почему падал голос декламатора [Достоевского] на стихи; Женщина была для него [Лермонтова], говорю я, лишь деталью борьбы. Когда я читаю в песне о Стеньке Разине, как чествовал он когда-то Волгу персидской царевной, я невольно думаю именно о Лермонтове* (Анненский И.).

Для репрезентации автора как субъекта коллективного, расширенного сознания примерно в 70% случаев от общего числа номинаций используются местоимения *мы, наш* в четырех семантических вариантах, отличающихся от основного (*мы* – «группа лиц, включая говорящего» – МАС) оттенками значения, конкретизирующими эту группу лиц.

1. *Мы (наш)* обозначает одновременно автора и читателя, концептированного адресата как совокупность лиц, которым предназначено эссе. Адресат как обобщенное лицо обладает набором конституирующих признаков, обеспечивающих близкое к авторскому замыслу восприятие текста. Это и определенный фонд знаний, и круг интересов, и характер духовных поисков, поэтому местоимение *мы* служит средством сближения двух сознаний, содержит в себе некое указание на общность их функционирования, «представляет ситуацию такой, в которой в равной мере участвуют говорящий и адресат. То, о чем говорится, представлено как общая проблема; выражается значение солидарности, равноправия» (Кибрик, 1992): *Мы почувствовали, что именно здесь стояла наша физическая и духовная колыбель, что именно отсюда, из материнских*

объятий земли, ушли мы в городскую даль... и что в эти же объятия, нас поджидающие, мы рано или поздно вернемся (Айхенвальд Ю.); Сатирический пафос (если мы хоть на минуту допустим такое ложное толкование «Ревизора») едва ли мог увлечь чванную, лишенную чувства юмора натуру царя (Набоков В.); Во-первых, мы до сих пор плохо представляем место Розанова в литературном движении на рубеже веков. Мы все еще недооцениваем сложную и противоречивую, но вместе с тем яркую роль, которую играл в этом движении Розанов. Наши знания о нем еще приблизительны. Во-вторых, наше отношение к Гоголю до сих пор носит еще школьный характер (Ерофьев В.).

Такое значение местоимения может конкретизироваться перифрастическим оборотом, экспрессивно указывающим на наиболее характерные, с точки зрения пишущего, признаки коллективного субъекта: *Эта природа, на лоно которой мы все вернемся, примет нас, блудных сыновей, недолгих носителей индивидуальности, и рассеет мираж нашего Я, смутно чувствуя, что мы сами – только ее сновидения (Айхенвальд Ю.).*

Местоимения *мы (наш)* могут приобретать в тексте эссе более высокую степень конкретизации. Так, в «Ликах творчества» М. Волошина *мы* репрезентирует не только автора и концептированного адресата, но адресата, чьи фоновые знания и представления близки к фоновым знаниям и представлениям автора. В подобных случаях варьирование местоименных значений поддерживается глаголами, в семантике которых содержится указание на действия, ранее совершенные автором и читателем, например глаголом *знать*: *Мы знаем голос Теофиля Готье не по его описаниям, а по его стихам. Знаем юношеский, патетически расплавленный голос «Альбатроса», знаем и зрелый, рокошующий и воркующий, быстроскользкий, густой, с отливками застывающего металла голос «Эмалей и камней». Мы знаем, как по-разному звучит один и тот же размер у двух поэтов только благодаря различным интонациям голоса. Мы знаем, как обыденные слова разговорной речи по-особому звучат в голосах различных поэтов (Волошин М.).* В эссе А. Терца-Синявского «Прогулки с Пушкиным» местоимения *мы, наш* служат для репрезентации двойственного лика автора – литературоведа и ученого А. Синявского, «сатирика, абсурдиста» А. Терца и адресата, читателя, желающего

получить интерпретацию творчества Пушкина вне идеологических шор и догматов академического («благочестивого» – Ю. Манн) пушкиноведения.

2. *Мы* обозначает автора и адресата эссе, читателя-современника, человека одного с автором поколения, мироощущения, близкого психологического типа. Смысл местоимения *мы* расширяется до значения «наше я», «современное я», «которое хотело бы стать целым миром, раствориться, разлиться в нем, я, замученное сознанием своего безысходного одиночества, неизбежного конца и бесцельного существования; я в кошмаре возвратов, под грузом наследственности, я – среди природы, где, немо и незримо упрекая его, живут такие же я, я среди природы, мистически ему близкой и кем-то больно и бесцельно сцепленной с его существованием» (Анненский И.). Конкретизаторами такого варианта местоименных значений часто являются словосочетания с прилагательным *современный*: *современный человек, современный читатель, современные поэты, современные критики: Мы, современные читатели, ищем пушкинского Я во всех перегибах и складках драматической ткани его «Русалки»* (Анненский И.). Конкретизаторы могут быть и более детализированы. Так, читатель эссе В. Ерофеева «В лабиринте проклятых вопросов» – это человек, сформировавшийся в последние годы коммунистического режима под влиянием субкультуры московского концептуализма «со своими законами, публикой, семиотикой, ритуалами подпольных вернисажей, обсуждений, скандальных хепенингов, личными отношениями» (Ерофеев В.). По словам В. Ерофеева, это «поколение московских кухонь, небогатых, зато хлебосольных, где, что ни вечер, собирались друзья. Попивали водочку, ухаживали за девушками и, главное, говорили, говорили... спорили, читали стихи, обсуждали книги» (Труд, 1998, № 18). Отсюда *мы* у В. Ерофеева часто приобретает дополнительный смысл, конкретизирующий адресата как представителя поколения, интеллигента чеховского толка: «Все мы «московские Гамлеты» с одинаковой жалобой: «А между тем, ведь я мог бы учиться и знать все, если бы я совлек с себя азията»; Чехов – нашей юности полет. Мы – интеллигенция. Чехов такой же, как мы, только немножко лучше. Чтобы понять русское интеллигентское сознание, нашу норму, читайте Чехова. Чехов – пророческие будни русской ментальности. Пушкин, Лермонтов,

Гоголь, Достоевский, Толстой – все это экстрема. Мы не можем быть Гоголем, да и не очень хочется, но Чеховым можно стать, если постараться.

Местоимение *наш* (в основном значении притяжательное к *мы*) часто реализует в тексте эссе вторичное значение «то, что принадлежит нам, свойственно нам» (МАС). при этом происходит приращение смысла за счет семантического компонента «свойственный», а словосочетание *наше я* приобретает значение «свойственное нам сознание». Есть, конечно, и общие культурные и социальные причины, которые определяют разность в содержании нашего я в различные моменты его самосознания. Так, возврат религиозных запросов в опустелую человеческую душу вызвал в нашем я тоску и тот особый мистический испуг, то чувство смерти, которое так превосходно изображено в произведениях графа Толстого, особенно начиная с второй половины романа "Анна Каренина" (Анненский И.).

3. Местоимения *мы* (*нас, нам*), *наш* реализуют в тексте эссе смысл «я (автор) и всякий русский человек». Конкретизаторами являются национальные маркеры: «русский, церковнославянский, русская история, русский читатель и др.»; в контексте присутствуют русские антропонимы, возможна оппозиция *мы* (русские) – *они* (люди иной национальности): *Среди многообразных особенностей или, может быть, неразвитостей, а иногда и искажений нашей духовной природы, которыми мы обязаны русской истории, меня всегда занимала одна – узость нашего взгляда на слово. Нас и до сих пор смущает оригинальность, и тем более смелость русского слова даже в тех случаях, когда мы чувствуем за ней несомненную правоту* (Анненский И.); *Пушкин – самое драгоценное, что есть у России, самое родное и близкое для каждого из нас; и оттого, как заметил один исследователь русской литературы, нам трудно говорить о нем спокойно, объективно, без восторга. Мы вспоминаем эту дорогую кудрявую голову, мы повторяем его стихи* (Айхенвальд Ю.); *Русский язык самый богатый (словесными богатствами) из европейских языков. Но тот разговорный и журнальный язык, которым мы пользуемся, самый бедный из всех* (Волошин М.).

4. Возможно и еще большее расширение семантики указанных выше местоимений. *Мы* (*наш*) обозначает автора и человека вообще,

лицо любой национальности, представителя человечества. В качестве конкретизатора служит местоимение *все* – *мы все*, слово *человек* и перифрастические обороты: *Читатель... готов был бы простить поэту его гордое желание прославиться: все мы люди, все мы человеки, и кто не ловил себя на мимолетной мечте* (Анненский И.); *Здесь распорядилась уже не жизнь, а мы, ее невольники* (Он же); *Мы живем в окружении символов, значение которых остается смутным, непредсказуемым; более того, мы нередко сознаем, что это символы* (Ерофеев В.).

В целом семантические сдвиги значений личных и притяжательных местоимений, выполняющих в тексте эссе функцию наименования субъекта, направлены в сторону расширения значения. Такое приращение местоименных смыслов, с одной стороны, вызвано стремлением авторов к самопознанию, осознанным намерением «разобрать письмена той таинственной книги, которую мы называем своей душой» (Волошин М.), а с другой – желанием сблизить авторское сознание с сознанием адресата текста, что является несомненным условием коммуникативного успеха, в том числе и при опосредованном общении. Эссеист XX века – это человек не уединенного сознания, но лицо с *мы-мышлением*, осознающий себя как часть интеллигенции, профессионального цеха, нации и человечества в целом.

Эссе относится к текстам с предъявленным адресатом; наименование последнего производится посредством местоимения *вы* и существительного *читатель*, ср.: *Пусть читатель сам, если хочет представить себе, что такое самая беспримесная и самая стертая пошлость, перечитает во второй редакции «Портрета» о визите домохозяина в квартиру художника* (Анненский И.). Но для прямой номинации адресата местоимение *вы* используется крайне редко (*Откройте любой журнал и вы непременно найдете что-нибудь вроде такой картины* – В. Набоков), ввиду того, что автор не отделяет себя от читателя, но сближается с ним через общее *мы*. Варьирование значения местоимения *вы* направлено, как и у местоимения *мы*, в сторону расширения значения: *вы* включает не только сему «собеседник», но и сему «говорящий». В контексте эссе *вы* чаще всего называет обобщенное лицо – «меня (автора) и вас (читателей)»: *Вы не можете поставить человека в абсурдное положение, если весь мир, в котором он живет, абсурден, не можете,*

если подразумевать под словом «абсурдный» нечто, вызывающее смешок или пожатие плеч (Набоков В.); Вам кажется, что вам не следовало бы забывать этот мир, а между тем как раз его-то вы и забыли. И вы чувствуете себя так неловко, точно вас толкнули на чью-то могилу или вы не выполнили чьего-то последнего желания и теперь вас смутно тревожит какое-то воспоминание, которого вы, однако, никак не можете даже оформить (Анненский И.)

Тенденция к смене типов сознания (от уединенного к расширенному), чрезвычайно характерная для текстов начала XX века и связанная с философией культуры (ср. высказывание А. Белого: «Первый этап зародышевой жизни культуры – теогонический процесс; теогонии Китая, Индии, Персии, Иудеи, Египта рисуют нам историю высвобождения и рода, быта, народа – сперва личности, потом "Я" личности и, наконец: соединение "Я" личности с "Я" коллектива; и далее: Космоса»), была прервана в эпоху тоталитаризма, когда конвергентное сознание («другой среди других», «я среди равноправных я») сменилось на авторитарное. Восторжествовала коллективная субъективность, а единичное «я» воспринималось лишь как объект, материал для переделки под руководством сверхадресата (вождя, партии). Лишь во второй половине 1980 – начале 1990-х годов литература вернулась к принципам неотрадиционализма, что проявляется даже в таких, на первый взгляд, частных фактах, как смысловое варьирование местоименных форм. Смысловые сдвиги в значении местоимений отражают изменения в самосознании личности, ощутившей себя звеном в цепи поколений, сопричастной сознанию предшественников, современников и потомков, преемником традиций художников слова, включенным в вертикальный контекст культуры. Смысловые трансформации местоимений, направленные в сторону расширения значения и восходящие к текстам начала XX века, стали важной составляющей современного публицистического дискурса: не уединенное «я» («я» здесь и теперь), игнорирующее другую личность и традицию, не «мы» массовое, коллективное, подавляющее индивидуум, но «мы» сопричастности, «мы» ответственности, определяющее коммуникативную стратегию согласия, сотрудничества, взаимопонимания субъекта и адресата, стало ведущим в газетно-журнальном дискурсе конца столетия.

5.4. Семантическая структура концептов *жизнь и смерть* в поэтическом тексте М. Цветаевой

Анализ содержательной структуры концептов *жизнь* и *смерть*, выраженных поэтическим творчеством М.И. Цветаевой, интересен потому, что вся система представлений этого художника слова о мире основывается на проблеме экзистенции человека. «Первозначность» этой проблемы в сознании М.Цветаевой отмечает Л.Г. Федосеева, утверждающая, что самой важной для поэта темой является диалектика «бытия и бытия, повседневности и вечности, жизни и смерти» (Федосеева Л.Г., 1992, с.17). Изучение семантической парадигмы вышеназванных концептов, представленной поэтическими текстами М. Цветаевой, позволит, с одной стороны, показать развитие многозначности слова-концепта в художественной речи и найти подтверждение той мысли, что полисемия в речи становится главным средством выражения концептуального содержания какого-либо понятия, отражающего специфику индивидуально-авторской картины мира; с другой стороны, открыть тайники творческого сознания уникального поэта XX века, поэта, оригинально решающего главные проблемы бытия человечества и обладающего необыкновенно «тонким вкусом к русскому слову» (Л.Г. Федосеева).

Основным методом анализа семантической структуры слова является контекстологический метод, который оказывается эффективным и при изучении смысловой парадигмы слов-концептов. Исследование концептуальных структур *жизни* и *смерти* осуществляется путем выделения фрагментов художественных текстов М. Цветаевой, содержащих прямые номинации указанных слов-концептов, актуализирующие в разных контекстах разные ассоциативные значения (посредством эпитетов, сравнений, метафор и т.д.); слова, входящие в одну ЛТГ (лексико-тематическую группу) с лексемами *жизнь*, *смерть*; образные представления идеи жизни и смерти, не предполагающие репрезентации соответствующих слов-концептов.

В поэтическом сознании М.Цветаевой концепт *жизнь* содержит объективные смыслы (то есть те, которые включаются в понятие жизни всеми людьми); индивидуально-авторские смыслы, содержащие как позитивную, так и негативную оценку; сенсорные представления поэта об образе *жизнь*.

Жизнь в представлении каждого человека проявляет себя как совокупность физиологических свойств, характерных для любого живого организма. Эти объективные смыслы фиксируются словарем. Так, МАС определяет: *жизнь* – 1. Особая форма движения материи, возникающая на определенном этапе ее развития. 2. Физиологическое состояние человека, животного, растения от зарождения до смерти. 3. Полнота проявления физических и духовных сил и т.д. (МАС, 1985, т.1, с.485). Поэзия М.Цветаевой активно «пользуется» этим набором объективных значений слова. Жизнь как совокупность жизненных свойств организма – дыхания, роста, движения, способности чувствовать (видеть, слышать, осязать, обонять и т.д.) и выражать эмоции поддерживается целым рядом контекстов. Так, рождение человека, его первое «рвение» в жизнь ассоциируется у М.Цветаевой с пробивающимся из-под земли растением: *Ростком серебряным рванулся ввысь...* Этот сравнительный оборот подчеркивает такие жизненные свойства, как рост и интенсивность движения: *рвануться* – резким движением устремиться куда-нибудь... (Ожегов С.И., 1985, с.547). Дыхание как одно из жизненно важных свойств человека приобретает у М.Цветаевой смысл самой жизни, становится синонимом слова-концепта: *К тебе, имеющему быть рожденным / Столетие спустя, как отдышу , – / Из самых недр, как на смерть осужденный, / Своей рукой пишу...* (отдышу – здесь: «отживу, проживу»); *Как могла я, лишь ночью живя и дыша...* . Тема дыхания как источника жизни актуализируется также в контексте: *...Твой вздох животворящ – / Душой, дыханием твоим живущей, / Как дуновеньем плащ...* Этот текстовый фрагмент выражает идею абсолютного слияния героини со своим возлюбленным: героиня живет его дыханием, «как дуновеньем – плащ». Сравнительный оборот подчеркивает и другую мысль: *жить* – значит осуществлять движение. Плащ колышется на ветру, и это есть признак его «жизни». Так, в совокупность объективных смыслов концепта входит семантика движения. Беспокойство, активность – то, к чему призывает автор. По мнению М.Цветаевой, движение – это жизнь, тогда как покой и остановка движения – смерть.

Другим признаком жизни является кровообеспечение живого организма. Истечение крови становится серьезной опасностью для жизни человека или животного. Так, в стихотворении «Георгий 2» М. Цветаева пишет об умирающем драконе, поверженном Георгием: *Тяжелым смарагдовым маслом / Стекает кровица / Дракон спит. / На всю свою жизнь / сят.* Тема, связанная с кровеносной системой организма, являющейся источником жизни для человека и животного, встречается у М.Цветаевой неоднократно. Но кровеносная система названа у поэта обиходно – *жилами* (*жила* – 1. Обиходное название кровеносных сосудов, сухожилий, см.: Ожегов С.И., 185, с.167). Ср.: *Вскрыла жилы: неостановимо, / Невосстановимо хлещет жизнь!* или: *Но по дрожанию всех жил / можешь узнать: жизнь!* Любопытно, что у М.Цветаевой сема кровообеспечения живого организма пересекается с семантикой физического движения, происходящего в неорганическом мире. На этом пересечении возникает образ, основанный на сопоставлении течения крови по жилам и течения рек или ручьев: *Что проточные / Жилы рек – берегам... / Даже самый прах / Подари ветрам!* М.Цветаева считает: даже то, что остается от человека после смерти – прах, не должно находиться в покое, в бездействии. Живо не то, что замерло (это – мертвое состояние), но только то, что способно к движению. Ср.: *Ручьи живые!*

В другом фрагменте обнаруживается еще одно физиологическое свойство человека, свидетельствующее о его бытийности на земле: *Стало быть, жив! / Веки смежив, / Дышишь, зовут – / Слышишь.* Способность человека дышать и слышать дает основание автору говорить о нем: *Стало быть, жив!* В следующем контексте открываются другие объективные значения понятия «жизнь»: *Два солнца стынут, – о господи, пощади! Одно – на небе, другое – в моей груди...* Способность сохранять и удерживать тепло является важным жизненным свойством; напротив, «остывать» – значит отдавать тепло. У М.Цветаевой «остывать» – то же, что «отживать», «умирать»: жизнь уходит, унося с собой тепло человеческого тела. Стихотворение «Два солнца стынут...» интересно тем, что его смысл основан на пересечении прямых и метафорических значений лексемы *солнце*, которое оказывается в контексте данного произведения

и небесным светилом, и «сердцем» в человеческой груди. Метафора содержит идею «горячности», «пылкости» сердца, силы и интенсивности чувств. Осознание бренности человеческого существования и «вечности» небесных светил позволяет сделать вывод о превосходящей даже солнце силе горения, которым охвачено сердце лирической героини: *И то остынет первым, что горячей...*

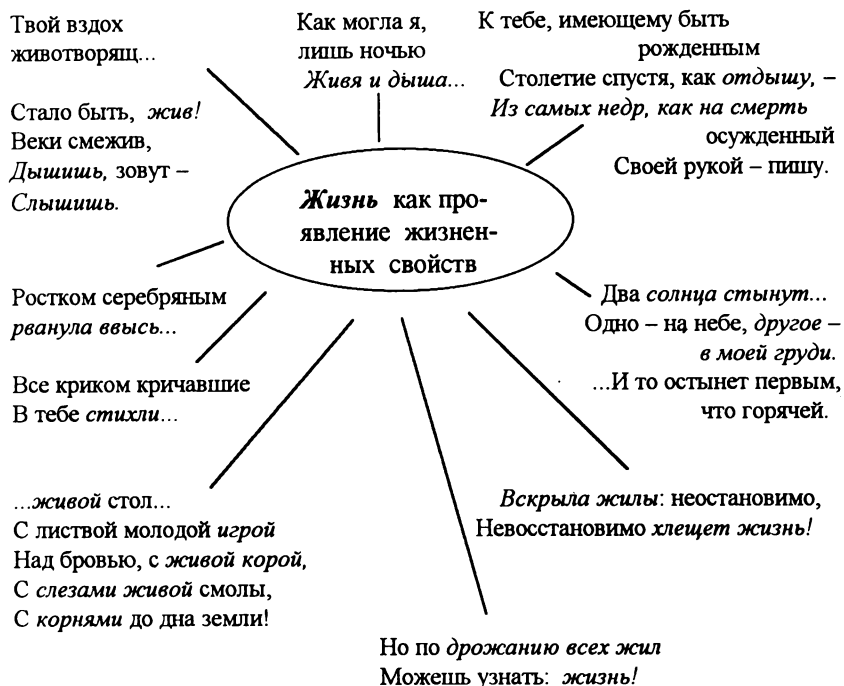
Признаком живого организма (человека или животного) является также способность осознанно и целенаправленно издавать звуки. Ср.: *Все криком кричавшие/ в тебе [в смерти] стихли...*

С точки зрения комбинации вышеуказанных смыслов интересно стихотворение «Мой письменный верный стол...», которое раскрывает идею жизни сразу с нескольких сторон: *жизнь* – это 1) движение; 2) способность чувствовать и выражать эмоции; 3) потребность в получении жизненной силы и энергии посредством питания:

Мой письменный верный стол!
Спасибо за то, что ствол
Отдал мне, чтоб стать столом,
Остался – живым стволом.
С листвы молодой игрой
Над бровью, с живой корой,
С слезами живой смолы,
С корнями до дна земли!

По мысли автора, дерево при перевоплощении в письменный стол не утратило своих жизненных свойств: лексемы *игра* и *шелест* здесь подчеркивают семантику движения; слово *слезы* поддерживает мысль о способности выражать чувства; упоминание о *коре* и *корнях* свидетельствует о необходимости питания и жизненных сил для дерева, а значит, и для стола, при перевоплощении оставшегося живым и отдавшего свою жизненную энергию поэту для творчества.

Описанные выше контексты можно сгруппировать на основании общности выражаемого ими смысла и представить эту группу в виде ассоциативно-смыслового поля:

Особую группу контекстов представляют языковые выражения, репрезентирующие такой смысл концепта: *жизнь* как способность чувствовать, то есть испытывать эмоции разного характера. Эмоциональность человека или животного также можно назвать жизненным признаком. Чувства обычно находят свое выражение в различных физиологических состояниях, что сопровождается плачем, улыбкой, смехом и т.д. Но в поэзии М.Цветаевой часто способностью испытывать эмоции наделяются такие реалии мира, для которых чувства объективно несвойственны, например деревья или дом, которые обычно являются метафорическими образами самого человека. Указанный смысловой компонент представлен целым рядом текстовых фрагментов. Ср.: *Где отступает Любовь, / Там подступает Смерть – садовница*. Жизнь и смерть, как известно, взаимоисключают друг друга, при наступлении смерти прекра-

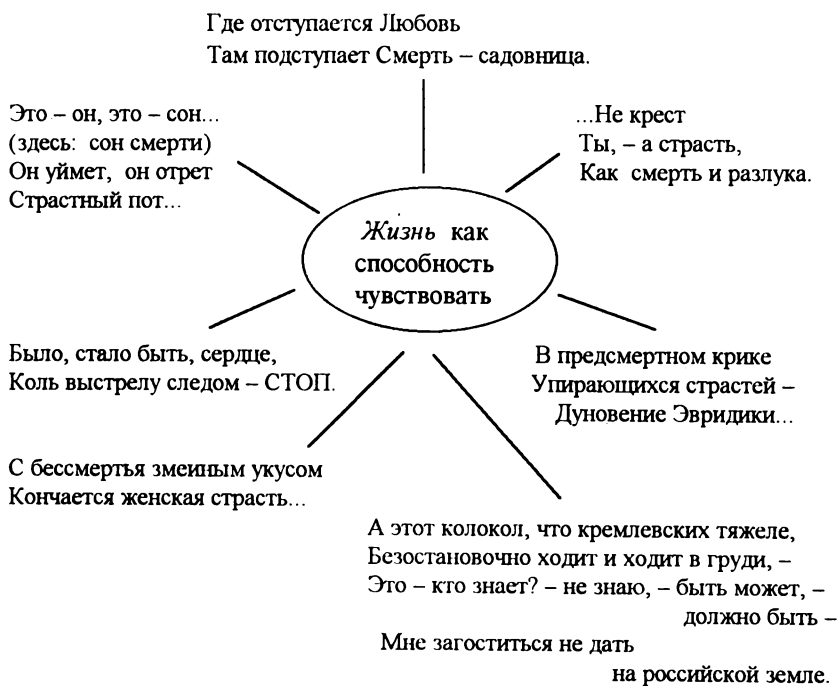
щается жизнь. У М.Цветаевой жизнь заменена словом *любовь*, что позволяет отождествить ее с самой любовью. Таким образом, любовь и жизнь суть одно и то же. Такой же смысл концепта реализуется в выражении: *С бессмертья змеиным укусом / Кончается женская страсть*. Женская страсть (такой вывод можно сделать из контекста) – это сама жизнь, а именно – жизнь земная. Змеинный укус, несущий смерть, переводит героиню в инобытие, в *новую жизнь*, не знающую земных страстей. В стихотворении, обращенном к жизни, М.Цветаева отождествляет ее со страстью: *Не крест / Ты, – а страсть, как смерть и разлука...* В другом фрагменте: *...В предсмертном крике / Упирающихся страстей – / Дуновение Эвридики... – крик упирающихся страстей* как последний вздох земной жизни становится символом самой жизни, последним возможным сопротивлением ее противоположности – смерти.

Смерть, по мнению поэта, избавляет человека от всех страстей, а значит – от жизни, признаком которой является само состояние и чувство страсти: *Страстный стон, смертный стон. / А над стонами – сон... //* *В жилах – мед. Кто идет? / Это – он, это – сон. / Он уйдет, он отрет / Страстный пот, смертный пот.*

К этой группе контекстов также относятся языковые выражения, актуализирующие тему сердца как источника эмоций, ср.: *Было, стало быть, сердце, / Коль выстрелу следом – СТОП*. Жизнь биологически определена биением сердца; остановка сердечного ритма (СТОП после выстрела) – это переход в состояние смерти. Жизнь для поэта, как и для любого человека, есть время чувствования, то есть переживания эмоций, источником которых является сердце. Так, чувствующее сердце отождествляется с жизнью. Интересно в этом плане выражение, метафорически определяющее сердце: *А этот колокол там, что кремлевских тяжеле, / Безостановочно ходит и ходит в груди, – / Это – кто знает? – не знаю, – быть может, – должно быть, – / Мне загоститься не дать на российской земле*. Метафорическое выражение *колокол ходит и ходит в груди* может быть рассмотрено не только как выражение идеи жизни (биение сердца – признак жизненного процесса), оно также репрезентирует парадоксальную мысль о том, что именно бьющееся сердце,

являющееся основой жизни, может стать причиной ухода героини из мира земного существования: сердце – в силу чрезвычайной восприимчивости ко всем тяготам реальной жизни (*колокол... кремлевских тяжеле*) – возможно, окажется неспособным сопротивляться обстоятельствам и выведет героиню в запредельное пространство, то есть за пределы земной жизни...

Языковые выражения, актуализирующие сферу чувств как жизненных свойств человека, образуют следующее ассоциативно-смысловое поле:

На основании анализа фрагментов поэтических текстов М.Цветаевой, репрезентирующих идею жизненных свойств живого организма (человека, животного или растения), были выделены «объективные» смыслы концепта *жизнь*, представляющие фрагменты социального знания о мире. Однако для выявления индивидуальных

особенностей концептуального содержания понятий необходимо отметить «личностные смыслы» (термин А.А. Леонтьева), которые автор включает в семантическую парадигму этих понятий. Изучение фрагментов поэтических текстов М.Цветаевой показало, что в этой семантической парадигме индивидуальных смыслов концепта *жизнь* намечаются два блока значений: позитивных и негативных.

В Марине Цветаевой всегда «громко говорила языческая жажда жизни как лучшей радости, высшего блаженства» (Орлов В., 1989, с.11). Особенно интересно в этом смысле стихотворение из цикла «Жизни», анализ которого позволит глубже понять концепцию жизни в творчестве М.Цветаевой:

Не возьмешь моего румянца –
Сильного, как разливы рек!
Ты охотник, но я не дамся,
Ты погоня, но я есмь бег.
Не возьмешь мою душу живу!
Так на полном скаку погонь –
Пригибающийся – и жилу
Перекусывающий конь
Аравийский.

В стихотворении обращают на себя внимание метафорические конструкции, определяющие понятие «жизнь». В первом четверостишии актуализируется ассоциативное значение лексемы: *жизнь* здесь представляется как судьба, рок, преследующий человека повсюду. В МАС это значение лексемы не представлено, однако оно существует в сознании людей на ассоциативном уровне; оно сформировалось под влиянием культурного наследия предыдущих столетий. Тема рока, судьбы была самой значимой еще у античных авторов. Эта тема занимает важное место в творчестве поэта, потому что «М.Цветаева была, возможно, последним в России поэтом, для которого античная мифология оказалась необходимой и привычной духовной атмосферой» (Павловский А., 1991, с.73).

В указанном стихотворении семантика преследования наиболее ярко выражена в метафорических обращениях к жизни: *Ты охотник, Ты погоня*. В этом отрывке *жизнь* есть некая субстанция, во власти которой

находится лирический субъект М.Цветаевой. Таким образом, в содержательной структуре указанного концепта намечается высший субстанциональный план, связанный с ассоциативным значением жизни как предначертанной и преследующей человека судьбы. В последних строках стихотворения реализуется иное значение: «образ существования кого-либо» (МАС). Особенности бытия лирической героини раскрываются через образ «аравийского коня». Такое сопоставление, ставшее основой метафоризации, поддерживается причастными определениями, характеризующими коня: *пригибающийся* (то есть пытающийся ускользнуть от ударов безжалостной судьбы), *перекусывающий жилу* (то есть выходящий за пределы возможностей в своей жажде жизни). Стремление к жизни, несмотря на жестокие, казалось, смертоносные, удары судьбы, – это характерная черта лирической героини; это близко и самой М.Цветаевой. Ю.В. Шатин в статье «В полемике с веком» отмечает у М.Цветаевой «безумную любовь к жизни, судорожную, лихорадочную жажду жить» (Шатин Ю.В., 1991, с.6). Поэтому и герой стихотворения «Аравийский конь» в своей «лихорадочной жажде» жизни выходит за границы возможного. В языке часто употребляется выражение *из последних сил*, то есть «на пределе сил», «на пределе возможностей». У М.Цветаевой всякий предел – это еще не конец возможного: ее конь скачет не просто из последних сил, он переступает этот предел; он – «перекусывающий жилу» – выходит в своем стремлении жить в запредельные пространства, в сферы невозможного. «Сюжет преодоления предела и выхода в запредельность по существу пронизывает и объединяет все творчество М.Цветаевой», – верно отмечает Л.В. Зубова (Зубова Л.В., 1987, с.6). Эту особенную в цветаевском сознании черту отметил И.Бродский: «М.Цветаева – поэт крайностей в том смысле, что "крайность" для нее не столько конец познанного мира, сколько начало непознаваемого» (Бродский И.А., 1997, с.84). Цитированное выше стихотворение подтверждает эту мысль: перенапряжение жил и их разрыв с целью выхода за пределы сил и есть состояние человека (в стихотворении человек представлен метафорическим образом коня) в экстремальных условиях, на грани возможного и невозможного, «познанного и непозна-

ваемого». Так, «лихорадочная жажда жизни» заставляет героев бежать от ударов судьбы, превышая всяческую меру в преодолевающем все препятствия желании жить. Значение невероятной ценности и важности жизни для человека, ее притягательной силы реализовано в таком контексте: *Я и жизнь маню... / В легкий дар своему огню...*, а также в последнем стихотворении из цикла «Стихи о Москве»: *Красною кистью / Рябина зажглась. / Падали листья, Я родилась... // Мне и донине / Хочется грызть / Жаркой рябины / Горькую кисть*, в котором, кроме уже отмеченной мысли, четко заявлена тема бытийного единства дерева и человека (значимость этого образа в творчестве М.Цветаевой была отмечена С.Ельницкой, Н.О. Осиповой, О.Г. Ревзиной).

Сущность и смысл жизни М.Цветаева, как и любой другой поэт, видит в возможности реализации своего поэтического дарования. В этом «ремесле» – все благо жизни, за это поэт ценит свое существование на земле. Так, в творчестве М.Цветаевой появляются стихотворения, где жизнь и способность творить отождествляются: *Вскрыла жилы: неостановимо, / Невосстановимо хлещет жизнь! // ...Невозвратно, неостановимо, / Невосстановимо хлещет стих*. Идентичная синтаксическая позиция, одинаковое лексическое окружение делает слова *жизнь* и *стих* контекстными синонимами. Следующий фрагмент: *Вас положат – на обеденный, / А меня – на письменный...* – акцентирует внимание читателя на характеристиках столов, на которые кладут умерших во время траурного обряда. Письменный стол не только является спутником поэта в течение всей жизни, но и провожает его в последний путь. Такая метафора уравнивает творчество и жизнь поэта.

Тема поэтического «ремесла» – одна из главных в творчестве М.Цветаевой, поэтому так часто в ее стихотворениях встречаются образы «уст» и «руки», которые являются средствами реализации поэтического дарования.

Обозначенный выше смысл концепта *жизнь* заложен также в строках: *О этот стих не самовольно прерван! Нож чересчур остер!* Нож – губительная для человека сила – лишает его жизни, вследствие чего прерывается стих. Таким образом, творчество для поэта является источником жизни и ее смыслом.

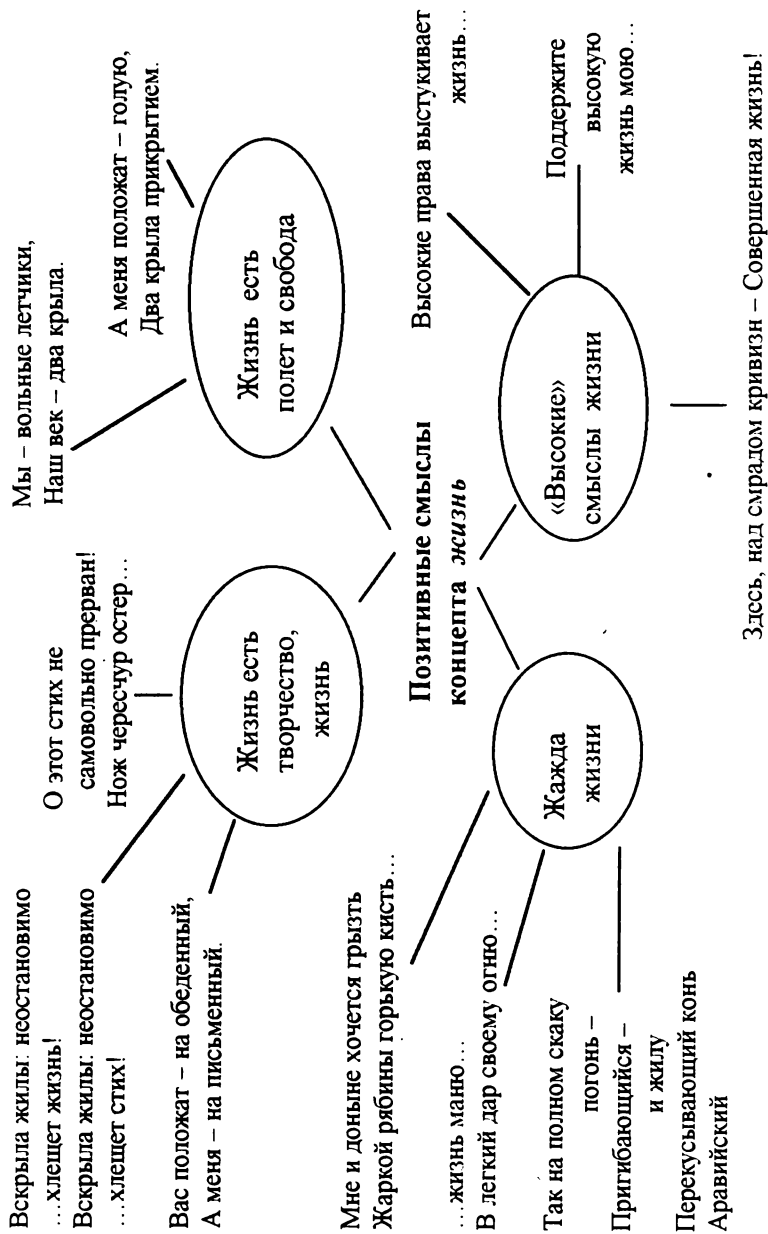
Часто творчество, особенно поэтическое, ассоциируется с состоя-

нием полета и свободы. Это – след всего культурного опыта человечества. Так и в поэзии М. Цветасвой жизнь творца, поэта сравнивается с жизнью птицы, «вольного летчика»: *Мы – вольные летчики, / Наш век – два крыла!*; *Каплуном-то вместо голубя / – Порх! – душа – при вскрытии. / А меня положат – голую – / Два крыла прикрытием.* Широко представленные в поэзии М. Цветасвой «орнитологические символы», по верному замечанию Н.О. Осиповой, являются важнейшим компонентом «мифопоэтической картины мира» данного художника слова (Осипова Н.О., 1995, с.48). «"Крылатость", – подчеркивает исследователь, – высшее проявление духовности и творчества... поэтому образы крыльев, полета закрепляют символический пласт стихов, посвященных... творческой стихии...» (Там же, с.49). В отношении концепта *жизнь* в творчестве М. Цветасвой «орнитологические» образы подтверждают идею принадлежности поэта к высшей сфере бытия, его органической связи с надземным, небесным пространством (более подробно о пространственных характеристиках жизни будет сказано позже).

Как ни тяжела была жизнь М. Цветасвой, как ни жестока была к ней судьба, она находила в себе силы сопротивляться обстоятельствам и открывала в самой жизни се «высокие смыслы»: *Из слуховых глушизн / Высокие права / Выстукивает жизнь, Птица-Феникс я, только в огне пою! / Поддержите высокую жизнь мою!*; *Древа вещая весть! / Лес вещающий: Есть Здесь, над сбродом кривизн – / Совершенная жизнь...* Все эти контексты реализуют два смысловых плана, связанных с актуализацией «количественной» и «качественной» характеристики бытия, *высокий* – большой по протяженности или далеко расположенный в направлении снизу вверх, очень значительный, возвышенный по содержанию (Ожегов С.И., 1985, с.104).

«В этой жизни – ничего нельзя», – говорила М. Цветасева, но поразительная жизненная энергия, кипящая в ней, находится в вечном и неизбывном противоборстве с этим ощущением. В ней неугасимо горел душевный и творческий костер – любви к жизни и к живым людям, к «дорогим теням» и к природе, к «святому ремеслу» поэта. Это – «тайный жар, – скажет она словами А. Блока, – тайный жар и есть жить».

Приведенные фрагменты из произведений М. Цветасвой подчеркивают благостные для лирической героини стороны жизни. Эти языковые выражения репрезентируют позитивные смыслы концепта, которые организуют следующее ассоциативно-семантическое поле:

Жизнь привлекала М. Цветаеву своим «тайным жаром», но она же становилась для поэта невыносимым ярмом, губительной силой. Потому значительно большую часть в системе смыслов концепта *жизнь* составляют негативные ее оценки. Трагическая судьба часто доводила М.Цветаеву до отчаяния; часто жить ей становилось нестерпимо тяжело; часто возникала мысль о самоубийстве – однажды она превратилась в реальность. Вот почему в стихотворном наследии поэта так много произведений, образная система которых отражает ужас жизни. В таких художественных текстах жизнь представляется цветаевской героине то жестоким и невыносимым наказанием, то смертельной болезнью, то пожизненной каторгой, то самым орудием пытки и истязания человека. Один из таких смыслов концепта актуализируется в следующем контексте: *...любовь– живодерня! / Жизнь – рельсы! Не плачь!* Метафора жизненного пути, дороги жизни является традиционной в русской литературе. Но здесь – и это один из самых ярких и выразительных образов – мотив железной дороги является не столько символом жизненного пути, сколько метафорой убийственной жестокости существования. Это значение подтверждается более широким контекстом – фрагментом стихотворения М.Цветаевой «Крик станций»:

В окошечках касс
Ты думал – торгуют пространством?
Морями и сушей?
Живейшим из мяса:
Мы – мясо, не души!
Мы – губы, не розы!
От нас? Нет – ПО нас
Колеса любимых увозят.

Жизнь, полная разлук и разочарований, представляется героине железной дорогой, обрекающей человека на одиночество. Ср.: *Это уезжают – покидают, / Это остывают – отстают...* («Рельсы»).

Особенностью творческого мышления М.Цветаевой является то, что события физического мира, явления натуралистического характера становятся у поэта знаком духовности. Так, чувства отчаяния и боли от расставания с любимыми превращаются у лирической героини

М.Цветаевой в ощущения физического страдания. Духовный разрыв становится подобным разрыву телесному, что подтверждается метафорическими выражениями: *Мы – мясо, не души!; От нас? Нет – ПО нас / Колеса любимых увозят*. Железная дорога не просто причина одиночества лирической героини, но та сила, которая бросает человека под колеса поездов. Гибель духовная показана как гибель физическая. Натурализм не пугает Цветаеву. Ср.: *... в окошечках касс... торгуют... живейшим из мяса* (то есть: самими людьми, их судьбами). Проявление духовного через натуралистическое, телесное представляется поэту таким выразительным средством, которое наиболее адекватно выражает замысел автора и наиболее эффективно воздействует на читателя.

Жизнь в художественных произведениях М.Цветаевой иногда метафорически превращается в само орудие убийства и угрожает человеку. Ср.: *Жизнь: ножи, на которых пляшет / Любящая / – Заждалась ножа!* (здесь: *ножи* – это, с одной стороны, качественная характеристика жизни – судьбы, с другой стороны, средство укрощения «жилистой» человеческой натуры).

Контекст *Погребенная заживо под лавиною / Дней – как каторгу избываю жизнь* актуализирует еще один существенный смысл концепта: жизнь воспринимается героиней как кара, наказание, посланное безжалостной судьбой.

Земное бытие предстает в воображении М.Цветаевой как болезненное ощущение, что отмечает следующий фрагмент: *Вся Ваша жизнь – озноб / И завершится чем она? (озноб – дрожь при лихорадке, болезненное ощущение холода, см.: Ожегов С.И., 1985, с.383)*.

Перечисленные контексты стихотворений выявляют обобщенное значение концепта: *жизнь* – это скопление всех бед и несчастий, выпадающих на долю человека за все его недолгое пребывание на земле.

К негативным смыслам концепта следует также отнести призрачность, неистинность, обманчивость жизни. Эту идею неистинности и призрачности жизни репрезентируют метафорические выражения, ото-

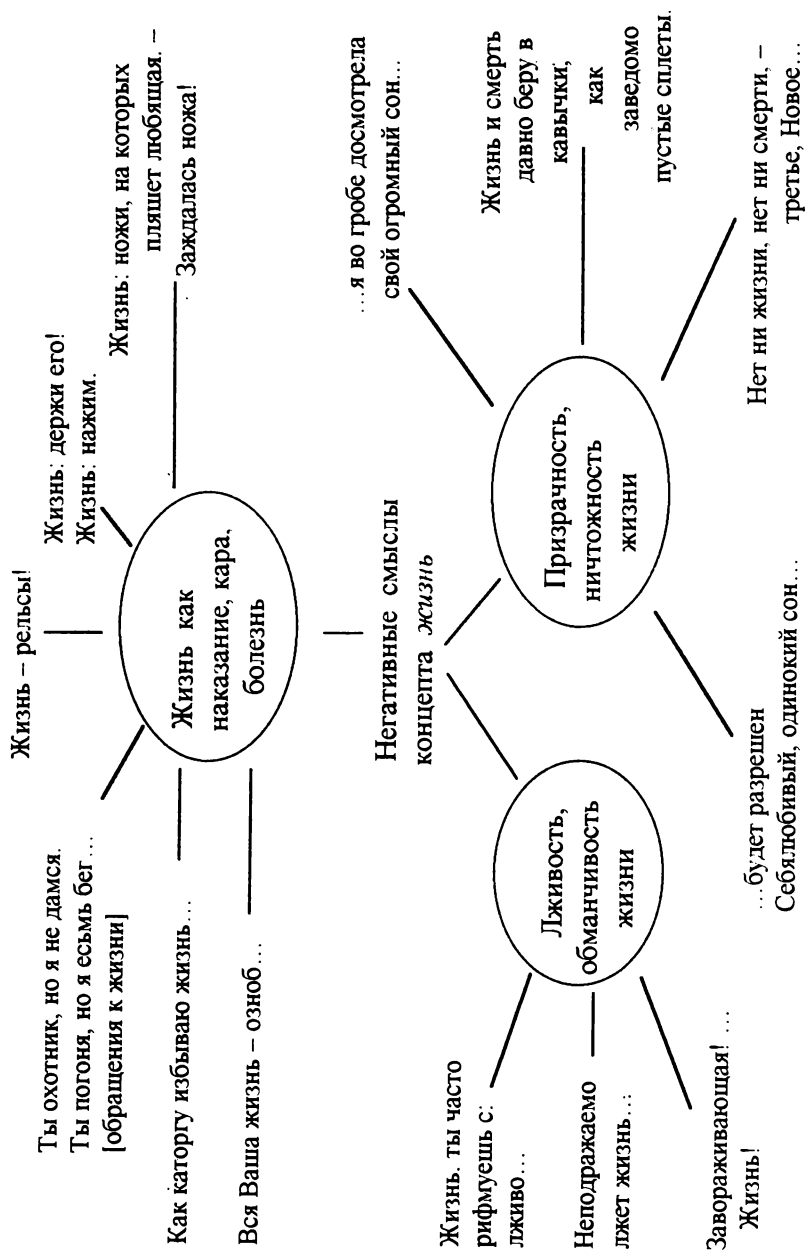
жествляющие жизнь со сном: *И никто не видит по дороге, / Что давным-давно уж я во гробе / Досмотрела свой огромный сон... // ...Было у меня когда-то имя, / Было – тело, но не все ли – дым? Сон определяется как «то, что ...грезится спящему...»* (Ожегов С.И., 1985, с.69), то есть то, чего реально не существует. Жизнь Марине Цветаевой представляется сном, прекращающимся в смерти; а все физическое существование человека на земле, о чем свидетельствует наличие имени и тела, превращается в «дым», который быстро рассеивается. Сравнение жизни со сном содержит и другое языковое выражение: *Меня окутал с головы до пят / Благообразия прекрасный плат. / ...И наконец-то будет разрешен / Себялюбивый, одинокий сон...*, где плат – саван, сон – жизнь, а одиночество и самолюбие – черты характера и образа жизни героини.

Жизнь вкупе со смертью оказываются для цветаевской героини сами по себе неважными. Они неистинны, неценны, незначимы: *Жизнь и смерть давно беру в кавычки, / Как заведомо пустые сплётывы.* Однако есть некое «третье» состояние, по-настоящему благостное для человека. Это – бытие в запредельном пространстве, инобытие, «новая жизнь»: *Нет ни жизни, нет ни смерти, – третье, / Новое...*

Объективная неценность, ничтожность жизни отдельного человека (конечно, не для него самого) подчеркивается автором в сравнении: *Враз обе рученьки разжал, – / Жизнь выпала – копейкой ржавою!*

Необходимо отметить другую важную для М.Цветаевой особенность жизни: в представлении поэта она обладает чарующей, завораживающей силой. Жизнь притягивает человека, манит его, а потом обманывает. Мысль о «лживости» жизни, ставшей причиной разочарования человека в отношении благ земного бытия, представлена в выражениях: *Жизнь, ты часто рифмуешь с: лживо, – / Безошибочен певчий слух; Неподражаемо лжет жизнь: / Сверх ожидания, сверх лжи... ; Завораживающая! Крест – / Накрест складывающая руки! / Разочарование! / ... – Жизнь!*

Языковые фрагменты, актуализирующих тему жизни в ее жестоких по отношению к человеку проявлениях, дают основание для составления следующего ассоциативно-смыслового поля:

Особую, пожалуй, самую интересную группу концептуальных смыслов, отражающих индивидуальность авторской картины мира, составляют пространственно-временные характеристики жизни, а также сенсорные ощущения человека в процессе его земного бытия.

Специфика концепции времени, характерной для русской языковой картины мира в целом, была определена В.Н. Муравьевым: «...время ... понимается не как количественная, а как качественная категория. "Качественность" времени задается событиями, его заполняющими. Именно в этом понимании о "времени" можно говорить как "о другом названии для жизни"» (цит. по: Яковлева Е.С., 1994, с.86).

Подобным образом обстоит дело с картиной времени у М. Цветаевой. Говорить о временном исчислении следует в отношении концепта *жизнь*, но не концепта *смерть*, так как последний включает в свою смысловую сферу семантику безвременья.

Смысл концепта: *жизнь* как определенный отрезок времени – реализуют следующие языковые выражения: *Дни полночные твои, / Век твой таборный...*; *...наш век – два крыла...* Следующий контекст, помимо идеи измеримости жизни периодами (годами, днями, часами, минутами, мгновеньями и т.д.), выражает мысль о бессмысленности действий человека, пытающегося изменить ход жизненного времени: *Само – что дерево трясти! – В срок яблоко спадает спелое...* Характеризация жизни как сущности, членимой на временные отрезки, содержится в текстовых фрагментах: *Рождение – паденье в дни...*; *Совершенная жизнь...* / *Там, где правда видней: / По ту сторону дней...* (то есть после смерти); *Я за стихами кончу дни, – / Как за ветвями бузины...*; *О, как я рвусь тот мир оставить, / Где маятники душу рвут, / Где вечностью моею правит / Разминование минут...*; *Погребенная заживо под лавиною / Дней – как каторгу избываю жизнь.* Стихотворение «Существования котловиною...», в которое включен последний из цитируемых фрагментов, требует пристального внимания, поскольку оно построено на интересном приеме «выворачивания» привычного смысла. В свое время В. Шкловский в статье «Искусство как прием» отметил характерную особенность художественного творчества: использование приема

«остранения», затрудняющего восприятие художественного текста (Шкловский В.Б., 1990, с.89). Подобными средствами пользовалась и М.Цветаева. Так, в названном стихотворении происходит взаимная подмена эмоционально-оценочных сфер двух субстанций: жизнь приобретает коннотации смерти, а смерть, в свою очередь, окрашивается в эмоциональные тона, связанные с жизнью. Вот фрагмент этого стихотворения:

Существования котловиною
Задавленная, в столбняке глушизн,
Погребенная заживо под лавиною
Дней – как каторгу избываю жизнь.

Гробовое, глухое мое зимовье.
Смерти: инея на уста – красны –
Никакого иного себе здоровья
Не желаю от Бога и от весны.

Жизнь со своими тяготами и невзгодами воспринимается цветаевской героиней как каторга, как погребение, характерное для состояния смерти; таким образом, жизнь оценивается резко отрицательно. Смерть, «гробовое, глухое... зимовье», наоборот, оценивается положительно. Ей приписываются признаки, свойственные жизни: 1) говорить о «здоровье» можно только в отношении живого существа; 2) по библейским преданиям считается, что жизнь дарована миру и человеку от Бога; 3) весна воспринимается всеми людьми как время возрождения природы, как символ новой жизни. Все эти признаки М. Цветаева переносит на понятие «смерть» и в ней видит высшее благо.

Подобное «переплетение» смысловых сфер жизни и смерти – характерная черта цветаевского творчества. Так, в одном из стихотворений поэт пишет: *Жизнь и смерть давно беру в кавычки, / Как заведомо пустые сплеты...*

Как известно, жизнь – это существование человека во временном промежутке между рождением и смертью. Такой смысл заключен в выражении: *Звезда над люлькой – и звезда над гробом! / А посредине – голубым сугробом – / Большая жизнь.* Идея кратковременности жизни

отчетливо выражена в контексте, определяющем героиню лишь гостьей в земной жизни: *А этот колокол, что кремлевских тяжеле / Безостановочно ходит и ходит в груди, – / Это – кто знает? – не знаю, – быть может, – / Мне загоститься не дать на российской земле.*

Текстовые фрагменты, пространственно характеризующие жизнь, подчеркивают горизонтальную и вертикальную ее локализацию. «Горизонталь» жизни отражена в таких контекстах: *Святая ль ты, иль нет тебя грешнее, / Вступаешь в жизнь, иль путь твой позади...; ...любовь – живодерня! / Жизнь – рельсы! Не плачь!* (горизонтальное протяжение пути и железной дороги позволяет говорить о подобной пространственной характеристике и в отношении образа жизни – на основании отождествительных метафор: *жизнь – рельсы, жизненный путь*). Локализация образа жизни в горизонтальной плоскости отмечена также в язы-

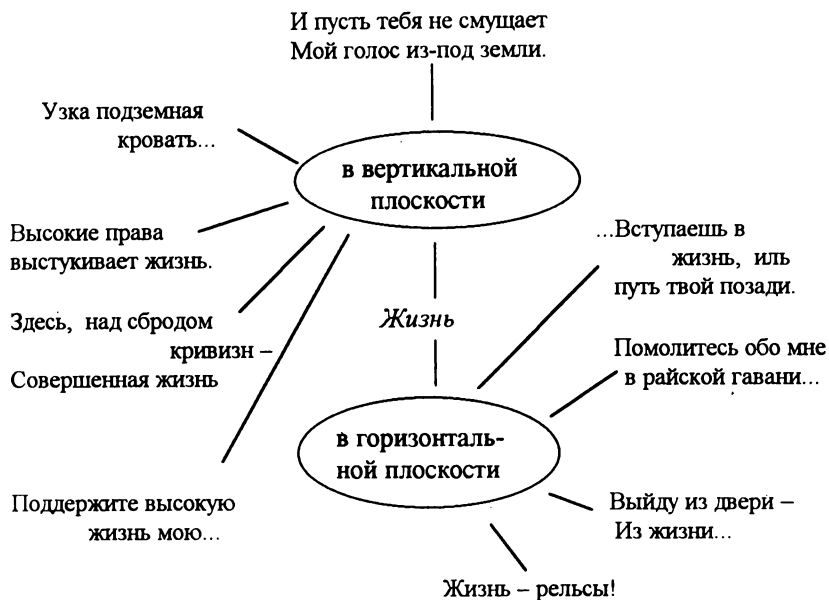
ковом выражении, репрезентирующем такое содержание концепта: *жизнь* есть переходное состояние, некая грань, при выходе за которую осуществляется превращение в новое качество. Эта идея содержится в идентифицирующей метафоре «дверь – жизнь»: *не крадущимся перешибленным зверем, – / Нет, каменной глыбой / Выйду из двери – / Из жизни...*

Пространственная вертикаль образа *жизнь*, отмеченная целым рядом исследователей (И. Бродский, С. Ельницкая, Н.О. Осипова), может быть представлена следующим образом:

Надземное пространство	новая жизнь, высокая жизнь, совершенная жизнь
Земное пространство	земная жизнь
Подземное пространство	подземная жизнь

Мысль о существовании жизни в «подземном пространстве» выражена контекстами: *И пусть тебя не смущает / Мой голос из-под земли... ; Ох, узка подземная кровать / По ночам, по черным, по ночам! Ох, боюсь, что буду я вставать, / И шептать, и в губы целовать.* Идея М.Цветаевой о наличии «высокой» и «совершенной» жизни в земном пространстве актуализирована в таких текстовых фрагментах: *Из слуховых глушизн / Высокие права выстукивает жизнь... ; Птица-Феникс я, только в огне пою! / Поддержите высокую жизнь мою!; Здесь, над сбродом кривизн – / Совершенная жизнь... Вера в «новую жизнь» в запредельном пространстве становится основным мотивом творчества М. Цветаевой. Такое значение концепта – надземная локализация бытия – представлено самой многочисленной группой языковых выражений, которым в дальнейшем будет уделено особое внимание. Здесь можно указать лишь некоторые из них: *Милый друг, ушедший в вечное плавание, / ...Помолитесь обо мне в райской гавани...; Нынче помер, завтра жив...; Вербочка! Небесный житель! / – Вместе в небо! – / Погоди!**

Итак, *жизнь* в творчестве М.Цветаевой характеризуется «временностью» (это ее отличие от *смерти*) и локализацией в горизонтальной и вертикальной плоскости.

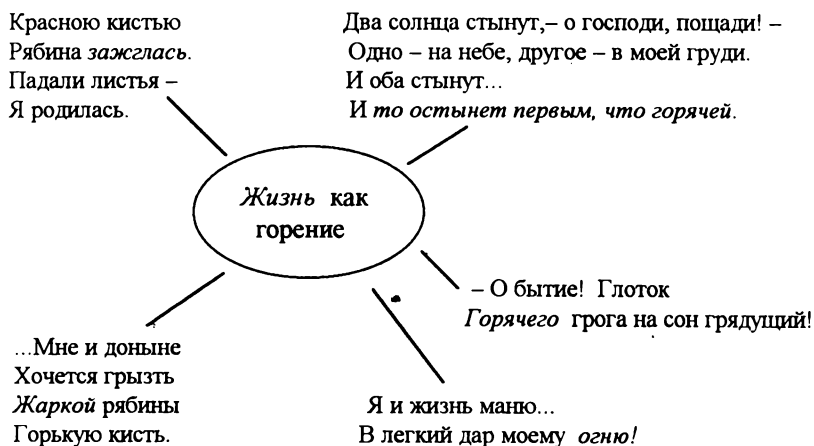

Дальнейшее изучение концептуальных структур следует предварить замечанием о некоторых особенностях концептуальной картины мира (ККМ), в которой «существуют зоны как вербального выражения концептов, так и невербального. Ведь более 90 % информации о мире человек получает через зрительные ощущения и живое созерцание» (Кубрякова Е.С., 1988, с.53), то есть в формировании ККМ «принимают участие все стороны психической деятельности человека, начиная с ощущений, восприятий, представлений и кончая высшими формами – мышлением и самосознанием человека» (Там же, с. 20). Кроме того, художественный образ примечателен тем, что дает объемное видение мира, позволяет передать зрительные, вкусовые, слуховые, тактильные и другие ощущения лирического субъекта в его восприятии окружающего мира. Эти утверждения дают основания для выявления в концептуальных структурах таких значений, которые отражают «сенсорную» сторону когнитивной деятельности человека.

Возвращаясь к проблемам онтологии, отраженным в творчестве М.Цветаевой, отметим, что в произведениях данного поэта встречаются

колористические ассоциации, связанные с идеей жизни. Ср.: *Звезда над люлькой – и звезда над гробом! / А посредине – голубым сугробом – Большая жизнь; Ростком серебряным / Рванулся ввысь...; Красною кистью / Рябина зажглась. / Падали листья – / Я родилась...; Жизнь выпала – копеекой ржавою...* (сравнение с *копеекой ржавою* подчеркивает ничтожность, абсолютную неценность жизни). Однако в лучших своих проявлениях жизнь предстает в поэтическом творчестве М. Цветаевой в такой цветовой гамме: голубой, серебряный и красный.

Термообозначения концепта обусловлены тем, что в поэтическом сознании М.Цветаевой жизнь ассоциируется с пылкостью сердца и огнем любви, «тайным жаром» поэтического дарования и «сгоранием» в процессе бытия. Такие смыслы представлены в образных выражениях, организующих ассоциативно-смысловое поле:

Таким образом, концепт *жизнь* в качестве термического обозначения соответствующего образа содержит семантику тепла и горения.

Отличительной чертой образа *жизнь* в художественных текстах М.Цветаевой является то, что земное бытие наделяется звуковыми обозначениями, характеризующими саму жизнь как с положительных, так и с отрицательных сторон. Особую активность при реализации негативных смыслов концепта проявляют фонетические метафоры: *Жизнь, ты часто рифмуешь с: лживо, – / Безошибочен певчий слух!; Жизнь, ты явно*

рифмуешь с жиром... Идея надрыва как основной характеристики жизни содержится в контексте: *Хрип, обезголосившая дива – / Жизнь! Позитивное содержание концепта реализует языковое выражение, заключающее в себе мысль о способности жизни в ее «высоком», бытийном смысле пробиться сквозь «котловину земного существования»: Из слуховых глушизм / Высокие права выстукивает жизнь...* Наличие звуковых характеристик образа жизни отличает его от образа смерти, который ассоциируется у М.Цветаевой с абсолютной тишиной.

Анализ языковых выражений, репрезентирующих идею жизни в поэтических текстах М.Цветаевой, позволяет определить смысловое наполнение соответствующего концепта, включающего: 1) объективные смыслы, связанные с физиологическими свойствами живого организма (дыхание, движение, рост, способность испытывать и проявлять эмоции и т.д.); 2) позитивные смыслы (*жизнь* как творческий полет и свобода, «высокие» смыслы концепта, значимость человеческого бытия, проявляющаяся в «лихорадочной жажде жизни»); 3) негативные смыслы концепта (*жизнь* есть кара, наказание, каторга, болезнь; часто – само орудие насилия по отношению к человеку; неистинность, призрачность жизни, лживость жизни, а также ее ничтожность); 4) пространственные значения (существование трех ипостасей жизни: в подземном, наземном и надземном пространстве) и временные характеристики концепта (измеримость жизни временными промежутками); 5) цветовые обозначения: *голубой, серебряный и красный*; 6) термические обозначения (включение семантики тепла); 7) звуковые обозначения (наличие звуковых характеристик жизни отличает этот концепт от характеристики концепта смерти).

Особое место в системе когнитивных представлений М.Цветаевой о мире занимает концепция смерти. Данная субстанция всегда была и остается великой тайной и главной проблемой человечества. Смерть, как отмечает В.И. Стрелков, «запредельна» по отношению к культурному бытию, она «представляет собой природный, т.е. субстанционально-внекультурный феномен». В самой культуре эта внеположенность, трансцендентность смерти воспринимается как «ее неизживаемая загадочность, как ускользающая сверхразумность». Смерть определяет бытие культуры тем, «что вынуждает последнюю вечно ее дешифровать (впрочем, без надежды на окончательный успех)...» (Стрелков В.И., 1994, с.34). Но, несмотря на свой «внекультурный» характер, именно

смерть становится самым двигателем культуры, искусства, преодолевающего время и побеждающего смерть своих создателей.

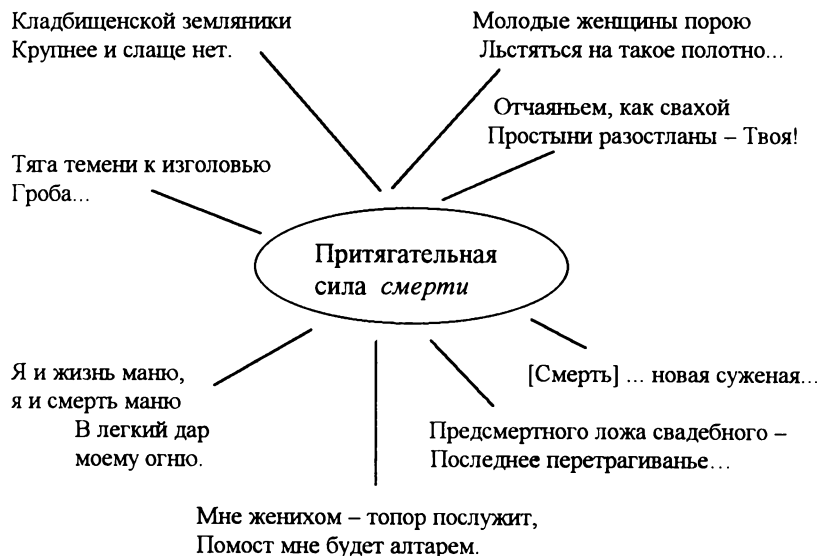
«Запредельность смерти по отношению к культуре более очевидна для индивидуального сознания, чем для сознания коллективного, что связано с тем обстоятельством, что коллективное сознание, собственно, только в культуре и существует, тогда как сознание индивидуальное всякий раз не дотягивает до полного обобщенного культурного субъекта, в противоположность ему открыто иным реалиям духовной жизни...», – утверждает исследователь (Там же). Индивидуальная концепция смерти представляет особый интерес тем более, если она выражена художественно, то есть через метафорический (в широком смысле) образ. Ведь «поэтическая метафора интересна сама по себе, она имеет свою собственную созерцательную ценность и всегда обладает достаточной глубиной для того, чтобы в нее всматриваться и о ней задумываться» (Лосев А. Ф., 1995, с. 127).

Анализ языковых выражений, актуализирующих идею смерти, предполагает выделение позитивных и негативных смыслов концепта (объективные смыслы не выделяются в силу «внекультурного», внесоциального характера человеческого знания о смерти), а также образных характеристик (особенностей хронотопа, колористики и термических параметров состояния в смерти).

Как ранее было отмечено, жизнь часто доводила цветаевскую героиню до отчаяния. Оттого более привлекательной и притягательной становилась ее противоположность – смерть. Такой смысл концепта содержится в выражении: *Молодые женщины порою/ Льстятся на такое полотно...* («Рельсы»). Последовательный анализ метафорической системы цитированного стихотворения позволил сделать интересный вывод об очень важном для поэта моменте: железнодорожные полотна в контексте всего произведения являют собой метафорический образ орудия смерти. В приведенной выше цитате этот образ конкретизируется: актуализируется значение «соблазняющей», «притягательной силы» смерти. (ср.: *льститься* – соблазняться чем-нибудь, см.: Ожегов С. И., 1985, с. 285). Семантика смерти-соблазнительницы поддерживается – как в этом, так и в других стихотворениях М. Цветаевой – брачной темой. В творческом сознании автора текста «Рельсы» *железнодорожное полотно* ассоциируется с *простыней* (...*Железнодорожные полотна... / Нежась наподобие простынь...*), «свахой разостланной» (...*отчаяньем,*

как свахой, / Простыни разостланы – Твоя!), что таким образом «венчает» лирическую героиню со смертью, орудием которой становится железная дорога. Идея брачных отношений лирической героини со смертью содержится также в выражениях: ...ее [смерти] смех предсвадебный...; ...она [смерть] ...новая суженая...; ...Предсмертного ложа свадебного – / Последнее перетрагиванье...; Мне женихом – топор послужит, Помост мне будет алтарем! (где топор («жених») есть орудие убийства человека, а помост («алтарь») – место казни). Идея притягательной (возможно, привлекательной), манящей силы смерти обнаруживается в ряде других выражений: Кладбищенской земляники / Крупнее и слаще нет...; Тяга темени к изголовью / Гроба...; Я и жизнь маню, я и смерть маню / В легкий дар моему огню!

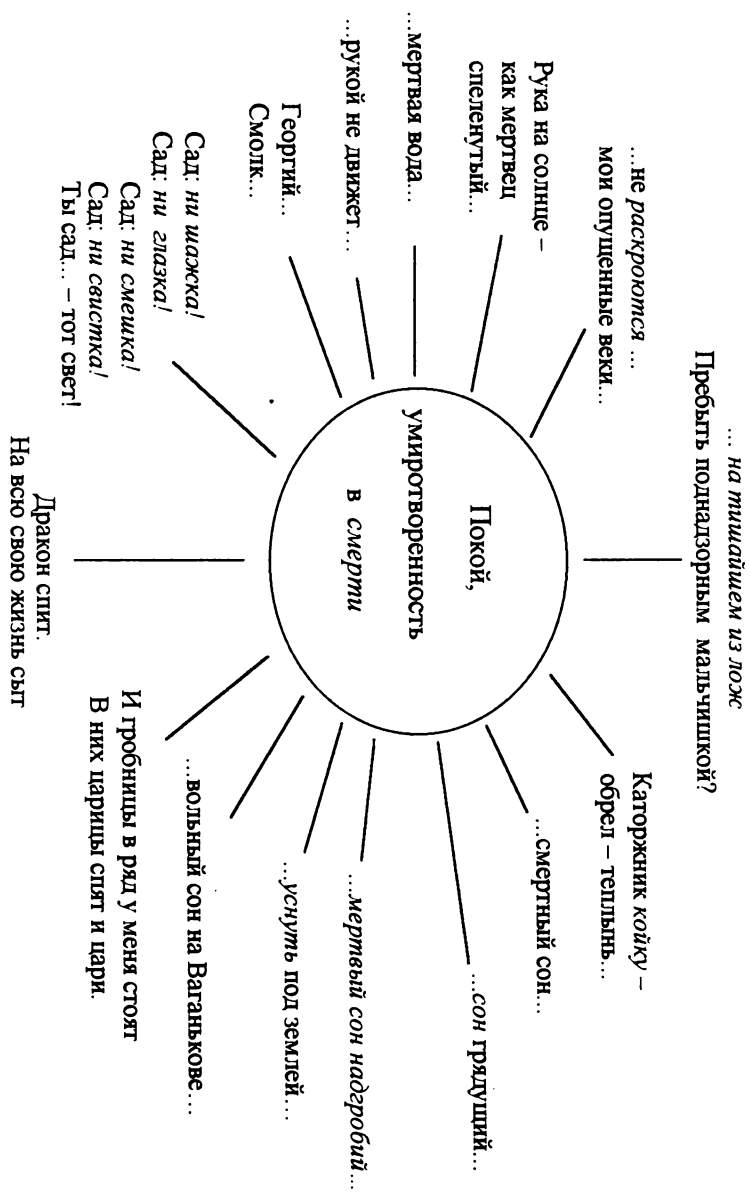
Все выше перечисленные ассоциативные образы смерти группируются друг с другом и образуют ассоциативно-смысловое поле с микроидеей в центре:

Если жизнь воспринимается лирическим субъектом М. Цветаевой как каторга, то состояние в смерти оказывается блаженным сном, долгожданным покоем: *Каторжник койку – обрел – теплынь...* Сложные

образы такого типа, как *койку – обресть – теплынь*, являются одним из любимых М.Цветаевой поэтических приемов, способных охарактеризовать объект реального мира с разных сторон. Так, сочетание слов *койку – обресть – теплынь*, являясь в стихотворении, посвященном смерти А.Блока, метафорой могилы поэта, подчеркивает разные стороны данной реалии: во-первых, в могиле *поэт-каторжник* обретает наконец умиротворенность и покой, что возможно, по-видимому, лишь во сне (ср. *койка* – (прост.) вообще кровать, место для сна, см.: Ожегов С.И., 1985, с. 242); во-вторых, метафора актуализирует семантику теплоты как признака уютного состояния, в данном случае смерти, в котором оказался *каторжник* – человек, долгое время лишенный какого-либо покоя и уюта. К данному метафорическому выражению примыкают некоторые другие контексты, эксплицирующие такое же значение: *смерть* – сон. К таким метафорическим выражениям относятся: *смертный сон* («Страстный стон...»); *сон грядущий* («Через снега, снега...»); *уснуть под землей* («Я знаю правду!...»); *вольный сон... на Ваганькове* («Стихи о Москве. 1»); *И гробницы в ряд у меня стоят / В них царицы спят и цари...* («Стихи к Блоку. 5»); *Дракон спит // На всю жизнь / Сыт...* («Георгий. 2»); *смертное ложе* («Ахматовой. 1», «В черном небе слова начертаны»). Признаками сна смерти являются также: 1) неспособность человека зрительно воспринимать окружающий мир (*И не раскроются – так надо – / Ни для заката, ни для взгляда, / Ни для полей – / Мои опущенные веки...*); 2) невозможность говорить (*Славьте – Георгия! / Поник – Смолк. / И облачный ввысь / Столб...*); 3) неспособность двигаться (*Ту видящие, что рукой не движет... /... рука на солнце – как мертвец спеленутый...; Мертвая вода*, т.е. застывшая, без движения).

Все вышеперечисленные метафорические выражения манифестируют идею отсутствия какого-либо, даже самого минимального (в процессе говорения или открытия глаз) движения, которое есть не что иное, как состояние покоя. Таким образом, в творческом сознании поэта, в системе его представлений о понятии *смерть* присутствует семантика покоя, умиротворенности и т.п. Поле ассоциативных образов с соответствующей микроидеей в центре выглядит так:

Отдельное ассоциативно-смысловое поле организуют метафорические образы, выражающие негативные смыслы, в частности микроидею внезапного, неожиданного и несвоевременного прихода смерти: *Смерть – это так: / Недостроенный дом, / Недовзращенный сын, / Недовязанный сноп, / Недодышанный вздох, / Недокрикнутый крик*. Семантика внезапности и несвоевременности фокусируется в повторяющейся морфеме *недо-*. Грамматическое значение морфемы определяется так: «не полностью совершить действие... не довести его до необходимой нормы» (Русская грамматика, 1980, т.1, с.362). Приближение смерти не позволяет героине ни одно дело в жизни довести до конца.

Схема развития ассоциации выглядит следующим образом:

Приметы самого приближения смерти (то есть ухода жизни) обнаруживаются в таких фразах: *Тяжелым смарагдовым маслом / Стекает кроввица...* (истечение крови – признак уходящей жизни); *...явственно желтый, решительно ржавый / Один такой лист на вершине – забыт...* В последнем отрывке очевидна отождествительная метафора: *одиноким опавший лист* – это покинутый, всеми забытый человек. Выражение *Желтый, ржавый лист* репрезентирует идею старения, разрушения, неумолимой близости смерти, ср.: *ржавчина* – красно-бурый налет на железе... ведущий к разрушению металла (Ожегов С.И., 1985, с.590).

Следующая группа ассоциаций представлена метафорическими выражениями, акцентирующими беспомощность человека перед грозной силой смерти, невозможность сопротивляться ей. Так, в высказывании *Лесник в рубаше красной / Отделит купол от ствола...* явлен образ «лесника», иначе: лесоруба, отделяющего купол («крышу, свод в виде полушария», см.: Ожегов С.И., 1985, с.269), то есть верхнюю часть

предмета (здесь: голову человека) от ствола («основной части дерева или кустарника от корней до вершины», см.: Там же, с. 664; здесь: туловища человека, исключая голову и конечности). Фрагмент *Лесник в рубаше красной* представляет аллюзию, рассчитанную на общий культурный опыт людей, имеющих в своем сознании представления о палаче как о казнящей, губящей человека силе – «деснице» смерти. К этой же группе относятся выражения: *Смерть – Волчица...* (волчица – этимологически: *уволакивающая*); *Глотка Смерти...* (смерть как образ живого существа, поглощающего жертву); *Железнодорожные полотна, / Рельсовая, режущая синь...* (рельсы здесь – орудие смерти); *Смерть – садовница...* (здесь под действием контекста актуализируется следующее значение ассоциативно-смыслового комплекса лексемы *садовница*: субъект, который выбирает из множества растений те, которые подлежат уничтожению; *смерть-садовница* губит людей, ею выбранных).

На основе описанного выше материала выстраивается обобщающая схема минимального ассоциативно-смыслового поля вокруг микроидеи хищничества, убийства, входящего впоследствии в целостную систему ассоциаций, связанных с понятием *смерти* в его негативных коннотациях:

Для творчества М.Цветаевой всегда была актуальна проблема противоборства человека и смерти. Лирическая героиня страшится бесследного исчезновения человека, его абсолютной временности. Поэтому так много в стихотворениях М.Цветаевой лексических элементов, выражающих идею полного, бесследного исчезновения человека из жизни или идею ничтожно малого «наследия», оставленного человеком в виде «праха».

Идея «бренности» всего человеческого представлена в выражениях: *Бренные руки и бренные губы / Слепо разрушили вечность мою...; Так благовещенье свершилось в тот / Час нестареющий, так в седость трав / Бренная девственность, пещерой став / Дивному голосу...; Мертвый был и сгнил... / Берегись гробниц!; И ты откажешь перлу всех любовниц – / Во имя той – костей...* (где умерший поэт метонимически назван *кости*; этот прием позволяет автору подчеркнуть ничтожность того, что осталось от тела жившего некогда человека). Аналогичную функцию актуализации идеи бесследности человеческой жизни на земле выполняют метафоры: *Быть в грядущем лишь горсточкой пыли / Под могильным крестом? – Не хочу!; Я думаю еще о горсти пыли, / Оставшейся от ваших губ и глаз...; Листвою опавшею, / Щебнем рыхлым / Все криком кричавшие / В тебе [в смерти] стихли...* Так, человек, некогда живой – криком кричавший, пройдя свой жизненный путь, исчезает бесследно, превращается в *опавшую листву* или *рыхлый щебень*. Микроидея бесследности человеческой жизни после момента смерти организует следующее ассоциативно-смысловое поле:

Пространственные характеристики существа, находящегося в состоянии смерти, обусловлены как культурной традицией русского народа (на таком основании возникают «культурные», «всеобщие» ассоциации), так и индивидуальным сознанием автора (это касается «индивидуальных» ассоциаций). В культурной традиции русского народа живое существо после момента смерти предают земле. Это в полной мере отражает поэзия М.Цветаевой: *И пусть тебя не смущает / Мой голос из под земли...; И под землею скоро уснем мы все...; Узка подземная кровать...; Так и в землю положите / С вербочкою на груди...; Поп, крепче позаткни мне рот / Колокольной землею московскою!* Подземный мир, царство смерти, обрисован в стихотворении «Орфей»: *Так, лестницею нисходящей / Речною – в колыбель зыбей, / Так, к острову тому, где слаще, / Чем где-либо лжет соловей...* Царство умерших и путь в него метафорически переосмысляются и называются в стихотворении *колыбелью зыбей и лестницею речной* (по мифологическим представлениям дорога в Аид – река). Определение пути *нисходящий* указывает на то, что и в мифической картине мира «обиталище» смерти, как известно, находится под землей. Наиболее распространенными пространственными характеристиками существа, прошедшего через грань смерти, являются те, которые имеют отношение к иной, неземной жизни. Поэтическое сознание М.Цветаевой не допускает существования абсолютного исчезновения. В системе представлений художника человек после смерти обретает новую жизнь и вместе с этим *новый край, новый кров. ...С Новым годом – светом – краем – кровом!* – обращается М.Цветаева к умершему поэту Э.М.Рильке. И далее: *Первое письмо тебе на новом / ...злачном – / ...месте зычном, месте звучном...* М.Цветаева верит в то, что поэт в новой жизни, на новом месте обретет все блага: веселье и наслаждение (*злачное место* (устар. и разг. шутол.) – место, где предаются кутежам, см.: Ожегов С.И., 1985, с.200); а также этой новой жизнью будет даровано вновь поэтическое мастерство, способность к творчеству. После смерти, по мнению поэта, возможна небесная жизнь, пребывание в раю, далеко от земного существования. Еще одно обращение М.Цветаевой к умершим звучит так: *Помолитесь обо мне в райской гавани...* Семанти-

ка дальности местопребывания существа, перешедшего через грань смерти, отражена в строках: *И улыбка из великого Издали, – / умирающего светская лесть...*; *... Скоро – скоро / Канет в страны дальние – / Ваша птица разноперая – / Вербная – сусальная...*

Образные выражения, характеризующие смерть с точки зрения категории пространства, составляют следующее ассоциативное поле:

Временные характеристики образа *смерть* отражены в контекстах: *Милый друг, ушедший в вечное плаванье...*; *Я ж, на песках похолодевших лежа, / В день отойду, в котором нет числа...* Из этих высказываний следует, что в отношении состояния смерти категория времени оказывается бессмысленной: смерть существует вне времени. Безвременье *смерти* есть ее отличительная черта от субстанции *жизнь*, измеримой временными отрезками.

В поэтических произведениях М.Цветаевой широко распространены такие характеристики образа *смерти*, которые чувственно воспринимаются человеком. Это касается цветовых и термических обозначений *смерти*, представленных в следующих контекстах: *Снежный лебедь / Мне под ноги перья стелет.. Перья реют / И медленно никнут в снег. /*

Так, по перьям, / Иду к двери, / За которой – Смерть... Имплицитно здесь присутствует семантика белого цвета, который становится знаком смерти. Образом-носителем такого цветового значения является в данном стихотворении «призрак» смерти, ее посланник – *снежный лебедь*, увлекающий за собой лирическую героиню. Интересно, что в этот образ *снежного лебедя* включена сема не только белого цвета, но и сема холода как еще одна характеристика образа или состояния смерти. Белый цвет трактуется как признак смерти и в выражении: *И снова родиться, / Чтоб снова метель замела...*, где сама смерть метафорически переосмыслена как заметающая, увлекающая за собой сила. В контексте творчества М.Цветаевой образ *смерти* трансформируется в образы зимы, стужи, метели и т.п. Семантика *холода* в составе понятия *смерть* поддерживается и другими контекстами: *Ты во мне, как в хрустальном гробе, / Спишь, – во мне, как в глубокой ране, / Спишь – тесна ледяная прорезь...*; *Я ж, на песках похолодевших лежа, / В день отойду, в котором нет числа...*; *Два солнца стынут, – о Господи, пощади! - / Одно на небе, другое – в моей груди...* (где *солнце* становится метафорой *стынувшего в груди сердца*, сердца, теряющего тепло, то есть постепенно духовно умирающего).

Другие цветообозначения образа смерти эксплицированы в строках: *Белый был – красный стал: / Кровь обагрила. / Красный был – белый стал: / Смерть побелила...* («Ох, грибок ты мой...»). Здесь намечены два основных для поэзии М.Цветаевой цвета, семантика которых связана с понятием *смерти*: *белый* (*Смерть побелила*) и *красный* – «цвет крови» (*Кровь обагрила*). В этом стихотворении интересны переплетения различных метафорических значений определений *красный* и *белый*. Один пласт метафорических значений связан с социальным явлением противоборства двух политических сил – Белой гвардии и Красной Армии; другой пласт связан с образами – носителями идеи смерти: *Смерть побелила...*; *Кровь обагрила*. Переплетение этих значений становится знаком бессмысленности борьбы двух сил, на которые разделилась вся Россия начала XX столетия, бессмысленности перед уравнивающей всех (белых и красных) смертью. М.Цветаева говорит о смерти:

Ты спросишь, что она такое? – Единственное, в чем весь род людской равноправен.

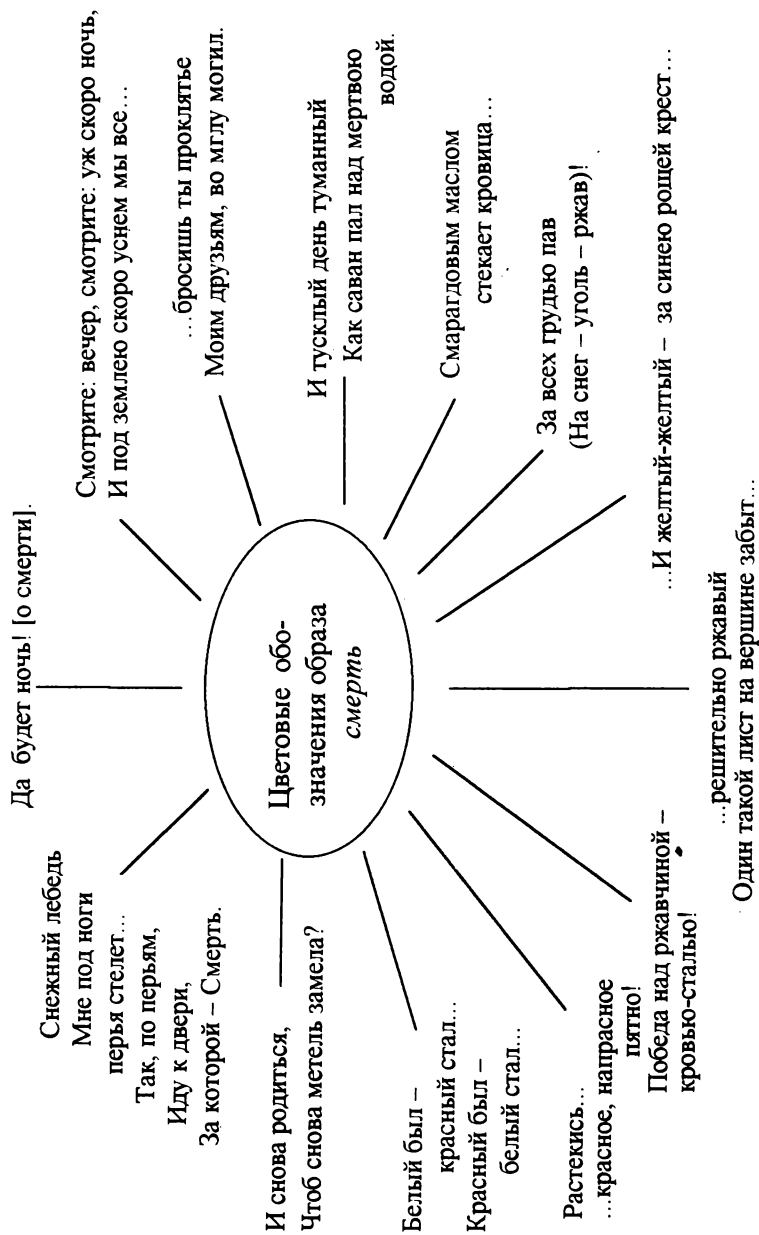
Красный цвет («цвет крови») как знак приближения смерти репрезентируется в других стихотворениях: *Растекись напрасною зарею / Красное, напрасное пятно!* Относительно цветового обозначения крови, являющейся признаком приближения смерти, следует обратить внимание на строки из стихотворения «Георгий»: *Тяжелым смарагдовым маслом / Стекает кровяца. / Дракон спит...* (смарагдовое масло – метафорическая номинация стекающей, вязкой (вязкость, густота – ассоциативные значения слова *масло*) крови убитого Георгием Дракона. В системе представлений автора стихотворения кровь дракона – зеленого цвета. На этом основании могла возникнуть ассоциация с «драгоценным, прозрачным камнем ярко-зеленого цвета – изумрудом» (*смарагд* – то же, что изумруд, см.: Ожегов С.И., 1985, с.637). В творческом сознании поэта возникает ряд других цветовых ассоциаций, связанных с идеей смерти, сосуществующих с ранее названными. Эти цветовые ассоциации представляют образ смерти как темную силу: – *Да будет ночь!* [призыв смерти]; *Смотрите: вечер, смотрите: уж скоро ночь, / И под землею скоро уснем мы все...; ...бросишь ты проклятье / Моим друзьям, во мглу могил...* Непрозрачность, туманность, невозможность отчетливого видения, ассоциируемые с образом смерти, актуализируются также в выражении: *И тусклый день туманный / Как саван пал над мертвою водой...*

Часто в поэзии М.Цветаевой делается акцент на такой цветовой характеристике предмета, которая свидетельствует о скором его разрушении, исчезновении, о скорой его гибели. И этот цвет – цвет ржавчины (*ржавчина* – красно-бурый налет на железе... ведущий к разрушению, см.: Ожегов С.И., 1985, с.590). Семантика ржавого цвета предмета, обреченного на разрушение, реализуется в стихах: *За всех грудью пав / (На снег – уголь – ржав!); Победа над ржавчиной– / Кровью-сталью...* (сложный образ: *ржавчина* – *кровь* – *сталь* – является в контексте творчества М.Цветаевой носителем идеи смерти); *...явственно желтый, решительно ржавый, / Один такой лист на вершине – забыт...*; образ *ржавого*, опавшего, оторванного от родного дерева – метафорически

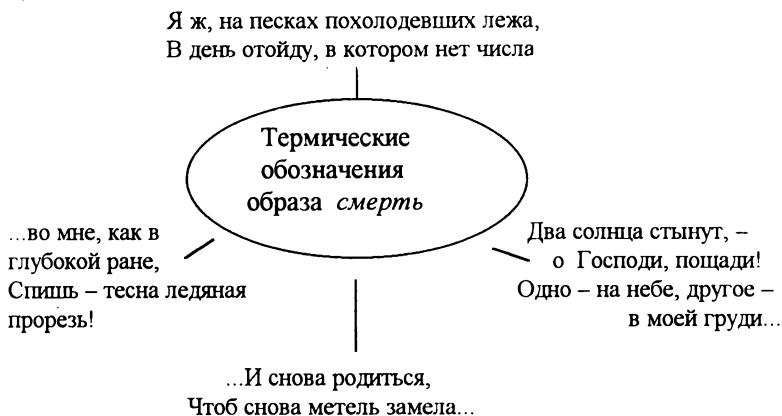
от родины, листа вызывает в сознании читателя ассоциативный образ человека. Судьба листа становится знаком трагической судьбы человека (здесь, возможно, самой М.Цветаевой: ситуация слияния автора и лирической героини). Направление ассоциации задается лексемами: *один* (одна из ведущих тем поэзии М.Цветаевой – тема человеческого одиночества); *забыт* (мысль о заброшенности человеческой личности в мире, отчужденности от всего окружающего). Обреченность человека на одиночество неизбежно, по мысли поэта, приведет к гибели, к духовному разрушению человеческого существа. И еще одно цветковое обозначение явления, связанного с понятием *смерти* – в стихотворении, посвященном смерти А.Блока: *И желтый-желтый – за синею рощей крест...*

В результате анализа вышеперечисленных метафорических (в широком смысле) выражений были выявлены цветковые характеристики образа *смерти*, а также включенность в структуру концепта семантики холода. Таким образом были обнаружены следующие ассоциативные поля:

1.

2.

В процессе изучения концепции смерти, отраженной в стихотворном наследии М. Цветаевой, была обнаружена такая ее черта, как двойственность. Осознавая губительную силу смерти, превращающую человека в *горсть пыли*, М. Цветаева обнаруживает в ней *благостные* по отношению к живому существу свойства. Только смерть, по мнению поэта, может избавить человека от земных страданий и подарить ему абсолютный покой тела и умиротворенность души.

В ходе анализа ассоциативных образов, связанных в поэзии М. Цветаевой с идеей смерти, был выявлен комплекс смыслов соответствующего концепта. В творческом сознании поэта *смерть* – это: 1) соблазняющая, притягивающая к себе человека сила (позитивный смысл концепта); 2) состояние полного покоя тела и души (позитивный смысл); 3) сила, увлекающая за собою человека внезапно и несвоевременно (негативный смысл концепта); 4) живое существо (смерть олицетворенная), активная деятельность которого враждебна по отношению к человеку (негативный смысл); 5) сила, разрушающая человеческое существо, превращающая его в *ничто* (*прах, пыль*) (негативный смысл); 6) порог, граница между двумя состояниями: в жизни и иной жизни; *переходный момент* из земного существования в инобытие – в *новую жизнь* (пространственно-временные характеристики концепта); 7) колористическое значение концепта

смерть: *красный* (цвет крови), *белый*, *ржавый* (цвет разрушения), *темный*;
8) термическое обозначение концепта *смерть* – семантика холода.

При сопоставлении содержательных структур *жизни* и *смерти* обнаруживаются различия образных характеристик концептов при некоторой общности их смыслового наполнения. Образные воплощения жизни и смерти подчеркивают специфику восприятия автором каждой из названных субстанций. Так, если *жизнь* у поэта окрашивается в такие цвета: *голубой* (цвет неба), *серебряный*, *красный* (цвет огня, горения); то *смерть* ассоциируется с цветом крови (*красной* – у человека, *зеленой* – у дракона), с белым, желтым и цветом разрушения – *ржавым*. Жизнь в поэтическом сознании М.Цветаевой – это горение, сжигание самого себя в процессе бытия, поэтому образные характеристики жизни подчеркивают значение тепла. Смерть же содержит семантику холода, неуютности подземной обители (...узкая подземная кровать...; ...тесная ледяная прорезь...). Отличительной особенностью образа жизни является то, что поэтическое воображение М.Цветаевой наделяет его звуковыми характеристиками (хрип, рифмирование с *лживо*, *жир*, *стук*), тогда как состояние в смерти представляется автору беззвучным, недвижимым садом (*Сад: ни шажка! / Сад: ни глазка! / Сад: ни смешка! / Сад: ни свистка! / Ты сад... – тот свет!*). Общность смысловых сфер концептов проявляется в одинаковой притягательности жизни и смерти для человека, ср.: *Я и жизнь маню, я и смерть маню / В легкий дар моему огню!* Цветаевская героиня способна ощутить сладость жизни равно, как и сладость смерти, ср.: ...кладбищенской земляники крупнее и слаще нет... и *Сладость обморочного оплыва – Жизнь!* Однако и враждебность по отношению к человеку эти субстанции испытывают также с одинаковой силой. Так, для характеристики губительных сил жизни и смерти М. Цветаева использует один и тот же образ *рельсов*, как это происходит в одноименном стихотворении, где орудием смерти становится железнодорожное полотно, и в тексте «Крик станций», в котором жизнь отождествляется с рельсами, прерывающими человеческое существование (*Жизнь – рельсы! Не плачь!*). Жизнь и смерть приобретают в поэзии М. Цветаевой одинаковый смысл переходности, порогового состояния.

Так, *жизнь* – это переход от рождения к смерти, а *смерть* – порог между жизнью земной и жизнью в запредельном пространстве. После смерти человек приобретает *новый кров*: *С Новым годом – светом – краем – кровом!* (обращение к умершему поэту). Общее значение концептов *жизни* и *смерти* как порогового состояния обусловило возникновение образа общего для обеих субстанций. Жизнь и смерть связываются у М. Цветаевой с образом *двери* (*дверь* в человеческом сознании есть символ начала и конца, символ перехода), ср.: *Не крадущимся перешибленным зверем, – / Нет, каменной глыбой / Выйду из двери – / Из жизни... и Снежный лебедь / Мне под ноги перья стелет. / Перья реют / И медленно никнут в снег. / Так, по перьям, / Иду к двери, / За которой – Смерть...*

Жизнь и смерть в равной степени представляются лирической героине М. Цветаевой ничтожными и неистинными: *Жизнь и смерть давно беру в кавычки, / Как заведомо пустые сплеты...* Тема сцепленности двух взаимоисключающих сущностей – жизни и смерти – неоднократно повторяется в творчестве М. Цветаевой. И это еще раз подчеркивает их общность: *Жизнь и смерть произношу с усмешкой / Скрытую...* Ощущение незначительности, неценности жизни и смерти компенсируется в поэтическом сознании М. Цветаевой верой в наличие некоего *третьего* измерения – инобытия. Смерть, по мнению поэта, это не переход человека из бытия в небытие, но переход из временного бытия в бытие вечное, в бессмертье.

Идея бессмертия души и духа, мысль о воскресении поэта и его вознесении на небо выражена в таких строках: *Знаю, что этого нет – умереть...; Смерть – это нет...; Нет ни жизни, нет ни смерти, – третье, / Новое...; Гость субботний, унеси мою заботу, / Увези меня с собой в свою субботу...* (смерть метафорически названа субботним гостем, за которым последует воскресенье – воскресение души). Верой в наступление воскресенья (здесь Вербного) также пронизаны строки: *Вербочка! Небесный житель! / – Вместе в небо! – погоди! / Так и в землю положите / С вербочкою на груди...; Смерть... не спать, а встать... / Восстанье в день...; Стан по поясицу / Выпростав из гробовых пе-*

лен... / Взлет седобородый: / Есмь! -- Переселенье!; Славьте -- Георгия / Смерть победившего / Поник. -- Смолк. / И облачный -- ввысь! -- / Столб... Небесная жизнь дарована и героине стихотворения «Сивилла 1»: ... так в звездный вихрь / Сивилла: выбывшая из живых... Эту же идею о небесной жизни после момента смерти человека подчеркивают следующие высказывания: *Затем и посылает беды / Бог, что живой меня на небо / Взять замышляет за труды...; Похоронили поэта на / Самом высоком месте. / Выше которого -- только Бог:/ Бог -- и ни вещи боле...*

Так М.Цветаева творит свою поэтическую мифологию о вечной жизни человеческого духа. Однако *райская гавань* для человеческой души в поэзии М.Цветаевой имеет мало общего с расм христианским. Как справедливо отмечает И.Бродский, «поэтическая идея вечной жизни (у М.Цветаевой) вообще тяготеет более к космогонии, нежели к теологии, и мерилom души часто представляется не степень ее совершенства, необходимая для уподобления и слияния с Создателем, но скорее физическая (метафизическая) длительность и дальность ее странствий во Времени» (Бродский И.А., 1997, с. 87). Действительно, *новая жизнь* в поэтическом воображении М.Цветаевой имеет свою особую топографию и хронологию, ср.: *С Новым годом -- светом -- краем -- кровом!; Черным по белу на конверте. / -- Есть такая страна -- Бессмертье!; А в Царстве Небесном не женятся...; Небо -- тридевять земель...; И погружаюсь как в реку / В мимо -- текущую Вечность...* Более того, в эту страну есть дорога: *В Бессмертье прямая дорога: рельсы!; В Бессмертье что час -- то поезд!*

Анализ семантической парадигмы концептов *жизнь* и *смерть* позволил определить один из важнейших моментов, организующих мифопоэтическую систему творчества М.Цветаевой, и, таким образом, выявить особенности авторского мировосприятия и миропонимания. Внимание поэта к экзистенциальным проблемам человечества выводит его в сферы реально неощутимого, неизведанного, непознаваемого, -- а потому вечно влекущего к себе -- бытия.

Заключение

Обобщением полученных в данной монографии результатов комплексного исследования закономерностей варьирования словесной семантики являются следующие положения.

1. Регулярная многозначность и регулярное речевое варьирование представляют собой явления одного порядка, и поэтому вполне правомерно рассматривать их как две взаимосвязанные формы регулярного семантического варьирования.

Характеристики регулярной многозначности и регулярного речевого варьирования оказываются однотипными поскольку в них можно выделить как минимум три общих момента: сопоставимость сем, служащих основой для варьирования лексического значения; сопоставимость семантических объединения, в которых отмечаются факты параллельного варьирования лексического значения; полная аналогия между основными типами моделей. В содержании указанных характеристик, естественно, имеется и ряд специфических моментов, которые и дифференцируют регулярную многозначность и регулярное речевое варьирование (особенности лексической и грамматической сочетаемости, специфика преобразования семного состава, парадигматические связи и др.).

2. Регулярное семантическое варьирование не является исключительным свойством лексико-семантических групп, но обнаруживается в словесных объединениях, различающихся по семантическим связям (лексико-грамматический разряд, лексико-семантическая группа, коммуникативно-семантическая группа) и объему, иерархическим связям с другими семантическими объединениями слов (лексико-семантическое поле, подполе, группа, подгруппа, парадигма и др.). В каждом из указанных семантических объединений наблюдаются специфические закономерности регулярного варьирования, однако всегда сохраняются общие признаки: семантическая сопоставимость первичных значений, семантическая близость вторичных значений (актуальных смыслов), наличие однотипных компонентов, служащих основой для модификации значения. Именно существование этих объединяющих компонентов и позволяет (вопреки традиционному подходу) рассматривать указанные типы

семантического варьирования как органически связанные между собой явления, как частные проявления общих закономерностей. Вместе с тем различия между рассматриваемыми типами регулярного варьирования словесной семантики нередко требуют и автономного анализа, а поэтому оказалось необходимым в зависимости от лексико-грамматического, лексико-семантического или коммуникативно-семантического характера объединения дифференцировать общие, частные и специальные модели, а в зависимости от иерархических связей такого объединения – разграничивать узкие и широкие модели семантического варьирования.

3. Сопоставление закономерностей варьирования семантики глаголов, имен существительных и имен прилагательных позволяет выделить сходство и различия в семантических модификациях слов, относящихся к различным частям речи. Наиболее близки у слов указанных частей речи общие модели многозначности и в меньшей степени – так как лежащие в их основе признаки последовательно отмечаются в семантике различных частей речи. Существенные различия обнаруживаются при сопоставлении частных моделей семантического варьирования имен и глаголов, поскольку ассоциативные признаки слов указанных частей речи существенно различаются. Еще более существенные различия отмечаются в специальных моделях, где очень мало пересечений, и ярко противопоставлены модели, присущие существительным («материал» – «изделие из этого материала»; «помещение» – «люди в нем находящиеся»), прилагательным («состоящий из... » – «предназначенный для... » – «похожий на... ») и глаголам («физическое воздействие» – «психическое воздействие»; «производить действие» – «каузировать произведение действия»).

Вместе с тем общие закономерности регулярного семантического варьирования семантики имен и глаголов вполне однотипны; многие модели регулярного семантического варьирования имеют межчастеречный характер.

4. Возможность использования слова по той или иной модели семантического варьирования способствует повышению его частотности. Проведенное исследование взаимодействия многозначности слова и его частотности показало, что модели регулярной многозначности могут быть противопоставлены друг другу и по частотности использования. Это, с одной стороны, может служить еще одним основанием для классификации моделей мно-

гозначности, а с другой – открывает новое направление в количественных исследованиях лексики.

Показательно, что частотность реализации тех или иных моделей многозначности в значительной степени зависит от функционального типа речи (художественный текст, агитационно-политический текст и др.), а также от более частных причин (жанр, отражаемая в тексте политическая ситуация, авторская индивидуальность и др.).

5. Исследование показало, что абсолютное большинство вторичных значений имен и глаголов относится к числу регулярных, соответствующих тем или иным моделям многозначности. Преобразования словесной семантики нерегулярного типа представляют собой скорее аномалию, чем правило, а специфичность едва ли не всех вторичных значений (в том числе индивидуально-авторских, не зафиксированных словарями) связана прежде всего с использованием все новых и новых единиц по уже существующим моделям, с контекстуальными условиями реализации слова, с множественностью компонентов семантики, способных стать основой для варьирования значения того или иного слова, и (что очень важно) с постоянным взаимодействием различных моделей.

6. Предпринятое в настоящей работе исследование зоны широко развитой многозначности свидетельствует, что степень развития многозначности русского слова зависит от целого ряда его признаков, среди которых особенно важны принадлежность данного слова к определенной части речи, к определенным лексико-грамматическим разрядам и лексико-семантическим объединениям, наличие стилистической окраски, частотность. Показательно, что в зоне широко развитой многозначности оказалось множество слов, рассматриваемых в предыдущих разделах при анализе закономерностей регулярного семантического варьирования имен и глаголов.

7. Развиваемая в настоящей монографии широкая теория регулярного семантического варьирования, учитывающая все многообразие конкретных форм и типов преобразования словесной семантики, принимающая во внимание множественность существенных признаков регулярных вторичных значений и актуальных смыслов, способна выявить важнейшие признаки системы семантических модификаций в русской лексике. Она создает теоретические предпосылки для комплексного под-

хода к конкретным вторичным значениям и актуальным смыслам, для одинакового учета всех существующих форм и типов регулярности семантических преобразований в их постоянном взаимодействии. В конечном итоге широкая теория регулярного семантического варьирования позволяет увидеть строгую систему в бесконечном многообразии реальных модификаций словесной семантики.

8. Проведенное исследование создает возможности для определения новых рубежей, к достижению которых направляет языковедов логика научного познания и потребности прикладных разделов лингвистики. Требуют продолжения исследования по специфике регулярного семантического варьирования в различных функциональных стилях и типах речи. Несомненно ждет своей очереди детальное описание множества частных и специальных моделей регулярного семантического варьирования, необходимы тщательные наблюдения над закономерностями контекстуальной реализации словоупотреблений, соответствующих различным моделям. Значительный интерес могли бы представлять и контрастные исследования, способные отчетливее выделить специфику семантического варьирования в русском языке и универсальные закономерности такого варьирования, проявляющиеся в различных языках.

Продолжение исследований по проблемам регулярных модификаций лексического значения слов приведет к открытию новых закономерностей и вместе с тем поможет определить новые перспективные рубежи.

Используемые сокращения

БАС – Большой академический словарь (Словарь современного русского литературного языка в 17-ти томах. М.: изд-во АН СССР, 1948–1965)

ЛГР – лексико-семантический разряд

ЛСВ – лексико-семантический вариант

ЛСГ – лексико-семантическая группа

МАС-2 – Малый академический словарь (Словарь русского языка в 4-х томах. Издание 2-е. М.: Наука, 1981–1984).

Библиографический список

Алексеев П.М. О некоторых практических свойствах ранговых распределений // Статистика речи и автоматическая переработка текстов. Л., 1988.

Алексеев П.М. Семантические частотные словари // Статистика речи и автоматический анализ текста - 1972. Л., 1973.

Алексеев П.М. Статистическая лексикография (типология, составление и применение частотных словарей). Н.Л., 1975.

Андреев Н.Л. Распределительный словарь и семантические поля // Статистико-комбинаторное моделирование языков. М.; Л., 1965.

Андреев Н.Д. Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языковедении. Л., 1967.

Андреевская А.В. Квантитативное исследование полисемии корневых слов русского языка XI-XX вв. // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Тарту, 1990. Вып. 912.

Андрукович П.Ф.; Королев Э.И. О статистических и лексико-грамматических свойствах слов // научно-техническая информация. Сер. 2. М., 1977. № 4.

Апресян Ю.Д. Лексикографические портреты (на примере глагола «быть») // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1992. № 3.

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.

Апресян Ю.Д., Апресян В.Ю. Метафора в лексикографическом толковании эмоций // Вопр. языкозн. 1993. № 3.

Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопр. языкозн. 1995. № 1.

Апресян Ю.Д. О регулярной многозначности // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1971. Т. 30. Вып. 6.

Арапов М.В. Квантитативная лингвистика. М., 1988.

Арапов М.В., Херц М.М. Математические методы в исторической лингвистике. М., 1974.

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: (Логико-семантические проблемы). М., 1976.

Арутюнова Н.Д. Языковая метафора // Лингвистика и поэтика. М., 1979.

Афанасьев Р.П. Процессы нейтрализации в семантико-грамматических классах слов // Теория нейтрализации. Тамбов, 1980.

Багичева Н.В. Регулярное варьирование семантики существительных, обозначающих отношения родства: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Екатеринбург, 1995.

- Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.
- Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора: Материалы к словарю. М., 1991.
- Бартков Б.И. Количественные методы в дериватологии (на материале немецкого языка) // Исследование деривационной подсистемы количественным методом. Владивосток, 1983.
- Бархударов Л.С. Контекстуальное значение слова и перевод // Контекстуальная семантизация лингвистических единиц. М., 1984.
- Баудер А.Я. Части речи — структурно-семантические классы слов в современном русском языке. Таллин, 1982.
- Бахмутова Н.И. О понятии регулярности в развитии переносных значений слова // Проблемы развития языка. Саратов, 1977.
- Бахмутова Н.И. О типологии регулярных переносных значений глагола // Русский глагол в сопоставительном освещении. Саратов, 1984.
- Бахмутова Н.И. Системность переносных значений глаголов в русском языке // Системные отношения на разных уровнях языка. Новосибирск, 1988.
- Бацевич Ф.С. Референтная отнесенность имен субъектов и некоторые функциональные типы глагольного действия // Типы языковых парадигм. Свердловск, 1990.
- Белова А.Ю. Проблема мотивированности термина. Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Саратов, 1993.
- Бердяев Н. Судьба России. М., 1990.
- Бессарабова Н.Д. Метафорические сочетания в общественно-публицистическом стиле русского литературного языка // Филол. науки. 1979. № 1.
- Бондарко А.В. Функциональная грамматика. Л., 1984.
- Боровикова Н.А. Регулярная многозначность в лексико-семантических группах русских глаголов: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Воронеж, 1985.
- Боровикова Н.А. Регулярное семантическое варьирование глаголов // Классы слов в функциональном аспекте. Свердловск, 1986.
- Бродский о Цветаевой: интервью, эссе. М., 1997.
- Булыгина Т.В. Классы предикатов и аспектуальная характеристика высказывания // Аспектуальные и темпоральные значения в славянских языках. М., 1983.
- Васильев Л.В. Отношения языковых значений в границах полисемантического слова // Исследования по семантике. Уфа, 1989.
- Васильев Л.М. Семантика русского глагола. Глаголы психической деятельности. М., 1981.
- Васильев Л.М. Семантические классы глаголов чувства, мысли и речи // Очерки по семантике русского глагола. Уфа, 1971.

- Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. М., 1990.
- Вейлерт А.А. О некоторых факторах, определяющих частоту слова в тексте // Вопр. языкозн. 1978. № 2.
- Велтисова А.В. Обращение в английском языке в сопоставлении с русским. Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1964.
- Виноградова В.Н. Лексическая сочетаемость в словаре и тексте // Слово в грамматике и словаре. М., 1984.
- Виноградова В.В. Основные типы лексических значений слова // Вопр. языкозн. 1953. № 5.
- Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972.
- Виноградов В.В. Стиль Пушкина. М., 1941.
- Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
- Винокур Т.Г. К характеристике понятия «разговорная речь» // Рус. яз. в нац. школе. 1965. № 2.
- Винокур Т.Г. Разговорная речь и разговорный стиль (сущность понятий) // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Горький, 1973.
- Вишнякова С.М. Опыт статистического исследования многозначности слов в английском языке // Вычислительная лингвистика. М., 1976.
- Вольф Е.М. Грамматика и семантика прилагательного. М., 1978.
- Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
- Воронов А.Л. Типы варьирования слова в немецком и русском языке // Филол. науки. 1979. № 1.
- Вышкин Е.Г. Вариантивность в языке и в лингвистической теории // Вариантность как свойство языковой системы. М., 1982. Ч.1.
- Гайсина Р.М. Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке. Саратов, 1981.
- Гайсина Р.М. Семантические классы глаголов и имен // Слово в системных отношениях на разных уровнях языка. Свердловск, 1987.
- Гайсина Р.М. Средства речевого контакта в современном русском языке. Саратов, 1967.
- Гак В.Г. К диалектике семантических отношений в языке // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
- Гак В.Г. К проблеме гносеологических аспектов семантики слова // Вопросы описания лексико-семантической системы языка: Тез. докл. М., 1971.
- Гак В.Г. К проблеме общих семантических законов // Общее и романское языкознание. М., 1972.
- Гак В.Г. Об относительности лексикологических категорий в лексикографии // Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике. М., 1978.

Гак В.Г. Опыт применения сопоставительного анализа к изучению структуры значения слова // *Вопр. языкозн.* 1966. № 2.

Гак В.Г. Прагматика, узус и грамматика речи // *Иностр. яз. в школе.* 1982. № 6.

Гак В.Г. Сопоставительная лексикология: на материале французского и русского языков. М., 1977.

Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языка. Л., 1989.

Ганжа Р.С. Изучение глагольной семантики // *Русский язык в школе.* 1970. № 4.

Гердт А.С. Проблемы становления и унификации научной терминологии // *Вопр. языкозн.* 1971. № 1.

Гиндин С.И. Частота слова и его значимость в системе языка // *Учен. зап. Тарт. ун-та. Тарту.* 1982. Вып. 628.

Гинзбург Е.Л. Конструкции полисемии в русском языке. Таксономия и метонимия. М., 1985.

Гиренко Н.М. Система терминов родства и система социальных категорий // *Советская этнография.* 1974. № 6.

Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах. М., 1987.

Головина Э.Д. К типологии языковой вариативности // *Вопр. языкозн.* 1983. № 2.

Гольдин В.Е. К определению сущности обращения // *Язык и общество.* Саратов, 1982. Вып. 4.

Гольдин В.Е. К проблеме обращения как лексической категории // *Язык и общество.* Саратов, 1970. Вып. 22.

Гольдин В.Е. Речь и этикет. М., 1983.

Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма. М., 1978.

Горбачевич К.С. Вариантность слова как лексико-грамматический феномен // *Вопр. языкозн.* 1975. № 1.

Горбачевич К.С., Сорокалетов Ф. П. Значение и оттенок значения в лексикографической практике // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.* 1975. Т. 34. Вып. 6.

Гордеев Ю.М. Поле направленности (глаголы движения и их распространители) в современном русском языке: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Саратов, 1974.

Грамматика русского языка. М., 1960. Т. 1.

Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.

Григорьев В.П. Грамматика идиостиля: В.Хлебников. М., 1983.

Григорян С., Манасян Н. О некоторых квантитативно-лингвистических особенностях основного словарного фонда армянского языка // *Учен. зап. Тарт. ун-та. Тарту.* 1988. Вып. 827.

Гринберг Дж., Осгуд Ч., Дженикс Д. Меморандум о языковых универсалиях: Пер. с англ. Р.М. Фрумкиной // Новое в лингвистике. М., 1970. Вып. 4.

Грузберг А.А. К социологическому описанию семантики слова // Семантическая структура слова. М., 1983.

Гуревич В.В. Модальная актуализация смысловых компонентов предложения и слова // Филол. науки, 1985. № 2.

Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.

Денисик Д.Н. Взаимодействие языковых уровней в пределах многозначного слова // Филол. науки. 1993. № 2.

Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М., 1980.

Денисов П.Н. Лексические минимумы русского языка // Лексические минимумы русского языка. М., 1972.

Денисов П.Н. Место и роль самых многозначных слов в лексической системе языка // Слово в грамматике и в словаре. М., 1984.

Денисов П.Н. Полисемия и классификация лексики // Словарные категории. М., 1988.

Деханова Е.К., Стеклова Т.И. Лексико-функциональный аспект слова «правда» (в незначительном употреблении) // Функциональная семантика слова. Свердловск, 1992.

Дмитриева В.С. Типы предикатов при именах, называющих осадки в русском языке // Классы глаголов в функциональном аспекте. Свердловск, 1986.

Ельмслев Л. Прологомены в теории языка // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1.

Есимкулов Б.Н. Синтагматические отношения глагольных полисемантов и их текстовая реализация: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1995.

Журавлев А.Ф. Лексико-семантическое моделирование системы славянского языкового родства. М., 1994.

Зарецкий А.В. Семантико-функциональный анализ цикла слов с доминантным значением родства: Дис. ...канд. филол. наук. Киев, 1983.

Засорина Л.Н. Автоматизация и статистика в лексикографии. Л., 1966.

Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973.

Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1988.

Зубова Л.В. Потенциальные свойства языка в поэтической речи М. Цветаевой. Семантический аспект. Л., 1987.

Зубова Л.В. Поэзия Марины Цветаевой. Лингвистический аспект. Л., 1989.

Ибрагимова В.Л. Семантика глаголов пространственной локализации в современном русском языке. Уфа, 1992.

Ибрагимова В.Л. Семантика русского глагола (лексика движения). Уфа, 1988.

Ивин А.А. Основание логики оценок. М., 1970.

Ивлева Г.Г. О варьировании слов в немецком языке // Вопр. языкозн. 1981. № 6.

Ивлева Г.Г. О некоторых закономерностях в словарном составе // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1983. Т. 42. № 6.

Ивлева Г.Г. О факторах развития лексического состава // Филол. науки. 1983. № 6.

Илюхина Н.А. Об одной метафорической категории («лошадиные» метафоры) // Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1994.

Илюхина Н.А. Образ в лексико-семантическом аспекте. Самара, 1998.

Исмаилов И.О. О терминах родства абысын и овсин в тюркских языках // Изв. АН Каз. ССР. Сер. филол. 1978. № 2.

Йоссельсон Г.Г. Подсчет слов и частотный анализ грамматических категорий русского литературного языка // Автоматизация в лингвистике. М.; Л., 1966.

Казарин Ю.В. Специфика словарных дефиниций в аспекте абстрактности и конкретности глагольной семантики // Глагол и имя в русской лексикографии. Вопросы теории и практики. Екатеринбург, 1996.

Калужнин А.А., Скороходько Э.Ф. Некоторые замечания о лексической семантике (на материале терминологии родства и свойства) // Исследования по структурной типологии. М., 1963.

Камчатнов А.М. Лексическая вариативность и лексическое значение // Вопр. языкозн. 1983. № 4.

Капленко В.Н. Функционирование темпоральных существительных в поэтическом тексте. Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Екатеринбург, 1997.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

Караулов Ю.Н. Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности. М., 1992.

Карцевский С.А. Об асимметричном дуализме языкового знака // История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. М., 1965. Ч. 2.

Кильдибекова Т.А. Структура поля глаголов действия. Уфа, 1976.

Кириян А.Д. Градация как способ организации лексико-семантической группы (качественные прилагательные со значением характерис-

тики человека в современном русском языке): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1981.

Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Речевые одежды Москвы // Рус. яз. в школе. 1994. № 2.

Клочкова Э.А. О распределении классов слов в некоторых функциональных стилях // Вопросы славянского языкознания. Саратов, 1968.

Кодухов В.И. Вариантность языковых значений // Вариантность как свойство языковой системы. М., 1982. Ч. 1.

Кодухов В.И. Контекст как лингвистическое понятие // Языковые единицы и контекст. Л., 1973.

Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М., 1977.

Колпанский Г.В. Контекстная семантика. М., 1980.

Комарова З.И. Семантика термина как объект терминографического моделирования // Глагол и имя в русской лексикографии: Теория и практика. Екатеринбург, 1996.

Комарова З.И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание. Свердловск, 1991.

Корованенко Т.А. Проблемы семантики в новом академическом словаре // Очередные задачи русской академической лексикографии. СПб., 1995.

Котелова Н.З. Значение слова и его сочетаемость (к формализации в языкознании). Л., 1975.

Кретов А.А. Принципы выделения ядра лексикосемантической системы // Семантика слова и синтаксические конструкции. Воронеж, 1987.

Кретов А.А. О взаимной обусловленности синонимии и полисемии и задачах русской лексикографии // Глагол и имя в русской лексикографии. Вопросы теории и практики. Екатеринбург, 1996.

Кретов А.А. Лингвистическая прогностика: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1994.

Крылов Ю.К. Об одной парадигме лингвостатистических распределений // Уч. зап. Тарт. гос. ун-та. Тарту, 1982. Вып. 628.

Крысин Л.Г. О некоторых понятиях современной социальной лингвистики // Язык и общество. Саратов, 1977. Вып. 4.

Крысин Л.Г. Русский язык по данным массового опроса (опыт конкретного социолингвистического исследования). М., 1968.

Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988.

Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. М., 1981.

Кузнецов А.М. О применении метода компонентного анализа в лексике // Синхронно-сопоставительный анализ языков разных систем. М., 1971.

Кузнецов А.М. Проблемы компонентного анализа в лексике. М., 1980.

Кузнецов А.М. Сопоставительно-типологический анализ терминов кровного родства в английском, датском, французском и испанских языках. Дис... канд. филол. наук. М., 1970.

Кузнецов А.М. Структурно-сематические параметры в лексике. М., 1980.

Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. М., 1989.

Кузнецова Э.В. О двух типах парадигм // Типы языковых парадигм. Свердловск. 1979.

Кузнецова Э.В. Русская лексика как система. Свердловск, 1980.

Купина Н.А. Смысл художественного текста и аспекты лингвосмыслового анализа. Красноярск, 1983.

Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.

Левицкий В.В. Статистическое изучение лексической семантики. Киев, 1989.

Лексико-семантические группы русских глаголов. Красноярск, 1989.

Лексико-семантические группы русских глаголов. Свердловск, 1988.

Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. М., 1983. Т. 1-2.

Лешева Л.М. Лексическая полисемия в когнитивном аспекте: Автореф. дис.-ра филол. наук. Минск, 1997.

Лисицына Е.Н. Отражение иерархии лексических значений производных многозначных слов в толковых словарях русского языка // Словарные категории. М., 1988.

Ломтев Т.П. Конструктивное построение смыслов имен с помощью комбинаторной методики // Филол. науки. 1964. № 2.

Лопушанская С.П. Изменение семантической структуры русских бесприставочных глаголов движения в процессе модуляции // Русский глагол (в сопоставительном освещении). Волгоград, 1988.

Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М., 1982.

Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1995.

Лузина Л.Г. Проблемы стилистики в лингвопрагматической интерпретации // Стилистика и прагматика. М., 1988.

Лукин В.А. Семантические примитивы русского языка. М., 1990.

Лурия А.Р. Язык и сознание. М., 1979.

Марков Х.А. К вопросу о частотности грамматических категорий // Рус. яз. в нац. школе. 1964. № 4.

Марчук Ю.Н. Применение ЭВМ в учебной лексикографии // Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике. М., 1978.

Матюшева Е.К. Некоторые аспекты исследования моносемантических глаголов в современном русском языке /// Семантика лексических и грамматических единиц. М., 1985.

Миллер Дж. Магическое слово «семь, плюс или минус два» // Инженерная психология. М., 1964.

Милославский И.Г. Морфологические категории русского языка. М., 1981.

Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1997.

Михайлова О.А. Ограничения в лексической семантике: семасиологический и лингвокультурный аспекты. Екатеринбург, 1998.

Михайлова О.А. Парадигматические особенности глаголов периферийного класса // Типы языковых парадигм. Свердловск, 1990.

Мишлей П. Сематические разновидности некоторых терминов родства в русском и украинском языках. Debrecen, 1966, 6.

Моисеев А.И. Об одной формуле толкования слов в словаре // Филол. науки. 1972, № 3.

Моисеев А.И. Термины родства в современном русском языке // Филол. науки. 1963. № 2.

Моисеев А.И. Термины родства и свойства как конверсивы (на материале русского языка) // Лексико-семантические группы современного русского языка. Новосибирск, 1980.

Моисеев А.И. Типы толкования терминов родства в словарях русского языка /// Лексикографический сборник. 1962. Вып. 5.

Молчанова А.Н. О соотношении внешних и внутренних факторов, влияющих на процесс вторичной образной номинации: Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1981.

Морковкин В.В. О лингвострановедении и некоторых смежных вопросах /// Лингвострановедческий аспект в преподавании русского языка как иностранного. Воронеж, 1984.

Морковкин В.В. Опыт идеографического описания лексики. М., 1977.

Москович В.А. Статистика и семантика: опыт статистического анализа семантического поля. М., 1969.

Муране С.Н. Однозначные слова, их основные разряды и семантические свойства // Слово как предмет изучения. Л., 1977.

Некрасова Е.А. Олицетворение как элемент художественного идиостиля // Стилистика художественной литературы, М., 1982.

Некрасова Е.А., Бакина М.А. Языковые процессы в современной русской поэзии. М., 1982.

Никитин М.В. Лексическое значение слова. М., 1983.

Никитин М.В. Лексическое значение в слове и словосочетании. Владимир, 1974.

Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. М., 1988.

Новиков Л.А. Семантика русского языка. М., 1982.

Новиков Л.А. Таксономия омонимии // Язык - система. Язык - текст. М., 1995.

- Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972.
- Овчинников И.Г. Ассоциации и высказывание: структура и семантика. Пермь, 1994.
- Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974.
- Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1985.
- Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1986.
- Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов. М., 1988.
- Ольшанский И.Г. Лексическая полисемия в современном немецком языке: Автореф. дис. ...д-ра филол. наук. М., 1991.
- Ольшанский И.Г. Полисемия в системе языка и структуре текста // Иностранные языки в высшей школе. М., 1982. Вып. 17.
- Ольшанский И.Г., Скиба В.П. Лексическая полисемия в системе языка и в тексте. Кишинев, 1987.
- Осипова Н.О. Мифопоэтика М.Цветаевой. Киров, 1995.
- Орлов В.М. Цветаева. Судьба. Характер. Поэзия // Цветаева М. Избранные произведения. М., 1989.
- Павловский А. Моим стихам... настанет свой черед... М.Цветаева // Русская литература XX века. Очерки. Портреты. Эссе. М., 1991.
- Падучева Е.В. Высказывание и его соотношенность с действительностью. М., 1985.
- Папп Ф.О. О машинной обработке однозначных словарей // Научно-техническая информация. 1969. № 3. Сер. 2.
- Пастухова Л.Б. Сематические свойства глаголов движения в тексте: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1983.
- Пелепейченко Е.Н. Переходные типы значений слов (на материале русского языка). Харьков, 1994.
- Пестова Н.В. Системность и нормативность поэтического текста // Структурные и функциональные особенности предложения и текста. Свердловск, 1989.
- Петрова З.Ю. Регулярная метафорическая многозначность в русском языке как проявление системности // Проблемы структурной лингвистики. 1985-1986. М., 1989.
- Петрущенко Т.А. Регулярная полисемия глагола и образование новых значений: Дис. ...канд. филол. наук. Душанбе, 1980.
- Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1958.
- Пищальникова В.А. Концептуальный анализ художественного текста. Барнаул, 1991.
- Пищальникова В.А. Проблемы лингвостетического анализа художественного текста. Барнаул, 1984.
- Плоткин В.Я., Гросул Л.Я. Широкозначность как лексико-семантическая категория // Теоретические проблемы семантики и ее отражения в одноязычных словарях. Кишинев, 1982.

Плотникова Е.И. Синтагматические характеристики глаголов субъективного удаления и достижения // Слово в системных отношениях на разных уровнях языка. Свердловск, 1987.

Плотникова С.В. Семантическая структура глаголов с высокой частотностью // Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1994.

Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию. М., 1959.

Покровский М.М. Семасиологические исследования в образе древних языков // Там же.

Поликарпов А.А. Квантитативная универсалия удельной семантической специфичности: логика теоретического выведения, измерения и соположения с другими языковыми параметрами // Количественные методы в гуманитарных науках. М., 1981.

Поликарпов А.А., Крюкова О.С. О системном соотношении краткого и среднего толковых словарей русского языка // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Тарту, 1989. Вып. 872.

Поликарпов А.А. Элементы теоретической социолингвистики. М., 1979.

Политология: Энциклопедический словарь. М., 1993.

Попкова Л.М. Семантическая структура многозначного слова и проблемы регулярной полисемии в современном русском языке: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. СПб, 1993.

Попова Т.В. Русские непроизводные глаголы, морфемная структура и деривационные особенности. Екатеринбург, 1996.

Потапова Н.П. О динамичных аспектах системы значений глаголов // Теоретические проблемы деривации. Пермь, 1982.

Ревзина О.Г. Тема деревьев в поэзии М. Цветаевой // Труды по знаковым системам. Тарту, 1982.

Ревзина О.Г. Число и количество в поэтическом языке и поэтическом мире М. Цветаевой // Лотмановский сборник. М., 1995.

Руженцева Н.Б. Синтагматическая характеристика глаголов созидания в русском языке // Слово в системных отношениях на разных уровнях языка. Свердловск, 1987.

Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм. Екатеринбург, 1997.

Русская грамматика. М., 1980. Т. 1.

Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М., 1996.

Саакянц А.А. Марина Цветаева // Цветаева М.И. Соч.: В 2 т. М., 1988. Т. 1.

Саакянц А.А. Страницы жизни и творчества (1910-1922). М., 1986.

Сачков Ю.В. Введение в вероятностный мир. Вопросы методологии. М., 1971.

Светличная Н.М. О взаимодействии лексического и грамматического в семантике слова // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1978.

Селиверстова О.Н. Компонентный анализ многозначных слов (на материале некоторых русских глаголов): М., 1975.

Семантические типы предикатов. М., 1982.

Сергеева Н.Н. Глаголы горизонтального движения - перемещения как семантико-синтаксический класс в системе современного русского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1969.

Сидорова М.Ю. Семантико-грамматические свойства имен прилагательных как основание для их классификации // Русистика сегодня. 1994. № 2.

Сиротинина О.Б. Лексика разговорной речи // Теория слова и функционирования словарных единиц. Саратов, 1981.

Сиротинина О.Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М., 1974.

Скаличка В. О грамматике венгерского языка // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.

Скворцов О.Г. Проблемы полисемии слова // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 1995.

Склярская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб, 1993.

Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1948-1965.

Словарь русского языка: В 4 т. М., 1981-1984.

Слюсаревский Н.Н., Федоришин А.Б., Царюк Л.А. Некоторые аспекты использования листовок в предвыборной агитации // Философия и социологическая мысль. 1992. № 1.

Смирницкий А.И. Значение слова // вопр. языкозн. 1955. № 2.

Солнцев В.М. Вариантность как общее свойство языковой системы // Вопр. языкозн. 1984. № 2.

Степанов Г.В. К проблеме языкового варьирования: Испанский язык Испании и Латинской Америки. М., 1979.

Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981.

Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985.

Стернин И.А. Проблема анализа структуры значения слова. Воронеж, 1979.

Стрелков В.И. Смерть и судьба // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994.

Сулименко Н.Е. Парадигма относительных прилагательных, объединяемых типом свободно-номинативного значения // Типы языковых парадигм. Свердловск, 1990.

Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.

Тимофеев В.П. Исходная (словарная) форма слова в русском языке. Свердловск, 1971.

Тимофеев Л.И. Основы теории литературы. М., 1976.

Тихонов А.Н. Система русского словообразования в свете количественных данных // Исследование деривационной подсистемы количественным методом. Владивосток, 1983.

Тошович Б. Глагольность функциональных стилей // Русистика сегодня. 1994. № 2.

Тулдава Ю. О некоторых видах квантитативно-системных характеристик полисемии // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Тарту, 1979. Вып. 502.

Тулдава Ю.А. О теоретико-методологических основаниях квантитативно-системного анализа лексики (1) // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Тарту, 1980. Вып. 544.

Тулдава Ю.А. О теоретико-методологических основаниях квантитативно-системного анализа лексики (3) // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Тарту, 1982. Вып. 619.

Тулдава Ю.А. Проблемы и методы квантитативно-системного анализа исследования лексики. Тарту, 1987.

Туранский И.И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. М., 1990.

Улуханов И.С. Словообразовательная семантика русского языка. М., 1977.

Ульманн С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. М., 1970. Вып. 5.

Уфимцева А.А. Лексическое значение слова. М., 1986.

Уфимцева А.А. Опыт изучения лексики как системы. М., 1962.

Уфимцева А.А. Семантика слова // Аспекты семантических исследований. М., 1968.

Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968.

Уфимцева А.А. Теории «семантического поля» и возможности их применения при изучении словарного состава языка // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. М., 1961.

Феденева Ю.Б. Моделирующая функция метафоры в агитационно-политических текстах 90-х гг. XX века: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Екатеринбург, 1998.

Федосеева Л.Г. Марина Цветаева. Путь в вечность // Новое в жизни, науке, технике. Сер. Литература, № 4. М., 1992.

Федосюк М.Ю. Неявные способы передачи информации в тексте. М., 1988.

Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения. М., 1989.

Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М., 1982.

Формановская Н.И. Формирование и категориальные сущности устойчивых формул общения: Дис. ...д-ра филол. наук. М., 1979.

Фрумкина Р.М. Статистические методы изучения лексики. М., 1964.

Харченко В.К. Переносные значения слова: Автореф. дис. ...д-ра филол. наук. М., 1990.

Харченко В.К. Переносные значения слова. Воронеж, 1989.

Цивьян Т.В. Мифологическое программирование повседневной жизни // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985.

Частотный словарь русского языка. около 40000 слов. М., 1977.

Черданцева Т.З. О многозначности слова // Слово в грамматической системе языка. М., 1984.

Черемисина Н.В. Семантика возможных миров и лексико-семантические законы // Филол. науки. 1992. № 2.

Чернухина И.Я. Общие особенности поэтического текста. Воронеж, 1987.

Черняк В.Д. Проблема синонимии и лексикографическая классификация слов. Л., 1989.

Чеснокова О.С. Русские и испанские формы обращения — наименование родства: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1985.

Чудинов А.П. Регулярная многозначность в глагольной лексике. Свердловск, 1986.

Чудинов А.П. Регулярное семантическое варьирование русской глагольной лексики: Автореф. дис. ...д-ра филол. наук. Свердловск, 1990.

Чудинов А.П. Речевое варьирование глагольной семантики и контекст // Классы слов в синтагматическом аспекте. Свердловск, 1988.

Чудинов А.П. Семная структура лексического значения (на материале русских терминов родства) // Слово в системных отношениях на разных уровнях языка. Свердловск, 1991.

Чудинов А.П. Типология варьирования глагольной семантики. Екатеринбург, 1988.

Чудинова Е.А. Широко развитая многозначность в современном русском языке: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Пермь, 1998.

Чобану И.Я. Семантика романского глагола. Кишинев, 1985.

Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. М., 1972.

Шарандин А.Л. Лексико-семантические разряды и лексико-семантические группы русского глагола // Актуальные проблемы русистики: Тез. докл. и сообщ. Междунар. науч. конф., посвященной 70-летию проф. Э.В.Кузнецовой. Екатеринбург, 1997.

Шарандин А.Л. Лексическая семантика русского глагола в морфологическом освещении. Л., 1990.

Шатин Ю.В. Марина Цветаева. В полемике с веком // Цветаева М. В полемике с веком. Новосибирск, 1991.

Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л., 1927. Вып. 2.

Шведова Н.Ю. Вариативность как всепроникающее явление // Вариативность как свойство языковой системы. М., 1982. Ч. 2.

Шведова Н.Ю. К понятию вариативности в языке // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1983. Т. 42. № 3.

Шведова Н.Ю. Лексическая классификация русского глагола // Славянское языкознание: IX Международный съезд славистов. Киев, сент. 1983. Докл. советской делегации. М., 1983.

Шведова Н.Ю. Лексическая система и ее отражение в толковом словаре // Русистика сегодня. Язык: система и функционирование. М., 1988.

Шведова Н.Ю. Место семантики в описательной грамматике // Грамматическое описание славянских языков. М., 1974.

Шведова Н.Ю. Однотомный толковый словарь (специфика жанра и некоторые перспективы дальнейшей работы) // Русский язык: Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография. М., 1981.

Шейгал Е.И. Интенсивность как компонент семантики слова в современном английском языке: Дис. ...канд. филол. наук. М., 1981.

Шершакова Н.Е. Изменение семантики глагола в современном русском языке: Дис. ...канд. филол. наук. М., 1989.

Ширшов И.А. Типы полисемии в производном слове // Филол. науки. 1996, № 1.

Шкловский В.Б. Искусство как прием // Шкловский В.Б. Гамбургский счет: Статьи- воспоминания - эссе (1914-1933). - М., 1990.

Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964.

Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики: (На материале русского языка). М., 1973.

Шмелев Д.Н. Семантические признаки слов // Рус. Яз. В нац. школе. 1968, № 5.

Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. М., 1977.

Шрам А.Н. Очерки по семантике качественных прилагательных. Л., 1979.

Штейнфельдт Э.А. Частотный словарь современного русского литературного языка. 2500 наиболее употребительных слов. Таллин, 1963.

Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М., 1967.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977.

Янко-Триницкая Н.А. Русская морфология. М., 1989.

Янко-Триницкая Н.А. «Ты и Вы» // Рус. яз. в школе. 1983. № 1.

Яковлева Е.С. Фрагмент русской языковой картины времени // Вопр. языкозн.. 1994. № 5.

Яковлева Е.С. Фрагменты русской картины мира. М., 1994.

Ярцева В.Н. Проблемы вариативности и взаимоотношение уровней грамматической системы языка // Вопр. языкозн. 1983. № 5.

Guiraud P. Les caracteres statistiques du vocabulaire. Essai de methodoogie. Paris, 1954.

Guiraud P. Problemes et methodes de la statistique linguistique. Paris, 1960.

Zipf G.K. The meaning-frequensy relationship of words // Journal of General Psychology. Worcester, 1945. 33.

Многозначность в лексике современного русского языка

Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 040330 от 18.04.97.

Подписано в печать 21.03.2000 г.

Формат 60 x 84^{1/16}. Гарнитура “Таймс”.

Тираж 100 экз. Заказ 1772.

Уральский государственный педагогический университет.

Адрес: 620219, г. Екатеринбург, ГСП 135,
просп. Космонавтов, 26.

Отпечатано в типографии г. Первоуральска.
г. Первоуральск, пр. Ильича, 26-а

